

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ

У них не было танков, самолетов и спецслужб, но они создали самую обширную империю в мировой истории.

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Лин фон Паль

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ

До и после Чингисхана

МОСКВА
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 93/99
ББК 63.3 (0)
П14

Серия «Историческая библиотека»

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Паль, Лин фон

П14 История Империи монголов: До и после Чингисхана / Лин фон Паль.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010.— 541 с. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-17-067580-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1808-1 (ООО «Астрель-СПб»)

Появление монголов на политической карте средневекового мира было столь неожиданным, что новых претендентов на передел земного пространства многие восприняли как Божью кару. Первыми пришли в ужас от столкновения с ними мусульманские страны Средней Азии. Следом Божья кара направила удар на восточную Европу, и теперь возопили христиане.

Божьей карой они казались и европейцам, и азиатам, поскольку сами стояли как бы вне религиозной игры, исповедуя тенгрианство.

Они создали свою Великую империю, но в конце концов от нее не осталось ровным счетом ничего. Век за веком они отступали все дальше и дальше — из Восточной Европы, из Средней Азии, из Индии, из Китая: припечатав намертво чужие границы, они откатились назад. Из дворцов среднеазиатских и китайских ханов, из дворцов Великих Моголов они вернулись к кочевому скотоводству, в юрты и степи.

Божья кара установила границы мира, а сама вернулась на родину.

Об этой удивительной истории монголов и пойдет речь.

Подписано в печать 06.05.10.
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 4000 экз. Заказ № 1191

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

Люди разной веры будут жить в мире. Мы вновь станем братьями.

Чингисхан

Народ, который связал себя со мной против всех; народ, который вооружил мою мощную мысль своей великой силой... Этот народ, чистый, как горный кристалл, я хочу, чтобы назывался он «небесное счастье», то есть «кеке-монгол».

Чингисхан

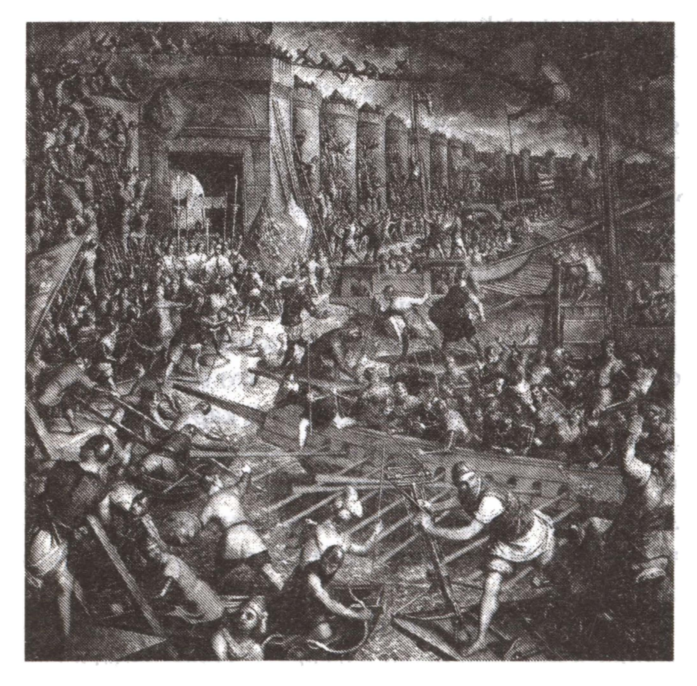
Вступление

БОЖЬЯ КАРА

Тринадцатый век для европейцев был не самым приятным: устремившись на юг, в святую землю, они стали понимать, что не смогут в ней закрепиться. Никакие отчаянные битвы с мусульманами не давали хороших результатов, Иерусалим, ставший навязчивой идеей, манил новых и новых крестоносцев, но южная земля сдаваться не желала. Против крестоносного воинства выступил мусульманский Египет, и войска сарацинов, полтора столетия тому назад уступившие рыцарям, отвоевывали и возвращали себе захваченные ими земли. Иногда казалось, что одолевают рыцари, иногда — что воины ислама. Появление монголов на политической карте средневекового мира было столь неожиданным, что две тогдашние основные религии, которые делили мир пополам — христианство и ислам — одинаково восприняли новых претендентов на передел известного тогда земного пространства как божью кару.

Первыми столкнулись с ними мусульманские страны Средней Азии, они были в ужасе. Следом Божья кара направила удар на восточную Европу, и теперь возопили

христиане. По сути, третий, новый игрок оказался таким опасным и таким неуправляемым, что за его приобщение к цивилизации эти две религии стали бороться, пытаясь каждая перетянуть его на свою сторону. Победил ислам. Он стал ведущей религией в среде самих монголов, а к XIV веку вернул свои южные земли, навсегда изгнав оттуда рыцарей. Путь западным христианам на Восток был заказан — там теперь властвовала полностью и безраздельно великая монгольская империя; европейцам этот противник, имеющий в подчинении почти весь азиатский мир, был не по зубам. Монголы пропускали купцов, но не допустили бы вооруженные отряды европейцев. И... западным христианам ничего не оставалось, как искать другой, новый мир.

Четвертый крестовый поход

Да, так оно и было. Не в последнюю очередь благодаря монголам началась эпоха великих географических открытий. Европейцам, желавшим расширить свою территорию, пришлось искать земли, которые лежали в стороне от монгольского миропорядка. На Востоке и в Северной Африке таковых не имелось. Можно сказать, что монгольская опасность и вытолкнула европейцев за пределы Европы — то есть за океан. Если бы не они, то еще долго вся европейская политика вращалась бы только вокруг известных тогда земель. Но монголы, принявшие ислам, решили вопрос не в пользу христиан. Христиане... открыли Америку. Направление колонизации было обозначено: крайний запад.

Так что в какой-то степени Европа должна быть этим завоевателям благодарной — они расширили ее границы на весь Новый свет. Европейский Новый свет. А сами монголы, в конце концов, вернулись туда, откуда свои походы и начинали,— в пределы Внутренней Монголии, попутно переделав весь прежний евроазиатский мир. Хотя бы по этой причине история монголов представляется мне весьма любопытной. Действительно, если вдуматься, они словно бы выступили орудием в руках некоего единого божества, перекроив средневековую карту мира и обратив взоры западных европейцев не на восток и юг (Азию и Африку), а еще более на запад, туда, где простирались океанические воды. Вот уж и на самом деле — Божья кара или Божье предопределение.

До них точно такую же странную миссию выполнили евреи — небольшой народ, живущий между Африкой, Азией и Европой. Созданная ими религия породила две грядущих — христианство и ислам. Сами евреи от порожденных ими религий пострадали больше всех. Они вынуждены были рассеяться по миру, но Европа стала христианской, а Азия — мусульманской. Европейцы и азиаты ко времени

монголов разделили весь мир на две половины. И продолжали бы делить.

Но пришли монголы — и смешали все карты. Божьей карой они казались и европейцам и азиатам, поскольку сами стояли как бы вне религиозной игры, исповедуя тенгрианство. Как только, переходя от тенгрианства к «мировым» религиям, они взяли мир под контроль, сложилась стабильная география религий — католический Запад, православный Центр (и те и другие — христиане), исламская Азия и самая ее окраина — Юго-Восток — с древними своими религиями (буддизм, ламаизм, конфуцианство), которые оказались в полной изоляции. На долгие века Индия и Китай оказались за пределами текущей истории. Они были отрезаны от драм, разыгрывавшихся на северо-западе Евразии, а монголы, установив полный контроль над Азией и Восточной Европой, не позволили появиться какому-нибудь западноевропейскому завоевателю, решившему, что пришло время приобщить к цивилизации далекие страны, где столько замечательного богатства — чай, пряности, слоновая кость, золото, драгоценные камни.

Если вспомнить, с каким рвением христианские воины присоединяли к своим государствам земли американских народов, то Индия и Китай тоже должны благодарить этих монголов за свое чудесное спасение. Хотя часть Индии и Китай на время оказались под их властью, хотя монголы тоже вели истребительные войны, но европейцы сумели полностью уничтожить южноамериканских индейцев вместе с их религией и культурой. И было это уже в — так сказать — просвещенном XVI столетии.

А монголы?

Монголы этого не сделали.

Монголы не удержали ни Китая, ни Индии, но момент, когда европейское завоевание могло состояться,

был упущен. Европе тогда стало не до восточных окраин материка, они думали о собственной судьбе. Им пришлось отказаться от любого движения на восток, потому что Востоком были как раз монголы.

Народы, оказавшиеся под их властью, конечно же, никакой радости по этому поводу не испытывали, радоваться было нечему. Для народов это время было тяжелым и кровавым, но для равновесия сил — стабильным. Западу позволялось делить земли внутри своего Запада, Центр и Восток даже пикнуть не смели — лежали под игом, так что все завоевательные походы и карательные экспедиции шли не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. Двигаясь на Запад по исламской территории, монголы меняли правящие дома и власть, они не трогали лишь государственных границ.

В этом-то и есть самый любопытный фокус этих завоеваний!

После монголов перекройка Старого мира европейцами задержалась до самого конца XVIII — начала XIX вв., то есть до Наполеона.

Почему такой перерыв?

А все просто: монгольская карта так крепко определила границы государств, что сдвинуть их стало невозможным. Западные европейцы могли оперировать только своей частью (так и хочется сказать — улусом), восточные — своей, азиаты и североафриканцы — своей, и нельзя было переломить эти равновесные границы военной силой. На смену военному переделу пришел торгово-военный — новые земли искались для торговых нужд, после адмиралов с подзорной трубой и купцов с бусами приходили войска, но все это было за океаном.

Только с середины XVIII века мир стал стремительно расширяться: проникли на юго-восток Азии, освоили глубинную Африку, обрели далекую Австралию, но границы

в Европе и Азии практически не сдвинулись. Разве что слегка сместились. Исключите из этой истории монгольское господство, и картина могла бы стать совсем другой: не Русь защитила Запад от вторжения монголов, как пишут в учебниках, а монголы не позволили Западу двинуться на восток и юг, куда много позже обратились взоры колонизаторов. Они обратились бы и раньше, но существовала Великая Монголия, а позже — Империя Великих Моголов, и европейцам нечего было искать на монгольском востоке, разве что смерть.

А в конце концов от великого государства монголов не осталось ровным счетом ничего. Век за веком они отступали все дальше и дальше — из Восточной Европы, из Средней Азии, из Индии, из Китая: припечатав намертво чужие границы, они откатились назад. По дороге домой они избавились от всего лишнего, включая ислам и чужую культуру. Из дворцов среднеазиатских и китайских ханов, из дворцов великих моголов они вернулись к кочевому скотоводству, в юрты и степи. Единственное, правда, что они из найденного по дороге оставили себе,— *ламаизм*, уж очень эта религия была похожа на их собственную!

Такая вот удивительная история...

Божья кара установила границы мира, а сама вернулась на родину.

Об этой странной истории монголов и пойдет речь в этой книге.

Глава 1

ВЕЛИКАЯ МОНГОЛИЯ

Странный народец

О монголах до XIII века окрестные народы знали только одно: они существуют. Впрочем, как существуют, соседей интересовало мало: монголы были кочевым степным народцем, который не претендовал на мировое господство. Напротив, китайские воины брали этих монголов в плен и подвергали ужасным пыткам, так что китайцы монголов никак особенно не опасались. Называли они их совсем, однако, не монголами, а *татарами* — черными или белыми. Первые были совершенно дикими и странными на вид даже для китайцев, а вторые — более цивилизованными и более привычными взгляду.

На этом, собственно, китайское знание о соседях и умолкало.

До нашего времени дошло несколько китайских трактатов, составленных на основе шпионских донесений о делах в соседней неспокойной Монголии. Кусочки текстов из этого описания имеет смысл привести в нашей книге.

«У татар все люди отважны и воинственны,— говорится в „Полном описании монголо-татар“,— *те,*

которые ближе к китайским землям, называются „культурными татарами“. [Они] умеют сеять просо, варят его в глиняных котлах с плоским дном и едят. Те, которые дальше [от китайских земель], называются дикими татарами. [Они] не имеют утвари и доспехов, а для стрел употребляют только костяные наконечники. Так называемые дикие татары еще различаются как белые и черные...»

Другой шпион сообщал, повторяя прежнее донесение почти слово в слово: «*Татары [живут] к северо-западу от государства Цзинь. Те из них, которые ближе к китайским землям, называются культурными татарами. [Они] едят свой рис. Те из них, которые дальше [от китайских земель], называются дикими татарами. [Они] живут только охотой, стреляя [зверя] из лука*».

К культурным татарам китайцы относились без опасения.

«Так называемые белые татары несколько более тонкой наружности, вежливы и почитают родителей. Когда умирают [у них] отец или мать, то [они] ножом изрезывают себе лицо и плачут. Каждый раз, когда [я, Хун], проезжая рядом с ними, встречал таких, которые были недурной наружности и с рубцами от ножевых порезов на лице, и спрашивал, не белые ли [они] татары, [они всегда] отвечали утвердительно. Во всех случаях, когда [раньше они] захватывали в плен сыновей и дочерей Китая, [пленные китайцы] с успехом просвещали и делали [их] мягче. [Поэтому] белые татары в общении с людьми душевны. Ныне [они] являются потомками тех племен»,— сообщал шпион Хун.

Впрочем, белых татар китайцы имели случай принимать и в Поднебесной. К цзинскому двору был отправлен

монгольский посол со своим помощником, которого хронист именует Субханом. По мнению хрониста, Субхан был белым татарином: «Каждый раз, когда [мы] ехали рядом, Субхан почтительно обменивался со мною приветствиями и выражал сочувствие за труды, причем говорил: „[Вы] много потрудились! [С моей стороны] не было ни забот, ни приема. Не взыщите, пожалуйста!“»

Зато уж «диких» татар китайцы очень боялись.

Шпион писал: «*Так называемые дикие татары весьма бедны да еще примитивны и не обладают никакими способностями. [Они] только и знают, что скакать на лошадях вслед за всеми [другими]*».

От бедного и очень воинственного племени можно было ожидать всего, чего угодно. Так что не удивительно, что за прежде далеким от границы народом стали внимательно следить и тут же сообщать властелину Поднебесной.

Поток сведений о «диких» татарах особенно усилился уже во времена великого хана:

> «*Нынешний император Чингис, а также все [его] полководцы, министры и сановники являются черными татарами. Чингис является сыном прежнего* пай-цзы-тоу *Цзе-лоу. В их государстве* пай-цзы-тоу *есть начальник десяти человек. Ныне [Чингис] есть владетель, основавший государство, и, передавая [его имя и титул, китайцы] называют [его] Чэн-цзи-сы хуан-ди. [Он] совершает карательные походы на восток и на запад, и государство его усиливается и расширяется. Татары в большинстве случаев не очень высоки ростом. [Среди них] нет также полных и толстых. Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая. Внешность довольно некрасивая. Что касается татарского владетеля Тэмоджина, то он высокого и величественного*

роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. [Это] то, чем [он] отличается от других... Чингис в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять с лишним лет бежал. Поэтому [он] знает все дела государства Цзинь. Этот человек мужествен, решителен, выдержан, снисходителен ко всем, почитает Небо и Землю, ценит доверие и справедливость...

Еще [татары] восхищаются монголами как воинственным народом и поэтому обозначают название династии как „великое монгольское государство“ ...В старину существовало государство Монгус. В незаконный [период правления] цзиньцев Тянь-хуй (1123—1134) [они, т. е. монгус] также тревожили цзиньских разбойников и причиняли [им] зло. Цзиньские разбойники воевали с ними. Впоследствии же [цзиньские разбойники] дали [им] много золота и шелковых тканей и помирились с ними. Как говорится в Чжэн-мэн цзи *Ли Ляна, „монголы некогда переменили период правления на Тянь-син и [их вла-*

Чингисхан

детель] назвал себя «родоначальником династии и первым просвещенным августейшим императором»". Нынешние татары очень примитивны и дики и почти не имеют никакой системы управления. [Я], Хун, часто расспрашивал их [об их прошлом] и узнал, что монголы уже давно истреблены и исчезли».

Из этого замечания старинного автора следует, что он представлял, что татары и монголы отличались некими внешними признаками, и «татары» этих монголов полностью истребили. Причем эти истребленные даже имели собственное государство «с августейшим императором».

По словам другого хрониста,

«...монгольское государство находилось к северо-востоку от чжурчжэней. При Тан его называли племенем мэн-у. Цзиньцы называли его мэн-у, а также называли его мэн-гу. [Эти] люди не варили пищи. [Могли видеть ночью]. [Они] из шкур акулы делали латы, [которые] могли защитить от шальных стрел. С начала [годов правления] Шао-син (1131—1162) [они] начали мятежи. Главнокомандующий Цзун-би воевал [с ними] в течение ряда лет, [но] в конце концов, не смог покарать; только, разделив войска, удерживал важные стратегические пункты и, наоборот, подкупал их щедрыми [подарками]. Их владетель также незаконно назывался „первым августейшим императором-родоначальником". Во времена цзиньского Ляна [они] причиняли зло на границах. [Как видно], они появились давно... Теперь татары называют себя Великим монгольским государством, и поэтому пограничные чиновники именуют их [сокращенно] мэн-да. Но [эти] два государства отстоят друг от друга с востока на запад в общей сложности на несколько тысяч ли. Неизвестно, почему [они] объединены под одним именем.

Ибо в период процветания государства Цзинь были созданы северо-восточное вербовочно-карательное управление для обороны от монголов и Кореи и юго-западное вербовочно-карательное управление для контроля над территорией татар и Си Ся. Монголы, очевидно, занимали [земли, на которых находились] двадцать семь круглых крепостей того времени, когда У-ци-май начинал дело, а границы татар на востоке соприкасались с Линьхуаном, на западе располагались в соседстве с государством Ся, на юге доходили до Цзинчжоу и достигали государства Больших людей на севере».

[*Мэн-да бэй-*]*-лу,* очевидно, основано на записях Ли [Синь-чуаня]. Однако Ли [Синь-чуань] пишет в неуверенных выражениях, а в [*Мэн-да бэй*]*-лу* прямо говорится о том, что прежнее монгольское государство уже было уничтожено и что нынешние монголы и есть татары.

В *Гу-цзинь цзи-яо и-пянь* Хуан Дун-фа сказано:

«Существовало еще какое-то монгольское государство. [Оно] находилось к северо-востоку от чжурчжэней. Во времена цзиньского Ляна [оно] вместе с татарами причиняло зло на границах. Только в четвертом году нашего [периода правления] Цзя-дин [17.01.1211—4.01.1212] татары присвоили их имя и стали называться Великим монгольским государством».

По этому поводу китайский хронист язвил:

«Они даже не знают, являются ли они монголами и что это за название,— и добавлял с пренебрежением,— [этому] научили их бежавшие чжурчжэньские чиновники... [Я], глупый, смотрю на это так, что если подождать еще [несколько] лет, то чиновники цзиньских раз-

бойников, изменившие [своей династии] и бежавшие [к татарам], непременно научат их выбирать день рождения [императоров] и превращать его в праздник да еще непременно научат их менять [названия] годов [правления] и установить название [династии]».

Указанные чиновники, действительно, бежали из Поднебесной к монголам, которые принимали всех без исключения беглецов, желающих служить их предводителям. Чиновники, многим из которых в Поднебесной жилось хуже, чем собакам, нередко предпочитали монгольскую свободу и своего рода военную демократию своим китайским властям, на редкость жестоким. Чиновники бежали по разным причинам — от опалы, от налогов, от практикуемой в государстве смертной казни. Очевидно, не понимая, с каким народом имеют дело, они назвали своих новых сотоварищей *монголами*, хотя прежде их знали под именем *татар*. Но чиновникам, скажем, приходилось туго: народ, который они воспринимали как единый, таковым не был. Их совершенно ставило в тупик то, что одни «монголы» были совершенно плосколицыми и раскосыми, а другие имели явно выступающий нос и растительность на лице. Чиновники сами недоумевали — как такое может быть? Все дело в том, что, столкнувшись со степняками, жившими по другую сторону Великой Китайской стены, они имели счастье обрести сразу несколько этносов. Они приняли эти этносы за единый народ, но ничего подобного не было: часть союзных племен состояла из монголоидов, часть из степняков — выраженных европеоидов, хотя и с характерными для степного народа широкими скулами и несколько раскосыми глазами.

Были и смешанные типы: степняки женились на плосколицых монголках и наоборот, дети от таких браков имели смешанные черты. Степные народы объединяла не

столько генетика, сколько вера: все они — и люди европейского типа, и монголы — исповедовали тенгрианство. Тут-то и стоит искать причину, почему «дети разных народов» так легко пошли на смешение и не видели ничего страшного в браках своих соплеменников с чужими по крови красавицами или красавцами.

В Запорожской Сечи ведь тоже не обращали внимания на происхождение, там спрашивали просто: в какого бога веруешь, и если ответ был по греческому образцу, то и принимали в Сечь со всей любовью. Видимо, ответ на монгольский символ веры предполагал веру в Тенгри. Этот степной Тенгри воспринимается нашими современниками просто как какой-то дикий божок, а на самом деле Тенгри ближе всего к Христу, Будде, Аллаху и прочим богам, имевшим абсолютную власть. Просто Тенгри был не персонифицированным и совсем не антропоморфным богом, а представлял собой Единое Небо — то самое синее и чистое небо над бескрайней степью — лучший образ полной силы и власти над живущими под ним народами. И ответ, который предполагал веру в это небо, считался правильным. Раса и кровь не имели никакого значения: все народы живут под этим небом и все они дети неба. Вера оказалась важнее национальных или даже расовых отличий. Так что в монголы могли записать как ярко выраженных монголоидов, так и хорошо известных хотя бы Восточной Европе степняков-куманов.

Все они были тенгрианцами.

«Несть эллина, несть иудея»,— писал апостол Павел в послании к коринфянам, но точно так же для жителей огромной и бескрайней степной территории от границ русских княжеств и до Тихого океана не было различия в принадлежности к какому-то народу, если все эти народы верили в одного и того же бога — совсем, однако, не Христа или Аллаха. Сами народы были как для китайцев, так

и для европейцев абсолютно дикими, поскольку не имели основного отличия от более цивилизованных — собственных городов. А точнее сказать, что они не имели правильно устроенных городов — с укреплениями, врытыми намертво в землю, их города легко можно было сложить и перенести на новое место — что поделать, наши народы следовали за своими стадами и табунами, а трава не может быстро возрождаться, так что им часто приходилось переходить с места на место. Во всяком случае, европейские путешественники, посетившие ордынские «города», описывают их именно таковыми — множеством кочевых кибиток или юрт, образующих даже своеобразные переносные «дворцы». И часто это были именно не кочевые поселки из сотни юрт, а огромные кочевые города со своими шаманами для отправления небесного культа, ремесленниками, обслугой, воинами, чиновниками. Мы можем смеяться над такого типа городами, но ведь каждая культура формирует свой тип «градостроения» — оседлые земледельцы создают притороченные к земле города, кочевники — жилища, которые очень легко перемещать. И еще вопрос — что лучше и приятнее для глаза! Во всяком случае, у «городов» кочевников была очень важная и необходимая по их типу жизни черта — их всегда было легко переместить вслед за уходящей травой.

Европейцу или китайцу этого не понять.

Так что китайские шпионы доносили со всей искренностью, что монголы — дикие. А если дикие — так и очень опасные. Китайцы, веками возводившие города на земле, конечно, не могли принять культуры, которая не стремится закрепиться на своей земле. Тогда как монголам такое закрепление было совсем ненужным и чуждым. Главную ценность представляли для них те самые стада и табуны, возможность легко переходить с места на место, то есть пространство; и этого соседи никак не могли понять.

Впрочем, наряду с кочевыми в той же степной зоне жили и вполне оседлые народы. Именно с ними и пришлось монголам вступить в схватку. Но основную массу кочевых племен представляли самые разные степные жители. К X столетию произошло изменение климата, которое сразу же отразилось на качестве кочевых угодий: степь перестала приносить народам пропитание, многие места бывших кочевий превратились в совершенно сухие полупустыни, где трава перестала расти, то есть стало нечем кормить многочисленные стада или табуны, пришлось искать новые места для жизни. Процесс этот успешно описан современными учеными-климатологами и приводит к безрадостному подтверждению фактов: степным народам пришлось спешно менять места своих кочевий, чтобы животные не погибли от бескормицы и жажды. Вслед за животными, конечно, уходили и сами люди. И так уж получилось, что куманы и монголоиды вдруг оказались вытесненными на одну и ту же территорию, то есть они вынужденно вступили в контакт. Контакт, конечно, не мог быть ничем иным, кроме как войной: так просто свою траву не отдал бы ни один народ. Начало нового тысячелетия у монголов и куманов прошло в войнах больших и малых. Призрак голода заставлял людей держаться за свои кочевья, но тот же призрак заставлял пришельцев биться за возможность выжить. Так что распределение кочевых народов по степи изменилось, и так уж получилось, что они стали тесно соприкасаться друг с другом, что должно было породить какие-то более приемлемые взаимоотношения, не только военные.

Так и вышло.

Это дало сразу несколько результатов: начались смешанные браки, обострилась вражда, и пригодные земли сильно сократились в размере. Процесс формирования совершенно новой консолидации сил начался на север-

ной границе Китая. Никогда еще северные варвары не подходили так близко к Поднебесной.

Китайцев это пугало.

Первое время они пытались высылать военные отряды и били своих варваров. Поскольку китайцы обладали куда более передовым оружием, чем эти кочевники, то сначала все шло по привычному сценарию.

Но вдруг все стремительно двинулось по сценарию уже совсем иному...

«Когда татары находились [еще в пределах] своего собственного государства,— сообщает китайский хронист,— *[в период правления] Да-дин (1161—1189) цзиньских разбойников, в Яньцзине и киданьской земле распространялись слухи о том, что-де татары то и дело приходят и уходят и потеснят императора так, что [ему] будет некуда деваться. Главарь [государства] Гэ Юн стороной узнал об этом и с тревогой сказал: „Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!“ И тогда отдал приказ срочно отправить войска в [их] жалкое захолустье и истребить их. [В дальнейшем] через каждые три года посылались войска на север для истребления и уничтожения [татар], и это называли „сокращением совершеннолетних“ [у татар]. До сих пор китайцы все помнят это. [Они] говорят, что лет двадцать назад в Шаньдуне и Хэбэе, в чьем бы доме ни были татарские [дети], купленные и превращенные в маленьких рабов,— все они были захвачены и приведены войсками. Ныне у татар среди больших сановников много таких, которые в то время были взяты в плен и жили в государстве Цзинь. При этом, когда их государство ежегодно представляло дань ко двору, [цзиньцы] принимали их подарки за заставой и отсылали их обратно, даже не допуская [их] на [свою] землю. ...Татары бежали в песчаную*

пустыню. Озлобление проникло в мозг [их] костей... Тэмоджин ненавидел [цзиньцев] за их обиды и притеснения и поэтому вторгся в пределы [Цзинь]. Все пограничные округа были разгромлены и вырезаны».

Понятно, почему китайские хронисты столь ядовито отзываются о своих соседях: земли Поднебесной были первыми на очереди, на них и претендовали кочевники разных племен и народов, известные хронистам под общим именем татар. Эти «татары» наносили китайцам вполне ощутимый вред. Стена, которую строили для защиты от нападений, своих функций не выполняла, а если выполняла, то очень плохо. Да и невозможно было выставить на каждой башне военные посты, «татары» умудрялись брать участки стены и врывались далеко за ее пределы. Разведчики, посланные на враждебные земли, приносили безрадостные известия.

Монгольские племена охватывали район рек Онон, Керулен и Тола. Их государственность находилась в зачаточном состоянии, но процесс уже пошел — особенно он ускорился при Хабул-хане и его преемнике Амбагай-хане. При последнем государство получило название «Хамаг монгол улус». Между Хангайским и Хэнтейским хребтами и в бассейне рек Орхон и Тола жили кереиты. К западу от их кочевий и до отрогов Алтая жило самое цивилизованное монгольское племя — найманы. Эти найманы имели собственное ханство, которое позже и пало от руки Чингиса, а его властелин Таян-хан был разгромлен. В той же долине Онона и верховьях реки Селенги кочевали джалаиры и тайчиуты. Рядом с последними жило крупное племя меркитов. В Забайкалье существовали монголоязычные хори, тумэты, булагачины, кэрэмучины, баргуты. В Секизмуропе обитали ойраты. А по северной границе китайского чжурчженьского государства — онгуты. Все

это были достаточно небольшие племена, каждое с собственным родовым именем. Это, собственно, и ставило китайцев в тупик: они не понимали, как именовать своих соседей. Выяснив, что в предгорьях Хингана и озер Буир-нур и Хулун-нур имелся племенной татарский союз, они и монголов нарекли теми же татарами, только стали разделять их по уровню цивилизации — на *культурных* и *диких*. Впрочем, чем «цивилизованнее» оказывалось монгольское племя, тем более бедственным оказывалось положение рядовых соплеменников: у монголов уже выделилась родовая знать — нойоны и главная сила, позволяющая держать людей в фактическом рабстве,— вооруженные отряды нукеров. Пока что племена сражались друг с другом за бесплатных рабов, а нукеры делали рабами и всех, кто не нойон,— эти несчастные вынуждены были полностью подчиниться родовой знати, поскольку нойоны имели огромные стада, распоряжались главным достоянием степи — травой, кочевым пространством, и источниками воды. Беднякам ничего не оставалось, кроме как выполнять приказы нойонов: они пасли чужой скот, доили его, готовили сыр и кумыс, стригли овец, заготавливали топливо для костров — то есть монгольский простой народ жил в замечательно организованном рабстве.

К XII веку и нойоны перестали быть единоличными господами над своими рабами, из их среды выделились наиболее богатые и владеющие большим числом нукеров властители, они встали во главе мелких монгольских государств. У найманов — Таян-хан, у кереитов — Ван-хан; сам Чингис происходил из семьи Хабул-хана. Борьба за власть и рабов в складывающемся из многочисленных племен монгольском обществе была жестокой и беспощадной.

«Дикие» завоевывали народ за народом, они оказались очень способными воинами, легко перенимающими любые достижения в деле войны. К тому же «дикие», которые

не так давно не имели никакой письменности, и их послы заучивали тексты посланий наизусть, стремительно приобщались к цивилизации. Сначала они переняли письменность у соседей уйгуров, а затем — у бежавших чжурчжэньских чиновников. Первая письменность была на основе уйгурского алфавита и — по словам китайцев — больше напоминала нотные знаки для флейты. Вторая — была иероглифическая, китайская. Ее стали использовать для общения с Поднебесной.

Хун жаловался: «*...чиновники государства Цзинь, которые бежали, изменив [своему государству], и сдались [татарам], желали быть взятыми ими на службу, не имея пристанища, и начали обучать их [составлению] документов. Весной прошлого года [я], Хун, каждый раз видел, как в отправляемых ими документах [они] назывались еще „великой династией“, а названия годов правления обозначались как „год Зайца“ или „год Дракона“*».

Хуну от этих наблюдений становилось не по себе.

Дикие

Китайцы были нормальным цивилизованным народом, имевшим долгую историю и богатую культуру. Конечно, воинственные соседи должны были их насторожить. И императору шло донесение за донесением. Особенно много таких сообщений стало поступать, когда Чингисхан начал завоевательные походы. Теперь китайцев интересовало буквально все о северных варварах. Особенно же — стратегия и тактика ведения войны, боеспособность, военное снаряжение, наличие запасов продовольствия, система должностей, обычаи и вера. Варвары казались настолько опасными, что была даже достроена Великая стена, только бы не допустить татар на свою сторону.

По каждому пункту император получил разъяснение.

О природе тех мест, где живут монголы, сведения были таковы:

«Местность у них за Цзюйюн (в 100 с лишним ли *к северо-западу от Янь) постепенно становится возвышеннее и шире, а за Шацзин (в 80 ли от уездного города Тяньпаньсянь) кругом ровная и просторная, пустынная и бескрайняя. [Здесь] изредка встречаются дальние горы — на первый взгляд, как будто высокие и крутые, [но] когда подъезжаешь [к ним] ближе, [они] оказываются только покатыми холмами. Эта местность вообще покрыта сплошь песком и камешками. У них климат холодный. [Здесь] не различаются четыре времени и восемь сезонов года (например, в „Пробуждении насекомых“ не было гроз). В четвертую луну и в восьмую луну часто идет снег. Погода меняется мало [в зависимости от времен года]. За последнее время к северу от заставы Цзюйюнгуань, например, в Гуаньшань, Цзиньляньчуань и других местах падает снег даже и в шестую луну.*

Когда [я, Сюй] Тин ночевал под горой Ехулин на обратном пути из степей, был как раз пятый день седьмой луны, и когда [я]встал утром, было крайне холодно, [так что] замерзли руки и ноги. Дикие травы, которые у них растут, начинают зеленеть в четвертую луну и в шестую луну начинают расцветать, а в восьмую луну высыхают. [Там] ничего не растет, кроме травы. Их домашние животные: коровы, лошади, собаки, овцы и верблюды. У овец северных племен шерсть пышная и веерообразный курдюк. Китайские овцы называются [у них] „гулюй“. [У них] есть верблюды двугорбые, одногорбые и совсем без горба. Как [я, Сюй] Тин видел, в степях коровы все только желтые, ростом с южно-китайского буйвола и самые выносливые. Так как [татары] не пашут, то [быки] используются

только в упряжку. У большинства быков не продето [кольцо] через нос. Они живут в куполообразных хижинах (т. е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. [Они] кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы [для скота] без постоянных [маршрутов].

Татарский правитель перевозит [свои] шатры вслед за ними и занимается охотой, устраивая загоны. Когда вслед за ним отправляются все незаконные чиновники, то [это] называется „поднять лагерь“. Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. На повозках [устраиваются] комнаты, в которых можно сидеть и лежать. Их называют „повозками-шатрами“. В повозке по четырем углам втыкаются либо палки, либо же доски и соединяются накрест вверху. Этим выражается почтение к Небу. Это называется [знаком моления о] пище. [При перекочевках] повозки передвигаются по пять в одном ряду. [При сборах для перекочевок они], как вереницы муравьев, как нити при плетении веревки, тянутся [к одному месту] справа и слева на [протяжении] пятнадцати ли. Когда [колонна из съехавшихся повозок] выпрямляется и половина [их] достигает воды, то [колонна] останавливается. Это называется „установкой лагеря“. Шатер правителя располагается один впереди всех, [входом] к югу, за ним — [шатры его] жен и наложниц, а за ними — [шатры] незаконных [членов] свиты и телохранителей, а также незаконных чиновников... У них [для стоянок выбирается] местность, изрезанная большими и малыми холмами, для того чтобы [возвышенности] уменьшали силу ветра. [Перекочевки у них происходят] подобно [выбору] стоянок [во время] перемещения императорского поезда у китайцев [при путешествиях императора]: также не существует определенных [мест] остановок, и переселение производится то через месяц, то через квартал...»

Об особенностях ведения войны хронист записал:

«Татары рождаются и вырастают в седле. Сами собой они выучиваются сражаться.

С весны до зимы [они] каждый день гонятся и охотятся. [Это] и есть их средство к существованию. Поэтому [у них] нет пеших солдат, а все — конные воины. Когда [они] поднимают [сразу даже] несколько сот тысяч войск, [у них] почти не бывает никаких документов. От командующего до тысячника, сотника и десятника [все] осуществляют [командование] путем передачи [устных] приказов. Всякий раз при наступлении на большие города [они] сперва нападают на маленькие города, захватывают [в плен] население, угоняют [его] и используют [на осадных работах]. Тогда [они] отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек.

Когда людей [захвачено] достаточно, то каждый человек обязан [набрать] сколько-то травы или дров, земли или камней. [Татары] гонят [их] день и ночь; если [люди] отстают, то их убивают. Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы [вокруг городских стен тем, что они принесли] и немедленно заравнивают [рвы]; [некоторых] используют для обслуживания [колесниц, напоминающих] гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других [работ]. [При этом татары] не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей [они] все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, [татары] убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже [он] оказывается знат-

Воин татаро-монгол

ным. Во всех случаях, когда [татары] разбивают города и захватывают добычу, то распределяют ее пропорционально. Каждый раз все от высшего до низшего независимо от количества [добычи] оставляют одну часть для преподнесения императору Чингису, а остальное раздается повсюду [чиновникам] в зависимости от рангов. Получают свою долю также министры и другие [лица], которые находятся в Северной пустыне и [даже] не приезжают на войну. Все планы военных походов сперва определяются в течение третьей и четвертой луны и рассылаются по всем государствам. Еще на пиршествах [по случаю праздника начала лета] пятого дня пятой луны совместно решают, куда направиться [с войной] нынешней осенью. [После этого] все возвращаются в свои государства спасаться от жары и откормить [коней] на пастбищах. В восьмую луну все собираются в Яньду и после этого выступают [в поход]».

Становилось ясно, что варвары — прирожденные воины, что делу войны они учатся с малолетства, не боятся лишений, не знают слабостей, с завоеванными обращаются жестоко, непокорных убивают, способны осаждать и брать города, при дележе добычи распределяют ее согласно количеству воинов. Главное средство передвижения и инструмент войны — кони.

«Земли в татарском государстве богаты травой и водой и благоприятны для овец и лошадей,— сообщал хро-

нист,— лошадей у них на первом или втором году жизни усиленно объезжают в степи и обучают. Затем растят в течение трех лет и после этого снова объезжают [их]. Ибо первое обучение производится [только] для того, чтобы [они] не лягались и не кусались. Тысячи и сотни составляют табун, [лошади] тихи и не ржут. Сойдя с коня, [татары] не привязывают [его]: и так не убежит. Нрав [у этих лошадей] очень хороший. В течение дня [их] не кормят сеном. Только на ночь отпускают их на пастбище. Пасут их в степи, смотря по тому, где трава зелена или высохла. На рассвете седлают [их] и едут. Никогда не дают [им] бобов или зерна. Всякий раз, когда [татары] выступают в поход, каждый человек имеет несколько лошадей. [Он] едет на них поочередно, [сменяя их] каждый день. Поэтому лошади не изнуряются».

«Татары» оказались неприхотливы в еде и не умрут с голода, если у них имеется хотя бы кобылица.

Рыцарь, атакующий сарацина

«Для утоления голода и жажды [они] пьют только кобылье молоко. Обычно молока от одной кобылы достаточно для насыщения трех человек. Дома или вне дома [татары] пьют лишь кобылье молоко или режут овцу на продовольствие. Поэтому в их стране у кого есть одна лошадь, непременно есть шесть-семь овец. Следовательно, если [у человека] сто лошадей, то [у него] непременно должно быть стадо из шестисот-семисот [голов] овец. Когда при выездах в карательный поход в Срединное государство [татары] съедают [в пути] всех овец, то [они] стреляют зайцев, оленей и диких кабанов для пропитания. Поэтому, сосредоточивая войска [численностью даже] в несколько сот тысяч [человек], [они] не разводят дыма и огня. За последнее время [татары] захватывают людей Срединного государства и превращают [их] в рабов, [которые] бывают сыты, только [если] едят хлеб. Поэтому [татары] стали захватывать рис и пшеницу, и [теперь] в лагерях также варят кашицу и едят. В их государстве также в двух-трех местах родится клейкое черное просо. Они варят и из него кашицу».

Другой хронист по этому же поводу замечал:

«Они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов (из костей их позвоночника можно делать ложки), дзеренов (спины у них желтые, а хвост величиной с веер), диких лошадей (по виду они похожи на ослов) и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов). [Татары] больше всего разводят овец и употребляют [их мясо] в пищу. За ними следует крупный рогатый скот. [Татары] не забивают лошадей, если не [устраивается] большой пир. [Мясо они] жарят на огне в девяти [случаях] из десяти, а в двух-трех [случаях] из десяти варят его в чане

о трех ногах. [Когда садятся за еду], режут мясо на куски и сперва отведывают [его сами, а затем дают есть другим. Они пьют кобылье молоко и простоквашу из овечьего и коровьего молока. Например, [человек] ***А****, первый наливший [кобылье молоко], непременно пьет его сам, и только после этого дает пить лицу* ***Б*** *[из этой же чашки].* ***Б****, прежде чем пить, подает чашку* ***А****. [В это время]* ***В*** *и* ***Г*** *чмокают губами. Это называется „вкушанием“ . [Лицо]* ***А*** *[в свою очередь] не пьет и тотчас же передает [чашку]* ***В****, чтобы тот выпил.* ***В*** *выпивает и, зачерпнув [кобылье молоко], угощает [им лицо]* ***Б****.* ***Б*** *снова отказывается пить и дает пить [лицу]* ***Г****.* ***Г*** *совершает такой же обряд, как и* ***В****, и только теперь [лицо]* ***Б*** *выпивает и, зачерпнув [молоко], угощает [им]* ***А****.* ***А*** *снова в таком же порядке наливает [им кобылье молоко] и дает пить [лицам]* ***В*** *и* ***Г****. Это называется „обменом кубками“. Первоначально это делалось для того, чтобы предостеречься от отравления, но в дальнейшем превратилось в постоянный обычай. Из приправ у них только одна соль».*

Культурный уровень северян не мог китайцев не раздражать. Один из хронистов писал с усмешкой:

«Что касается коренного обычая татар, то [они] не понимали [что такое календарь]. [У них] существовал только [обычай]: когда зеленела трава, то считалось, что прошел целый год, а когда впервые появлялся новый месяц, то считалось, что прошел месяц. Когда люди спрашивают их, сколько им лет, то [татары] подсчитывают на пальцах, сколько раз зеленела трава [за всю их жизнь]. Когда они выбирают день для совершения [какого-либо] дела, то [прежде всего] смотрят, полна или ущербна луна, для того чтобы совершить или прекратить [данное дело] (они

избегают [совершения дела] как до [достижения] молодым месяцем [первой четверти], так и после [появления] полумесяца [в последней четверти]). Видя новую луну, [они] непременно кланяются. Что касается их дел, то они записывают их при помощи деревянной палочки. [Письменность их] похожа на вспугнутого змея и скрючившегося земляного червя... Что касается тех [документов], которые имеют распространение в собственном государстве татар, то [они] пользуются только маленькими дощечками длиной 3—4 цунь. [Они] надрезают их по четырем углам. Например, если посылается [куда-либо] десять лошадей, то делается десять нарезок... Указанные маленькие дощечки есть не что иное, как бирки древних [китайцев]».

Далее следовало воскликнуть: вот ведь дикие!

«...Татары презирают дряхлость и любят силу. В их обычае нет взаимных драк и ссор. В первый день первой луны [они] непременно поклоняются Небу. То же самое делают в [праздник начала лета] чун-у. Это и есть наследие, которое [они], долго живя в Яньцзине, получили от цзиньцев,— писал другой хронист почти с похвалой, замечая сплоченность среди своих и признаки веры в Небо. Но тут же добавлял, впрочем, с омерзением: — [Татары] находят радость в питье и пиршестве. Когда гован Мо-хоу возвращается из похода, всякий раз каждая из жен по нескольку дней подряд как хозяйка торжеств ставит вино и угощения и пьет-пирует с ним. У тех, которые находятся ниже [его по положению], бывает то же самое. По обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и [они] хватают рыбу или мясо [грязными руками]. Когда на руках появляется жир, [они] вытирают [их] об одежду. Они не снимают и не стирают одежду до тех пор, пока [она] не износится».

Забавляла хрониста и особенность женской китайской косметики — те для красоты мазали лоб «желтыми белилами», а мужская прическа вызывала скорее удивление: *«...в верхах вплоть до [самого] Чингиса и в низах до [рядового] подданного все бреют голову, оставляя три чуба, как у китайских мальчиков. Когда передний немного отрастает, его подстригают, а два боковых связывают в маленькие пучки и спускают на плечи»*. Предназначения этих свисающих клоков волос он так и не понял. Зато другой хронист это назначение выяснил куда точнее: *«[Монголы] сбривают круг на самой макушке. Остающиеся спереди волосы [у монгольских мужчин] коротко подстрижены и свисают в беспорядке, но волосы по обе стороны [головы] отделяют и связывают в два узла. [Они] свисают до одежды слева и справа и называются „не [озирайся как] волк". Имеется в виду, что узлы, свешивающиеся слева и справа, мешают оглядываться назад, и [человек] не может трусливо озираться, как волк. Некоторые соединяют и заплетают [волосы слева и справа] в одну косу, и она прямо свисает сзади поверх одежды»*.

Получалось, что даже прическа не позволяет воину быть опасливым, у него одно дело — воевать и без страха идти вперед — к победе или смерти.

О снаряжении и оружии хронист сообщал: *«Луки седлá делают из дерева; [седло] очень легкое и сделано искусно. [Усилие, требующееся для натягивания тетивы] лука, непременно бывает свыше одной [единицы] ши. Ствол стрелы сделан из речной ивы. Сабли очень легки, тонки и изогнуты»*.

О вере хронист отозвался благожелательно: *«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу [они] непременно упоминают Небо. Когда [они] слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход. „Небо зовет!" — говорят они»*. Другой очевидец тоже сообщал о вере степняков в Небо: *«В повседневных разговорах они непременно говорят: „Силой Вечного Неба и покровительством*

счастья императора!" Когда они хотят сделать [какое-либо] дело, то говорят: „Небо учит так!" Когда же они уже сделали [какое-либо] дело, то говорят: „[Это] знает Небо!" [У них] не бывает ни одного дела, которое не приписывалось бы Небу. Так поступают все без исключения, начиная с татарского правителя и кончая его народом».

Заметил он также, что «татары» гадают по трещинам на бараньей лопатке, что напомнило ему о гадании на черепашьих панцирях, принятое в Китае, а перед тем, как выпить вино, отливают из чаши на землю, совершая обязательное жертвоприношение. Это наблюдение заставило его даже воскликнуть: «*Вообще их характер простой, и [в нем] есть дух глубокой древности. Достойно сожаления, что учат их изменившие и бежавшие чиновники цзиньских разбойников! Теперь [они] постепенно уничтожают [их] первозданность, разрушают [их] естественность и обучают [их] коварству. [Это] отвратительно!*»

Но больше всего хрониста поразило, что женщины отправляются в военные походы... вместе с детьми:

> *«По их обычаю, когда выступают в поход, независимо от знатности и подлости, в большинстве случаев отправляются, взяв с собой жен и детей. [Они] сами говорят, что [женщины] нужны, чтобы заботиться о таких делах, как поклажа, платье, деньги и вещи. У них исключительно женщины натягивают и устанавливают войлочные палатки, принимают и разгружают верховых лошадей, повозки, вьюки и другие вещи. [Они] очень способны к верховой езде, носят платье вроде [одеяния] китайских даосских».*

Кроме жен и детей вождя в поход обычно сопровождает еще и семнадцать-восемнадцать девушек-музыкантш, которые играют на четырнадцатиструнных инструментах, отбивают такт хлопками в ладоши и танцуют.

Скоро китайцам стало совсем не до описаний монгольского быта и обычаев. Северный сосед, вдохновленный, как писал хронист, рассказами чиновников о богатствах Китая, наметил Поднебесную одной из первых своих жертв.

Но кто же были эти татары или монголы, которые неожиданно появились в северных степях?

Древняя история монголов

Не стоит только думать, что в степи прежде не было никаких монголов.

Были.

Но китайцы с ними не сталкивались впрямую.

Происхождение самого названия «монголы» имеет несколько толкований. По словам Банзарова, рассматривавшего филологический компонент названия в статье «О происхождении имени монгол», «*...г-н Шмидт, следуя Сананг-Сэцэну, думал, что оно дано монголам самим Чингисханом и произведено от корня монг, „строптивый“, „дерзкий“, а мусульманские историки производят его от* мунг, *„слабый“, „печальный“. Что бы ни значило слово* монг *или* мунг, *по свойству самого языка монголов не могло их имя произойти от этого корня: без всякой натяжки оно разлагается на мон-гол, „река Мон“*».

Однако никакой реки Мон на картах не существует.

Ее не существовало и на европейских и арабских картах Средневековья.

Однако есть гора Мона или Мона-Хан, расположенная в Южной Монголии над Желтой рекой.

Банзаров считал, что где-то рядом и находилась река Мона, давшая имя монголам. О том, что гора играла

огромную роль в самосознании монголов и их священной истории, говорит такой факт: когда Чингисхан проезжал мимо этой горы, он так о ней сказал: «Вот гора, достойная служить убежищем для погибающего народа, обиталищем для благоденствующего, для дряхлых оленей жилищем в их старости и для старцев местом успокоения». Следовательно, речь шла о некой священной для монголов горе. В сказании о похоронах Чингисхана гора Мона упоминается еще раз: именно около нее колеса телеги, на которой везли тело хана, внезапно провалились глубоко в почву, и стоило большого труда телегу вытащить. Банзаров считал, что имя монголы получили вот от этой священной горы и находившейся рядом священной реки.

Но гóры с именем Мона или Мон есть и на севере Монголии.

И тут стоит хорошо подумать.

Дело в том, что на юге Монголии река носит название «гол» или «хол», но на севере точно такое же звучание имеет уже не река, а долина. Так что имя монголам могла дать как река, так и долина у священной горы Мон. Или еще точнее — сама страна обитания — мон-гол — то есть страна гор.

Но где же расположена была эта страна гор, где жили предки монголов?

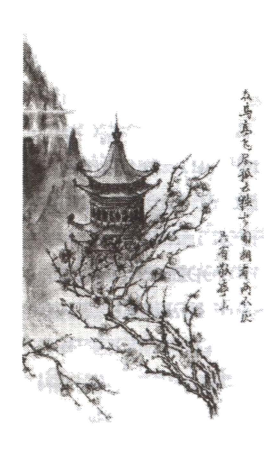
Монголы, или, согласно китайцам, народ мэнгу, известен с I века нашей эры. Территориально владения мэнгу находились в Эрдене-Кун — прародине монголов, где-то в районе Восточного Забайкалья и Внутренней Монголии. Мэнгу принадлежали к одному из двадцати народов племен шивэй. Известный ученый Е. Кычанов относит локализацию мэнгу к среднему и верхнему течению Амура, Эрдене-Кун должна была находиться севернее озера Далайнор, где

Амур берет свое начало, либо в верховьях реки Аргунь. Уход монголов со своей прародины, пишут ученые Е. Ковычев и О. Яремчук, обычно датировался ими VII VIII вв. н. э., хотя их коллега Л. Билэгт предлагал за точку отсчета брать первую половину IV в., отвергая другие датировки, вытекающие из хронологии «Сборника летописей» Рашид-ад-дина. В поддержку своей версии он рассматривал широкий круг вопросов, связанных с историей написания «Сборника летописей», но, в то же время, не отвергал и «рациональное зерно», заключенное в дате, приводимой Рашид-ад-дином,— 700 г. до н. э. Просто с этой даты, предположил Билэгт, летописец начинал историю не какого-то *одного* монгольского племени, а *всех* монголов вообще — историю, почерпнутую из старинных китайских хроник.

Бурятскими и монгольскими историками в последнее время обосновывается и другая точка зрения по поводу локализации Эргунэ-Кун. Так, опираясь на текст «Сокровенного сказания» и ту его часть, где говорится о Бортэ-Чино, монгольские ученые Чиндамани и Ч. Далая высказали гипотезу о нахождении Эргунэ-Кун в Саянах, в районе хребта Танну-Урянха в Туве, а С. Ш. Чагдуров высказал мнение о локализации Эргунэ-Кун в Горной Бурятии. Он подошел к данному вопросу как филолог, попытавшись лингвистически обосновать топоним «Эргунэ-Кун» и имена героев легенды — Бортэ-Чино, Кияна и Нукуса, связывая с этнонимическими и топонимическими реалиями Восточно-Саянского и Хамар-Дабанского горного узла, названного им Горной Бурятией. С. Ш. Чагдуров впервые среди исследователей обратил внимание на целый ряд антропо-этнотопонимистических соответствий в исторических источниках и эпосе «Гэсэр» географической номенклатуре современного Околобайкалья. П. Б. Коновалов также поддерживает западное направление поиска Эргунэ-Кун. Он приходит к выводу, что местность Эргунэ-Кун, которая

находилась, по признанию самих создателей легенды, в чужой земле и которую, кстати, лишь условно следует называть прародиной монголов, может быть отнесена к западу от Байкала, в районы горнотаежных котловин Прихубсугулья и Восьмиречья или, даже возможно, Тувинской котловины.

Однако данная позиция не представляется достаточно убедительной, поскольку не подтверждается совокупностью исторических источников и, прежде всего, археологическими материалами. Дело в том, что в группу древних монголов, с которыми были связаны вышеуказанные события, исследователи включают племена дунху и их потомков — сяньби и шивэй. Историкам Поднебесной племена дунху и сяньби становятся известны в I тыс. до н. э., и информаторы Рашид-ад-дина были не так далеки от истины, указывая точку отсчета с 700 г. до н. э. Но в китайских источниках эта дата никак не зафиксирована, хотя с ней, возможно, были связаны какие-то события, не сохранившиеся в исторической памяти. Первое датированное упоминание об этнической группе дунху относится только к 307 г., а о сяньби — к концу III в. до н. э., когда дунху потерпели поражение от хунну. После бегства часть дунху под именем ухуань расселилась в южных районах Маньчжурии, а местонахождением другой их части — сяньби — стала территория северной и северо-западной Маньчжурии, а также, как теперь становится ясным, часть юго-восточного Забайкалья, включая районы Приаргунья.

Верхнеамурская археологическая экспедиция исследовала погребальные комплексы, относящиеся к племенам сяньби, и выделила так назы-

ваемую Зоргольскую археологическую культуру. Археологи пришли к выводу, что находки принадлежат племени Тоба, которое было отброшено хуннами на север из мест прежнего обитания. Когда Тоба в IV веке построили собственное государство, они продолжали считать своей родиной верховья Амура, там же располагался храм Тоба наряду со священной горой Чишань. Эту зоргольскую культуру от родственных им хунну отличала особенная форма глиняных сосудов, пряжек, берестяных кружек и особых костяных застежек, что выделяло их как однородное племя среди прочих близких народов. Оставили Тоба и древние рисунки на скалах и берестяных туесках — это сцены охоты, перекочевки, разного рода жилищ, кочевых поселков и людей.

Интересно, что материальные предметы зоргольской культуры встречаются как на обширной территории, так и в значительном временном промежутке — от I до IV вв. нашей эры. Ученые считают, что именно в эту эпоху и появилось предание о древней родине всех монголов — Эрдене-Кун. В памятниках древней культуры очень заметен один мотив — бегства племени от какого-то сильного противника.

По мнению ученых:

«Эргунэ-Кун приняла беглецов и обеспечила их необходимыми условиями существования (охотой, рыбной ловлей, скотоводством и т. д.). Все эти виды занятий фиксируются по материалам сяньбийских погребений Приаргунья. Однако время обитания каждой из групп сяньби в Эргунэ-кун, а в целом на территории юго-восточного Забайкалья и Северной Маньчжурии было различным. Одни из них вырвались на просторы монгольских степей уже в первой половине II в. вместе с ханом Таньшихуаем; другие (тоба) во главе со старейшиной Туйинем в конце II в. переселились на юг к Большому озеру (Далай-

нору), а в III в. заняли земли хуннов к северо-востоку от большой излучины Хуанхэ. Остальная же часть сяньбийских родов осталась в местах прежнего обитания, пережидая бурное время тюркских завоеваний. Именно эта часть древних монголов и составила во второй половине I тыс. н. э. этноплеменную группировку шивэй (отуз-татар), враждебную тюркским ханам, но союзную их противникам. С частью указанных племен шивэй связаны на территории Восточного Забайкалья памятники борхотуйской археологической культуры (VI—X вв.). В погребениях этой культуры фиксируются многие черты, свойственные культуре ранних сяньби, но вместе с тем проявляются элементы, обусловленные, с одной стороны, специфическими условиями обитания в горно-таежной местности (с особой фауной и флорой), а с другой — долговременными контактами с тунгусоязычными племенами Приамурья и тюркоязычными племенами Западного Забайкалья и Монголии. Именно эти черты были присущи многим монгольским родам до выхода основной части их в XI в. на просторы монгольских степей».

К XI веку на этой территории уже шел активный процесс образования монгольских государств киданей, и уже наметилось разделение монгольских племен, будущая вражда. В монгольском мире выделились более цивилизованные кидани и — менее цивилизованные — «дикие» монголы, то есть белые и черные монголы китайских хроник. Дикие монголы не могли противостоять киданям и вынуждены были отойти в горные районы Большого Хингана и Восточного Забайкалья. Причем, кидани так «хорошо» относились к своим сородичам, что даже выстроили защитную границу, чтобы оградить себя от возможных нападений. По словам археологов, эта граница представляла из себя «фортификационную линию: высокий вал со рвом

и частоколом и серию укрепленных пограничных городков-форпостов, располагавшихся с южной стороны от вала на расстоянии 20—25 км друг от друга», вал тянулся от верховий реки Онон до среднего течения Аргуни и долгое время спустя именовался не иначе чем «вал Чингисхана», хотя к самому Темучину не имел ровно никакого отношения. А дикие или черные монголы оказались «выселенными» в северо-западную Манчжурию и степи Забайкалья, откуда под их давлением вынуждены были уйти прежде обитавшие там тюркские племена.

Об этом времени исхода из Эргене-кун сохранилась легенда, пересказанная Банзаровым по арабским источникам: «*Произошла кровопролитная война, окончившаяся совершенно истреблением монголов. Из всего народа осталось только двое мужчин... две женщины... и укрылись в долине Эргунэ, или Эргунэ-хон. Здесь в продолжение четырехсотлетнего пребывания поколение монгольское так размножилось, что уже не могло помещаться в долине и искало из нее выход, но тропинку, по которой предки пробрались в долину, потомки забыли*».

Рашид-ад-Дин рассказывает продолжение этой легенды так:

> «*Когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство [занимаемой им] земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным [по выполнению] путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода. И [вот] они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавили железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами* [1], *зарезали семьде-*

[1] *Харвар* — старинная мера веса «ослиный вьюк», в XIII в. был равен 80 кг.

сят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали и вышли из той теснины на простор степи. Говорят, что раздувала меха главная ветвь [племени], восходящая к Кияну.

Точно так же раздувало [мехи] и то племя, которое известно под именем нукуз, и племя урянкат, принадлежащее к их ветвям. Несколько других племен претендуют на [участие в] раздувании мехов, но вышеупомянутые племена не признают за ними [этого] и утверждают, что племя кунгират, состоящее из стольких [отдельных] ветвей, подробности о котором приведутся ниже, а равно и то [племя, что] появилось от этих Нукуза и Кияна на Эргунэ-куне, прежде других, без совета и обсуждения, вышли [из ущелья], потоптав ногами очаги других племен. Те племена убеждены, что получившая известность болезнь ног [племени] кунгират обусловлена тем, что оно, не сговорившись с другими, вышло [из ущелья] прежде [всех] и бесстрашно попрало ногами их огни и очаги; по этой причине племя кунгират удручено.

Группа монголов, живущая в настоящее время здесь и видевшая Эргунэ-кун, утверждает, что хотя это место [для жизни] тяжелое, но не до такой степени, [как говорят], целью же расплавления ими горы было [лишь] открытие иного пути для [своей] славы. Так как Добун-Баян, который был мужем Алан-Гоа, происходил из рода Кияна, а Алан-Гоа из племени куралас, то родословная Чингиз-хана... восходит к ним. Вследствие этого [люди]

не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингиз-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, приготовлять кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив [его] на наковальню, бьют молотом и вытягивают [в полосу] в благодарность [за свое освобождение]».

Конечно, меха и горн — выдумка поздних хронистов, но суть исхода была приведена без искажений — запертым в горах племенам удалось найти горный проход и вырваться за пределы вынужденной изоляции. Тункинские легенды повествуют даже о размерах этого горна и этих мехов: горн был величиной с озеро, а меха — величиной с луга, если учесть, что хозяином горы Мон по местному преданию считался кузнец, а склоны самой горы и в самом деле имеют железорудные залежи, то место выхода народа монголов в большой мир можно найти точно — западный край долины. Именно там, при слиянии рек Белый и Черный Иркут находится странная скальная арка — она похожа на дыру в огромном камне. Это перевал Нухэн-Дабан. Вполне вероятно, что через этот проход и вышли монголы в бескрайние степи. Еще в XIX веке ученые отмечали, что местные жители (буряты, монголы, сойоты) совершают у этой естественной арки обряды жертвоприношения, а на горных склонах хорошо заметны наскальные рисунки и надписи, сделанные белой краской, по тибетскому образцу. Долина, лежащая внутри гор, это и есть Эргене-Кун, прародина монголов.

Насколько сложен выход из этой долины, можно судить по заметкам бурятского писателя Ангархаева: ***«Ведь долина, по которой протекает Иркут, действительно замкнута со всех сторон горами, что нетрудно забыть „тропинку, по которой предки пробрались в долину“. Если идти***

вверх по реке в сторону Монды или вниз дальше Тибельтей, она течет в таких теснинах, что пробираться не то что конному, но и пешему непросто! Многие километры скалистых гор Саян и Хамар Дабана, озера Байкал и Хубсугул более десяти дней потребуется, чтобы преодолеть эти безлюдные пространства до того, как выйти на широкие степи».

Энгер на местном наречии и по-монгольски означает одно и то же — стена, каменный ободок.

> *«Среди тех гор была обильная травой и здоровая (по климату) степь,—* писал Рашид-ад-дин в „Сборнике летописей".— *Название этой местности Эргунэ-кун. Значение слова кун — косогор, а Эргунэ — крутой, иначе говоря, „крутой хребет". Так что* Эргене-Кун, *или* Эргене-Хол — *это просто долина, окруженная отвесными стенами, скрытая земля монголов. И по долине, точно, протекает река Эрге-гуу-мурен. Сегодня долина называется Тунки и по ней протекает речка Иркут (Эргегуу, Эрхуу)».*

Самое интересное, что именно здесь находится святыня бурятского народа — камень, имеющий название Престол Чингисхана или по-местному *Чингис хаанай шэрээ.*

Как пишет Ангархаев:

> *«...это огромный камень размером 7—8 x 5—6 x 1,5 м (высота), яйцевидный снизу, сверху плоский, имеет с одной стороны „стул-сиденье" (камень размером 2,5—3 x 1,5 x x 1 м (высота). Он лежит у самого подножия одной из вершин Саянских гор, называемой* Хандагайтын Ундэр, *на высоком (метров 10) отвесном берегу реки Баруун Хандагайта на довольно ровном месте.*
>
> *Надо отметить, что вокруг него, ни вблизи, ни вдали нет вообще камней, либо выступающих из-под зем-*

*ли, либо лежащих на поверхности. От него к северу на расстоянии не более двухсот метров почти сразу стеной поднимается склон горы. Это издревле почитаемое место в Тунке, связанное с именем Чингисхана и, как утверждают, с его деятельностью. Считается, что он, в самом деле, восседал на этом троне, за этим „столом", исполняя ритуальные действия. Исключительное значение вкладывается в слово „шэрээ": это не просто стол, а престол (*хаанай шэрээ *— ханский престол,* хаан шэрээдээ хуугаа *— хан взошел на престол, хаан шэрээхээнь буугаа или унаа — хан с престола сошел или скинули)...*

Лама Лодой Базаров, бывший в новом дацане в начальной партии хувараков, рассказывал, как участвовал в первом ламаистском ритуальном действии. Правда, он говорил, что первым нашел камень лама Лошон (ширета лама), который сидел и долго изучал какой-то ксилограф, потом сказал: „Здесь должен быть престол Чингисхана". Лошон пошел и полдня бродил по подножию гор и, вернувшись, оповестил о найденном святом месте. Ламы занялись благоустройством, просунув под камень несколько лиственничных бревен, приподняли камень с одного угла, выравнивая горизонтально, под кромками камня были найдены бараньи кости. Особенно всех удивило, что полые трубчатые кости конечностей филигранно точно были продольно разделены надвое. Это, видимо, особая ритуальная операция, но забытая позже, которая выявляла наружу костяной мозг (сэмгэ), можно предположить, что она проделывалась не всегда, а при жертвоприношениях довольно высокого ранга.

Вообще операция подобного рода имела совершенно точный смысл. Например, когда „большие роды одного происхождения в родовых делах достигали предела и должны были расходиться мирно, по договоренности, совер-

шая обряды на обо[1]*: хоринцы разбивали берцовую кость жертвенного животного надвое, если род делился на две части. Куски кости как бы завещали делиться на группы или, наоборот, объединяться в большие роды...“»*

Конечно, с самим Чингисханом «престол», вероятнее всего, не связан никак, зато с его предшественниками он имеет прямую связь: надписи VIII века нашей эры, посвященные хану тюркского каганата Кюльтегина, прославляют подвиг воинов-тюрков, прошедших по глубокому снегу через горы и разбившему енисейских киргизов.

Китайцы тоже относили «землю исхода» монголов, или, как они записывали их имя — народа мэнгу, к нашей отечественной Сибири.

Но вот вопрос: к какой расе принадлежали эти сибирские мэнгу?

Если учесть, где расположена эта прародина, то придется принять во внимание, что в начале второго тысячелетия эта земля принадлежала жителям Хакассии, Хакассия была сильной и занимала большую территорию: на востоке хакасское государство дошло до Амура, на юге распространилось на внутреннюю Монголию вплоть до Великой Китайской стены и до Кашагала в восточном Туркестане, на западе его границей стал Иртыш, на севере — широта Новосибирска и Селенги.

И самое интересное: Хакассия имела свои города, свой язык, свою письменность, свою средневековую металлургию, торговлю, религию! Расцвет этого края как раз и пришелся на IX столетие. У этого народа была сильная армия, ему удалось завоевать степи Центральной Азии, оттеснить и подчинить себе уйгуров, взять Туву. Расцвет Хакассии приходится на IX век нашей эры. Теперь, если

---

[1] *Обо* — культовые места в культуре бурят и монголов.

мы сравним священные монгольские тексты с тем, что знаем о прародине монголов, то получим следующее: где-то в IX веке или немного ранее некие сибирские мэнгу бежали от врагов в защищенную горную долину, там они прожили на протяжении 300—400 лет. Род Чингисхана вряд ли был монголоидным, или, скорее всего,— был смешанным, поскольку с мэнгу в горную самоизоляцию могли уйти или быть угнанными местные светловолосые, высокие, синеглазые жители Хакассии. Эти мэнгу из Эргене-Кун мало соответствовали нашему представлению о монголах. Конечно, трудно сказать, все ли мэнгу из долины были европеоидного типа, но одно можно сказать наверняка: среди самих жителей Хакассии были и типичные монголоиды; в одном из захоронений найден мужчина такого типа, однако... он был погребен с *накладной бородой*, что само по себе очень любопытно! Следовательно, чисто монгольский тип лица в этом государстве не приветствовался. Если предки Чингисхана кочевали в пределах Байкала, то среди них могли оказаться люди не монголоидного типа. Именно эта странность и вызывала всегда столько раздражения у всех, кто изучал историю чингисидов. В сказаниях о Чингисе говорится об особенном его облике, которому придаются божественные черты — те самые, что отличают европеоида от настоящего монгола.

Монгол

Но ведь китайские хронисты, рассказывая о враждебных татарах, описывают их по монгольскому образцу — плоские лица, узкие глаза без бровей и ресниц, широкие скулы, практически голые подбородки,

иногда с некрасивой редкой бородкой. Посмотрите на современных жителей Монголии — это точное их описание!

Но как раз род Чингиса выглядит совсем иначе.

Если Чингис тоже мэнгу, то ему должно быть похожим на сородичей.

А получается, что — нет.

Тут нам придется взглянуть попристальнее на историю рода Борчжигин — к нему-то и относился основатель великого монгольского государства.

История рода Чингисхана

Свое родословие Чингисхан вел от Борте-Чино — личности, скорее всего, легендарной.

> *«Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне»,— гласит* Сокровенное сказание монголов. *Потомок их сына Бата-Чигана в десятом поколении Добу-Мерган женился на «молодице, по имени Алан-гоа, красавице очень знатного рода, еще ни за кого не просватанной».*

От мужа у нее родились два сына — Бугунотай и Бельгунотай. Но Добу-Мерган погиб, красавица более замуж не вышла, а у нее родилось еще трое сыновей.

> *«То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: „Вот наша мать ро-*

дила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец (мальчик, которого на кусок жареного мяса выменял Добу-Мерган.— Автор). От него-то, должно быть, и эти три сына“.

Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая, Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: „Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: «Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?» Подозрения-то ваши основательны. Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час; когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!“

И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: „Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете

поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?“ Долго ли, коротко ли, мать их, Алан-гоа, скончалась».

Братья разделили имущество, а Бодончару, которого считали простаком, ничего не досталось. Он вынужден был покинуть родину и искать себе пропитание, пока над ним не сжалился брат Буду-Хадаги. Он отправился на поиски и нашел Бодончара, но когда они возвращались домой, Бодончар заметил, что у речки стоят какие-то люди и что мужчин так немного. Братья быстро поскакали домой, позвали на помощь остальных и напали на людей, захватили их в плен, а женщин взяли в жены. У всех братьев с годами появилось много потомков. Все они образовали свои роды и племена. Потомком Добу-Мергана и Алан-гоа из рода Борчжигин был отец Чингисхана Есигей-баатур. Тут следует обратиться к тексту хроник Рашид-Ад-Дина. У монгольских племен было очень сложное родовое деление.

«Много ветвей и племен принадлежит к потомству Алан-Гоа, и многочисленность их дошла до того, что если станут перечислять [составляющих] их людей, то [в итоге] получится больше ста туманов. У всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо, ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом они делают собственностью народа слово о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения. Ни у одного из других

племен, исключая монголов, нет этого обычая, разве лишь у арабов, которые [тоже] хранят [в памяти] свое происхождение»,— говорит Рашид-ад-Дин.

Именно потомки от трех сыновей, зачатых от Неба (а посланец со светло-русыми волосами в одном переводе и золотыми во втором был для монголов представителем Неба), или даже от самого вечернего золотого света, или от божественного месяца, или от монгольского святого духа, сошедшего на монгольскую Марию, считались настоящими монголами, стоящими выше всех остальных соплеменников. Ступенью ниже стояли потомки Алан-Гоа от сыновей, родившихся естественным, то есть не небесным путем.

«Те племена, которые принадлежат к роду Алан-Гоа и ее сыновей, делятся на три части в следующем подразделении. Первая — те, которые происходят из рода Алан-Гоа до шестого ее поколения, в котором был Кабул-хан. Всех этих людей из [числа] сыновей, племянников и их рода, независимо называют нирун. Точно так же нирунами называют братьев Кабул-хана и их род. Вторая — те, которых, хотя они нируны, но называют кият. Они суть колено [тайфэ], которое ведет свой род от шестого поколения Алан-Гоа, от рода Кабул-хана. Третья — те, которых, хотя они происходят из племени нирун-кият и чистого рода Алан-Гоа и появились на свет от прямого ее потомка в шестом [колене], Кабул-хана, называют кият-бурджигин. Их происхождение таково: они народились от внука Кабул-хана, Есугей-бахадура, отца Чингиз-хана».

Я не знаю, имела ли место хождение эта легенда во времена самого Чингисхана, не знаю также, выдумал ли он легенду сам или постарались потомки, но вполне воз-

можно, что легенда существовала уже на протяжении нескольких поколений. И вот почему. Каким-то образом было необходимо объяснить внешнее отличие рода Борчжигина. Небесное объяснение было самым лучшим и надежным. Что же касается правдивого объяснения, то долго искать его не потребуется: род Чингиса был с примесью чуждой крови, крови того светловолосого человека, который посещал Алан-Гоа на вечерней заре. Вероятно, не все Борчжигины наследовали особенности цвета волос и глаз, а также строение черепа и рост бороды, и еще более вероятно, что таковых рождалось совсем немного. Но Чингисхан унаследовал «чужие» признаки. Именно это и отмечали все его биографы и все, кто имел счастье видеть хана. У него были светлые глаза, рыжие волосы и борода, он был высок для своего народа, и замечательная деталь — нос у него выступал, как у европейца-кыпчака [1]. Добавьте большой красивый лоб, яркие густые брови — и больше о монгольской крови хана вы сами даже не заикнетесь. Чингисхан был метисом.

Мог ли он не отнести себя к небесному роду?

Думается, не мог.

Его отец Есегэй-багатур принадлежал к «детям неба».

«[Племя] кият-бурджигин происходит из его потомства,— пишет Рашид-ад-Дин.— *Значение „бурджигин“ — „синеокий“, и, как это ни странно, те потомки, которые до настоящего времени произошли от Есугей-бахадура, его детей и уруга [2] его, по большей части синеоки и рыжи. Это объясняется тем, что Алан-Гоа в то время, когда забеременела, сказала: „[По ночам] перед*

[1] *Кыпчак* — тюркский кочевой народ.

[2] *Уруга* — потомок, отпрыск данного рода (обог), а также сородич, в противоположность джад — чужой, чужого рода, в данном тексте — род.

моими очами [вдруг] появляется сияние в образе человека рыжего и синеокого, и уходит!" Так как еще в восьмом колене, которым является Есугей-бахадур, обнаруживают этот отличительный признак, а согласно их [монголов] словам, он является знаком царской власти детей Алан-Гоа, о котором она говорила, то подобная внешность была доказательством правдивости ее слов и достоверности и очевидности этого обстоятельства».

Есугей был богатым по монгольским меркам: он владел огромными стадами скота и большой вооруженной дружиной нукеров. В бою он оказался замечательным воином, ему удалось подчинить себе новые кочевья и новых рабов. Этот рыжий и синеокий монгольский воин небесного рода нашел себе и достойную будущего властелина мира мать — красавицу Оэлун.

Сокровенное сказание передает эту историю таким образом:

«В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугей-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-танчжия, и младшего-Даритай-отчигина. В виду их приближения, Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: „Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся.

Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!" С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугей-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает:

Батюшка мой, Чиледу!
Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал
В пустынной земле никогда ты не голодал.
Каково-то теперь?

И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала „каково-то теперь уезжаешь?" так громко, что —

Онон-река волновалась,
В перелесье эхо отдавалось.

Уж близко к дому стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси,— он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи,— его и след простыл.
Замолчи уже.

Так унимал он ее. Тут же Есугей и взял Оэлун-учжин в дом свой. Вот как произошло умыкание Есугеем Оэлун-учжины».

Оэлун-учжина, украденная чужая невеста, стала женой Есугей-багатура. Первенец, наш Чингисхан, родился, когда Есугей вернулся из очередного похода на татар, отомстив за унижение своего сородича и захватив пленников, среди которых был сильный враг Темучжин-Уге. Чингисхан родился в «*...Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик* [1]. *Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином*». Это потом он получит священное имя — Тенгиз, имя священного озера, где по берегам до сих пор стоят сопки, на которых монголы приносили жертвы своему богу Тенгри — богу Ясного Синего Неба. А пока мальчика зовут Темучжин.

«*Во время пребывания в Дэлигун-Болдаге на Ононе в год Черной лошади (или 1162 г.) в первый летний месяц в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган*»,— сообщает хроника. Родился он на островке среди вод не то широкой реки, не то моря.

> «*В древних летописях и исторических сочинениях монголов часто упоминаются названия местностей, рек, гор, расположенных в бассейне реки Онон,— размышляет Дамдинов,— многие географические названия, упоминаемые в летописях и других произведениях, не сохранились. По-видимому, часть из них была заменена другими названиями. Главные события, о которых повествуется в* Сокровенном сказании *и частично в* Алтан тобчи, *развертываются на берегах реки Онон. Это и понятно, потому что здесь в древности жили монголы. Но теперь в этих местах*

[1] *Альчик* — игорная говяжья надкопытная кость, старинная мера длины.

живут буряты, ононские хамниганы и русские. В упомянутых сочинениях встречаются топонимы, сохранившиеся до сего времени, например: Онон мурэн — река Онон (от маньч. „онон“ — „козел, самец дикой серны“), Дэлюун болдог — Дэлюн Болдок (букв. „селезенка-бугор“), Экэ арал — остров Икарал (букв. „мать-остров“ и название русской деревни — Икарал), Бальджун арал — остров Бальджина, название озера Бальдзино и речки (от маньч. „бальджин“ — „привидение, призрак, оборотень“), турын гол — речка Тура, вытекающая из озера Бальдзино (от тюрк. „тура“ — „труднодоступное место, болото, укрепленное жилище“) и т. д. По названиям топонимов можно догадаться, что до IX века н. э. и образования государства киданей здесь контактировались монголоязычные, тюркоязычные и тунгусо-маньчжуроязычные народности. В среднем течении реки Онон, напротив центра Ононского района — села Нижний Цасучей, между двумя рукавами р. Онон расположен самый большой остров реки Экэ арал (букв. „мать-остров“), в местном русском произношении — Икарал, с таким же названием есть и русская деревня.

Чингисхан

Размеры острова (длина почти 20 км и ширина около 10 км) послужили основанием для присвоения названия Экэ арал, и на нем же находится урочище Дэлюн-Болдок, которое походит по внешнему виду на селезенку полукруглой формы. Оно расположено на острове ближе к левому рукаву и находится недалеко от с. Кункур Агинского района. Монгольская хроника XIII века Сокровенное сказание *является средневековым памятником, многие из ее описаний территориально относятся к бассейну р. Онон. В ней же сказано, что основатель монгольской государственности Чингисхан родился в местности с таким же названием. К тому же в „Алтан тобчи" вполне определенно сказано, что Чингис родился на острове. Далее в летописи говорится: „Во время пребывания в Дэлигун-Болдаге на Ононе в год Черной лошади (или 1162 г.) в первый летний месяц в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган... После того прошло семь дней со времени рождения Темучина посредине островка на море..." Хотя здесь применена гипербола (река превратилась в море), но все же речь идет об острове, защищенном со всех сторон естественной преградой — рекой. Н. П. Шастина читает и переводит это выражение как* далай-уин коуиг — *„морской островок". Онон часто встречается и в фольклорных произведениях и в данном случае указывает на легендарность. Отсюда видно, что в памяти народной сохранились названия острова и урочища на нем, но многие факты, связанные с рождением Чингиса, приобрели легендарный характер. И, тем не менее, русские (дореволюционные и советские) и монгольские исследователи интересуются этим местом с давних пор, оно точно не определено до сих пор. Потому что коренные жители бассейна реки Онон — ононские хамниганы — никому точно не показали то место. Поэтому даже агинские буряты, пришедшие в агинскую степь не*

так давно, в начале XIX века, и тем более русские исследователи не получили точных сведений и путают то священное место с другим».

Итак, исследователи предполагают, что островок был расположен в среднем течении реки Онон, напротив центра Ононского района — села Нижний Цасучей, между двумя рукавами р. Онон. Дореволюционный ученый Юренский определил месторасположение островка так: *«Урочище Делюн-Болдок („селезенка-холм") лежит от Нерчинска на юго-западе в верстах 230 по правому берегу Онона, в наших пределах на расстоянии 8 верст от рубежей китайской Монголии, считая от верхней оконечности большого ононского острова (букв. большой остров), от Сасучеевского или Мирсановского караула оно находится в 5 верстах выше по течению реки и от Чиндантской крепости в 27 верстах».*

Однако не все исследователи отождествляют островок Эке Арал с местом рождения великого хана. Банзаров считал, что Чингисхан родился в баргузинской степи, вблизи упомянутого островка. Монгольские специалисты считают, что искать это место нужно в верховьях реки Онон, где есть три небольших озерка. Одно из них, среднее, имеет островок, похожий по очертаниям на печень, в далеком XIII столетии островок мог носить название «дилуэн-болдаг». В качестве полного доказательства собственной версии... монголы установили там даже памятник Чингисхану, хотя их предположение спорно хотя бы потому, что упомянутое (и сегодня почти пересохшее) озерко очень уж сложно назвать морем. А вот рядом с Икаралом есть углубление в скале, которое с давних времен носит название «чашка Чингисхана». С чего бы какую-то впадину называть именем хана? Особенно если название появилось в незапамятной древности, а совсем не в нашем или прошедшем веке?

Икарал — версия вполне правдоподобная. Увы, она основана только на *Сокровенном сказании* с ориентирами XIII столетия...

Так что пока никто не знает места, где родился великий хан.

Впрочем, и вехи его жизни тоже содержат как достоверные факты, так и детали мифологического характера.

Темуджин

Итак, Темуджин родился вскоре после удачного похода Есугея на соседние племена, которые посмели отобрать у дружественного Амбагай-хана дочь, что хан сопровождал к ее жениху, а самого хана увели в плен — тому удалось лишь сообщить сородичам, что нанесли ему оскорбление, которое смывают кровью. А поскольку из плена воинами не покомандуешь, то он обратился за помощью к потомкам Хабул-хана Хадаану-тайчжи и Хутуле, последний стал ханом над монголами, заменяя Амбагая. ***«Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган [1] и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет»***,— призвал он своих сыновей и родичей через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода. Так говорит *Сокровенное сказание*.

Рашид-ад-Дин дает же совершенно другую информацию:

«Хамбакай-каан, (Амбагай) внук [по сыну] Чаракэлингума, сын Суркакдуку-чинэ, который в то время был

[1] *Каган* — высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии — хан ханов; в монгольское время слился с родственной формой каан («великий хан»).

государем племени тайджиут, пошел к племенам татар, чтобы выбрать себе [в жены] одну из их девушек. Те оскорбились — „Почему так сватают наших девушек?!“ Они схватили его с несколькими нукерами[1] *и, так как были подчинены и подвластны Алтан-хану, то отослали [его] к нему. Алтан-хан приказал, согласно имевшемуся у хитаев обычаю, пригвоздить его к „деревянному ослу“, и тот умер.*

В то время когда его вели на место казни, он послал одного из своих нукеров, по имени Булагачи, к Алтан-хану и [поручил] передать тому: „Ты не полонил меня своим мужеством, доблестью и ратью [чарик], а другие захватили меня и привели к тебе, ты же меня убиваешь в таком позорном и плачевном состоянии и делаешь [своими] врагами Кадан-тайши, Кутула-каана и Туда, сыновей Есугей-бахадура, главы старших и младших родичей племен и улуса монгольских, и возбуждаешь вражду. Нет сомнения, они подымутся для отплаты и мщения тебе за мою кровь, [а потому] убивать меня неблагоразумно!“ Алтан-хан пренебрежительно и насмешливо ответил [ему]: „Ты, приславший [мне] это известие, ступай-ка и уведоми сам этих людей!“ И как только он убил Хамбакай-каана, то дал вышеупомянутому Булагачи подставу и отправил последнего, чтобы он уведомил племена [Хамбакай-каана] об его умерщвлении. В пути тот наткнулся на племя дурбан и попросил у них подставу — они не дали. [Тогда] он им сказал: „Не быть мне мужчиной, если завтра же днем я не приведу в это самое место наших войск, подобных массивной горе и несущемуся потоку. Как бы вы [тогда] не раскаялись и не сказали: почему мы

---

[1] *Нукер* — дружинник на службе феодализирующейся знати в период становления феодализма в Монголии; в XIV—XX вв. термин «Нукер» стал употребляться у народов Передней и Средней Азии в значении «слуга», «военный слуга».

не послушались слов Булагачи?!“ [Однако] они не обратили на него внимания. [Тогда] он погнал [дальше] подставу хитаев. Когда кони утомились, он их бросил на дороге, а [сам] пошел пешим. [Прибыв], он подробно рассказал о Хамбакай-каане [и] обстоятельствах его умерщвления его сыну Кадан-тайши, сыну последнего Тудаю, Кутула-каану, который был государем того племени, и Есугей-бахадуру, который был двоюродным братом отца Хамбакай-каана».

Впрочем, какова бы не была причина смерти Амбагай-хана, посланник доставил сообщение, и война стала неизбежной. Хатун собрал войска, Хутула многократно бился с соседями, но результатов не было. Ему приходилось довольствоваться поражениями. Отцу Темуджина повезло больше: он разбил войско обидчиков и даже привел с собой пленных — татарского хана Темуджина-Уге, Хори-Буха и прочих. Это было отмщение за Амбагай-хана.

По словам Рашид-ад-Дина, *«в свое время Есугей-бахадур был предводителем и главою племени нирун, старших и младших родственников [ака ва ини] и родичей [своих]. Между ним и государями и эмирами других племен, которые ныне из-за сопротивления [их] монголам и соответствия их типа и речи [типу и наречию монгольскому] все в совокупности называются монголами,— в старое же время у каждого их племени было какое-нибудь отличное имя и прозвище и по [своим] свойствам они были обособлены от монголов,— установилась вражда и ненависть, а в особенности [между ним, Есугеем, и] племенами татар. Есугей-бахадур сражался и воевал с большинством тех племен и часть [из них] подчинил [себе]. Из страха перед его отвагой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спасения своей жизни, [поэтому] положение и дела его были в полном порядке и блестящем [состоянии]».*

Родичи Есугея праздновали победу, это делали, как правило, долго и с большой радостью. Так что в дни счастливого праздника над поверженными врагами и родился первенец Есугея, и, как пишет *Сокровенное сказание*, «*...как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величиною в альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином*». Это было традицией у монголов — давать имена детям согласно именам отважных, но побежденных врагов. На сей раз врагом и добычей был Темуджин-Уге, его имя и получил новорожденный. Монголы жили, ориентируясь на благоприятные или дурные предзнаменования. Рождение мальчика, зажавшего сгусток крови в своей руке, не могло трактоваться иначе, чем будущими воинскими свершениями.

Да и удивительно ли?

Каждый мальчик у кочевого народа был воином, каждому мальчику мечтали предсказать хорошее мужское будущее. Если бы в дальнейшем Темуджин никаких подвигов не совершил, эта легенда благополучно была бы забыта.

Но он... он совершил.

Позднее легенда легла в основу *Сокровенного сказания*, главной мыслью которого и стало обоснование небесного предназначения Великого Хана. Рашид-ад-Дин преподносит это странное рождение так: «*Он держал в ладони правой руки небольшой сгусток запекшейся крови, похожей на кусок ссохшейся печени. На скрижали его чела [были] явными знаки завоевания вселенной и миро-державия, а от его лика исходили лучи счастливой судьбы и могущества*».

Никому не известно, конечно, свершались ли далее какие-то чудеса и предзнаменования, обещавшие этому

сыну баатура-победителя победу и славу, но за века культа Чингисхана таковых набралось немало. Другие дети Есугея не удостоились ни знамений, ни чудес, а ведь у того было от одной Оэлун четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге и дочь Темулун.

Когда Темуджину исполнилось девять лет, его отец, по обычаю, повез сына сватать в род своей жены Оэлун — путь был неблизкий, но между урочищами Цекцер и Чихургу он повстречал Хонхирадского Дэй-Сечена. Между ними состоялся такой разговор.

«Куда держишь путь, сват Есугей?» — спрашивает его Дэй-Сечен.

«Я еду,— говорит Есугей-Баатур,— еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени».

Дэй-Сечен и говорит: «У твоего сынка взгляд — что огонь, а лицо — что заря. Снился мне, сват Есугей, снился мне этою ночью сон, будто снизошел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: „Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим, а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и сошел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает?“ — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугей, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моем и предрекали!»

Далее Дэй-Сечен стал нахваливать свой род и свое племя: «Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекрасноланитных девиц, поместивши в арбу (казачью телегу), запряженную черно-бурым верблюдом, и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе.

С племенами-народами не спорим. Прекрасноличцых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны щитом, а девы — кротостью. Славны мы прелестью внучек и красою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех...»

А потом предложил: «Зайди ко мне, сват Есугей. Девочка моя — малютка, да свату надо посмотреть».

С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня. Есугей отправился с Дэй-Сеченом поглядеть на его дочку, «*...взглянул он на дочь его, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. На утро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: „В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах“. Когда дело покончили, Есугей-Баатур говорит: „Страсть боится собак, мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!“ С этими словами подарил ему Есугей своего заводного коня, оставил Темучжина в зятьях и поехал*».

Вроде бы судьба Темуджина начинала складываться очень удачно. Однако радость была скоротечной. По дороге домой Есугей остановился передохнуть в Цекцерской степи, там у местных татар шел праздник. Есугея напоили какой-то отравой. Не удивительно, почему: Есугей, разбивший в отместку за Амбагай-хана их лучших воинов, вряд ли считался «дорогим» гостем. Отрава действовала медленно, только отъехав от гостеприимных юрт, Есугей почувствовал себя плохо. Домой он добрался практически умирающим.

По *Сказанию* Есугей понял, что больше не жилец на этом свете, и призвал к себе Мунлика, сына Хонхотанского старца Чарахая. Того он стал просить: «Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!»

По традиции старший сын, хоть тому и было всего девять лет, должен был занять место отца. Впрочем, кроме него некому это было бы сделать: Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию — пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун — еще в люльке. Но судьбе было неугодно сохранить Есугею жизнь до возвращения сына-жениха.

«...Мунлик отправился и сказал Дэй-Сечену: „Старший брат Есугей-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!“ Дэй-Сечен отвечал: „Раз сват так горюет по своем мальчике, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда“». Тогда отец-Мунлик и доставил Темучжина домой.

Но Есугей уже умер.

На этом счастливое детство и закончилось.

Начались годы нужды и лишений.

Впрочем, Рашид-ад-Дин относит помолвку Темуджина и смерть Есугея к иному времени — по его словам, будущему повелителю Вселенной было уже 13 лет. Но даже если историк расходится тут со словами *Сказания*, он не расходится в смысле изложения. А тут как раз важен именно смысл.

Пока Есугей был жив, его уважали и ему подчинялись. Но стоило Оэлун остаться с маленькими детьми на руках, ее словно вычеркнули из списка живых. Сначала это произошло, когда весной она с детьми добралась до «земли

3 — 1191

предков», куда приехали помянуть своих усопших обе жены Амбагай-хана. Оэлун приехала, когда обряд был завершен, это не могло не вызвать в ней обид и опасения за будущее.

«„*Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам, и тризну с мясом и вином? — спросила она.— Не потому ли, что Есугей-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения!" Орбай и Сохатай не стали ее разуверять.*

„Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не звали или позвали, да ничего не дали. Тебе и следует есть то, что найдешь. Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом",— сказали они.

Оэлун была для обеих ханш абсолютно ничем, они тоже оскорбились: „Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?"»

Так Оулэн поняла, что род решил избавиться от нее, ее малолетних детей, а также от другой жены Есугея и ее детей. На это простой народ подбили Тайчиудские братья, которые решили забрать у беспомощных женщин все богатство, что сумел добыть Есугей. Можно сказать, что родичи с нетерпением ждали такого удобного случая, как смерть молодого Есугея.

«*В большинстве сражений победа и успех принадлежали ему,*— пишет Рашид-ад-Дин,— *однако группа родичей, согласно [поговорке]: „люди близкие — скорпионы", по причине злобы и ненависти, порожденных и внедренных в [самой] их природе, завидовали ему, а так как они не имели достаточно силы и мощи для сопротивления, то до конца его жизни сеяли в сердце [своем] семена мести и вражды. Когда Есугей-бахадур в молодые годы скончался, племена тайджиут, которые принадлежали к числу его*

двоюродных братьев и родичей его предков [хишан-и падаран], ...были наиболее сильными [племенами] и обладали наибольшим [количеством] подчиненных [таба] и войск, а их предводители были пользующимися значением государями. Хотя во время Есугей-бахадура [эти племена] были [ему] подчинены, дружественны и покорны, но в конце его правления и в момент его кончины они выказали [ему] неповиновение и враждебность...

Таргутай-Кирилтук, сын Адал-хана [и] внук Кабулхана, и Курил-бахадур, его двоюродный брат, которые были оба государями и правителями племен тайджиут, вследствие зависти, которую они затаили в себе со времени Есугей-бахадура, вступили на путь непокорности и упорства. Благодаря тому, что тайджиуты были главнейшей из ветвей [родственных племен], [дело] постепенно дошло до того, что другие родичи и войска, оказывавшие Есугей-бахадуру повиновение, отпали от его детей и склонились к тайджиутам. Они сплотились вокруг них, благодаря чему у этих племен появилась полная сила и могущество. Некоторые из них принадлежали к племени хойин-иргэн, что значит „лесное племя“, ибо их юрта была в лесах. Юрт[1] *Есугей-бахадура и его детей в то время был в пределах рек Онона и Кэлурэна. Когда большая часть подчиненных Есугей-бахадура откочевала [от его семьи] и присоединилась к тайджиутам, начал откочевывать и Тудан-кахурчи, который был старшим родичем [ака] всех [прочих]. Чингиз-хан, которого в ту пору [еще] называли Тэмуджин, лично отправился к нему и сказал ему почтительно и вежливо, чтобы он осел около него. [В ответ] тот сказал по-монгольски пословицу,*

[1] *Юрт* — владение, дом, местожительство, страна, земля у тюркских народов.

смысл которой таков: „Я принял твердое решение, и [другого] выбора [у меня] не осталось, возможность же колебания нелепа!" [Затем] он сел верхом и отправился [к тайджиутам]».

Ничто не могло смягчить сердца сородичей. Они забрали весь скот и двинулись всем родом вниз по реке Онон. Желающих отстаивать справедливость не было. Только верный памяти Есугея Хонхотанский Чарха-ебуген бросился в погоню, чтобы уговорить Таргутай-Кирилтуха и Тодоен-Гиртая, но ничего не добился, напротив, слова его были восприняты с ненавистью, и сам он вернулся назад с тяжелыми ранами. Чарха-ебуген едва вернулся домой. Когда его приехал навестить Темуджин, он, показав на раны, сказал: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус [1], улус собранный твоим благородным родителем». Девятилетнему (или тринадцатилетнему?) главе семьи оставалось только заплакать от обиды и горя. Но мать его решила не сдаваться. Она, конечно, не могла собрать вокруг себя всех, но кого-то ей удалось уговорить. Люди испытывали чувство стыда, что не взяли с собой Оулэн, но когда, очевидно, речь зашла не просто о защите Оэлун, а о ее надеждах вернуть себе власть в улусе и уже разделенное богатство Есугея, вернувшиеся вскоре снова ее бросили, теперь уже насовсем. Так что Оэлун пришлось думать, как выжить, когда нет средств к существованию и сильных мужских рук. Описывая в стихах эти тяжелые дни Оэлун, *Сказание* сообщает рецепт выживания: своих детей женщина кормила дикими травами, черемухой, яблоками-дичками, кореньями судуна и кичигана,

---

[1] *Улус* — группы семейств, подчинённых нойонам и кочевавших на их землях.

луком да чесноком. Сами старшие мальчики научились ловить рыбу, чем и занимались, пополняя более чем скудный рацион. Между мальчиками согласия не было: Темуджин и Хасар были сыновьями Оэлун, а Бельтугай и Бектер сыновьями Учжин. Не удивительно, что между ними постоянно возникали ссоры. Одна ссора стала роковой.

«Таким-то образом,— повествует Сказание,— *сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Темучжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: „Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клюнула на крюк“.*

„Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе.— Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится, нет друзей, кроме своих теней, нет хлыста, кроме скотского хвоста. Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою, как некогда пятеро сыновей праматери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!“

Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: „Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой-годоли, а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?“ И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых[1] *меринов. Темучжин подкрался к нему сзади,*

---

[1] *Соловый* — конь желтоватой масти со светлыми хвостом и гривой.

а Хасар — спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: „Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас ресница в глазу иль заноза в зубах. Чего же стоят такие рассуждения, когда у нас нет друзей, кроме своих теней, нет хлыста, кроме скотского хвоста. Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!" С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: „Душегубцы! — сказала она.— Недаром этот вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!"»

По закону рода малолетний убийца должен был теперь понести наказание. Кто-то успел сообщить о случившемся новым властителям улуса — тем самым Тайчиудским братьям. К юрте Оэлун подошел Таргутай-Кирилтух со своей стражей. Женщины похватали малолетних детей и бросились прятаться в тайгу, старшие Бельгутай и Хасар построили укрепление из поваленных стволов и стали отстреливаться. Таргутай-Кирилтух потребовал только одного: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Темуджин страшно перепугался и бросился в лес. Таргутай-Кирилтух это заметил и послал своих воинов догонять беглеца. Однако мальчик был проворнее и успел спрятаться в непроходимых зарослях на вершине Тергуне. Воинам ничего не оставалось, как взять лес в кольцо и дожидаться, когда голод выгонит его из укрытия. Но Темуджин не выходил. Тут, по *Сказа-*

нию, началась череда необъяснимых случайностей, которые иначе чем знамения понять невозможно. Сначала, через трое суток, когда Темуджин решился выйти из тайги, у его лошади вдруг сползло седло, причем подпруга и нагрудник были туго подтянуты. Мальчик воспринял это как предостережение Неба и снова вернулся в лес. Еще через три дня он отправился к единственному проходу, но там теперь лежал огромный как юрта белый валун, которого прежде не было. Это неожиданное появление валуна он тоже понял как предостережение.

Еще через девять суток, совершенно изголодавшийся, он стал срезать ножиком для очинки стрел деревья вокруг валуна, преграждавшего ему путь. Ему удалось даже кое-как провести своего коня на прогалину, но тут-то его стражники и схватили. Темуджина Таргутай-Кирилтух отвез в свой улус, надел ему на шею и руки деревянные колодки — это и было наказание за убийство. Каждую ночь Темуджин ночевал в новой юрте, так приписывали правила. Только одна мысль была у него — мысль о бегстве. Но скованному трудно бежать, нужно было ждать удобного случая. Такой случай ему представился. Когда летом тайчиудцы праздновали полнолуние, колодника взял с собой на праздник его охранник — паренек неловкий и слабосильный. Праздник тянулся до темноты на берегу Онона. Этим и воспользовался Темуджин. Он подождал, чтобы все разошлись, а когда пришел черед возвращаться ему со своим охранником, он вырвался из его рук, ударил паренька колодкой по голове и бросился прочь. Однако понимая, что в лесу его быстро найдут, Темуджин бросился в воду заводи и затаился, а колодку пустил плыть вниз по течению. Само собой, когда парень очнулся, то сразу поднял на ноги всех. Темуджина стали искать. Первым делом обыскали рощу, где можно было укрыться. Светила луна, и поиск проходил успешно. Но результатов не дал.

Темуджина не было. Один из отправленных на поиски, Сулдусский Сорган-Шира, у которого Темуджин недавно ночевал и который, судя по всему, относился к пленнику с пониманием (его сыновья специально ослабляли тому колодку, чтобы он мог отдохнуть), вдруг заметил его лежащим в воде. Он посоветовал ему никуда не скрываться, а так и оставаться в воде. Несколько раз поисковики проходили по одному и тому же маршруту, и всякий раз Сорган-Шира советовал немного подождать. Когда поиски снова ничего не дали, Сорган-Шира посоветовал Таргутаю возобновить розыск утром, при дневном свете, а сам, уезжая домой, сказал Темуджину: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел».

Домой?

Но дом Темуджина был далеко.

И он решил рискнуть и пробрался в дом самого Сорган-Ширы.

> *«Выждав, пока они разошлись,*— рассказывает Сказание,— *Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: „Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночую я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?“ Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: „Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего*

ты пришел?" Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун, стали говорить: „Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?" Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой.

Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов[1] *сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: „В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?" Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: „Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!" Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и бочонком, но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.*

Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сан-

[1] *Испод сидений* — внутренняя сторона.

гур, в глубине урочища Гуледьгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились».

Для монголов и тюрков охота на крыс — занятие постыднейшее.

Только от полной безысходности и голода юный Темуджин мог радоваться хотя бы крысам. Сказание не говорит детально об отроческих годах Темуджина, оно и понятно: вряд ли сам хан любил рассказывать, каково ему пришлось в начале жизни. Из этого времени нам известно только два важных происшествия: набег грабителей, которые украли у женщин и детей всех лошадей — единственное достояние, которым те располагали. Темуджин вместе со всеми отправился в погоню, нашел след и — неожиданно — верного друга Боорчу, который помог ему выкрасть назад лошадей, познакомил со своим отцом, снарядил Темуджина в обратный путь.

Другое упоминаемое событие — поездка к отцу невесты Бортэ: «Дэй-Сечен, как и все Унгираты, по-прежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: „Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы“. Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурельгу.

Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищи и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый

армяк и явился вместе с Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бурги-ерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее — шидкуль, свекрови своей».

Эта соболья доха была, по сути, единственной ценностью у молодого Темуджина, но ею он распорядился не так, как думала Цотан. Соболью шубу он решил подарить сильному властителю племени кереитов — Ван-хану (или по Рашиду — Он-хану).

Сказание говорит об этом так:

«Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: „Ведь когда-то Ван-хан Кереитский побратался, стал андой [1] *с батюшкой Есугей-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, он все равно что отец мне“. И он поехал к Тульскому Темному Бору — Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: „Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился, поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду“. И с этими словами он поднес ему соболью доху».*

Ван-хан, тронутый подарком, пообещал Темуджину снова объединить его развалившийся улус.

Впрочем, скоро Темуджину стало не до объединения. На его юрт напали меркиты — Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода, которые когда-то лишились своей законной невесты — Оэлун. Они увели с собой женщин, включая его молодую жену, спря-

[1] *Анда* — побратим.

танную в возке. Бельгутай, Боорчу и Джелме трое суток преследовали меркитов, пока не убедились, куда те держат путь. Теперь следовало хорошо подумать, как женщин отбить. Воинов у Темуджина практически не было. Он знал единственный адрес, по которому можно обратиться,— к Ван-хану. Тот в помощи не отказал, посоветовав послать вестника еще и к Джамухе, чтобы ударить по меркитам большим войском. Джамуха велел передать, что «...я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного-скакуна, одел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов — сразиться. Так скажите. Издали видное длиннодревковое знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Черноспинного скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцирь одел. С рукоятью меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удуит-Меркитами. Так передайте...»

Местом встречи войскам он назначил Ботоган-боорчжи, в истоках реки Онона. На меркитского хана Тохта-беки собирались напасть внезапно среди ночи, но так не получилось: хана предупредили насмерть перепуганные работники, увидевшие приближение всадников. Тохте удалось бежать вниз по Селенге. Той же дорогой бежал в страхе и весь меркитский улус. Но беглецам уйти не удалось, воины их ловили и убивали, искали похищенных женщин. Сам Темуджин бросался наперерез бегущим и звал свою Борте. Он ее нашел живой и невредимой. Удалось узнать и аил [1], куда увели мать Бельгутая. Но когда

---

[1] *Аил* — селение.

окрыленные надеждой Темуджин и Бельгутай подъехали к юрте, где должна была находиться Учжин, она незаметно выбралась на двор и убежала в тайгу, дабы скрыться от позора, что была отдана насильно для сожительства с чужим мужчиной. Ее так и не нашли.

> *«Тогда Бельгутай,*— пишет Сказание,— *возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: миловидных и подходящих забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками».*

Добивать меркитов в этот раз не стали. Напротив, в подарок из набега матери Темуджина привезли пятилетнего мальчика по имени Кучу, одетого в собольи шубку и шапочку и в сапожках из маральих лапок. На радостях Темуджин и Джамуха вспомнили, что когда-то в детстве стали побратимами, теперь они исполнили этот обряд по-взрослому. Оба молодых человека не расставались друг с другом более полутора лет, а потом, потом, как говорит *Сказание*, Джамухе наскучило однообразие. Так *Сказание* в пристойном виде трактует то, что на самом деле произошло. А произошел некий разговор между побратимами. Его и передает, расшифровывая, Э. Хара-Даван: «*Темучин и Джамуха поднялись со своего стойбища для перемены пастбища их скота. При выборе нового места для стойбища Джамуха заметил Темучину: „Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней достигнут юрты; если подле потока, то пасущие овец и коз достигнут пищи для своего горла“. Темучин с его родными растолковали эти слова следующим образом: под „пасущими коней“ Джамуха имел в виду богачей, имеющих табуны, и*

вообще высший класс, степную аристократию, а под „пасущими овец и коз“ он подразумевал „карачу“ — простой народ, к которому Джамуха сам тяготел сердцем и душой».

Для Темуджина, стремившегося к власти, в такой трактовке слова Джамухи были неприемлемыми, а разрыв отношений — неизбежным. Не Джамуха разорвал эти отношения, это сделал Темуджин. На откочевке юрт Темуджина быстро ушел вперед, вместе с его юртом ушел и его соплеменник Хорчи-Усун, тому был вещий сон: «Вот вижу светлорыжая корова. Все ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него-мычит, говорит-приговаривает: „Отдай мой рог!“ А вот вижу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большому шляху, а бык ревет-ревет, приговаривает: „Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство! Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?“ — „Если в самом деле мне будет вверен этот народ,— ответил Темучжин,— то поставлю тебя нойоном-темником!“ — „Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам“».

Позже известный полководец Мухали тоже советовал Темуджину стать тем, кто объединит разрозненные племена: «Вечно Синее Небо не может покинуть своего возлюбленного рода монголов, который ведет начало от него самого. Из рода монголов должен опять выйти богатырь, который объединит и соберет все монгольские племена,

станет могучим ханом и отомстит всем врагам. Этим ханом должен быть Темучин: он, Мухали, чувствует такое определение Вечного Неба: молва об этом уже идет, говорят так и старые люди. Все уверены, что с помощью Вечно Синего Неба Темучин станет ханом и вознесет род свой. Пойди и возьми мир».

Пристали к Темуджину и другие, прежде не считавшие за честь ходить рядом с будущим властелином. Теперь они сами предложили Темуджину стать ханом: «Когда же Темуджин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жен и девиц, прекрасных статей меринов. При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать, стянувши стегна [1]. В дни сечи, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мирпокой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в бесхозяйной (безбожной) земле!»

Дата этого первого курултая — по Льву Гумилеву — 1182 год.

Если эту дату принять, то остается лишь руками развести — о деяниях хана практически почти за двадцатилетний период нам ничего не известно. Рашид-ад-Дин упоминает только, что вокруг хана сплотилось не так уж и много людей — 13 куреней [1], каждый из которых мог выставить по 1000 человек, отсюда и его 13 000 человек войска. Якобы ему удалось разбить рать противников и захваченных в

---

[1] *Стегна* (мн. ч.), *стегно* (ед. ч.) — часть ноги от таза до коленного сгиба; бедро.

[2] *Курень* — войсковое подразделение, основанное на общем проживании и общем ведение хозяйства.

плен смутьянов по приказу Темуджина варили живьем в семидесяти котлах. Но о событиях он говорит скупо: и Темуджин побеждал, и его побеждали, и он неоднократно бывал в плену. Некоторые китайские сообщения, что Темуджин был захвачен в плен и посажен в яму чуть не на десять лет, тоже и скупы, и бездоказательны. Если принять дату более позднюю, то события выстраиваются более логично, там нет такого огромного провала во времени. Во всяком случае, после сообщения о курултае в «Сказании» следует рассказ о сражении с Джамухой (что вполне отвечает связности событий), но если учесть, что сам Джамуха провозгласил себя Гурханом в 1201 году, то вряд ли бы для решающей схватки потребовалось тянуть 19 лет. Вероятнее, что первый курултай был намного позже 1182 года.

По *Сокровенному Сказанию* именно на этом, отнюдь не всемонгольском курултае имя Темуджина было изменено на Чингис (или Тенгиз), имя, которым называли монголы священное море или озеро Байкал. Сразу же были распределены и должности при хане. Когда известие об избрании Темуджина ханом дошло до Ван-хана, тот ответил так: «„Это справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана? Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота“».

Когда вести дошли до Джамухи, тот, кажется, больше расстроился, чем обрадовался: «Почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!»

Совет был весьма своевременным.

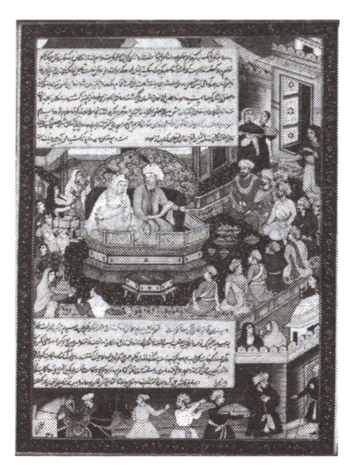
Хан

Не успел Темуджин укрепиться на ханстве, как ему последовал вызов от Джамухи с объявлением войны. Предыстория этого была такова: во время набега на табун Джучи-Дармала (подвластного Темуджину) младший брат Джамухи Тайчар был убит. Война между побратимами стала неизбежной.

«Чжадаранцы,— гласит Сказание*,— во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана. При получении этого известия с Чингисханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил-Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. „Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!" — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос, а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.*

Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингисхану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мунлик-эцигe, который в это время, оказывается, был с Чжамухой.

На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингисхан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром,

Чингисхан устраивает пир

Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингисхану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены Сача-беки по имени Эбегай.

Тогда ханши Хорочжин-хатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: „Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?“ Побитый кравчий громко заплакал, причитая: „Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугей-Баатура, ни Некун-тайчжия?“ От нас на этом пиру был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингис-хановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем празднества Бури-Боко. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть[1] *с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Боко стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Боко и рубнул его мечом по голому плечу. А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингис-хан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутаю и говорит: „Как мы можем допустить подобные поступки?“ — „Пустяки! — говорит Бельгу-*

[1] *Оброть* — недоуздок, конская узда без удил и с одним поводом, для привязи коня.

тай.— Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые только что примирились и соединились. Братец, подожди-же, оставь, удержись!" — просил он. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингис-хан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватали бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться.

Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. Ввиду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульчже, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом, Чингис-хан сказал: „Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии". И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: „По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих татар. Давай присоединимся к нему и мы против татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил". На это известие Тоорил-хан отвечал: „Твоя правда, сын мой. Соединимся!" На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: „Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами

наших дедов и отцов". И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться.

Более не имея возможности ждать, Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами. Чингис-хан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Кереитскому Тоорилу — титул ванна[1]*. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: „Вы оказали Алтан-хану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингис-хану еще более высокий титул — титул чжао-тао". После того Вангин-чинсян отбыл, весьма довольный. А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных татар, воротились домой, в свои кочевья».*

Начиналась эпоха мелких войн между монгольскими племенами. Предлогом для войны могло послужить что угодно. Например, на джуркинцев Темуджин пошел якобы

---

[1] *Ван* — властитель удельного княжества в Китае и монгольской империи.

из-за того, что те не спешили дать своих людей для общего похода. Джуркинцы были разгромлены, их вожди пробовали бежать, но их настигли, полонили, тут же лишили жизни. Из каждого нового похода Оэлун получала своеобразные живые подарки: сначала меркитского мальчика Кучу, затем бесудского Кокочу, татарского Шикикана-Хутуху, джуркинского Бараула. Очевидно, это была предусмотрительная политика Темуджина: приручать своих врагов. С последним из врагов, джуркинцами, хан поступил просто: он сделал их наследными рабами своего рода.

Не надо думать, что только вокруг Темуджина сплачивались более мелкие вожди племен. Аналогичный процесс происходил и вокруг Джамухи. Летом 1201 года *«...в урочище Алхуй-будах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагйнский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана — Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы»*.

Они возвели своего Джамуху в Гурханы и намеревались идти войной на Темуджина и Ван-хана (последний оставался пока союзником Чингисхана). Оба войска, получившие известие о новой войне, двинулись навстречу войску Джамухи. Бой произошел в урочище Койтен. Там войска сошлись и начали бой. Этот знаменательный бой сопровождался вмешательством колдовских сил — а именно, среди джамухиных нукеров оказались двое шаманов, которые вызвали непрерывный ливень, так гласит *Сказание*. Джамухиному

войску этот ливень не принес ничего хорошего: ливень разразился как раз над конницей Джамухи. Но даже с учетом отвратительных погодных условий, обратившихся бедой для Джамухи, войска Ван-хана и Темуджина испытывали большие трудности, Ван-хану пришлось преследовать Джамуху вниз по Эргени, а Темуджин сражался на берегу Онона. В этом бою он был ранен стрелой в шейную артерию, только чудом и заботой Джельме оставшись в живых.

> *«Кровь невозможно было остановить,—* повествует Сказание,*— и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингис-хан пришел в себя и говорит: „Пить хочу, совсем пересохла кровь“. Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его.*
>
> *Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: „Прозрело мое внутреннее око!“ Между тем стало светло, и, осмотревшись, Чингис-хан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. „Что это такое? Раз-*

ве нельзя было ходить плевать подальше?“ — сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: „Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать — так сглотнешь, плевать — так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо“.— „А зачем это ты,— продолжал Чингис-хан,— зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?“ — „Вот что я придумал,— говорит Чжельме.— Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им (врагам) скажу: «Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам». Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади? «Только так я смогу утолить жажду моего государя!» — подумал я. Подумал и во мгновенье ока решился“.

Тогда говорит ему Чингис-хан: „Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, в мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!“ Так он соизволил сказать. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся еще с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингис-хан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингис-хан заметил

какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: „Сюда, Темучжин!" Сам слыша ее вопли, Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщина эта сказала: „Я дочь Сорган-Ширая — Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа". Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжину, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингис-хан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили. Возвратив беженцев, Чингис-хан с главными силами расположился на ночлег в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою...»

Утром следующего дня к Темуджину пришел Сорган-Шира, в ответ на обвинения хана он заметил так: «Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью, и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. Да вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом».

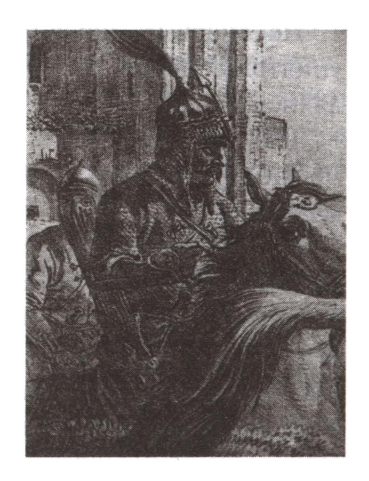
Слова Сорган-Ширы очень понравились Темуджину. А когда спутник Сорган-Ширы признался, что та злосчастная стрела, ранившая хана, была выпущена из его лука, сделал вид, что никакой раны не получал, а стрела пронзила шейный позвонок его саврасого коня Джебелги. Темуджин милостиво простил хорошему стрелку эту «оплошность», затем переименовал его из Джиргодая в Джебе... по имени этого коня.

Скоро Темуджину удалось разобраться со своими старыми врагами Тайджиутами.

«Чингис-хан покарал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха».

Часть племени решила передаться Темуджину, пленив Таргутай-Кирилтуха, который стал таким толстым, что не мог ездить верхом. Сначала они думали его убить, но затем, поразмыслив, просто прогнали вон. Таковое решение очень понравилось Темуджину, когда тайджиуты явились к нему проситься в ханское войско. Он сказал, что если бы они посмели поднять руку на своего законного хана, то вряд ли бы остались в живых: Темуджин даже такого типа предательства никому не прощал.

Отношения с Ван-ханом были сложнее и запутаннее. После битвы с Джамухой Ван-хан потерял часть своих владений и людей, ему пришлось так плохо, что Темуджин вынужден был провести «...особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет» — ибо к истокам Керулена Ван-хан явился в сопровождении пяти коз и верблюда, козы давали немного молока, а верблюд — кровь из артерии, этим Ван-хан и питался. Братья Ван-хана терпеть его не могли, считая предателем, который переметывается от одной стороны на другую. О нем говорили, что Ван-хан мстителен и злобен как человек со смердящей печенью.

Темуджин

Как только Ван-хан узнал о таких разговорах у себя за спиной, тут же велел заковать братьев в кандалы, потом ис-

плевал им все лица и велел расковать. На следующий год Темуджин добил соседних татар, многих взял в плен. От своего войска он требовал только одного: соблюдать железную дисциплину. Это означало, что воинам нельзя бросаться как коршуны на добычу и начинать дележку, добыча делится после завершения военных действий и по справедливости, равными долями. Тех, кто нарушает приказ, хан велел лишить всякой добычи. Для монгольских нукеров это было внове, однако они видели, что дисциплина в войске помогает его успехам, так что нововведения приняли и стерпели.

После завершения сражения возникал и другой вопрос: что делать с завоеванным народом? Татары, которые в эту мясорубку попали одними из первых, получили «милостивое» решение хана: «...татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке [1], в отмщение и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам».

Не впервые, конечно, народ из центральной Азии уничтожал другой народ, однако обычно племена умертвлялись в ходе боя.

Темуджин ввел казнь на основании «закона».

Это и устрашало, и в то же время показывало силу Темуджина.

Когда Бельгутай довел до сведения пленных, какая их ждет судьба, несчастные спрятали в рукавах ножи — чтобы если и умереть, так в бою с врагом. Татары дорого отдавали свою жизнь. Палачи в этом первом «тележном» прецеденте Темуджина внезапно сами обратились в жертв. Войско понесло потери, но не в бою, а после боя.

---

[1] *Тележная чека* — тележная ось.

За разглашение тайны хан лишил Бельгутая права участвовать в военном совете навсегда. После татарского похода Темуджин взял себе в жены двух татарок — Есуган и Есуй, последняя только-только вышла замуж. Она надеялась вымолить у хана прощение своему мужу, который явно был выше тележной чеки, но ошиблась. Когда Темуджин узнал, что среди пленных находится муж Есуй, он не стал делать исключения из правил, и этот молодой муж отправился туда же, куда и весь татарский народ мужеского пола,— то есть в могилу. Занятый своим походом, Темуджин мало интересовался, что делает Ван-хан, но после похода до него стали доходить слухи, что Ван-хан ходил на меркитов, отлично их повоевал, набрал много добычи, а Темуджину из добычи не выделил ничего, хотя привел огромный полон. Темуджин смолчал. Следующий поход был совместным против найманов. Разбив вождя найманов, войска повернули назад, но... оказались в ловушке. Против них готовилось выступить свежее войско найманов. Оно преграждало путь домой. Темуджин решил биться утром.

Вечером они встали лагерем — что Темуджин, то и Ван-хан. Но Ван-хан не стал дожидаться утра, он приказал оставить разведенным огонь на становище, а сам побыстрее отошел вместе с Джамухой. Всю вину за дальнейшие события «Сказание» перекладывает на Джамуху, который якобы убедил Ван-хана, что Темуджин давно сносится с найманами против Ван-хана. Ван-хан послушал Джамуху, и они быстро пошли прочь. А Темуджин утром обнаружил, что союзников не видно, понял, что произошло, и тоже поспешил отойти в обход найманского войско. Он так удачно выбрал маршрут, что найманам удалось пройти в глубь земель Ван-хана, захватить его людей и женщин, разорить юрты, угнать табуны.

Ван-хан узнал об этом куда позже, чем его союзник и «сын» Темуджин. Это было своего рода наказание Ван-хану за жадность и трусость: Темуджин ни словом не обмолвился о несчастье. Потрясенный бедами Ван-хан стал просить у Темуджина лучших воинов, как это прежде делал Темуджин, полагаясь на защиту Ван-хана. Воины Темуджина вмешались в тот роковой момент, когда войско Ван-хана готово было бежать с поля боя. Они спасли людей Ван-хана, за что тот был так признателен, что обещал сделать Темуджина старшим сыном в обход родного сына Сангума. Для того, чтобы привязать Ван-хана к себе покрепче, Темуджин стал просить руки его дочери (младшей сестры Сангума) для своего сына Джучи. Джучи считался среди других родов не вполне полноценным: он был рожден после меркитского плена. И хотя сам Темуджин считал его законным сыном, ходили разные слухи, что этот сынок не от хана. Ван-хану с подачи его сына эта идея совсем не понравилась: он не хотел отдавать свою Чайр-беки за Джучи, не хотел и женить своего внука Тусаху на дочери хана Хочжин-беки. Переговоры велись долго и бессмысленно, пока Темуджину это не опротивело: он понял, что богатый род Ван-хана считает позорным родниться с сыном Есугея.

Сказание сообщает, что об этих сложностях в отношениях между ханами проведал Джамуха, который тайно сговорился с Сангумом перебить всех родичей Темуджина. У Ван-хана идея нашла понимание. Он и сам уже думал, как отобрать у своего «сына» его улус. Сначала для вида Ван-хан посопротивлялся, потом поддался на план Сангума: «...они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить». На этом решении они и остано-

вились и послали извещение о своем согласии на брак Чаур-беки вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингис-хан поехал к ним с десятком людей.

На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: «Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней». В виду этих советов, Чингис-хан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатая и Киртая. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: «„Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!“ Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стал рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. „Решено,— говорил он,— решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?“ Тогда жена его Алахчит и говорит: „К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго, примут твою болтовню за правду“. Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. „Пойду-ка и я! — сказал тот.— Авось что-нибудь смекну!“ И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и терпугом очищал свои стрелы.

Сидит он и говорит: „О чем давеча шла у нас речь? Кому бы это завязать болтливый язык?“ После этого он обратился к Кишлиху: „Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Белогнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать“. Кишлих пошел тотчас и говорит Бадаю: „А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!“ Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хеше ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингис-хану. Стоя у задней стены юрты, Бадай с Кишлихом по порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена, и разговор его сына, Нарин-Кееня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: „С позволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!“»

Темуджин все понял.

Скоро все понял и Джамуха: как только он узнал от Ван-хана, что должен вести войско против Темуджина, сразу сообразил, что Ван-хан хочет в случае неудачи свалить всю вину на него, так что он упредил Ван-хана и переметнулся к Темуджину. Против Сангума выступило войско Темуджина, но кереитам удалось отбить неприятеля, бой был тяжелым. Ван-хан, узнав, что войско Темуджина скрылось в лесах, послал сказать ему, что искренне его любит и желает покончить дело миром. Темуджин, у которого потери были серьезные, сделал вид, что поверил. Между тем его шпионы следили за тем, что делает Ван-хан. И как только Темуджину донесли, что Ван-хан пирует и веселится, тот ре-

шил немедленно выступать и брать врага врасплох, его войско подошло и быстро окружило Ван-хана, три дня и три ночи шел бой, наконец, кереиты были разбиты. Но самому Ван-хану и Сангуму удалось выйти из окружения. Народ Ван-хана был порабощен точно так же, как и другие народы, посмевшие воевать с ханом. Сам Ван-хан случайно попался на заставе, и хотя он утверждал, что он Ван-хан, нукеры ему не поверили и убили. А Сангум забрел в бесплодную пустыню, где его и бросил, обокрав, конюх Кокочу, решивший отдаться на милость Темуджина. Темуджин милость проявил: за предательство своего господина он велел конюха изрубить в куски.

Тем временем у хана обострились отношения с найманским Таян-ханом. Подвиги соседнего монгольского хана возмущали его до глубины души, а последние известия о гибели Ван-хана бесили.

«Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками[1] древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов! — сердился он.— Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки». Решив дать бой Темуджину, он отправил посла к онгутам, однако онгутский Алахуш-дигитхури, получив приглашение участвовать в войне, тут же переслал сообщение Темуджину.

---

[1] *Сайдак* — набор вооружения конного лучника, состоявший из лука в налуче и стрел в колчане (иначе туле), а также чехла для колчана (тохтуи или тахтуи).

В середине первого летнего месяца, окропив кровью походное знамя, Темуджин велел выдвинуться передовому отряду Джебе и Хубилая, чтобы разведать, как обстоят дела в верховьях реки Керулен. Там отряд наткнулся на найманские караулы. Найманам удалось отбить пегую лошаденку, по ее тощему виду они сообразили, что дела Темуджина не столь уж и хороши. Так что Таян-хан успокоился, что враг не опасен. А враг в это время срочно придумывал, как обойти это упущение с лошадкой, как создать видимость более сильного войска, чем оно было на самом деле. И было решено широко развернуться и стать в степи, чтобы лошадки могли хоть немного набрать силу, а для отвода глаз по ночам раскладывать костров впятеро больше, чем требуется. Если найманы увидят такое количество костров, то решат, что и людей в войске впятеро больше. Сразу нападать они не решатся, этого времени и хватит, чтобы лошадки вошли в тело.

Дозорные, точно, клюнули на приманку: они стали доносить Таян-хану, что костров в степи больше, чем звезд на небе. Таян-хан подумал и предложил такое решение: если монголов так много, то сейчас принять бой с людьми, о жестокости и отваге которых ходят легенды, опасно, поэтому нужно уводить людей за алтайские горы, а в виду монгольского войска пустить небольшие отряды, чтобы заманить противника и истощить его коней. Решение было правильное и не хуже, чем у Темуджина, но этому решению стали противиться отдельные вожди, которые предлагали не делать обманных маневров и идти биться лицом к лицу. Таян-хан вынужден был уступить, он понимал, что его союзники делают роковую ошибку, но боялся прослыть трусом. Однако столкнувшись с монголами, Таян-хан вынужден был отступать все выше и выше в горы. Джамуха, который в этом походе сопровождал Таян-хана, старался вселить в того побольше ужаса, рассказы-

вая о собаках, приученных жрать человеческое мясо, метафорически так именуя Джебе, Субедея, Джелме и Хубидая, рассказывал о всаднике, закованном в бронзу так, что ни одна стрела не может его ранить,— самом Темуджине, о витязах, которые легко ловят арканами вражеских всадников, о Хасаре, который может сожрать в один присест трехлетнюю корову, потом он отделился от Таян-хана и послал к Темуджину сообщить, что найманы уже отлично напуганы.

Между тем Темуджин велел обложить гору, на которую ушли враги, со всех сторон. Когда те попытались спастись бегством, то в темноте соскальзывали в ущелья и ломали руки и ноги. Наутро найманское войско было морально готово к сдаче. Оно и сдалось. Сдалось также и приведенное в горы войско Джамухи, состоявшее из разных племен.

Осенью того же 1204 года Темуджин разбил еще раз меркитского Тохтоа-беки и взял в жены дочь меркитского Даир-Усуна Хулан-хатун. На меркитских знатных девушках он женил и часть своих сыновей. Еще через год Темуджину удалось напасть на небольшое войско Тохтоа, хан был убит стрелой, а сыновья, спешившие отойти побыстрее, не имели времени хоронить тело отца и не имели возможности его увезти: они предпочли отрезать ему голову и бежали. В этом отступающем войске была часть найманов и часть меркитов, которым чудом удалось выжить. Практически большая часть этого войска при отступлении утонула в бурных водах Эрдыша. Немногие спасшиеся ушли в земли уйгуров, куньлуньцев и кипчаков. Последним меркитским очагом сопротивления была крепость Тайхал.

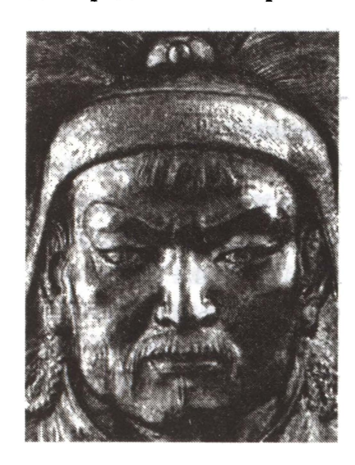
Когда добровольно сдавшиеся меркиты узнали, что крепость пала, они попробовали поднять восстание и бежать. Им это не удалось. Темуджин приказал разделить

4 — 1191

всех пленных и разослать по всем своим землям. Хан отлично понимал: если мятежный народ рассредоточить, заставить жить среди враждебного населения, никакого восстания он поднять не сможет. Так он нашел замечательное средство гасить народные возмущения в самом зародыше. А не так ли, по ханскому рецепту, потом поступали московские князья?

Темуджин был жестоким, безжалостным, но умным и беспристрастным человеком. Дар полководца замечательно сочетался у него с умением управлять завоеванными землями.

Друг-враг, побратим-анда Джамуха, который то интриговал против Темуджина, то помогал ему, оказался один, с пятью сотоварищами, без своего народа, своего богатства. Пятеро спутников, понимая, что Джамуха — отличное средство купить прощение и милость у хана, связали его и притащили к Темуджину. Они ошиблись: как только Темуджин узнал, что пятеро низкородных схватили и привели для расправы своего Гурхана, он велел в присутствии своего анды предать их смерти. Но, расправившись с предателями, он не пощадил и Джамуху: его было велено убить без пролития крови — то есть удавить, а затем с честью похоронить. Многие решения у Темуджина подчинялись минутному всплеску эмоций: когда Джамуха отказался от предложения восстановить дружбу и принять пощаду как милость хана, а просил всего лишь отпустить его на свободу, тот предпочел его уничтожить: нельзя же, чтобы Джамуха напоминал ему о самом отказе подчиниться его

Темуджин

решению? Когда Джамуха стал холодным телом, хан мог спокойно вспоминать о счастливых днях, которые были в его далекой юности. Больше соперников у Темуджина среди окрестных народов не было. Все монголы подчинились его воле.

В 1206 году был созван всемонгольский курултай, на котором хана Темуджина провозгласили Великим Ханом, Рашид-ад-Дин относил к этому году перемену имени Темуджин на новое — Тенгиз, имеющее для каждого монгола священное тенгрианское значение, *Сказание* же относит это имянаречение к более раннему периоду, когда монгольские племена были лишь частично объединены. Хронологию событий я прослеживаю именно по «Сокровенному сказанию». Рашид-ад-Дин дает другие даты некоторых событий, но путаница с именем — вопрос серьезный. Рашид-ад-Дин убежден, что это произошло только на курултае 1206 года.

Относительно самого курултая он пишет так:

> *«Когда благополучно и счастливо наступил год барс, являющийся годом барса, начинающийся с раджаба 602 г. х. [февраль — март 1206 г. н. э.], в начале весенней поры Чингиз-хан приказал водрузить белый девятиножный бунчук и устроил с [присутствием] собрания [полного] величия великий курултай. На этом курултае за ним утвердили великое звание „Чингиз-хан", и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был Кокэчу, сын Мунлик-беки эчигэ из племени конкотан, его звали Тэб-тэнгри. Значение чин — сильный и крепкий, а чингиз — множественное от него число, [по смыслу] одинаковое с [наименованием] гур-хан, которое было прозванием великих государей Кара-Хитая, иначе говоря — государь сильный и великий».*

Как только не переводили новое имя Темуджина!

Даже властителем великого моря, или от моря до моря! Наверно, справедливее всего самый простой перевод — *Великий властитель*, так же, как и Тенгиз море (озеро Байкал) — *Великое море*. Для Рашид-ад-Дина Чингисхан скорее не имя, а титул; если следовать этой логике, то полное «имя» хана должно было звучать как... **Чингисхан Темуджин**, поскольку Чингисхан — калька с китайского «великий государь». Но *Сказание* упоминает, что Чингисом или Тенгизом хан стал на первом курултае.

Что же тогда произошло на всемонгольском курултае 1206 года?

Наверно, провозглашенный ранее великим и после получения власти над частью монгольских племен хан был теперь просто введен во власть над всеми монголами, то есть стал своего рода отцом нации. Интересно, что для провозглашения хана был специально приглашен шаман, имеющий духовную связь с богом кочевников Тенгри. Дело не только в том, что сам Чингисхан был человеком верующим, дело в том, что только избранный Небом мог занять первое место среди монголов, ведь, по сути, хан становился автоматически связью между народом и Тенгри. Любопытно, что титул хана давал тому право на такое же высокое жреческое звание. Для этого у Чингисхана были все достоинства и ни единого изъяна: человек, даже внешне отмеченный Небом, родившийся не так, как другие, за короткое время создавший из разрозненных племен устойчивое образование, создавший войско, которое умеет и должно побеждать, справедливый и честный, твердый в своих словах и поступках, не боящийся смерти и верящий в свою миссию — служить Тенгри, даря небесному божеству все, что он только может — земли и народы, весь, известный тогда мир. Став Великим Ханом, главой монгольского государства, он тогда впервые и заговорил о претензиях на мировое господство. Вот дословно, что он тогда произнес:

«Вечно Синее Небо повелело мне править всеми народами. Покровительством и помощью Неба я сокрушил род кераит и достиг великого сана. Моими устами говорит Менкэ-Кеке-Тенгри (Вечно Синее Небо). В девятихвостое белое знамя вселяется гений-хранитель рода Чингиса, это „сульдэ"-знамя будет оберегать его войска, водить их к победам, покорит все страны, потому что Вечное Небо повелело Чингис-хану править всеми народами».

Итак, Чингис царствует «Силою Вечного Неба». Маленький монгольский народ о таком размахе деяний и думать-то не решался. Но Чингисхан буквально за 2—3 десятка лет показал, что может сделать хорошо организованная и обученная дисциплинированная армия. Сначала он полностью подчинил монголоязычные народы, потом их ближайших родственников — тюрков, таких же степняков, хотя и с лицами, отличающимися от монгольского образца. Именно тюрков мы и знаем под именем татар. Поскольку тюркоязычные народы жили в обозримом пространстве вокруг ханской Монголии, то дел в Дешт-и-Кыпчаке у Чингисхана было вполне достаточно. Туда, в Дешт-и-Кыпчак, за границы монгольского мира бежали непокорные враги хана.

Первое распоряжение, которое Чингисхан отдал, заняв высшее место в Монгольском государстве (как это именовалось — «за войлочными стенами»),— отправил в погоню за найманами верного полководца Джебе. Затем он объявил: «„Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства". И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай;

12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяа; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Дайр; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуй-дай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Аших-гурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87—89) (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахуш-дигитхури-гурген и 91—95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов».

Тут тоже интересная деталь: Чингисхан не делал различия между кочевыми народами, но он резко отделял их от народов лесных: тем высшие должности не полагались. Истинным, то есть, извините, богоизбранным народом были монголы да тюрки, все остальные истинными считаться не могли. Тому было несколько причин: не кочевники, не понимают Степи, но гораздо хуже было другое — не признают Тенгри. О, с последним хану пришлось столкнуться очень скоро, как только его истинный народ вырвался из-за войлочных стен!

Пока что он только объявил, каким должно быть войско, которое способно завоевать весь мир.

«Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей,— гласит текст „Сокровенного сказания“,— *которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: „В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов*[1] *и тур-хахов*[2]*“.*

К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: „Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сы-

[1] *Хорчины*, или *хорчи-кешиктены*, — стрельцы, в обязанности хорчи-кешиктенов входило вступать на свои посты вместе с дневной стражей турхаудов.

[2] *Тур-хахи*, или *турхауды*, — гвардейцы дневной стражи.

новьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников, вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей“.

Так гласил указ, и далее: „Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правежу[1] *и ссылать с глаз долой в места отдаленные“. Так повелевалось с присовокуплением: „Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепост-*

[1] *Правеж* — телесное наказание.

ных-аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас". Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов — ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем поведено было пополнить их до 1000. При этом поведено никому не возбранять вступления в кебтеулы.

Командующим гвардейским полком кешиктенов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктен. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было повелено: „Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтее; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудак, и в четвертую — Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее". „Прежний же отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича — Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью — чербию[1] *Додаю; четвертую — чербию Дохолху; пятую — родичу Чжурчедая — Чанаю; шестую — Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Ха-*

[1] *Чербий* — младший офицер, интендант, чербии ведали военными делами, распоряжались кебтаулами (гвардейцами ночной стражи).

сара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком — гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей“.

Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктенов. Чингис-хан повелеть соизволил: „Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком“. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими — Буха; во вторую — Алчидай, в третью — Додай-черби и в четвертую — Дохолху-черби.

По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: „Вступив в дежурство, дежурный начальник делает перекличку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявлен-

ному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!"

И еще повелел государь Чингис-хан: „Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника-сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников".

И еще повелел государь Чингис-хан: „Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки, а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому правилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади

или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи на отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказаться об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчжигидай“».

Дисциплина в созданном им войске обещала быть железной. Однако, если посмотреть на организацию войска попристальнее, то там можно найти некоторые страннейшие детали: говоря об устройстве караулов, хан вдруг упоминает вещи непонятные: какое отношение к этим стражам имеют, скажем, девушки и челядь? При чем тут воины и... обслуга? Вот это соединение обыденной жизни с военной и есть самый любопытный факт нововведений: хан попросту сделал всю свою страну одним огромным войском, ввел в ней ту же дисциплину, что полагалась раньше только для нукеров.

В эту единую монгольскую казарму попали все — мужчины и женщины. Так что не удивляйтесь, когда в главах, посвященных устройству гвардии, вы прочтете следующее:

«В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины; на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведующих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой Виннице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, сображаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах.

...Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами черби-ев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление... Кебтеулы принимают участие

в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцырей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и Дневной стражи турхаутов, с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, „отбросом питается, конским пометом отепляется“...»

Все течение мирной жизни он сделал подобным военному лагерю, с обязательным исполнением приказов и исполнением степных законов, которые он собрал воедино и назвал Великой Ясой.

От самой Ясы письменных свидетельств практически не осталось. Ее текст можно только условно собрать по частям, благодаря разного рода средневековым хроникам, в которых какие-то пункты монгольского права того времени запечатлены. Часть установлений касалась, прежде всего, веры монголов. Яса обязывала уважать мудрых и непорочных, но воздерживаться от осуждения злых и несправедливых, поскольку монгольская вера предполагала, что злые речи и поступки все равно происходят

только с небесного соизволения и за эти грехи отчет у человека может потребовать только Тенгри. В конце концов, человек должен отвечать только за собственные поступки и стремиться жить согласно своей вере, то есть честно исполнять свой долг, не приносить зла и больше чем на себя полагаться на справедливость Тенгри.

Законы ясы перекликаются с заповедями Ветхого Завета: «*Первым является следующее: любите друг друга; во-вторых, не совершайте прелюбодеяние; не крадите; не лжесвидетельствуйте; не предавайте кого-либо. Уважайте стариков и бедных*». Поскольку монгольское общество на этапе его становления было бедным обществом, то оно предполагало законы гостеприимства, нарушить которые было хуже, чем украсть: «*Он (Чингисхан) запретил им (монголам) есть что-либо в присутствии другого, не приглашая его разделить пищу; он запретил любому человеку есть больше, чем его товарищи*». Особо стоит сказать, что Яса хана не делала существенных различий между разными верами: для Чингисхана вера в единого бога была адекватна вере в его Единое Вечное Небо, в Тенгри. Поэтому он особо оговаривал, что верующих людей нужно уважать и не оказывать никакой религии предпочтения: все они достойны, хотя считают, что веруют в разных богов. Но, как пишет Лэм, обнародовать первую статью составленной им Ясы хан не решился, а она, между прочим, гласила: «*Повелеваем всем веровать в Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах». Очевидно, он сообразил, что если повелеть всем верить в Единого Бога, то можно отпугнуть языческие народы с их многобожием, так что он предпочел не делать предпочтения ни одной из вер, оставив веру на усмотрение завоеванных или добровольно подчинившихся ему народов. Это была своего рода «монгольская свобода совести»*.

В вопросах международных отношений хан полагался на волю пославшего его Неба: Аб-уль-Фарадж вспоминает такой пункт этого монгольского закона: когда необходимо писать восставшим и посылать им представителя, не запугивайте их силой и великим размером вашей армии, а только скажите: «Если вы добровольно сдадитесь, то вы найдете хорошее обращение и покой, но если вы сопротивляетесь — что с нашей стороны можем мы знать? Вечный Бог знает, что случится с вами». Тут, правда, был один нюанс: добровольно отдавшиеся на милость хана народы почитались правильными и искоренению не подлежали, против же строптивых и не желающих подчиняться хан посылал свое войско по воле Вечного Неба. Послы, которые появлялись перед движущимися следом войсками, были под защитой Неба, поэтому убить посла или нанести ему обиду было равносильно нанесению обиды или раны самому Тенгри. За это Небо отвечало карательным ударом. Естественно, этот удар наносила не молния, а вполне человеческая монгольская рука. В то же время мира монголы не заключали, пока властитель не изъявлял хану полную покорность. В подчиненных монголами странах властителям было запрещено носить почетные титулы. Хан и сам именовал себя крайне просто, так что униженным владыкам мусульманских и христианских стран приходилось избегать в переписке или даже при свидетелях высоких и цветастых титулов.

Яса запрещала и возвеличивание самих монгольских владык. Аб-уль-Фарадж очень удивлялся непривычному для арабского писателя отказу монголов от пышных титулов: «(Монголы) не должны давать своим ханам и благородным людям много возвеличивающих имен или титулов, как это делают другие нации, в особенности, последователи ислама. И к имени того, кто сидит на троне царства, им следует добавить одно имя, т. е. Хан или

Каан. И его братья, сестры и родственники должны называть его первым именем, данным при его рождении». Сам Чингисхан ограничивался именем Великого Хана, то есть хана над всеми другими монгольскими ханами рангом пониже. Даже в переписке иного титулования Чингисхана не было, в этом плане он был человеком предельно скромным.

Монголы мало времени проводили в мирных занятиях, практически вся их история — это история постоянных войн, так было и при Чингисхане, так было и позже. Но даже в редко выдающиеся спокойные годы Яса повелевала заботиться о духе нации, заменителем войны в мирные дни была охота. Яса так и повелевала: «Когда монголы не заняты войной, они должны отдаваться охоте. И они должны учить своих сыновей, как охотиться на диких животных, чтобы они набирались опыта в борьбе с ними и обретали силу, энергию выносить усталость и быть способными встречать врагов, как они встречают в борьбе диких и неприученных зверей, не щадя (себя)». Это означало, что монгол будет поддерживать хорошую форму, даже если не будет военной тренировки. Недаром все путешественники были потрясены не только выучкой нукеров хана, но и выучкой монгольских пегих лошадок — тех дрессировали не хуже чем собак. В бою монгольская лошадка творила чудеса, выполняя по знаку воина то, на что лошади ни в каком тогдашнем государстве были не способны — будь то хоть изящные и грациознейшие арабские скакуны.

Яса определяла и порядок набора в войско: «Бойцами рекрутируются мужчины от двадцати лет и старше. Для каждого десятка должен назначаться офицер, и для каждой сотни, и офицер для каждой тысячи, и офицер для каждых десяти тысяч... Ни один воин из тысячи, сотни или десятка, в которые он был зачислен, не должен уезжать в другое

место; если он сделает это, то будет убит, и так же будет с офицером, который принял его». Порядок суровый, но справедливый: чтобы армия хана стала лучшей по организации во всем мире XIII века, самовольные отлучки нужно было запретить, только так можно было всегда быть готовым к выступлению в любой момент.

Ясой определялся не только порядок воинского набора, но и порядок содержания армии. В отличие от всех известных феодальных дружин и армий, монгольское войско точно знало, что ему нечего полагаться на тех, кто будет доставлять продовольствие или приводить в порядок испорченную амуницию: каждый воин должен был заботиться о собственном пропитании и своем обмундировании и вооружении. Каждый человек в монгольском государстве знал, какое ему отведено место и что он обязан выполнять. В мирное время часть воинов «переназначалась» на мирные специальности, но это тоже считалось службой. Проще говоря, в тогдашнем монгольском обществе Яса определяла службу всем, даже женщинам.

В этом всеобщем служении не было места лени или нежеланию заниматься делом, и только при таких условиях можно понять один из основных пунктов Ясы: «*Существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значимости*». Когда начинались военные действия, место мужчин занимали женщины. Они выполняли мужскую работу и не жаловались, что это несправедливо. Монгольская женщина была женщиной особой породы — она с детства была приучена трудиться наравне с мужчинами, а если нужно — и сражаться. Единственные категории населения, которые выпадали из такого казарменного состояния, были священники любой конфессии (или жрецы), врачи и ученые. Священников

хан уважал, не различая религий между собой, а врачей и ученых умело использовал: первых — для лечения жителей монгольской казармы, а вторых — для развития военной или инженерной мысли. Все равно ведь все новые научные открытия работали в его государстве на войну.

В качестве особого положения Яса вводила создание на всех дорогах почтовых станций или ямов (отсюда и наше слово ямщик), что позволило создать невероятную по качеству курьерскую службу (это тоже была мера, характерная для военного государства с необходимостью как можно быстрее доставлять донесения), Яса предполагала также строгий учет всех налогов и сборов, что затем помогло монголам очень легко держать в узде покоренные народы, которые подвергались принудительной переписи и установлению распределенной на все это население дани. Такой же цели следовало и еще одно установление, теперь уже относительно незамужних девиц: всех их в определенном возрасте нужно было показывать монгольским чиновникам (вне зависимости от происхождения или статуса, даже пленных), чтобы те могли отобрать лучших по красоте для ханского двора.

Все уголовные установления Ясы были направлены на поддержание порядка и мира в самом монгольском государстве. Среди законов не было практически милостивых к преступникам, их, так сказать, по законам военного времени надлежало найти и казнить. Наиболее серьезно карались проступки против религии, морали, обычаев самого хана или государства, а также против жизни и имущества отдельной личности.

Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.

Кто лжет с намерением или волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти.

Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти.

Кто даст пищу или одежду полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.

Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.

Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого.

Он запретил своему народу есть из рук другого, пока представляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий — пленник; он запретил им есть что бы ни было в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать через огонь трапезный и чрез блюдо, на котором едят.

Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.

Он запретил мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится.

Он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он нечист; утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистыми и нечистыми.

Он узаконил, чтобы старейший из эмиров, когда он совершит проступок, и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки по-

следнего и распростирался бы пред ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя бы то было лишение живота.

Воры, разбойники, злоумышленники, аморальные или безнравственные люди, клятвопреступники, лжесвидетели — все они не считались годными к перевоспитанию, им надлежало умереть. Даже знаменитый закон о третьем банкротстве, когда купец оказывался в безвыходном положении, набрав в долг и не имея сил уплатить, карал за это несчастье одним известным способом — смертью. За мелкие правонарушения воины и охотники подлежали физическому наказанию — то есть битью. За бездарность и глупость при исполнении военной службы — разжалованию. Некоторые убийства, если они не касались лиц, облеченных властью, наказывались штрафом, как и за кражу коня; впрочем, за последнее, если конокрад не мог заплатить штрафа, преступника казнили. Избежать смерти могли лишь люди ханской крови — им определялась за проступки не смертная казнь, а тюрьма или высылка. Остальные монголы были в законодательном плане совершенно равны между собой — любой серьезный проступок мог закончиться для них плачевно. Но эта железная государственная дисциплина так держала народ в узде, что количество преступников сразу же сократилось.

При Великом Хане государственный аппарат стал работать как хорошо отлаженный механизм: всякий винтик знал в нем свое точное место.

Некоторые пункты Ясы, очевидно, приводит в своей «Истории» Рашид-ад-Дин, именуя их высказываниями или установлениями Чингисхана (учитывайте только, что как человек арабского мира он использует арабские термины):

«Чингиз-хан сказал: „Народ, у которого сыновья не следовали биликам[1] отцов, а их младшие братья не обращали внимания на слова старших братьев, муж не полагался на свою жену, а жена не следовала повелению мужа, свекоры не одобряли невесток, а невестки не почитали свекоров, великие не защищали малых, а малые не принимали наставлений старших, великие стояли близко к сердцам [своих] служителей и не привлекали на свою сторону [сердца] бывших вне их окружения, люди, пользовавшиеся [всеми] благами, не обогащали население страны и не оказывали [ему] поддержки, пренебрегали обычаем и законом, соображениями разума и обстоятельства, и по этой причине [становились] противниками управителей государства: у такого народа воры, лжецы, враги и [всякие] мошенники затмевали солнце на его собственном стойбище, иначе говоря, его грабили, кони и табуны его не обретали покоя, а лошади, на которых, [идя в походы], выезжали передовые отряды, до того изнурялись, что, естественно, эти лошади падали, подыхая, сгнивали и превращались в ничто“.

Еще он сказал: „Если великие люди [государства], бахадуры и эмиры, которые будут при многих детях государей, что появятся на свет после сего, не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется и прервется, будут страстно искать Чингиз-хана, но не найдут [его]!“

Еще он сказал: „Только те эмиры туманов, тысяч и сотен, которые в начале и конце года приходят и внимают биликам Чингиз-хана и возвращаются назад, могут стоять во главе войск. Те же, которые сидят в своем юрте и не внимают биликам, уподобляются камню, упав-

---

[1] *Билик* — неписаные правила, передающиеся из поколения в поколение, знание, познание, мудрость и наука.

шему в глубокую воду, либо стреле, выпущенной в заросли тростника, [и] тот и другая бесследно исчезают. Такие люди не годятся в качестве начальников!“

Еще он сказал: „Каждый, кто в состоянии содержать в порядке свой дом, в состоянии содержать в порядке и [целое] владение [мулк]; каждый, кто может так, как это положено, выстроить к бою десять человек, достоин того, чтобы ему дали тысячу или туман: он сможет выстроить их к бою“.

Еще он сказал: „Каждый, кто может очистить от [зла] свое внутреннее, может очистить от воров [целое] владение“.

Еще он сказал: „Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы [поступим с эмирами] сотен и тысяч и эмиром-темником!“

Еще он сказал: „Можно в любом месте повторить любое слово, в оценке которого согласны три мудреца, в противном случае на него полагаться нельзя. Сравнивай и свое слово и слово любого со словами мудрых; если оно будет [им] соответствовать, то может быть сказано, в противном случае [его] не надо произносить!“

Еще он сказал: „Каждому, кто пойдет к старшему, не должно ничего говорить до тех пор, пока этот старший не задаст вопроса. И тогда пусть он согласно этому вопросу даст должный ответ, потому что, если он произнесет [свое] слово прежде [вопроса], то хорошо, если его услышат, в противном случае он будет ковать холодное железо“.

Еще он сказал: „Добрым можно назвать только такого коня, который хорошо идет и откормленным и в полтеле, и одинаково идет, будучи истощенным. Коня же,

который хорошо идет [только] в одном из этих трех состояний, добрым назвать нельзя!“

Еще он сказал: „Старшие эмиры, кои суть начальники, и все воины должны, когда они выступают в поход, каждый установить свое имя и военный клич, подобно тому как они назначают свои имена, когда выезжают на охоту, всегда молясь всевышнему господу, привязавшись к нему [всем] сердцем, да просят устройства восьми сторон, дабы силою извечного господа охватить [все] четыре стороны [света] сразу“.

Еще он сказал: „Среди [мирного] населения будьте смирны, как малый теленок, а во время войны кидайтесь в бой, как голодный ястреб, бросающийся на дичину“.

Еще он сказал: „Слово, которое сказали, подумав: хорошее ли оно? — раз сказано всерьез или в шутку, [все равно] его нельзя вернуть“.

Еще он сказал: „Мужчина — не солнце, чтобы [одновременно] показываться людям всюду. Жена, когда ее муж уезжает на охоту или на войну, должна содержать дом в порядке и прибранным с тем, чтобы, когда посол либо гость остановятся в доме, он увидел бы все в порядке, а она сделала хорошее кушанье и приготовила все, что нужно гостю. [Такая жена] естественно создает хорошую репутацию мужу, подымает его имя, и [муж ее] на общественных собраниях возвысится, словно гора. Хорошие качества мужа узнаются по хорошим качествам жены. Если жена дурна и неразумна, беспутна и непорядлива, то и муж по ней познается!“

Еще он сказал: „В пору смут должно так ездить, как, говорят, ездил Даракай-Ухэ из племени катакин: он ехал в смуту; с ним было два нукера. Они издали заметили двух всадников. Нукеры сказали: «Нас трое, нападем на них, их [только] двое!» Тот ответил: „Так же как мы их увидели, так же и они должны были нас уви-

деть, нападать [на них] не следует!» И, ударив коня плетью, ускакал. Затем выяснилось, что одним из тех двух [всадников] был Тимур-Уха из племени татар и что он посадил [заранее] в ущелье в засаду около пятисот человек из своих нукеров, а сам показался с тем, чтобы, когда эти три всадника нападут на него, он, обратившись в бегство, кинется в то место [засады] и схватит их [там] с помощью сидящих в засаде нукеров. Но Даракай-Уха догадался об этом и ускакал. В тех окрестностях он имел двадцать других нукеров, он соединился с ними и всех [благополучно] вывел. Смысл [этого рассказа] таков: в делах необходимы осторожность и осмотрительность".

Еще он сказал: „Нет бахадура, подобного Есунбаю, и нет человека, подобного ему по дарованиям! Но так как он не страдает от тягот похода и не ведает голода и жажды, то считает всех прочих людей, нукеров и ратников, находящихся с ним, подобными себе в [способности] переносить тяготы [походов], они же не в силах [их переносить]. По этой причине он не годен быть начальником. Достоин же быть таковым [лишь] тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы [его] войско голодало и испытывало жажду, а скот отощал".

Еще он сказал: „Так же, как и наши купцы приходят с ткаными золотом одеждами и добрыми вещами и твердо уверены в получении барыша с этих материй и тканей, то и эмиры войска должны хорошенько обучить сыновей метанию стрел, верховой езде и единоборству и упражнять их в этих делах. И такими сделать [их] отважными и неустрашимыми, чтобы они были подобны настойчивым купцам по тем искусствам [изворотливости и предприимчивости], которые они знают".

Еще он сказал: „Когда человек, пьющий вино и водку, напьется, он становится слеп,— ничего не в состоянии видеть; он становится глух — не слышит, когда его зовут; он становится нем,— когда с ним говорят,— не в состоянии ответить. Когда он напьется, то похож на человека при смерти: если он захочет сесть прямо, то не будет в состоянии [этого сделать], точно так, как оцепенел бы и обалдел человек, которого хватили по голове. В вине и водке нет ни пользы, ни разума, ни доблестей, и нет также доброго поведения и доброго нрава: [во хмелю люди] совершают дурные дела, убивают и ссорятся. [Вино] удерживает человека от того, что он знает, и от искусств, которыми он обладает, оно становится завесою [или преградою] на его пути и для его дела. И он бывает таким, что теряет определенный путь и, [как помешанный], внеся пищу и скатерть в огонь, [потом погружает] их в воду. Государь, который пристрастен к вину и водке, не в состоянии вершить великих дел и издавать билики и [устанавливать] важные обычаи; эмир, пристрастный к вину и водке, не в состоянии держать в порядке ни дела тысячи, ни сотни, ни десятка [своего войска] и не в состоянии завершить их [благополучно]. Телохранителю, который пристрастен к вину, строжайше воздастся, его постигнет великая кара.

Если уж нет средства против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только [он] перейдет за три раза,— совершит [наказуемый] проступок. Если же в течение месяца он напьется [только] дважды,— это лучше, а если один раз,— еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?! Но где же найти такого человека, который [совсем] бы не пил, а если уж таковой найдется, то он должен быть ценим!“

Еще он сказал: „Если кто-нибудь из нашего уруга единожды нарушит Ясу, которая утверждена, пусть его на-

ставят словом. Если он два раза [ее] нарушит, пусть его накажут согласно билику, а на третий раз пусть его сошлют в дальнюю местность Балджин-Кулджур. После того, как он сходит туда и вернется обратно, он образумится. Если бы он не исправился, то да определят ему оковы и темницу. Если он выйдет оттуда, усвоив адаб, и станет разумным, тем лучше, в противном случае пусть все близкие и дальние [его] родичи соберутся, учинят совет и рассудят, как с ним поступить".

Еще он сказал: „Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда прибудет фирман и приказ, безразлично, ночью или днем!"

Еще было им сказано: „[Величайшее] наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, [в том, чтобы] сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, [в том, чтобы] превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!"»

Эта часть Ясы получила название *Билик*, то есть изречения самого хана. Другая, законодательная ее часть известна гораздо хуже и только фрагментарно. Но есть основания полагать, что все монгольские законы более позднего времени опирались на чингисову Ясу, как сама Яса опиралась на неписаное степное законодательство.

После победы над Таян-ханом Чингисхану достался Тота-тунга, ученый уйгур, при Таян-хане исполнявший обязанности хранителя печати. Монголы по сравнению с

уйгурами были народом отсталым — письменности у них не имелось, так что куйгур был приспособлен тут же для создания монгольской письменности, но уйгурскими знаками. С этой задачей Тота-тунги справился. Означенную новую письменность хан велел изучить своему приемному брату Шиги-Кутуку, дабы тот мог вести переписку и вести судебные разбирательства, а сведения о решениях заносить «на черные дощечки», то есть составлять своего рода судебные протоколы. Яса как юридический документ появилась у неграмотных монголов только после создания письменности. Причем, по одной из монгольских летописей для участия в этом проекте века были приглашены китайские ученые: «*По изгнании Алтан-хана китайского и подчинения своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов Чингисхан, владея великим просветлением, так думал: законы и постановления китайцев тверды, тонки и непеременчивы, и при этой мысли, пригласив к себе из страны народа великого учителя письмен и 18 его умных учеников, Чингис-хан поручил им составить законы (йосон), из которых исходило бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных, а особенно книгу законов (хули-йосони билик) для охранения правления его. Когда по составлении законы эти были просмотрены Чингис-ханом, то он нашел их соответствующими своим мыслям и составителей наградил титулами и похвалами*». Каким алфавитом они записывали Ясу? Вполне вероятно, что китайским, поскольку сами китайцы упоминают, что в ханской Монголии были тогда в ходу два типа письма — уйгурское и китайское. Хан очень полагал, что введение писаного закона поможет сделать государство прочным, а людей сплоченными. Недаром он, наверно, в Билике сказал о своей Ясе так: «*В будущем, вплоть до пятисот, тысячи и десяти тысяч лет, если потомки, которые появятся на свет и воссядут на ханство, будут так же хранить обычай*

и закон Чингиз-хана, которые в народе ко всему применимы, и не изменять их, то с неба снизойдет помощь их державе и они будут всегда [пребывать] в радости и веселии. Господь вселенной взыщет их [своими] милостями, а жители мира будут за них молиться, они будут долговечными и будут наслаждаться благами [жизни]». Увы, этого как раз и не случилось. Впрочем, радость и веселье, которые он обещал будущим ханам за соблюдение Ясы в ее неизменном виде, другим народам совсем не казались ни радостью, ни весельем.

Из-за войлочной стены

Великая Монголия, которую создал Чингис на заре Империи, была по сути крошечным государством. Ее войско было масштабным по меркам лишь самой Великой Монголии, и для этого не нужно особенно разбираться в источниках, вполне достаточно найти то место в «*Сокровенном Сказании*», где упоминается численность присоединившихся на первом курултае племен — 13 000 нукеров. Но время шло, войско прирастало новыми и новыми племенами.

По Рашид-ад-Дину численность войска хана была такова: те, которые принадлежали к голу, барунгару и джунгару, иначе говоря,— к центру и двум флангам, и по наследству достались Екэ-нойону (Толую),— было (их) сто одна тысяча человек; те, которые принадлежали к правой руке и левой, т. е. к мейманэ [правому крылу] и мейсарэ [левому крылу],— было сто тысяч человек; то, что он разделил между своими сыновьями, исключая Екэ-нойона, племянниками, младшим братом Отчигин-нойоном и своей матерью Оэлун-экэ, [составило] двадцать восемь тысяч человек.

По другим данным (тоже арабским) у хана было 150 000 воинов, по «Сокровенному сказанию» — 230 000 войска. Откуда такое разночтение? Очевидно, имеется в виду войско в разные периоды монгольского государства. Первоначально у хана было всего 13 000 воинов (каждое племя давало свою тысячу). После объединения всех монголов хан взял себе личную тысячу человек, и ему подчинялось стотысячное войско — эта 101 000 воинов и отошла Толую. Другое стотысячное войско образовалось, видимо, уже позже, с присоединением новых и новых племен, не только монгольских, но и тюркских. Правое крыло войска имело 38 000 человек, левое — 62 000 человек. Шестнадцать тысяч воинов принадлежали поровну остальным четырем сыновьям хана, брату хана Отчигину — 5000 воинов, матери хана — 3000 воинов, сыновьям брата Хасара — 1000 воинов, сыну брата Качиуна — 3000 воинов. Если сложить эти тысячи, получим 229 000 человек. Число, близкое к «Сокровенному сказанию». Если учесть, что Рашид-ад-Дин был допущен к монгольским источникам, его сведения могут быть близкими к истине.

Не стоит только думать, что вся эта военная сила целенаправленно ходила в походы на одном каком-то направлении. Хан так планировал свои военные действия, что нередко войска посылались, так сказать, ограниченным контингентом, но сразу на несколько племен, позже и стран. Не обязательно, что во все походы отправлялся сам хан, он мог посылать лучших из своих полководцев. Монголы использовали революционную для своего времени стратегию: они шли несколькими языками, да и сами эти языки тоже могли делиться на более мелкие отряды. Так что в полном объеме чингисово войско никогда в боях не участвовало.

На первых порах хватало незначительного войска, чтобы покорить соседей. Эти соседи «волей Вечного Синего

Неба» были уже назначены в подвластные народы — сначала мелкие государства тюркоязычных народов, затем — вожделенный северный Китай, с которым у монголов были старые счеты, сама Срединная империя, Средняя Азия, потом путь лежал все дальше на запад. Собственно говоря, монголы пошли на Запад сразу же, преследуя меркитов и часть найманов. Там лежало государство енисейских киргизов, прежде составлявшее Второй Тюркский каганат, сегодня более известное как древняя Хакасия. Это было первое крупное сибирское государство, на которое решился напасть Великий хан.

В 1207 году монгольское войско вторглось в его пределы. Однако добыча оказалась не такой легкой, как рассчитывал хан. Почти век ушел на то, чтобы полностью уничтожить отважных воинов, которые боролись за каждую крепость, стоявшую на их земле. Жители Хакассии сопротивлялись монгольским войскам даже дольше, чем Китай, Средняя Азия и Русь вместе взятые, где было куда больше городов. Пятнадцати лет хватило, чтобы подчинить северный Китай и Семиречье, тридцати пяти — чтобы взять Ирана, десяти — на полное завоевание Северо-Восточной и Южной Руси. На завоевание Хакассии потребовалось восемьдесят шесть лет. Сегодня мы знаем, что Сибирь не была сплошь диким краем, как это представлялось еще полвека назад. Но сибирскую цивилизацию доконала война с ханом. Доподлинно неизвестно, сколько было крепостей в этой сибирской стране, пока найдены всего несколько. Но это самые настоящие укрепления — со стенами и рвами. В этих укрепленных городах находят святилища и дома. Когда-то в них жили люди. И об этих людях прекрасно знали в среднеазиатском мире, с которым страна вела свою торговлю. Недаром Низами отправил своего героя, Александра Македонского, на поиски благодатных земель к реке Енисей, туда, собственно, где располагалось во времена Низами реальное и сильное государство.

Земли Хакассии были разгромлены, города сровнены с землей уже после смерти Великого хана. Он мог только посылать туда свое войско, но справиться с гордым народом монгольские воины не могли. Им постоянно приходилось проходиться по этой — вроде присоединенной — земле как теркой, чтобы усмирить бунтовщиков. В 1207 году хану показалось, что государство подчинено, это была видимость. Полностью подчинить эту землю удалось лишь к XIV веку.

В том же 1207 году войско хана вошло в область тангутов, которые, прежде показав смирение, теперь подняли мятежи. Это был второй тангутский и совершенно карательный поход. Через год хану подчинилось племя ойратов и навело на след бежавшего сына Таян-хана Кушлука и меркитского хана Токтай-Беки. Токтай был убит, имущество разграблено, но Кушлуку удалось бежать к правителю Кара-Китая, там он пришелся ко двору и даже получил в жены дочку гурхана.

Следом на очереди стояло государство уйгуров. В XII веке уйгурам приходилось платить дань соседнему гурхану, а самим государством управлял каракитайский наместник. Правителю уйгуров такое положение вовсе не нравилось, так что он решил воспользоваться Чингисханом как средством освобождения своего народа. Для начала ид-кут Уйгурии велел убить каракитайского наместника и собирался далее отправить к хану своих послов. Но разведка у монголов была первоклассная: не успел ид-кут снарядить послов, как к нему явились послы от Чингисхана.

«Когда они прибыли, иди-кут весьма обрадовался их прибытию,— пишет Рашид-ад-Дин,— *оказал им почет и уважение и выразил всякого рода симпатии. С ними вместе он отправил двух своих послов к стопам Чингиз-хана, коих звали Баргуш-Иш-айгучи и Алгин-Тимур-Ту-*

тук. Их устами он доложил: „Я услышал от приходящих и уходящих о могуществе, величии, грозности и твердости государя, завоевателя мира и владыки вселенной, я поднял мятеж против каракитайского государя гур-хана. Я хотел послать послов и доложить [тебе] в целом и в частностях об обстоятельствах гур-хана и о всем прочем, что я знаю, и от чистого сердца усердно служить [тебе]. Среди этих размышлений мне показалось, словно небо очистилось от туч и из-за них выглянуло ясное солнце. Оно разбило льды, сковавшие поверхность рек, и появилась прозрачная и чистая вода. Сердцем и нутром я весьма возликовал. А засим я подношу всю уйгурскую область и становлюсь рабом и сыном Чингиз-хана!" По такому поводу доложил он все это.

Как перед этим было сказано, Токтай-беки пал в битве от стрелы и был убит. Его брат Куду и его сыновья Чилаун, Маджар и Мэргэн — т. е. хороший стрелок из лука, его называли стрелком потому, что он был таковым,— короче говоря, они все четверо спешились после битвы и хотели подобрать труп Токтая, но, так как [у них] не было достаточно времени, они поспешно схватили его голову и бежали с побережья Ирдыша. [Оттуда] они прибыли в область уйгуров и послали к иди-куту посла, по имени Эбугэн. Этого посла иди-кут убил. По этой причине они вступили в битву [с уйгурами] в долине реки, называемой Джам-мурэн, и были обращены в бегство. Оттуда они удалились вчетвером вместе с Кушлуком и вступили в другие пределы, о которых будет упомянуто. Так как иди-кут знал, что они являются врагами Чингиз-хана, то он им не подчинился, а, дав сражение, обратил [их] в бегство. С уведомлением об этом обстоятельстве он послал к Чингиз-хану четырех своих нукеров, имена их: Арслан-Уга, Джарук-Уга, Пулад-тегин и Инал-Кая-Сунчи.

5 — 1191

Этот поступок [Чингиз-ханом] был одобрен на основании предшествующих обстоятельств. Когда два вышеупомянутых посла прибыли вместе с послами Чингиз-хана и доложили эти речи, Чингиз-хан оказал [им] благоволение и повелел [дать] такой ярлык: „Если иди-кут действительно имеет в сердце [желание] усердно [нам] служить, то пусть он лично возьмет и принесет [дань] из того, что он имеет, и из того, что числится и имеется налицо в казне“. По этому делу он послал [к нему] вторично Алп-Унука и Дурбая. Когда те прибыли туда, иди-кут раскрыл двери сокровищницы и взял то, что счел подходящим и приличным из бывших в наличности денег и натуры, и отправился к его величеству Чингиз-хану».

Впрочем, «отправился» — сказано сильно: за время сборов ид-кута и, вероятно, тяжелых раздумий о судьбе своей страны хан успел в третий раз сходить на Тангут, взять город Иргай, установить снова монгольский порядок и вернуться в Монголию с дочерью тангутского владыки — прошло больше полутора лет. Ид-кут — наконец — прибыл ко двору Чингисхана. Примерно в это же время и тоже без боя хану подчинился и правитель карлуков Арслан-хан. Арслан-хан обещал покорность и любовь, и что он станет хану пятым сыном. Хан подумал и понял, о чем мечтает Арслан: он отдал ему в жены свою дочь.

А в 1211 году хан осуществил наконец-то свою мечту: он двинул войска на юг, в замечательную китайскую землю. Отправляясь в китайский поход, хан не забыл помолиться своему Единому Синему Небу.

«В то время когда Чингиз-хан предпринял поход на владения Хитая,— повествует Сказание,— *и выступил на войну против Алтан-хана, он один, согласно своему обыкновению, поднялся на вершину холма, развязал пояс и*

набросил его на шею, развязал завязки кафтана [каба], встал на колени и сказал: „О, Господь Извечный, ты знаешь и ведаешь, что ветром, [раздувшим] смуту, был Алтан-хан и начало распре положил он. Он безвинно умертвил Укин-Баркака и Хамбакай-каана, которых племена татар, захватив, отправили к нему, а те были старшими родичами отца моего и деда, я же домогаюсь их крови, лишь мстя [им]. Если ты считаешь, что мое мнение справедливо, ниспошли мне свыше в помощь силу и [божественное] вспоможение и повели, чтобы с высот ангелы и люди, пери и дивы стали моими помощниками и оказывали мне поддержку!" С полнейшим смирением он вознес это моление; затем сел на коня и выступил. Благодаря [своей] правоте и верному намерению он одержал победу над Алтан-ханом, который был столь могущественным и великим государем, многочисленности войска, обширности страны, неприступным крепостям которого нет предела, и его владения и его дети очутились во власти [Чингиз-хана]!»

Хорошая молитва приносит хорошие плоды! Случилось то, чего так боялись жители Поднебесной. Монголы перешли границу.

Как об этом писал Рашид-ад-Дин, весной 1211 года:

«...когда Чингиз-хан соизволил отправиться в поход на страну Хитай, то, [опасаясь], как бы несколько из рассеянных [им] племен еще раз не объединились между собой и не восстали бы, он, прежде всего, послал в низовья [реки] в дозор две тысячи человек под начальством Тукучара из племени кунгират, которого называли Далантуркак Тукучар, для того, чтобы, когда он [сам] пойдет на страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племен монгол, кераит, найман и других,

большинство которых он подчинил [себе], да чтобы и [его] орды были также в безопасности. После того как он принял эти предосторожности и организовал войска, он счастливо выступил осенью упомянутого года на завоевание областей Хитая, Кара-Хитая и Джурджэ, областей, которые монголы называют Джаукут, а по-хитайски Хитай называют Ханжин...

[Итак], когда Чингиз-хан отправился в поход на те пределы, прежде всего он дошел до озера Далай-нор и взял города Дашуйли и Бай-дэн-чэн. Оттуда они [монголы] пошли и взяли города У-ша-пу, Чан-чжоу, Хуань-чжоу и Фу-чжоу».

Китайский источник того времени сообщает, что же происходило в Северном Китае.

«Во второй месяц с севера дул сильный ветер, от коего разрушались дома и ломались деревья. У ворот Тун-сюань и Дун-хуа сим ветром переломало запоры. В третий месяц загорелась кумарня Да-бэй-гэ, от коей сгорели и дома простолюдинов. С северного угла показалось черное облако, которое величиной уподоблялось большой скале. Внутри оного тремя линиями просвечивали полосы и были подобны дракону и тигру. В четвертый месяц монгольский государь Тай-цзу (Чингисхан) выступил на войну против Цзинь. Цзиньский государь Вэй-шао-ван, услышав об этом, послал чиновника чжао-тао-ши по имени Нянь-хэ-хэ-да в Монгольское государство просить мира, а генералов Цянь-цзяну и Чэн-юя отрядил охранять границы. В восьмой месяц цзиньские вельможи Цянь-цзяну и Чэн-юй не приготовились к защите границ, и монгольское передовое войско, вступив в оные, взяло стан У-юэ.

...Цянь-цзяну и Чэн-юй, не смея противоборствовать неприятелю, отступили от Фу-чжэу и стали в Сюань-

пин-сяне. Жители города Сюань-пин убеждали Чэн-юя поставить впереди войско, находившееся в городе, а позади оного для вспоможения расположить его войска и напасть на неприятеля. Но Чэн-юй из страха не осмелился воспользоваться их советом и спрашивал только о дороге к крепости Сюань-дэ. Туземные жители, насмехаясь над ним, говорили: „Реки, речки и окольные дорожки нам известны, но главнокомандующий не думает, воспользовавшись местными выгодами, сразиться всеми силами с неприятелем. Если он помышляет только о бегстве, то непременно будет разбит“.

В ту же ночь, когда Чэн-юй с войском уходил на юг, монгольское войско, преследуя его, поражало с тыла. На другой день, по достижении реки Хой-хэ-чуань, войско Чэн-юя было совершенно рассеяно, только сам Чэн-юй успел убежать в крепость Сюань-дэ. После сего монгольское войско взяло заставу Цзюй-юн-гуань. По приближении передового монгольского войска к Средней столице жители столицы были объяты страхом. Но генерал Лянтан с твердостью защищал город и успокаивал жителей. Получив об этом известие, шан-цзинский комендант Тушань-и дал 20 тысяч войска генералу Сунь-у-тунь и послал его на помощь к Средней столице.

В то же время генерал Чжуху-гао-ци стал с войском за воротами Средней столицы Дун-сюань-мэнь, после чего монгольское войско отступило. В одиннадцатый месяц Вэй-шао-ван, выявляя поступок шан-цзинского коменданта Тушань-и, вызвал его в Среднюю столицу и сделал старшим министром. Тушань-и говорил государю Вэй-шао-вану: „Монгольское войско с начатием войны действует совокупно, а мы защищаемся раздельно. При нападении им общими силами на наши рассеянные войска мы постоянно терпим поражение. Итак, для нас выгоднее собрать людей для защиты в главные города и соединен-

ными силами противостоять неприятелю. Чан-чжэу, Хуань-чжэу, Фу-чжэу, «сии три округа издавна почитались богатыми и сильными; жители оных равно храбры и отважны. Переселив их внутрь империи, можно умножить силы нашего войска, и тогда не будут потеряны наши люди, скот и богатства»". На сии слова вельможи Ила и Лян-тан возразили, что таким образом будут стеснены пределы владений. Государь Вэй-шао-ван признал несправедливым мнение Тушань-и.

В другой раз Тушань-и говорил: „Ляо-дун — первобытное место нашего государственного дома, отстоит на несколько тысяч ли. Если, сверх ожидания, войдут туда войска неприятельские, жители округов, ожидая помощи, непременно пошлют с известием о сем к государю и тем приведут дело в замедление. Поэтому надлежит отправить туда главного вельможу и повелеть ему оберегать сие место". Государь с неудовольствием отвечал на сие, что, без причины посылая вельможей, народ можно привести в волнение, и не согласился с ним. Комендант Западной столицы Хушаху с семью тысячами лучшего войска, встретясь с монголами на северной стороне Дин-ань, вступил с ними в сражение, но к вечеру первый со своей стражей обратился в бегство. После этого все разбежались. Хушаху, по прибытии в город Юй-чжэу, взял из казначейства пять тысяч лан серебра, казенное платье, шелковые ткани и все сокровища, хранившиеся в оном, отобрал у чиновников и простого народа лошадей и раздал их своим провожатым. Отсюда, вступив в заставу Цзы-цзин-гуань, своевольно бил до смерти тамошнего начальника крепости. По прибытии его в Среднюю столицу государь ни о чем его не расспрашивал. Напротив, он сделал Хушаху при главнокомандующем помощником правого крыла, и с сего времени Хушаху сделался еще более безбоязнен. Он просил, чтобы ему позво-

лено было с 20 тысячами войска стать в Сюань-дэ-чжэу, но государь дал ему три тысячи войска и повелел стать в месте Вэй-чуань.

В это время в Дэ-син-фу Монгольским царством были взяты: Хун-чжэу, Чан-пин, Хуай-лай, Цзинь-шань, Фэн-жунь, Ми-юнь, Фу-нин и Цзи-нин. Перешедшие во владение монголов места к востоку простирались до Юн-пина и Лань-чжэу, на юг — до Цин и Цан; от Линь-хуан-фу на запад за рекой Ляо-хэ до Синь-чжэу и Дай-чжэу. Вэй-шао-ван, по получении о сем известия, весьма сожалея о том, что не послушал слов Тушань-и, говорил: „Если бы я согласился на слова министра, этого бы не могло быть“».

Правильно он сожалел. Китай получил свое «иго», считая от этого злополучного года до конца XIV века, когда сильной династии Мин удалось выгнать варваров из страны.

Но — почему?

Вроде бы китайцы были в сравнении с монголами куда как более цивилизованным народом?

Все дело в самом Китае.

В нем было несколько враждующих между собой государств, которые видели угрозу с севера, боялись ее, но ничего поделать не могли — свои трения были важнее и значительнее, чем монгольская конница. Дело еще и в том, что прежде они сталкивались с разрозненными варварскими племенами, теперь же на них шло отлично организованное и сильное монгольское войско под командованием Чингисхана. Монголы уже получили начальный опыт ведения боевых действий в более развитых странах, они уже пробовали брать города и крепости, но только в Китае они наконец-то увидели, что такое города. И... китайские города их совсем не испугали, как не испугала и китайская техника и китайское оружие.

Сыновья Чингисхана взяли Синцзин:

«...где множество высоких, прекрасных зданий, принадлежащий народу Джурджэ, целиком вместе с его областью, которая, как говорят, суть область, состоящая из 70 тюменей. Не обойдя её кругом, они покинули [ее] и ушли. Той же осенью он отправил Джэбэ в поход на город. Дун-цзин город огромный и принадлежавший к городам Джурджэ. Когда Джэбэ дошел до тех [мест], то, не осадив города, он повернул обратно и медленно стал отходить назад. От привала к привалу доходили вести, что войско-де повернуло назад и ушло далеко.

После того, как Джэбэ прошел 50 фарсангов [1]*, а население города уверилось в том, что войско ушло, он оставил свои обозы и, отобрав резвых меринов, выступил. Он спешно скакал ночью и днем, так что подошел к городу внезапно, нежданно-негаданно, и захватил его. Между тем, Чингиз-хан расположился у города, называемого Фу-чжоу, и занялся [его] осадой. ...Предводители войска Хитая, Ба [н-ян]-Куша и Сам-Джин, устроили совещание с предводителем войска Джурджэ, Гю-гином. Они сказали [ему]: „Войско Чингиз-хана разграбило город Фу-чжоу и занято разделом добычи. Они пустили коней на подножный корм, беспечны и не осведомлены. Если мы внезапно нападем на них, мы их разобьем“. Гю-гин сказал в ответ: „Место это крепкое! Мы пойдем все вместе с многочисленным подкреплением из пехоты и конницы!“ Посоветовавшись таким образом, они выступили.*

В то время когда Чингиз-хан получил [об этом] уведомление, [его] войско, сварив пищу, было занято едой. Они вылили котлы, спешно выступили и, ожидая прибы-

[1] *Фарсанг (фарсах, парасанг)* — персидская мера длины, около 5—6 километров.

тия врага, встали двумя отрядами ...Войска Алтан-хана были весьма многочисленны, их предводитель, вышеупомянутый Гю-гин, вызвал [к себе] другого эмира, имя которого было Мин-ань, и сказал ему: „Ты прежде бывал среди монголов и знаешь Чингиз-хана, ступай и скажи ему: «Какое зло ты от нас видел, что вот, выступив [против] нас с таким войском, явился [сюда]?» Если он скажет в ответ грубые слова, ты его укори!“ Мин-ань, по слову Гю-гиня, явился к Чингиз-хану и изложил [эти] слова. Чингиз-хан приказал его схватить и задержать с тем, чтобы спросить после боя о его словах.

Между тем войска сошлись и завязали сражение. Войско монголов, несмотря на свою малочисленность, вскоре разбило войска Хитая, Кара-Хитая и Джурджэ. [Монголы] перебили их в таком количестве, что все степи стали издавать зловоние. Они преследовали беглецов до тех пор, пока не наткнулись на их передовое войско [кичилэ] в местности, которую называют Хуй-хэ-лу, а предводителем этого передового войска [был некто] именем Кушэ (Ху-ша). [Монголы] их также разбили и обратили в бегство. Сражение это было очень крупным и знаменитым, так что и поныне битва Чингиз-хана, которую он дал при Хунэгэн-Дабаане, известна и славна среди монголов. В этом сражении были уничтожены знаменитые люди Хитая и Джурджэ. Чингиз-хан вернулся оттуда обратно счастливым и достигшим желанного».

На этом, конечно, завоевание Китая не прекратилось. Оно только-только еще начиналось. В самом Китае был страшный разброд, не было согласия даже внутри самих государств. К тому же заодно с монголами действовали соседние царства, государство сунов пошло войной на государство Цзинь. Монгольское войско стояло вблизи от столицы, правители были растеряны и не знали, что им

делать. Цзинское правительство пыталось сеять противоречивые слухи, но ничего хорошего из этого не получалось. Монголы взяли Сианьхуа, Баоань, а также множество крепостей. Северный Китай стал монгольской провинцией. Цзинцам ничего больше не оставалось, как просить о мире.

Когда монголы взяли город Чжоу-чжеу, один из министров имел сказать так: «С начатия войны мы не находили хорошего полководца. Ваше Величество, надлежит приказать вельможам, чтобы каждый из них представил известных ему людей. Если действительно найдутся способные люди, то, призвавши их, обещанием славы и почестей можно возбудить в них ревность, и они, без сомнения, не щадя своей жизни, будут служить отечеству. В древности Ли-му, когда был полководцем при дворе Чжао, свободно раздавал в войске чины и награды. Он не следовал указам государя, годами воюя вне государства и защищая места внутри империи. Таким образом на севере он истребил сильного неприятеля, а на западе выстоял против сильного княжества Цинь. И в настоящее время, назначив полководца, если не будем стеснять его законами и удерживать предписаниями, но, давши ему полную власть, позволено будет вполне показать свой ум и искусство, то можно будет надеяться на успехи в возвращении потерянного».

Император задумался, план одобрил, но ровно ничего далее не последовало. Китайцы со всем возможным пылом рассуждали о наградах и наказаниях, а войско монголов уже грозило столице. Кто-то из министров уже и не видел даже смысла в переговорах: монголы и так возьмут все, что только не пожелают. Но переговоры велись, императору даже пришлось согласиться отослать великому хану свою дочь. Чингис-хан милостиво принял этот китайский дар и зачислил страну в послушные, то есть подвластные монголам.

«В это время все северные округи и уезды (чжэу и цзюнь) губернии Шань-дун были проиграны монгольскому государству, оставались только Чжень-дин, Цин-во, Дай-мин, Дун-пин, Сюй-чжэу, Пи-чжэу и Хай-чжэу. Равно много было проиграно городов Чжэу и Сянь в губернии Хэ-дун. По уходе монгольского войска Сюань-цзун, сделав вельможу Пуса-ань-чжэнь и других попечителями (сюань-фу-ши) уцелевших городов (в губерниях Шань-дун и Хэ-дун), послав их для собрания и успокоения оставшегося народа. По случаю заключения мира с Монгольским царством государь Сюань-цзун обнародовал прощение всем преступникам в империи, поручил местным начальствам дать должности и жалование детям и внукам умерших на войне.

В пятый месяц Сюань-цзун-хан, решившись переехать в Южную столицу, обнародовал о сем указ. Чиновники и народ упрашивали его, чтобы не переселялся, но государь не принял их слов. Оставив в Средней столице своего сына и наследника Шэу-чжуна, сам государь выехал из оной.

В седьмой месяц Сюань-цзун, по прибытии в столицу Бянь-цзин, хотел призвать к себе наследника. Вельможа Вань-янь Сулань считал это неприличным. Но вельможа Гао-ци говорил: „Когда государь поселится здесь, то и наследник должен быть при нем. И можешь ли ты поручиться за спасение Средней столицы?“ — „Я не говорю,— отвечал Сулань,— что непременно могу защитить ее. Но когда в Средней столице будет наследник, то его власть и сила может иметь особенную важность, границы будут защищаемы с твердостью, и для столицы не может быть опасности. В древности танский государь Мин-хуан, отходя в Шу, оставил в Лин-у наследника, чем и привязал к себе сердца подданных“. Сюань-цзун-хан не принял его слов и призвал к себе наследника.

Вань-янь Сулань представил доклад следующего содержания: „Наш прежний государь Вэй-шао-ван в свое

царствование с доверенностью употреблял клеветников и льстецов и удалял верных и правдивых. От сего к нему ежедневно приближались низкие люди и удалялись умные. Взаимные отношения были прерваны и, мало-помалу, попраны законы. В то время ветром сломило ворота, и пожаром истреблены были здания. Сии явления, без сомнения, показали верховное Небо для возбуждения страха. Тогда в докладах говорили Вэй-шао-вану: «Приблизь к себе мудрецов и удали людей низких, со страхом исправь самого себя и уничтожь тем несчастные предзнаменования Неба». Но Вэй-шао-ван не внял сим убеждениям и, таким образом, погиб. Люди, могущие избавить от беспорядков, исследуют причины, произведшие сии беспорядки, а способные к прекращению злоупотреблений равно вникают в причины, от коих произошли злоупотребления. Когда будет возможно возвышать и понижать с совершенной ясностью, таким образом, будем в состоянии уничтожить правление Вэй-шао-вана, тогда можно будет определить время, в которое должны ожидать тишины и благоденствия. Но государь, воссевши на престол, не думает об этом. По обнародовании указа о том, что решился переселиться на юг, чиновники и народ попеременно, представляя доклады, увещевали остаться. В день отправления при беспрестанном ветре и дожде изломались носилки“».

Все было бесполезно: император понял — монголы победили.

Шел 1212 год.

Китайский климат оказался для монголов тяжелым испытанием. Многие страдали от кишечных заболеваний. Но хан своего похода не прекращал. Чжурчженьские города подчинились хану. Монголы дошли до Желтой реки (Хуанхэ) и взяли Бэй-цзин. Монголы очень хотели взять еще и Дун-пин, но город им не сдался.

«Монгольское войско осадило Среднюю столицу,— сообщает современник.— *Охраняющий столицу генерал Чэн-хой отправил к хану Сюань-цзуну гонца с известием о сем. Сюань-цзун дал войско генералам Юн-си и Цин-шэу и послал их на помощь. Генерал Ли-ин шел на помощь к Средней столице с войсками из Хэ-цзяна и Цин-цани и вез съестные припасы из города Цин-чжэу. По прибытии в Ба-чжэу Ли-ин напился пьян. Во время его нетрезвости напали на него монголы, и войско Ли-ина потерпело сильное поражение. Ли-ин погиб вместе с солдатами и потерял весь обоз со съестными припасами. Шедшие на помощь к Средней столице войска генералов Цин-шэу и Юн-си, услышав об этом, пришли в смятение и пошли назад. Вельможа Хэу-чжи представил хану Сюань-цзуну доклад следующего содержания:*

„1. Присутственные места и палаты составляют связь порядка в государстве. Ныне по всем присутственным местам чиновники сюань-фу-ши, не следуя постановлениям, содержащимся в законах, от имени шести палат сами дают чины ниже третьей степени. Этим нарушают порядок, почему сие злоупотребление следует прекратить.

2. Ныне нельзя назвать малочисленным войско, находящееся под управлением четырех главнокомандующих. Но, при всем том, оно не может противостоять неприятелю, потому что при вступлении в бой с неприятелем в одном месте, прочие войска неподвижно смотрят на это, ни одного человека не посылая на подмогу, а при малейшем отступлении (сражающихся), бросив оружие, предаются бегству. Причиной сего, быть может, устарелость войска и трусость генералов. Государь должен обратить внимание на распоряжения полководцев.

3. Командовать войском при сопротивлении неприятелю и понуждать народ при перевозке хлеба — это две

разные должности, и не годится к той и другой должности вместе определять одного. Но теперь на главнокомандующих постоянно возлагают сии две должности вместе. Люди, находившиеся при обозах, всякий раз, когда встречают неприятеля, прежде начатия сражения предаются бегству, и солдаты, пришедшие от сего в смятение, в отдельных отрядах бывают разбиты. Хотя бы передний строй войска и одержал победу, но из опасения неприятеля задний строй непременно выступает вперед. При употреблении войска его движениям нет определенных правил. Возможно ли теперь следовать только одной форме и не переменить худого? Я не знаток военного искусства, но о поражении войска говорю с вероятностью.

4. Жители Шун-чжэу, Бао-чжэу, Ань-чжэу и Су-чжэу надеются на защиту реки Бо-гэу, вод И-шуй и горы Си-шань. Но у них теперь большой недостаток в чиновниках, а находившиеся там при должностях чиновники слабы и неотважны. Надлежит без замедления избрать храбрых и умных людей и порознь вверить им управление.

5. Заблаговременно повелев войску охранять берег реки Чжан-шуй, от Вэй-чжэу до моря, укрепи область Шань-дун и доставь возможность земледельцам спокойно обрабатывать поля.

6. Ныне беспрестанно убегают чиновники округов и уездов Средней столицы, быть может, из страха быть захваченными от неприятеля, подобно прежним чиновникам. Но есть между ними и такие, кои боятся быть обвиненными за то, что при постоянном перевозе съестных припасов, изнурив силы народа, сделали замедление. Сверх того, по исполнении срока службы их считают наравне с чиновниками других мест, не переносивших беспокойств, что, конечно, для сих людей обидно. Государь! Повели членам палат при производстве в чины наблюдать различие.

7. Успехи войска не распространяются. Виной этому военные начальники. Считая неприятеля неопасным, они с небрежностью производят движения. Недавно Ли-ин, будучи главным командиром, напился пьян. Прежде, нежели он успел вытрезвиться, напал на него неприятель, и он был разбит. Думаю, что в этом нет заслуг Ли-ина. Его следует лишить наследственного чина и жалованья.

8. На северной стороне великой реки (Хуан-хэ) нельзя заниматься земледелием, и чиновники совершенно лишены жалованья и съестных припасов. Нет спокойствия, как между высшими, так и низшими, и все заняты мыслью предаться бегству. Сверх того, разбежавшиеся солдаты, возвратясь обратно, с безумием производят насилия и грабежи, отчего сделалось невозможным жить народу. Надлежит оказать милости, чтобы немедленно призвать его.

9. Между военными чиновниками многие из наследственных дворян. Они с малолетства воспитаны в неге и гордости, не могут переносить трудов, трусливы и глупы. Можно ли на них полагаться? Ныне надлежит избирать людей, превосходящих других храбростью и повиновением, и употреблять их, не обращая внимания на их прежнюю незначительность. Государь! Последуй сему представлению, размыслив об оном со вниманием“.

В пятый месяц монгольское войско взяло приступом Среднюю столицу. Охраняющий сию столицу главнокомандующий Чэн-хой умер, приняв яд. Жинь-тянь-чун и Гао-линь убиты при смятении войска, а генерал Люжань-чжэнь-цзун, вышед из столицы, бежал».

Еще через месяц началась невероятная дороговизна в городе — хлеба не хватало. Вельможи предпочитали отложиться от императора. На смену монголам подошло сунское войско. «*Войско Ся обступило город с четырех сто-*

рон. Хутумэнь ночью вышел с войском из крепости и напал врасплох на стан неприятельский, отчего войско Ся пришло в смятение и обратилось в бегство. Цзиньцы, преследуя оное, во множестве его побили. Монгольское войско взяло приступом Чжан-дэ-фу; при сем убит начальник города по имени Селе».

В 1215 году «*...монголы взяли Янь-ань. По прибытии войска Ся к реке Цзе-е-цзуй цзиньцы разбили оное. В девятый месяц монголы взяли Фан-чжэу. При нападении их на Дай-чжэу начальник города Чэухэшан сразился с ними, но был разбит и взят неприятелем. Монголы требовали от Чэухэшана подданства, но Чэухэшан не покорился и умер. В десятый месяц, по взятии монголами заставы Тун-гуань, сберегательное пограничное войско пришло в смятение и обратилось в бегство. Генерал Пулуху выступил с войском против монголов, но был разбит... Монголы вошли во все заставы в Дай-чжэу, Шень-сянь, Хэн-чэн, Пин-дин и Чэнтянь-чжэнь и напали на Тай-юань-фу. Генерал Угулунь-ли послал в столицу с известием о своем стесненном положении. Государь Сюань-цзун предписал приказом идти на помощь войску главнокомандующего из губернии Лу-чжэу, также войскам правлений сюань-фу-сы в Пин-яне, Хэ-чжун Цзянь-чжоу и Мэн-цзинь. После чего монголы, оставив осаду, ушли*».

Через год китайцам удалось разбить суннское войско, но «*..монголы взяли пять городов и губерний Шаньдуна: Бинь-чжэу, Ло-чжэу, Бо-чжэу, Цзы-чжэу и Синь-чжэу (И-чжэу)*», а затем и города Ло-чжэу и Ми-чжэу. По всей Срединной империи полыхали восстания. У цзиньцев были проблемы и с продовольствием, и с войском. Так что судьба Китая была предрешена.

Чингисхан в течение четырех лет громил китайские города. Он понял, что эта земля обширна и покорить ее будет не так легко, но в целом это просто дело времени. Так

что он вернулся домой, а военными операциями в Китае остались заниматься назначенные им полководцы.

Хан считал, что официальное признание зависимости и есть победа. Он не понимал, что Китай завоевать сложнее, чем кочевой народ. Но в конце концов он завоевал и Китай.

Одновременно с китайским походом он проводил менее масштабные спецоперации против меркитов и туматов. С меркитами хан расправился по полной программе: ни единого человека не осталось в живых, кроме Мергена, младшего сына Куду. Туматов тоже всех погубили, но в бою погиб полководец хана, чем тот был весьма огорчен. На помощь китайскому контингенту войск хан отправил знаменитого Мукали. Не в последнюю очередь благодаря его заслугам скоро уже вся страна Китай, а точнее северная и центральная ее части оказались под властью монголов.

Сам Чингисхан прошелся как пыльный самум по сартаульским землям. Именно здесь начались неожиданные раздоры между его детьми. Хан был совсем не молод, дети начинали делить будущее наследство. Когда на одном из праздников он заговорил о грядущей смерти и обратился к Джучи, старшему сыну, младшие восприняли это как назначение Джучи на великоханское место после отца.

«Не успел Чжочи открыть рта,— рассказывает Сказание,— *как его предупредил Чаадай: „Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?“*

При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: „Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты

превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государея!“ И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадая, и разнимают. А Чингисхан — ни слова.

Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было: Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать — надо было вместе дело делать. Некогда было бежать — надо было вместе биться. Некогда было миловаться — приходилось смертным боем биться. Вы же так говорите, что у вашей матери убавляете масло ее благоволения; так говорите, что у священной государыни сквашиваете молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладеет к вам, никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь, ваш родитель, вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался.

В упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же наша; плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насильно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть, да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро".

Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: „Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!"

Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: „Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить, пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!"

На эти слова Чингис-хан заметил: „А ты, Чжочи, что скажешь?" Чжочи говорит: „Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!" —

„К чему же,— говорит Чингис-хан,— к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними сталось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!“

Так сказав, он обратился к Огодаю: „А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!“ Огодай сказал: „Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится, «хоть ты их травушкой-муравушкой оберни» — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут! Не выйдет ли тогда дело по пословице: «Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!»? Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!“

„Вот это дело говорит Огодай,— сказал Чингис-хан.— Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!“ Толуй отвечал: „А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!“

Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: „Хасаровым наследием да ведает один из его наслед-

ников. Один же да ведает наследием Алчидая, Один — и наследием Отчигина, Один же — и наследием Бельгутая. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а, уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?" Так он соизволил повелеть».

Между Джучи и отцом не было единства, хан считал своего сына слишком неуправляемым, не желающим соблюдать монгольские законы, слишком мягкотелым — Джучи не нравилось мучить побежденных и проливать кровь напрасно. Но он не допускал, чтобы другие сыновья имели дерзость обвинять Джучи в незаконном рождении, это было оскорбление и для хана, и для Бортэ.

С сыном хан разобрался просто: очевидно, по его приказу Джучи был убит на охоте. Случилось это вдалеке от самого хана, осталось неизвестным, кто его убил, официальный вердикт гласил: погнался за добычей, соскользнул вместе с конем с каменной кручи и сломал себе шею. Но еще до смерти Джучи Великий Хан разделил будущие владения между всеми своими детьми: Джучи получил свой удел и не был обделен. Видимость приличия была соблюдена. Главный юрт он отдал младшему сыну Толую. После смерти Толуя эта часть владений перешла Угедею (Огадаю). Дети Джучи получили Дешт-и-Кыпчак, Джагатай — все западные земли, которые предстояло еще завоевать. Сын Толуя и Хулагу — Малую Азию, Ирак, Хорасан. Каждому из своих детей согласно их рангу он велел поставить юрту особого цвета. Позднее по цветам этих

юрт и стали называться монгольские государства, а ученые получили головную боль разбираться в названии Орд — Белая, Синяя, Серая, Пегая, Большая, Средняя, Малая — но об этом потом. Чингисхан пока стар, но вполне дееспособен.

Он идет на земли Средней Азии.

Гурхан, приютивший Кушлука еще в 1204 году и давший ему в жены свою дочь, давно пал под ударами монгольской конницы, поэтому ничего лучше Кишлук не нашел, чем двинуться в Туркестан, земли, которые постоянно делили между собой среднеазиатские правители и гурхан. Хорезмшах с интересом посматривал на ставшие вдруг «ничейными» земли. Кушлук глядел на них не менее влажным взглядом. Но для Чингиса именно Кушлук представлял собой заветную цель. Хорезмшах, проявивший стремление взять кусок гурханской земли, тоже ему был весьма любопытен. Так, гоняясь сперва за Кушлуком, а после его смерти за его наследниками, Чингисхан обратил все свое внимание на не менее богатую, чем Китай, землю — Среднюю Азию.

Подступая к заветному золотому запасу, хан послал в Хорезм своих купцов, которые были задержаны в Отраре. Из Отрара о случае с купцами послали сообщить самому султану. Тот, не вникая долго в смысл ситуации, приказал купцов убить, а имущество отобрать.

«Прежде чем пришло это указание [от Хорезмшаха],— пишет Рашид-ад-Дин,— *один из [купцов], хитростью убежав из тюрьмы, скрылся в глухом закоулке. Когда он узнал о происшедшей гибели своих товарищей, он пустился в путь, спеша к Чингиз-хану. Он доложил [ему] о горестных обстоятельствах других [купцов]. Эти слова*

произвели такое действие на сердце Чингиз-хана, что у него не осталось больше сил для стойкости и спокойствия. В этом пламенении гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник лицом к земле. В течение трех суток он молился и плакал, [обращаясь] к Господу, и говорил: „О, великий Господь! О творец тазиков и тюрков! Я не был зачинщиком пробуждения этой смуты, даруй же мне своею помощью силу для отмщения!“ После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны».

Война не заставила себя долго ждать. «Карать» ослушников был послан ограниченный монгольский контингент. С ним-то и вступил в бой Хорезмшах, и если бы не отважные действия его сына Джелал-ад-Дина, не выбраться бы ему из этого месива живым.

«[Весь] тот день до ночи султан Джелал-ад-дин стойко сражался. После заката солнца оба войска, отойдя на свои места, предались отдыху. Монголы зажгли огни и, откочевав, повернули назад. Когда они прибыли к Чингиз-хану, они доложили о мужестве и отважных поступках султана Джелал-ад-дина, свидетелями которых они были.

Когда Чингиз-хан понял, что между обеими сторонами не осталось какой-либо преграды [к военным действиям] и государи, которые были [бы между ними] посредниками, исчезли, он привел в порядок, подготовил и снарядил [свои] войска и намерился напасть на владения султана Мухаммеда. Несмотря на то, что султан в возбуждении этой смуты был зачинщиком, Чингиз-хан согласно прежним [своим] правилам не хотел на него нападать и всяческими

способами придерживался дружеского способа действий и защиты соседских прав. И пока от султана не проистекло несколько поступков, явившихся причиной раздражения и огорчения и поводом к принятию мер к отмщению, он не двинулся для борьбы с ним. Эти поступки Хорезмшаха были: во-первых, он умертвил необдуманно и без размышления купцов, которых [Чингиз-хан] послал в целях [дружеского] единения и искания мира и которых снабдил любезными посланиями [к Хорезмшаху], [тот же] совершенно не обратил внимания на эти слова; во-вторых, то, что [Чингиз-хан] сразился с его войском против воли и будучи вынужденным. [И наконец], еще то, что владениями Туркестана, которые находились в руках Кушлука, когда последний был убит войском Чингиз-хана, завладел целиком султан».

Впрочем, этот случай ничему не научил Хорезмшаха. Он принялся было укреплять Самарканд, но ничего полезного из этого так и не получилось — ров оказался мелким, а на стены Хорезмшах и сам не надеялся.

Разобравшись (хоть и относительно) с Китаем, Чингисхан решил идти на Среднюю Азию. Именно — против Хорезмшаха. Осенью его войско дошло до города Отрара. Хан сразу понял, что стены придется штурмовать: горожане явно не собирались сдаваться на его милость.

«В Отраре сражались с обеих сторон в течение пяти месяцев,— пишет Рашид-ад-Дин.— *В конце концов, у населения Отрара дело дошло до безвыходного положения, и Карача-[хан] дал согласие на подчинение [монголам] и на сдачу города. Так как Кайр-хан знал, что возбудителем тех смут является он, то ни в коем случае не представлял себе возможности [сдачи крепости]; он прилагал все усилия и старания [не допустить этого] и*

не соглашался на заключение мира под тем предлогом, что я-де не совершу измены по отношению к своему благодетелю! По этой причине Карача-[хан] больше не докучал [ему этим], а ночью со своим войском вышел за [городскую] стену. Монгольское войско, захватив его, отвело к царевичам. Они соизволили сказать: „Ты не соблюл верности в отношении своего властелина, несмотря на такое количество предшествующих случаев, [дающих] ему право [на твою] благодарность, у нас [поэтому] не может быть стремления к единодушию с тобой“. И они его убили вместе со всеми нукерами. Затем взяли город, выгнали вон из города, как стадо овец, всех людей и все, что имелось налицо, разграбили. Кайр-хан с двадцатью тысячами людей поднялся в цитадель [кал'э]. Они выходили оттуда [для вылазок] по пятьдесят человек и подвергались умерщвлению. Война продолжалась в течение одного месяца; большинство было перебито; в живых остался Кайр-хан с двумя людьми. Он по-прежнему отбивался и боролся. Монгольское войско окружило его в крепости [хисар]. Он поднялся на какую-то кровлю и не давался. Оба те нукера также были убиты, а у [него] не осталось оружия. Тогда он [стал] бросать кирпичи и по-прежнему сражался. Монголы постепенно окружили его со всех сторон и стащили вниз; крепостную стену и крепость [хисар] превратили в прах. То, что осталось пощаженным мечом из народа и ремесленников, частью угнали в хашар Бухары, Самарканда и [других мест из] тех пределов. Кайр-хана казнили в Кук-сарае и оттуда отправились [дальше]».

Дальше — это на Зенд. Против Зенда был послан царевич Джучи, но сначала ему пришлось иметь общение с жителями Сугнака. Предварительно он послал в город посольство, но стоило послам миновать городские стены

и предъявить свои требования, они тут же были убиты. Этим Джучи был сильно возмущен. Убийство послов, как записано в Ясе, можно разрешить только уничтожением самого города. Джучи пошел на город. Сопротивление было беспримерным: битва длилась с утра до вечера. В конце концов, город был взят. В нем не осталось ни одного живого человека. Скоро войско подошло к стенам Зенда.

«Жители Зенда заперли ворота и начали сражение на крепостной стене. Так как они никогда не видывали войны, то дивились на монголов, что каким-де образом те смогут взобраться на стену крепости. Монголы подняли на стену лестницы и со всех сторон взобрались на крепостную стену и открыли ворота города. Они вывели всех жителей [за городскую стену]. С обеих сторон ни одному живому существу не было нанесено вреда ударами меча. Так как они отступили от войны, [то] монголы возложили руки снисхождения на их головы; они убили лишь несколько человек главарей, дерзко разговаривавших с Чин-Тимуром. В течение девяти суток они держали [горожан] в степи, город же [за это время] [монголы] предали потоку и разграблению. Затем они назначили на управление [Зенда] Али-Ходжу, который был из низов Бухары и еще перед выступлением [Чингиз-хана] попал к нему на службу, и ушли к Янгикенту. Завоевав его, они посадили там [своего] правителя. Оттуда Улус-иди двинулся в поход на Каракорум [что в Дешт-и Кипчаке]. Из кочевников-туркмен, которые находились в тех пределах, было назначено десяти тысячам человек отправиться к хорезмийскому войску. Во главе их был Баниал-нойон. Когда они прошли несколько остановок, злосчастие их судьбы побудило их убить одного монгола, которого Баниал имел во главе их своим заместителем, и восстать. [Сам же] Баниал шел в передовом от-

ряде. Когда он услышал об этом, он повернул назад и перебил большинство этого народа, часть же их [туркмен] спаслась бегством, и они ушли с другим отрядом в направлении Амуя и Мерва и там стали многочисленными».

На этом, конечно, завоевание не закончилось, оно только начиналось. Сам Чингис сидел в Отраре и направлял оттуда войска на разные города. Бенакет, имевший тюркское войско, сражался против монголов три дня, а *«...на четвертый день население города запросило пощады и вышло вон [из города] до появления покорителей. Воинов, ремесленников и [простой] народ [монголы] разместили по отдельности. Воинов кого прикончили мечом, кого расстреляли, а прочих разделили на тысячи, сотни и десятки. Молодых людей вывели из города в хашар и направились в Ходженд»*. Ходжент тоже закрыл ворота перед монголами.

В отличие от Бенакета Ходжент был крепостью, так что тут монголам пришлось нелегко:

«Стрелы и камни катапульт [манджаник] не долетали [до нее]. Туда погнали в хашар молодых мужчин Ходженда и подводили [им] подмогу из Отрара, городов [касабэ] и селений, которые были уже завоеваны, пока не собралось пятьдесят тысяч человек хашара [местного населения] и двадцать тысяч монголов. Их всех разделили на десятки и сотни. Во главу каждого десятка, состоящего из тазиков, был назначен монгол, они переносили пешими камни от горы, которая находилась в трех фарсангах, и ссыпали их в Сейхун. Тимур-мелик построил двенадцать баркасов, закрытых сверху влажными войлоками, [обмазанными] глиной с уксусом, в них были оставлены оконца. Ежедневно он ранним утром отправлял в каждую сторону шесть таких баркасов, и они жестоко сражались. На них не действовали ни стрелы, ни огонь, ни нефть. Камни, которые монголы

бросали в воду, он выбрасывал из воды на берег и по ночам учинял на монголов неожиданные нападения, и войско их изнемогало от его руки. После этого монголы приготовили множество стрел и катапульт и давали жестокие бои. Тимур-мелик, когда ему пришлось туго, ночью снарядил семьдесят судов, заготовленных им для дня бегства, и, сложив на них снаряжение и прочий груз, посадил туда ратных людей, сам же лично с несколькими отважными мужами сел в баркас. Затем зажгли факелы и пустились по воде, подобно молнии.

Когда монгольское войско узнало об этом, оно пошло вдоль берегов реки. Повсюду, где Тимур-мелик замечал их скопище, он быстро гнал туда баркасы и отгонял их ударами стрел, которые, подобно судьбе, не проносились мимо цели. Он гнал по воде суда, подобно ветру, пока не достиг Бенакета. Там он рассек одним ударом цепь, которую протянули через реку, чтобы она служила преградой для судов, и бесстрашно прошел [дальше]. Войска с обоих берегов реки сражались с ним все время, пока он не достиг пределов Зенда и Барчанлыгкента.

Джочи-хан, получив сведения о положении Тимур-мелика, расположил войска в нескольких местах по обеим сторонам Сейхуна. Связали понтонный мост, установили метательные орудия и пустили в ход самострелы. Тимур-мелик, узнав о засаде [монгольского] войска, высадился на берегу Барчанлыгкента и двинулся со своим отрядом верхом, монголы шли вслед за ним. Отправив вперед обоз, он оставался позади его, сражаясь до тех пор, пока обоз не уходил [далеко] вперед, тогда он снова отправлялся следом за ним. Несколько дней он боролся таким образом, большинство его людей было перебито, монгольское же войско ежеминутно все увеличивалось.

В конце концов монголы отобрали у него обоз, и он остался с небольшим числом людей. Он по-прежнему вы-

казывал стойкость и не сдавался. Когда и эти были также убиты, то у него не осталось оружия, кроме трех стрел, одна из которых была сломана и без наконечника. Его преследовали три монгола; он ослепил одного из них стрелой без наконечника, которую он выпустил, а другим сказал: „Осталось две стрелы по числу вас. Мне жаль стрел. Вам лучше вернуться назад и сохранить жизнь“.

Монголы повернули назад, а он добрался до Хорезма и снова приготовился к битве. Он пошел к Янгикенту с небольшим отрядом, убил находившегося там [монгольского] правителя и вернулся обратно. Так как он не видел для себя добра в своем пребывании в Хорезме, то отправился дорогою на Шахристан следом за султаном и присоединился к нему».

А когда погиб и султан, он оделся как суфий и ушел в Сирию.

В 1221 году Чингисхан повелел Джучи, Чагатаю и Угедею заниматься среднеазиатским вопросом. Сам же с Тулуем, взяв по пути Зурнук, отправился на Бухару. Город сдался без боя. Хан отправился посмотреть, как он выглядит изнутри. Так он доскакал до соборной мечети, осмотрелся и спросил, что это такое. Тулуй объяснил.

«Он слез с лошади и поднялся на две-три ступени мимбара и повелел: „Степь лишена травы, накормите наших коней!“ Бухарцы открыли двери городских амбаров и вытащили зерновые хлеба, а сундуки со списками Корана превратили в конские ясли, бурдюки с вином свалили в мечети и заставили явиться городских певцов, чтобы они пели и танцевали. Монголы пели по правилам своего пения, а знатные лица [города], сейиды, имамы, улемы и шейхи стояли вместо конюхов у коновязей при конях и обязаны были выполнять приказы этого народа.

Затем Чингиз-хан выехал из города. Он заставил явиться все население города, поднялся на мимбар загородной площади, где совершаются общественные праздничные моления, и после изложения рассказа о противлении и вероломстве султана сказал: „О люди, знайте, что вы совершили великие проступки, а ваши вельможи [бузург] — предводители грехов. Бойтесь меня! Основываясь на чем, я говорю эти слова? Потому что я — кара Господня. Если бы с вашей [стороны] не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы мне подобной кары!“ Потом он спросил: „Кто ваши доверенные лица [амин] и особо надежные люди [му'тамад]?“ Каждый назвал своих доверенных.

В качестве охраны [баскаки] он приставил к каждому [из них] по монголу и тюрку, чтобы те не позволяли ратникам причинять им вреда. Когда [Чингиз-хан] покончил с этим [делом], он закончил [свою] речь тем, что вызвал богатых и зажиточных лиц и приказал, чтобы они отдали свои зарытые ценности. [Всего таких] оказалось 270 человек, [из них] 190 горожан, а остальные иногородние. Требования денег от их доверенных происходили согласно приказу: брали то, что они давали, сверх же того никаких поборов и взысканий не чинили.

Затем [Чингиз-хан] приказал поджечь городские кварталы, и в несколько дней большая часть города сгорела, за исключением соборной мечети и некоторых дворцов, которые были [построены] из кирпича. Мужское население Бухары погнали на военные действия против крепости, с обеих сторон установили катапульты [манджа-ник], натянули луки, посыпались камни и стрелы, полилась нефть из сосудов с нефтью. Целые дни таким образом сражались.

В конце концов гарнизон очутился в безвыходном положении: крепостной ров был сравнен с землей камнями и

[убитыми] животными. [Монголы] захватили гласис [фасил] [1] при помощи людей бухарского хашара и подожгли ворота цитадели. Ханы, знатные лица [своего] времени и особы, близкие к султану, по [своему] величию не ступавшие [до сих пор] на землю ногою, превратились в пленников унизительного положения и погрузились в море небытия. [Монголы] из [тюрков]-канглыйцев оставили в живых лишь по жребию; умертвили больше тридцати тысяч мужчин, а женщин и детей увели [с собою] рабами [бардэ]. Когда город очистился от непокорных, а стены сравнялись с землей, все население города выгнали в степь к намазгаху [2], а молодых людей в хашар Самарканда и Дабусии».

Ибо следующий пункт назначения был Самарканд.

Самарканд был резиденцией Хорезмшаха. Его защищали 110 000 воинов, 60 000 из них — тюрки. Было в городе даже 20 настоящих слонов. Стена была недавно укреплена, ров наполнен водой. Монгольское войско, оценив масштабы города, окружило его и взяло в кольцо осады. Пару дней осаждающие и осаждаемые присматривались друг к другу. На третий день начались вылазки с той и с другой стороны, было множество погибших и никакого результата. Горожане собирались защищать свой город, но казий и шейх отправились к хану и предложили его добровольно сдать. Они не представляли, как выглядит еще монгольское «добровольно». Ничего дурного не подозревая, горожане открыли на рассвете ворота.

«В тот день [монголы] были заняты разрушением крепостной стены и гласиса и сравняли их с дорогой. Женщин

---

[1] *Гласис (фасил)* — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

[2] *Намазгах* — открытая площадка, отведенная для богослужений, где мулла или имам-хатыб произносит проповедь (хутбу).

и мужчин сотнями выгоняли в степь в сопровождении монголов. Казия же и шейх-ал-ислама с имеющими к ним отношение освободили от выхода; под их защитой осталось [пощаженными] около пятидесяти тысяч человек. Через глашатаев объявили: „Да прольется безнаказанно кровь каждого живого существа, которое спрячется!“

И монголы, которые были заняты грабежом, перебили множество людей, которых они нашли [спрятавшимися] по разным норам. Вожаки слонов привели к Чингиз-хану в распоряжение слонов и попросили у него пищу для них, он приказал пустить их в степь, чтобы они сами отыскивали [там] пищу и питались. Слонов отвязали, и они бродили, пока не погибли от голода.

Ночью монголы вышли из города. Гарнизон крепости был в великом страхе. Алп-Эр-хан проявил мужество и с тысячью храбрейших людей вышел из крепости, ударил на [монгольское] войско и бежал. Ранним утром [монгольское] войско вторично окружило крепость, и с обеих сторон полетели стрелы и камни. Стену крепости и гласис разрушили, разрушили полный воды Свинцовый водоканал. Вечером монголы овладели воротами и вошли. Из отдельных [рядовых] людей и мужественных бойцов около тысячи человек укрылось в соборной мечети. Они начали жестоко сражаться [с монголами] стрелами и нефтью; монголы также метали нефть и сожгли мечеть со всеми теми, кто в ней находился; остаток населения и гарнизона цитадели они выгнали в степь, отделили тюрков от тазиков и всех распределили на десятки и сотни. По монгольскому обычаю тюркам они [приказали] собрать и закрутить волосы. Остаток [тюрков]-канлыйцев [в числе] больше тридцати тысяч человек и предводителей их — Барысмас-хана, Сарсыг-хана и Улаг-хана с двадцатью слишком другими эмирами из верховных султанских эмиров, имена которых [упомянуты] в ярлыке,

написанном Чингиз-ханом Рукн-ад-дину Карту, они умертвили.

Когда город и крепость сравнялись в разрушении и [монголы] перебили множество эмиров и ратников, на следующий день сосчитали оставшихся [в живых]. Из этого числа выделили ремесленников тысячу человек [и] раздали сыновьям, женам и эмирам, а кроме того такое же количество определили в хашар. Остальные спаслись тем, что за получение разрешения на возвращение в город были обязаны, в благодарность за оставление в живых, [выплатить] сумму в двести тысяч динаров. Чингиз-хан соизволил назначить для ее сбора Сикат-ал-мулка и эмира Амид-Бузурга, принадлежащих к важным чиновным лицам Самарканда, и назначил [в Самарканд] правителя. Часть предназначенных в хашар он увел с собою в Хорасан, а часть послал с сыновьями в Хорезм. После этого еще несколько раз подряд он требовал хашар. Из этих хашаров мало кто спасся, вследствие этого страна совершенно обезлюдела».

На этом хан не считал свою миссию исполненной: он решил поймать и примерно наказать султана Мухаммеда, Хорезмшаха. Он даже отправил рыскать по всей земле Джебе и Субеде, только бы отыскать ненавистного среднеазиатского правителя. Следом были отправлены отряд за отрядом, но султана так и не было. Султан бежал из Термеза, где тюрки, родичи его матери, поклялись его убить. Он неожиданно явился в Нишапуре, приказывая жителям укреплять стены и готовиться к приходу монголов. Одни города между тем сдавались монголам, другие предпочитали сражаться. Балх сдался, а Заве сопротивлялся три дня, пока монголы его полностью не уничтожили.

Сторонники султана предложили укрыться на горе Ширан-кухе. Султан оглядел гору, и план ему очень не

6 — 1191

понравился. «Это место не может быть нашим убежищем». Наконец приехал мелик Нусрат-ад-дин Хазарасф Лурский, он предложил в качестве оборонительного сооружения гору Танг-Теку, но султан отверг предложение: он решил просто собрать побольше войска и биться. Между тем Джебе и Субеде уже добрались до Нишапура и объясняли горожанам, что в случае непокорности их ничто не спасет. И — как водится у монголов — всех, кто выходил с благими желаниями за укрепления, они щадили, всех, кто сопротивлялся,— уничтожали. Средняя Азия после этого гуманного похода была пропитана алой кровью. Но на самом деле взятие городов было вторичной задачей Субеде и Джебе: им было необходимо уничтожить султана. Так они прошли Нишапур, Исфарайн, Мазенадаран, потопили в крови Домган и Семнан, разрушили Басру...

А султан со своими сторонниками направлялся к Каруну. Тут-то и столкнулись султанское и монгольское войска. Султан развернул коня и обратился в бегство. Стоило ему остановиться — и по пятам его преследовали монголы. В конце концов, бедняга укрылся на одном из островков Каспия. Монголы его не смогли схватить, но схватили его казну и его гарем.

Когда султану об этом донесли, он потерял рассудок. И он так умер на этом острове, ставшем ему могилой. А его сын, славный Джелал-ад-Дин еще сражался с монголами. Тем более — этому пришел час.

Войска Чингисхана шли на Хоросан и Ирак. Мавераннахр был завоеван. Хорезм пал. Жители города, считавшие его неприступным, просчитались:

«Джочи, Чагатай и Угедей подоспели с многочисленным войском и под видом прогулки объезжали город кругом; затем остановились, и войска расположились лагерем

кольцом вокруг города. Тогда послали [в город] послов, призывая население города к подчинению и повиновению. Так как в окрестностях Хорезма не было камней, то они [монголы] срубали большие тутовые деревья и из них делали замену камням для камнеметов. Согласно своему обыкновению, они изо дня в день держали в напряжении жителей города словесными посулами, обещаниями и угрозами, а иногда перестреливались, и [только] до тех пор, пока не пришли одновременно со всех сторон [бесчисленные] хашары, которые принялись за работу во всех направлениях. Издали приказ, прежде всего, засыпать ров. В течение двух дней [его] весь засыпали. [Затем] остановились на том, чтобы отвести [от города] воды Джейхуна, на котором в городе жители построили плотину-мост. Три тысячи человек монгольского войска приготовились для этого дела. Они внезапно ударили в середину плотины, [но] городское население их окружило и всех перебило. В результате этой победы горожане стали более ревностны в бою и более стойки в сопротивлении.

Вследствие различия характера и душевных наклонностей между братьями Джочи и Чагатаем зародилась неприязнь, и они не ладили друг с другом. В результате их [взаимного] несогласия и упрямства дело войны пришло в упадок, и интересы ее оставались в пренебрежении, а дела войска и [осуществление] постановлений Чингиз-хана приходили в расстройство. Вследствие этого хорезмийцы перебили множество монгольского войска, так что говорят, что холмы, которые собрали тогда из костей [убитых], еще теперь стоят в окрестностях старого города Хорезма. В таком положении прошло семь месяцев, а город все еще не был взят.

За тот промежуток времени, когда царевичи отправились в поход на Хорезм из Самарканда вместе с войском и до прибытия их в Хорезм и осады его, Чингиз-хан при-

был в Нах-шеб [Карши] и некоторое время пробыл там. [Затем], переправившись через реку Термеза [Амударью], он прибыл к Балху и овладел городом и [балхскою] областью. Оттуда он пошел осадить крепость Тали-кан. В те самые дни, когда он начал осаду крепости, прибыл посол от его сыновей, бывших в Хорезме, и уведомил [его], что Хорезм взять невозможно и что много [монгольского] войска погибло, и частично причиной этого является взаимное несогласие Джочи и Чагатая.

Когда Чингиз-хан услышал эти слова, он рассердился и велел, чтобы Угедей, который является их младшим братом, был начальником [всего] и ведал ими вместе со всем войском и чтобы сражались по его слову. Он [Угедей] был известен и знаменит совершенством разума, способностью и проницательностью. Когда прибыл посол и доставил повеление ярлыка [Чингиз-хана], Угедей-хан стал действовать согласно приказанному. Будучи тактичным и сообразительным, он ежедневно посещал кого-нибудь из братьев, жил с ними в добрых отношениях и [своею] крайне умелою распорядительностью водворял между ними внешнее согласие. Он неуклонно выполнял подобающие служебные обязанности, пока не привел в порядок дело войска и не укрепил [выполнения] ясы. После этого [монгольские] воины дружно направились в бой и в тот же день водрузили на крепостной стене знамя, вошли в город и подожгли кварталы метательными снарядами с нефтью. Население города кинулось к воротам, и в начале улиц и кварталов начали снова сражение. Монголы сражались жестоко и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город целиком. [Тогда] они выгнали в степь сразу всех людей, отделили от них около ста тысяч ремесленников и послали [их] в восточные страны. Молодых женщин и детей же угнали в полон,

а остаток людей разделили между воинами, чтобы те их перебили. Утверждают, что на каждого монгола пришлось двадцать четыре человека, количество же ратников [монголов] было больше пятидесяти тысяч. Короче говоря, всех перебили и войско [монголов] занялось потоком и разграблением».

Среди среднеазиатов нашлись и свои предатели. Мелик Мерва переметнулся на сторону Чингисхана. Впрочем, послание, которое он отправил к хану, выглядело странным: мелик упрекал хана, что его подручные, несмотря на проявление покорности, угоняют людей как скот. В точности не зная ответа хана, он отправил другое письмо — Джелал-ад-Дину с заверениями в дружбе и помощи. Тюркам канлийцам он отправил послание того же содержания и даже выступил к ним на соединение.

Как только шпионам хана стало известно, куда направляется мелик, они направили войско по его стопам.

«Когда Хан-мелик догнал султана и сказал [ему]: „Монгольское войско подходит по пятам!" — султан выступил и подошел к монголам примерно на один фарсанг [расстояния]. Когда они сошлись и построили ряды, султан поручил [командование] правым флангом Хан-мелику, а левым флангом — Сейф-ад-дину мелику Аграку, а сам принял командование над центром. Он приказал всему войску спешиться, привязать к поясу поводья коней и мужественно сражаться.

На следующий день монголы отдали [по войскам] приказ, чтобы каждый всадник укрепил на своем коне чучело человека из войлока и прочего и держал бы за спиной. В течение ночи они смастерили [эти чучела] и на следующий день построили ряды. Когда войско султана увидело эту тьму [войск], оно вообразило, что к монголам подоспело

подкрепление, и сделало попытку к бегству. Султан закричал на них: „Наше войско многочисленно, мы построим ряды и возьмем их в кольцо справа и слева!“ Войско остановилось, султан с войском забили в большие и малые барабаны и одновременно атаковали монголов. Войско султана превышало их числом. Оно делало круг, чтобы взять в середину монголов. Кутуку-нойон предупредил войско: „Когда мы [начнем] сражаться, следите внимательно за вращением моего бунчука“. В то время когда вот-вот должны были окружить [монголов], те не выдержали и обратились в бегство. Вследствие того, что в степях тех пределов было множество ям и нор, монгольское войско падало со своих коней. Так как войско султана имело добрых и легких боевых коней, то они настигали и убивали [монголов].

В этой битве погибло большое количество монгольского войска. Когда известие об этом дошло до Чингиз-хана, он, несмотря на то, что крайне опечалился, [ничем] не обнаружил [своего состояния] и соизволил сказать: „Кутуку привык быть всегда победоносным и побеждающим и еще никогда не испытал жестокости судьбы, теперь, когда он испытал ее, он будет осторожнее, у него приобретется опытность и он получит [надлежащее] знание о [военных] положениях“. Затем тотчас же занялся устройством войска. Вслед за сим прибыли Шики-Кутуку и бывшие с ним эмиры вместе с тем войском, которое уцелело, будучи рассеяно. Султан Джелал-ад-дин, вернувшись назад с того боя, остановился у себя в палатках.

Войско его привезло от монголов многочисленную военную добычу. Во время раздела [ее] между Хан-меликом и Сейф-ад-дином Аграком произошла ссора из-за одного арабского коня; Хан-мелик ударил плетью по голове Агракa. Султан не распорядился наказать [Хан-мелика], ибо

он также не полагался на канлыйцев. Сейф-ад-дин обиделся. Тот день он [еще] оставался [в лагере султана], ночью же он выступил и в гневе ушел к горам Кермана и Сикрана. Сила султана вследствие его противления сломилась, да, кроме того, султан услышал, что подходит Чингиз-хан с многочисленным войском. От страха для него закрылся путь благоразумия и правильного образа действия, и так как он не знал средства помочь [делу], то направился к Газнину, намереваясь переправиться через реку Синд. ...Султан у берега реки уже приготовил суда, чтобы переправиться. Ур-хан был в тыловом отряде, он оказал сопротивление передовому [монгольскому] отряду и потерпел поражение. Когда Чингиз-хан узнал, что султан хочет на рассвете переправиться [на ту сторону реки], он опередил его намерение и, проскакав ночь, на заре охватил его спереди и сзади. Монгольские войска со [всех] сторон окружили султана; они встали несколькими полукружьями друг за другом наподобие лука, а река Синд была как бы тетива, и когда солнце взошло, султан увидел себя между водой и огнем.

Чингиз-хан заранее повелел: „Не поражайте султана стрелой, приложите все старания, чтобы какою-нибудь уловкою захватить [его живым] в руки!“ Он послал Укар-Калджу и Кутур-Калджу отогнать его от берега; они помчались и тотчас увидели край войска султана. Затем монгольское войско атаковало [войско султана] и ударило [по его] правому флангу, которым командовал Хан-мелик, и перебило большинство [хорезмийцев]. Хан-мелик, разгромленный, бежал в сторону Пешавера. Монгольское войско перерезало [ему] дорогу и убило его. Левое крыло [султана] они также сдвинули с места.

Султан в центре с семьюстами людей крепко держался и сопротивлялся такому великому войску от раннего утра до полудня. Так как он отказался от всякой надежды

[на спасение], то скакал направо и налево и нападал на центр [монгольской армии]. Так как не было приказания на то, чтобы стрелять в него, [монголы все] теснее стягивали кругом него кольцо, а он со всей имеющейся у него мощью отважно сражался. Когда он понял, что неблагоразумно сопротивляться горе и сталкиваться с морем, он сел на свежего коня, атаковал монгольское войско и заставил его отойти назад. Затем вскачь вернулся назад, подобрал поводья, перекинул за спину щит, подхватил свой зонт и значок, ударил коня плетью и словно молния переправился через реку. На той стороне он спешился и стал обтирать воду с меча, Чингиз-хан от чрезвычайного изумления положил руку на рот и, показывая Джелал-ад-дина сыновьям, говорил: „Только такой сын должен быть у отца!“»

Впрочем, ему это совсем не помешало отправить по следам султана в Индостан своих людей. Задача дана была им простая: найти и уничтожить.

Когда никто из посланных следом не смог найти султана Джелал-ад-Дина, Чингис-хан отправился вверх по течению реки Зинд, а его сын Угедей — вниз по течению. Все богатые города были преданы разграблению. Впрочем, посланные вдогонку за султаном отряды могли радоваться: хотя самого Джелал-ад-Дина они не поймали, на возвратном пути они столкнулись с войсками братьев султана и полностью их разгромили, оба султанских брата погибли. Затем Джебе и Субеде были отправлены подчинить монголам владения султана — Арран, Азербайджан, Ирак и Ширван. Сам хан решил вернуться в Монголию через Индостан и земли тангутов, тем более что снова дошли слухи, будто тангуты восстали.

Путь в родной юрт лежал через несчастный Самарканд. Когда в 1221 году монгольское войско достигло

прежней столицы Хорезмшаха, хан «*...приказал Туркан-хатун, матери султана Мухаммеда, и его женам выйти вперед и громко оплакивать государство [султана], пока монгольские войска не пройдут перед ними*». Зрелище было впечатляющее. Хан чувствовал полную победу. Дойдя до Сыр-Дарьи, хан приказал войскам остановиться и созвал курултай.

После этого, как пишет Рашид-ад-Дин, «*...выступив из той местности, они шли медленно и спокойно от стоянки к стоянке, пока не дошли до своего коренного юрта и стойбища*». Положение монголов, несмотря на то, что они подчинили Среднюю Азию, было не столь уж безоблачным: местные жители посчитали это «присоединение» порабощением, так что периодически они пытались на монголов нападать. О том, что было весьма даже неспокойно, говорит тот факт, что монгольские послы не решались ездить по новой земле в одиночку: их сопровождал боевой отряд в 300—400 всадников.

Джебе и Субеде тем временем вошли в пределы Ирака, взяли «*...Семнан, оттуда они подошли к городу Рею и учинили [там] избиение и грабеж. [Отсюда] двинулись на Кум, [где] перебили всех тамошних жителей, а детей увели в полон. Оттуда [монголы] пошли в Хамадан. Сейид Маджд-ад-дин Ала-ад-доулэ подчинился и прислал подношения, [состоящие] из верховых лошадей и одежд, и согласился на [принятие монгольского] правителя*».

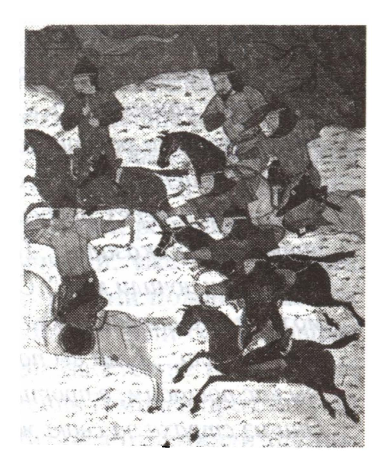
Не все города сдавались на милость хана. Маленький Саджас, где собрались остатки султанского войска, был просто стерт с лица земли — этот город остался только как название на географической карте средневековья. В Зенджане после монгольского «присоединения» не осталось ни единого живого жителя. Казвин оказал яростное сопротивление, такое, что монголы даже на время оставили его в тылу, но затем вернулись и после жестокого

боя в конце концов овладели крепостью: надо ли говорить, что все окрестные земли были вырезаны в полном составе? Монголов не остановила даже неожиданно лютая зима: они прошли по землям Азербайджана, уничтожая все на своем пути.

«Когда они прибыли в Тебриз,— говорит Рашид-ад-Дин,— *тамошним правителем был атабек Узбек, сын Джехан-Пехлевана; он спрятался, послав [к монголам] человека с просьбою о заключении мира и прислал много денег и скота; [монголы], заключив мир, вернулись назад и направились в Арран, чтобы пробыть там зиму. Путь их лежал через Гурджистан [Грузию].*

Десять тысяч гурджийских мужей вышли навстречу [монголам] и учинили битву. Гурджии [грузины] потерпели поражение, и большинство [из них] было перебито. Вследствие того, что [монголы] увидели в пределах Гурджистана лесные дороги и трудно проходимые чащи, они вернулись назад, намереваясь пойти в Мерагу. Когда они снова пришли в Тебриз, тамошний наместник; Шамс-ад-дин Туграи прислал [им] большую дань, так что они удовлетворились этим и прошли мимо. Они осадили город Мерагу. По той причине, что в то время тамошним правителем была женщина, которая жила в Руиндизе, в городе не было никого, кто бы противостоял им и принял меры. [Тем не менее, население Мераги] вступило [с монголами] в бой. Монголы погнали вперед пленников-мусульман, чтобы те напали на крепостную стену. Каждого, кто возвращался назад, они приканчивали. Таким образом они сражались несколько дней. В конце концов, монголы силой захватили город и перебили простонародье и благородных людей.

Они увезли с собою все, что было легко перевезти, а остальное сожгли и переломали. Затем они направились на Диярбекр и Ирбиль, но когда услышали о многочисленности войска Музаффар-ад-дина Кукбури, вернулись назад».

Монгольские наездники

Подчинить эти области оказалось сложнее, чем предполагалось. Люди очень часто предпочитали смерть рабству. Один из подданных Хорезмаша собрал вокруг себя отважных воинов и насильно запер в крепостной тюрьме правителя Хамадана, проявившего невероятную покорность. В отместку монгольское войско тут же пошло на Хамадан. Жители не знали, что делать, страшась полного уничтожения города, они даже выставили как щит перед стенами города этого самого предателя с полнейшими изъявлениями лояльности. Это не помогло. Город был взят, а все население уничтожено. Точно так же поступили и с Нахичеванем. Атабек Хаммуш перепугался, что вся его земля станет сплошными руинами, он приполз к монголам буквально на коленях, тогда ему вручили монгольский символ власти — деревянную пайцзу и ал-тамгу. Впрочем, земель Аррана они все равно не пощадили: Серв был взят и обезлюдел, этой же участи подверглись Ардебиль, Байлакан, Гянджа, за спинами монголов оставались опустевшие и разрушенные города. Так они снова подошли к Грузии. Грузины решили сражаться.

«Когда они сошлись друг с другом,— рассказывает Рашид-ад-Дин,— Джэбэ с пятью тысячами людей отправился [в засаду] в одно потаенное место, а Субэдай с войском пошел вперед. В самом начале сражения монголы бежали; гурджии пустились их преследовать. Джэбэ вышел из засады; их захватили в середину [обоих монгольских

отрядов: отступавшего и напавшего из засады] и в один момент перебили тридцать тысяч гурджиев. Оттуда они [монголы] направились к Дербенду Ширванскому, по пути они захватили осадою город Шемаху, учинили там поголовное избиение и увели с собою множество пленных. Так как пройти через Дербенд было невозможно, они послали ширваншаху сказать: „Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир!“ Он прислал десять человек из вельмож своего народа; [одного] из них [монголы] убили, а другим сказали: „Если вы покажете нам путь через Дербенд, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем!“ Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли.

Когда [монголы] дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам [следующее]: „Мы и вы — одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]“. [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад.

Монголы одержали победу над аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили».

Кипчаки пока еще не знали, что «братья по крови» окажутся обманщиками. Они поверили, что войска монголов не причинят им вреда. Эти доверчивые степняки на соседней Руси были известны как половцы. Радоваться им было дано совсем немного времени: монгольская конница догнала кипчакское войско и перебила или пленила всех, кого могла. Немногие оставшиеся в живых в ужасе бежали на Русь.

Таким вот образом лежавшая в стороне от монгольского интереса Русь и оказалась втянутой в разборки между кипчаками и монголами. Половецкие послы обратились к единственным соседям, которые могли дать новому врагу отпор. Русские князья, которые привыкли за долгие годы бить степняков любого происхождения, решили, что лучше враг с проверенными привычками, уже изученными, чем новый степной хищник, так что они половецким послам гарантировали помощь. Думаете, если бы половцам не дана была защита, монголы бы на Русь не пошли? Верится с трудом. Хотя Лев Николаевич Гумилев предполагал именно такой сценарий событий: не поддержали бы половцев, не было бы жестокостей завоевания.

Это неправда. Монголы все равно бы пришли в русские земли, хотя бы потому, что цель Чингисхана была ясна и проста — подчинение всего мира, только тогда народы обретут правильный порядок и будут жить в мире и любви.

Русские князья стали срочно собирать войско против монголов.

> «*Когда монголы увидели их превосходство,*— скупо говорит об этом Рашид-ад-Дин,— *они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей*».

Наши отечественные летописи дают гораздо более яркую картину беды. В двух же словах суть данной версии

такова: пришли эти народы басурманские неведомо откуда и ушли неведомо куда. Для новгородцев, живущих далеко на севере, это были воистину народы неведомые. Южные русские князья испытали силу этих конных полчищ на себе. Если обратиться к южным текстам, то мы увидим, что же произошло, более детально. Половцы недаром обратились за помощью к южным князьям: дочь хана Котяна была замужем за Мстиславом Галицким. Половцы бежали вместе с семьями и всем имуществом. Русским князьям за помощь они обещали, очевидно, все, что успели спасти. Князья, как пишет уже Галицко-Волынская летопись, встретились на обычном месте сбора — на Варяжском островке посреди Днепра — и стали совещаться, что им делать.

С одной стороны, совсем еще недавно с половцами была очередная стычка, с другой — они не могли не видеть, насколько напуганы половцы, а испугать половца... да, это мог лишь очень серьезный противник.

Собрались тут князья из Киева, Чернигова, Смоленска, Галича, Владимира-Волынского, Курска, Трубчевска, и все они привели с собой воинов. Решили найти врага и уничтожить. Так что князья собрали войско и выступили в поход. Когда они были у порогов, появились татарские послы, предлагая сдать половцев и разделить их имущество между собой. Князья на такое предложение поступили просто: послов убили. Через некоторое время, не дождавшись своих послов, монголы отправили других, которые произнесли те самые слова, за которыми следует уничтожение противника без пощады: вы сами идете на нас, а мы вас не звали, так что теперь все в руце божьей. Скоро русские полки встретились с монгольскими, и завязалась битва. Эту первую битву русские князья выиграли. А захваченного в плен монгольского воеводу выдали половцам для растерзания.

Монголы стали отступать, князья бросились в погоню. Но они и предположить не могли, что бились всего лишь со сторожевым монгольским отрядом. Когда же все русские силы переправились через Днепр и через девять в новгородской летописи, через восемь в Галицко-Волынской, достигли противника, оказалось, что битва будет не на жизнь — на смерть.

Мстислав разделил войско: половцев во главе с Яруном отправил в сторожа, то есть на первую линию обороны, а русские полки встали позади, тоже разделившись: князь Даниил на передовой, по другую сторону Днепра, а Мстислав, князь Киевский, расположил лагерь на холме над рекой Калкой. Но Ярун против монголов не выстоял, половцы побежали, налетели на основное войско, смяли, и русские не успели вооружиться, следом пришли монголы. Часть войска могла только хаотически отступать, за ними гнался монгольский отряд. Киевский Мстислав с зятем Андреем и князем Александром Дубровицким три дня стояли на своем импровизированном укреплении насмерть.

С монголами пришли проводники, иначе бродники во главе с неким Плоскиней, возможно, они были степняками. Эти бродники целовали князьям крест, что в случае поражения не дадут монголам их погубить. По новгородской летописи, когда бродникам стало ясно, что русским не выстоять против монголов, изменники связали князей и выдали врагу. Практически все войско князей погибло. Монголы порубили воинов, а раненых князей бросили на землю, положили на них доски и славно попировали.

Галицко-Волынская летопись ничего не упоминает о такой красочной детали. Вполне возможно, что ее и не было. В то же время новгородская летопись умалчивает, что Мстислав Удалой сам выезжал в дозор оценить силы противника, своим воинам велел приготовиться к бою, а других князей не предупредил. Было ли это на самом деле,

тоже неясно. Исходя из того, что нам известно о Мстиславе, вряд ли бы он так поступил — все же прославленный воин и не мог не понимать, чем такое поведение грозит.

Кроме Мстислава Киевского, Андрея, Александра Дубовицкого погибли еще шестеро князей: Святослав Яневский, Изяслав Ингоревич, Святослав Шумский, Юрий Невежский, Мстислав Черниговский с сыном. Мстиславу Удалому, Даниилу Галицкому и еще некоторым князьям удалось переправиться через Днепр на русскую сторону и бежать. Лодки они сожгли и порубили, опасаясь погони. Но монголы их догонять не стали. Они дошли до городка Новгорода Святополческого, город захватили и пожгли, а жителей порубили. Они ушли к востоку, и по дороге, которой они двигались, наивные жители выходили навстречу с крестами и иконами, встречая победителей, как это было, скажем, на Украине в 1941 году.

Все эти граждане, встречающие победителей, закончили плохо: их порубила монгольская конница. «Бысть победа на вси князи рускыя. Тако же не бывало никогда же»,— записал галицко-волынский летописец. Русские так и не поняли, кто были эти степные всадники. Монгольское войско ушло и более в пределы Руси не вступало. Войско двинулось в Поволжье, где разгромило поволжские татарские народы. А потом это войско соединилось с Чингисханом и ушло в свой юрт. На родине его встречали как победителя, и по этому поводу был затеян веселый праздник с обязательной охотой и пирами.

Отдохнув от похода, хан вынужден был в 1226 году затеять новый — и снова в земли тангутов: очень неуемными бунтовщиками оказались эти тангуты.

«Порешив идти на Тангутов по окончании зимнего периода того же года,— рассказывает о последнем деянии

Великого Хана Сказание,— *Чингис-хан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингис-хан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат.*

Прошла ночь, а на утро Есуй-хатун сказала царевичам и нойонам: „У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение“. Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: „Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насиженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении государя от недуга снова выступить в поход“. Все царевичи и нойоны одобрили это мнение.

Когда же представили его на усмотрение государя, Чингис-хан сказал: „Тангуты чего доброго подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла, и тут же, в Цоорхатах, дождемся от них ответа и сообразим его“. Тут же он продиктовал послу следующее: „Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета“.

На это послание Бурхан отвечал послу: „Оскорбительных слов я не произносил!“ Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: „Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрихай (Нин-ся), в Эричжоу (Си-лян)“. Такой ответ он дал послу.

Когда этот ответ доложили Чингис-хану, он, все еще больной, сказал: „Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!“ Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску.

Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того повелеть соизволил: „Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Харакиданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-

хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!“

Из снежных гор Часуту Чингис-хан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахая, он предпринял осаду города Дормехай (Лин-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингис-хану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей в девятикратном числе, как-то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни[1]. *И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: „Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!“*

Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингис-хан соизволил повелеть: „Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и по дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби, подал мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение, пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху“.

---

[1] *Кумирня* — жертвенник.

Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: „Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули угай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули угай!»“ Дважды ополчаясь на Тангутский, народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем».

До того, как «возвратить на небеса», уже больной и старый завоеватель мира собрал вокруг себя всех своих детей (не было лишь Джагатая (Чагатая), сопровождавших его в походе, и дал им такое завещание (по словам Рашид-ад-Дина): «О, дети, остающиеся после меня, знайте, что приблизилось время моего путешествия в загробный мир и кончины! Я для вас, сыновей, силою господнею и вспоможением небесным завоевал и приготовил обширное и пространное государство, от центра которого в каждую сторону один год пути. Теперь мое вам завещание следующее: будьте единого мнения и единодушны в отражении врагов и возвышении друзей, дабы вы проводили жизнь в неге и довольстве и обрели наслаждение властью!» Затем он сделал Угедей-каана наследником и, покончив с завещанием и наставлениями, повелел: «Идите во главе государства и улуса, являющихся владением покинутым и оставленным. Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я ухожу за именем и славой. Отныне вы не должны переиначивать моего веления. Чагатая здесь нет; не дай Бог, чтобы после моей смерти он, переиначив мои слова, учинил раздор в государстве. [Теперь] вам следует идти!» Сам же отправился с войском на Нангяс.

Перепуганные правители стали подчиняться один за другим. Тангутский правитель Шидурку, ради подчинения которого поход и затевался, решил умилостивить хана — отправил к нему послов и подарки. Он хотел, чтобы хан принял его себе в сыновья, но просил месячный срок, чтобы достойно подготовиться к встрече. У хана этого времени уже не было. Он послал сказать, что дает этот срок, но через месяц ему стало уже совсем плохо, и когда Шидурку подготовился и желал предстать перед ханом, тот сам стал просить отсрочки. Он чувствовал, что умирает. Новоявленного «сына» он поручил верному Тулуну.

Смерть хана скрывали, пока последний тангут не вышел за стены города — так повелел хан: «Вы не объявляйте о моей смерти и отнюдь не рыдайте и не плачьте, чтобы враг не проведал о ней. Когда же государь и жители Тангута в назначенное время выйдут из города, вы их всех сразу уничтожьте!» Приказ умирающего был исполнен в точности. Когда тангуты вышли за крепостные стены, они тут же были изрублены на куски.

Дальнейшее путешествие хана на родину происходило уже в гробу. И это вот самое темное место во всей истории Чингисхана. Никто не знает досконально, где его могила. Современные ученые спорят об этом до хрипоты. Монголы помещают могилу хана у себя в Монголии, таджики — у себя в Таджикистане, узбеки — в Узбекистане, казахи — в Казахстане, кто-то думает, что она на Тибете, а русские уверены, что она там, где начиналась история монголов,— то есть около священного озера Тенгиз (Байкал).

Рашид-ад-Дин о погребении хана говорил следующее:

«Затем, забрав его гроб, пустились в обратный путь. По дороге они убивали все живое, что им попадалось, пока не доставили [гроба] в орды [Чингиз-хана и его детей]. Все царевичи, жены [каватин] и эмиры, бывшие поблизо-

сти, собрались и оплакивали покойного. В Монголии есть большая гора, которую называют Буркан-Калдун. С одного склона этой горы стекает множество рек. По тем рекам — бесчисленное количество деревьев и много леса. В тех лесах живут племена тайджиутов. Чингиз-хан [сам] выбрал там место для своего погребения и повелел: „Наше место погребения и нашего уруга будет здесь!“ Летние и зимние кочевья Чингиз-хана находились в тех [же] пределах, а родился он в местности Булук-булдак, в низовьях реки Онона, оттуда до горы Буркан-Калдун будет шесть дней пути. Там живет одна тысяча ойратов из рода Укай-Караджу и охраняет ту землю.

...Однажды Чингиз-хан был на охоте; в одном из этих мест росло одинокое дерево. Он спешился под ним и там обрел некую отраду. Он сказал: „Эта местность подходящая для моего погребения! Пусть ее отметят!“ Во время оплакивания люди, которые слышали тогда от него эти слова, повторили их. Царевичи и эмиры, согласно его повелению, избрали ту местность [для его могилы]. Говорят, [что] в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него, а этого первого дерева и места его [Чингиз-хана] погребения [совершенно] не опознают. Даже старые лесные стражи, охраняющие то место [курук-чиан], и те не находят к нему пути».

Этой своего рода «картой» Рашид-ад-Дина пользовалось немало искателей могилы Великого Хана. Никто ничего не нашел. Монгольские исследователи помещают неизвестную гору с именем Буркан-Калдун или Бурхан-Хад(т)ун во внутренней Монголии. Караван с телом хана шел долгие дни, и всех людей, которых воины встречали на своем пути, убивали — то есть свидетелей нет. По сред-

невековому рецепту, тело хана, чтобы довезти его в нетленном виде, поместили в бочку с медом — старый, испытанный многими полководцами метод. Хроники описывают путь этого каравана смерти и называют конечный пункт, но дальше начинается путаница.

Версия первая: могила хана на вершине горы, которая позже заросла густым лесом, и все следы скрылись. В доказательство приводят обычно веру местных жителей, что гора эта запретная, и на ней нельзя ни охотиться, ни даже просто гулять.

Вторая версия: могила хана находится у подножия этой горы. В доказательство приводят слова одного хрониста, что якобы после того, как тело хана было погребено должным образом, к подножию горы пустили табуны лошадей и заставили их носиться кругами, пока вся земля не оказалась взрыхленной истоптанной копытами. Все следы, само собой, были уничтожены.

Третья версия: тело хана ни на вершине, ни у подножия, а вовсе в реке. Не довезли его до последней горы, где хотели хана похоронить, упало тело в бочке с медом прямо в глубокие воды и пошло на дно. Доказательство простое: гору обшарили и ничего не нашли. Если не нашли — то либо плохо искали, либо... не там искали.

Кроме священной Бурхан-Хатун в той же Монголии существует еще несколько Бурхан-Хатунов. Имя для горы в тех местах вполне распространенное. Могилу пытались искать на той Бурхан-Хатун, которая стоит на севере Монголии и покрыта лесом, как и положено горе в этих местах. Исходили из предположения, что если гора покрыта лесом, то непременно таежным, а таковая должна быть на севере. За последние годы, пожалуй, в Монголии больше не осталось ни одной неисследованной Бурхан-Хатун. Но ведь за почти что восемь столетий название у горы могло и поменяться!

Американская экспедиция с симптоматичным названием «Чингисхан» ищет могилу хана в четырехстах километрах от современного Улан-Батора. Американцы считают, что могила хана должна быть недалеко от места его рождения, место рождения они и относят к местечку Биндер. Само местечко принесло много радости археологам — там были открыты могилы монгольской знати, ярусом ниже — могилы простых людей и огромная каменная стена. Некрополь. Нет только могилы самого хана. Я-то убеждена, что ее там и быть не может.

Ищут могилу и в местечке Ордос (тоже в Монголии). Именно здесь во время траурного пути повозка с телом хана застряла в болотной жиже. Тогда один из полководцев хана подошел к нему и сказал: «Твое государство, твои верные воины, твои родные монголы, твои подданные, твоя родина еще далеки». И тогда колеса сами по себе пришли в движение, и траурная процессия продолжила путь. На месте этого чуда в Ордосе поставили памятный знак — юрту с частью вещей Темучина. Некоторые исследователи убеждены, что телега опрокинулась, и тело утонуло в болоте. В этом-то Ордосе и пытаются найти могилу, наивно считая, что тело покоится там, где был установлен памятный знак. Однако подобных памятных знаков и даже холмов-имитаций по случаю смерти Великого Хана известно немало.

Монголы обожествляли своего вождя, монгольские *обо* — это дань памяти великому человеку. Среднеазиатские искатели могилы помещают ее тоже в разных местах, но очень упорно держатся озера Иссык-Куль. Причем охвачены все стороны Иссык-Куля: одну сторону озера признают «верной точкой» казахи, другую — узбеки, третью — киргизы. У каждого своя версия. Некоторые искатели могилы помещают ее вовсе не в горе, на горе или под горой — а прямо в глубинах озера.

Среди местных жителей до сих пор ходит такая легенда: когда умер Великий Хан, его сын Чагатай, который тогда владел озером, приказал привезти тело своего отца сюда, а чтобы скрыть следы, распустил слух, что хан погребен в Ордосе. Тело хана уложили в гроб из сверхпрочной горной арчи, а потом его и жертвенное золото с драгоценностями бросили в озеро. Кроме того, в Курматинскую пещеру сложили еще множество ценностей. Тогда пещера была не подводной, а находилась в горах. Но воины Чагатая отвели воды расположенной вблизи озера речки и затопили пещеру, всех исполнителей убили, головы поотрубали и сложили пирамидой. В этой иссык-кульской версии все бы хорошо, если бы не одно: зачем было монголам везти тело хана на Иссык-Куль?

Существует и отечественная версия расположения могилы хана. По этой версии искать нужно на Байкале. По словам монголиста Клементьева:

«...после установления Великой Монгольской Державы, начиная с XIII в., земля вокруг Байкала была официально названа „Ара монгол дайда“ и чтима всеми шаманами. Формирование этого региона, по шаманским преданиям, проходило в несколько этапов. Изначально в него входили Баргуджин-Тукум с южной стороной — долинами рек Онон Керулен, Аригун и Захайн монгол дайда-Монголджин (левосторонняя часть р. Селенги). Впоследствии к ним примкнули Ара Хангай дайда с запада, а также территория Алари вплоть до Красноярского края на северо-западе. С северо-востока — долина р. Лены до границ нынешней Якутии (Зуун-хойто зугэй Зулхэйн гол), на востоке — до горы Сохондо близ Нерчинска. Граница же с юга проходила по окрестностям озера Хубсугул, а с юго-востока — по Хэнтэйскому нагорью. В основе же возникновения „Ара монгол дайда“, судя по всему, лежала родина предков Чингисхана:

земля Буртэ-Чино и Борджигидая Мэргэна — по отцовской линии, она же земля предков и по материнской линии — долины Монгол-Монголджин».

В эту святую землю на священное озеро и привезли тело мертвого хана. Основу для этого байкальского места захоронения дает то, что местные шаманы и монголы считали землю настолько священной, что здесь проводились широкие народные камлания [1]. Священной землей монголов считали 33 долины (все вокруг Байкала). Самого хана именовали покровителем девяноста девяти долин и краев трех частей Монголии: Халха-Монголой, Ойрат-Монголой, Ара-Монголой.

В Прибайкалье существуют традиционные места почитания духа Чингисхана: «Наран тала» на Хэнтэйских горах, на Бархан уула в местности Тэмтээхэй, на горе Челсана — в Кижинге, на Двухглавой горе в Чикойской долине — «Душэ хада», в местности Уула — на Ольхоне; есть место поклонения на горе Комушка (г. Улан-Удэ) и т. д. Одна из гор с каменными обо [2] считается наиболее возможным местом захоронения: предгорье горы Кирон. Там, по мнению ученых, были возведены «искусственные горы» — то есть погребальные курганы общим числом 3.

Вот Клементьев и считает, что «...*этот курган был скопирован с трехглавой горы, которая служит своеобразным маяком для судов, идущих к северной оконечности моря. Изображение парящего ястреба на монгольских знаменах постепенно трансформировалось в более упрощенную форму рисунка — в виде луны. Кстати, если взглянуть ночью на молодой месяц в ясную погоду и представить карту с изображением Байкала, то можно получить еще одну ассоциа-*

---

[1] *Камлание* — шаманский обряд.

[2] *Обо* представляют собой кучи из камней или деревья, украшенные ленточками или флажками.

цию их идентичного совпадения по форме и даже углу наклона».

Еще один, не менее красивый образ Байкала звучит в ответе Великого хана на вопрос сыновей о том, где будет покоиться его дух после смерти: «На камне яшма — нет кожи», «На твердом железе — нет коры». Нет коры, нет кожи — означает, что все открыто. Из камня яшма, по своему рисунку напоминающего карту местности, была изготовлена «алая тамга» — печать государства монголов, которая являлась одним из его символов. Твердое железо на этой карте — изображение озера Байкал, форма которого удивительно напоминает собой кривую монгольскую саблю с рукояткой на севере. «На карте местности — все на виду, по гладкому и твердому, как сталь, льду — путь открыт». Этот путь с юга на север является красивейшей и непревзойденной по своей величественности дорогой из горного хрусталя в царство мертвых — к месту расположения родового могильника Чингисидов. Ведь сказано же у Рашид-ад-Дина, что «*...из сыновей Чингиз-хана место погребения младшего сына Тулуй-хана с его сыновьями Менгу-кааном, Кубилай-кааном, Арик-букой и другими их потомками, скончавшимися в той стране, находится там же. Другие же потомки Чингиз-хана, вроде Джочи, Чагатая, Угедея и их сыновей и уруга, погребены в другой местности. Охранители этого великого заповедника суть эмиры племен урянкат.*

В каждой из четырех великих орд Чингиз-хана оплакивали покойного один день. Когда весть о его кончине достигла далеких и близких районов и местностей, со всех сторон в течение нескольких дней прибывали туда супруги и царевичи и оплакивали покойного. Так как некоторые племена находились очень далеко, то спустя, примерно, три месяца они продолжали прибывать вслед друг за другом и оплакивали покойного».

Монгольскике тексты дают несколько возможных «адресов» могилы: гора Бурхан-Халдун, южный склон Хэнтийского хребта (север Монголии), северный склон Алтайского хребта, местность Йэхэ-Отог, что переводится как великий шалаш или великий род. Пользуясь этими ориентирами, искатели могилы указывают, что она должна находиться в Баргузинской котловине, месте настолько святом для монголов, что там было запрещено селиться, а все народы, которые знали об этой долине, были безжалостно убиты после смерти хана. Когда сюда пришли эвенки, они назвали горы и долины по-своему, но, видимо, память о далеком 1227 годе была очень тяжелой — многие долины носят название «долин смерти».

Эти добавочные названия и считают поисковики лучшим ориентиром. Но пока что могила хана так и не обнаружена — ни в Монголии, ни в Китае, ни на Тибете, ни в Средней Азии, ни в Сибири. Монголам удалось скрыть ее так замечательно, что вероятнее всего ее никогда и не найдут. Ведь по монгольской вере: Великий Хан должен спать в покое. Сыновья, чтобы окончательно запутать следы, возвели восемь ханских могил — в самых разных местах. И только одно из восьми мест содержит прах хана, все точно по монгольской вере: мир состоит из восьми белых юрт, девятая юрта — запретная, имени ее нельзя произносить вслух. Там вот и зарыт император!

Для непосвященных: он ушел к своему отцу Небу, оставив Ясу для исполнения, огромную, завоеванную для истинных наследников, землю с неистинными народами, и свое небесное семя, которому только и дано управлять этой землей, чтобы Небо было довольно. Для посвященных все еще сложнее: Хан никуда не ушел, он вернулся на свое Небо, к своему отцу, и теперь наблюдает за делами потомков. Культ Чингисхана стал складываться еще при его жизни, но после смерти он стал реальностью. «Сокровен-

ное сказание» — это как раз своего рода монгольское житие, монгольское евангелие. После смерти Хан слился с Тенгри. Для многих он стал фактически монгольским богом. Более беспощадного и жестокого бога в XIII веке даже и представить было нельзя.

Монета с изображением Чингисхана

Если Средняя Азия в полной мере получила «новый мировой порядок», то далекая Европа пребывала пока что в великом неведении. Европа питалась слухами. Слухи были страшными. Но пока монголы громили среднеазиатов, то есть мусульман, эти слухи звучали для европейцев даже... воодушевляюще. Хуже стало, когда монголы взялись за совершенно христианские страны — Грузию и Армению. Вот это могло уже и напугать. Но пока что в Европе бытовало мнение, что монголы вряд ли пойдут далеко на запад. Избиение русских князей на Калке прошло практически незамеченным. Всеобщее мнение было таким: враг отступил и вряд ли назад вернется. Он ведь не вернулся спустя год или два? Не вернулся. Значит, не вернется. О, это была чудовищная недальновидность, может, простительная Западной Европе, но никак не Руси. Князья тяжело переживали поражение, но когда монгольская конница не вернулась, они успокоились... и снова стали вести обычную свою жизнь — с постоянными раздорами и междоусобицами, точно и не было никаких монголов. А слух о том, что Великий Хан умер, дарило им призрачную надежду, что никаких набегов больше и не будет. Они ошибались.

Для Руси все еще только начиналось.

Глава 2

ЧИНГИСИДЫ

Конец Поднебесной

После смерти Чингисхана его наследники получили огромную империю, в которую входили среднеазиатские страны, Сибирь, Китай, Закавказье, Азербайджан, Малая Азия. Хан наметил пути дальнейшего развития его державы — дальше на Запад. Но этот Запад следовало еще завоевать. Вся эта огромная земля, ставшая вдруг монгольской вотчиной, была честно разделена между детьми хана.

Завет отца был простым: сохранять единство империи, не делать из отдельных улусов самостоятельных государственных единиц. Поэтому первое, что сделали дети, они приняли свои улусы и отдали верховную власть сначала Толую, тому самому младшему сыну, которого при жизни приблизил к себе Чингисхан, а в 1228 году на курултае — Угедею. Хан колебался, кому отдать свой престол — Толую или Угедею,— кажется, в конце концов, он выбрал именно Угедея, но есть сведения, что братья правили даже совместно. Э. Филипс, например, пишет, что отдать власть Угедею склонил Джагатая и Толуя Елюй Чуцай — ставленник Чингисхана в Поднебесной, добровольно принявший сторону монголов и имевший на хана и ханских детей огром-

ное влияние. Впрочем, для нас это не столь и важно: Толуй очень ненадолго пережил отца, власть все равно перешла Угедею. Никто против этого и не возражал. Угедей стал именоваться Великим Ханом, а остальные братья и дети братьев должны были ему подчиняться.

Дети Толуя получили во владение не главный юрт, а Китай. У каждого из младших ханов была своя земля и свое войско, в том количестве, которое определил Чингисхан. Джучи были дарованы земли к западу от Иртыша и Аральского моря (многие еще предстояло завоевать) — первоначально это был только Дешт-и-Кыпчак. Угедей получил земли вокруг Аму-Дарьи и на восток до Монголии и Китая (исключая только бассейн реки Или) — то есть Семиречье и Восточный Туркестан, Джагатай — Южный Казахстан, Мавераннахр и Хорасан. Толую достались Монголия и Северный Китай. Как нам уже известно, каждый получил по 4000 воинов. Толуй же (сначала) управлял всем остальным войском, включая и личную тысячу самого хана.

Когда Чингисхан отдавал детям войска и лучших своих военачальников, он сказал такие слова: «„Я дал вам этих эмиров, но [помните], вы — еще малые отроки, а их [жизненный] путь велик. Если они когда-нибудь совершат проступок, не убивайте их по своему желанию, а ранее учините со мною совет. После меня, учинив совет друг с другом, исполните согласно ясе“. В этом положении он изволил преподать это наставление ради того, чтобы такие великие эмиры проявляли себя [с лучшей стороны] и служили бы всем сердцем, а буде они совершат проступок, то по совместном обсуждении [сего] они объяснили бы им [их вину] так, чтобы те не могли и помыслить отрицать [ее], но осознали и поняли бы, что наказание им [полагается] за вину, а не вследствие гнева и опрометчивости. Все остальные войска, кроме этих войск, которые Чингиз-хан соизволил определить [за каждым], он отдал вместе с личными ордами

и юртами младшему сыну Тулуй-хану, по прозванию Екэ-нойон; тот ведал всем. Все уважаемые эмиры, которые принадлежали [к войскам] правой руки, левой и центру, и имена которых написаны, и другие эмиры, имена которых не выяснены, состояли при нем. А после его смерти, согласно [установленному] обычаю, они состояли при его старшей супруге, Соркуктани-беги, и при его сыновьях, Мэнгу-каане, Кубилай-каане, Хулагу-хане и Ариг-Буке».

В 1228 году, пишет «Сокровенное сказание»:

«...в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кебтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: „Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов". Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

Будучи в качестве младшего брата возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешнктенов и Центральною частью государства Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно — наро-

дов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как-то: Мекетмен, Кермен-кеибе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса.

В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: „Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют,— нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья“.

При этом Огодай-хан присовокупил: „Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том; чтобы нам, со всею ревностию к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие“.

7 — 1191

Затем Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата, Чаадая, которому сообщал: „Воспринял я все уготованное родителем Чингис-ханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему, я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского“. Одобряя это, Чаадай отвечал: „Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда“. Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды-Еке Ордос».

Впрочем, самого Угедея все больше и больше интересовал только Китай. Там он желал создать новое государство, внеся вклад в присоединение земель к Великой Монголии. Монгольские войска попробовали взять Китай в 1230 году, но у них ничего не получилось: китайцы решили защищаться и имели множество крепостей и большое войско: 100 000 человек в нижнем течении Хуанхэ по крепостям и 200 000 человек от Лояна до Пэйчжоу. Разбить такое войско с налета было невозможно. Монголы стали вести переговоры с соседями империи Цзин — государством Сун. Соседи разрешили монгольскому войску пройти по своей земле.

Китайский поход Угедей начал в 1231 году, послав впереди войска отряд Джебе. К этому времени китайцы уже было понадеялись, что варвары отказались от затеи захватить всю Поднебесную. Поход 1231 года неожиданно развеял эту иллюзию: *«Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов»*. Тут случилась, однако, странная болезнь Угедея: у него вдруг отнялся язык. Сразу, по мон-

гольскому обычаю, стали призывать шаманов и ворожей. Поскольку монгольских ворожей не имелось в наличии, призывали китайских, те тут же все объяснили: «*Это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а, также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень*». Молодцы китайские гадатели! Они не побоялись смерти, чтобы напугать завоевателей!

Угедей тут же велел призвать гадальщиков по внутренностям животных, чтобы найти способ, как умилостивить китайских духов. Гадальщики «предлагали» духам золото, серебро, скот или деликатесы, но духи стояли крепко: от предложенного они отказались и пообещали продолжить мучительство. Угедей не знал, что и делать.

Тогда гадальщики испросили у духов, не соизволят ли те оставить хана, если им будет в качестве выкупа отдан родственник хана? Очевидно, духи призадумались, потому что в этот момент Угедей открыл глаза и спросил, что говорит гадание.

> Гадальщики отвечали: «*„Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества“.*
>
> *Когда они так доложили, государь спросил: „А кто при мне из царевичей?“ Был же при нем Толуй, который и сказал ему: „Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и, ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и*

на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь поведено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И если б теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!“

Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: „Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!“ И, проговорив эти слова, он вышел вон.

Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуя) не доследовало. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрав золота, серебра, златотканных узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баскаков- танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Хара-хоруме».

Хронист несколько неправ: Толуй умер. Правда, не сразу после того, как Угедей пошел на поправку. В магии тут дело или в чем-то ином, не суть.

Между китайцами согласия не было, это и стало главной причиной, почему поход Угедея оказался удачным. Китайцы очень боялись монголов, но, тем не менее, пытались выставлять против монголов войска. К сожалению, общее несогласие очень мешало успешным военным действиям.

Китайский источник сообщает:

«Монголы дошли до Чжэн-чжэу. Главнокомандующий Ма-бэ-цзянь с жителями города Чжэн-чжэу сдался монголам, а чиновник фан-юй-ши по имени Улинь-да Цзяочжу лишился жизни. Корпус генералов Хэда и Пуа, встретившись с монгольским войском при горе Сань-фын-шань, стал выступать вперед, почему монголы несколько отступили. Генералы Чжан-хой и Ань-дэ-му, расположившись на горе, видели, что почти на пространстве двадцати ли монгольского войска стояло до трехсот тысяч. Ань-дэ-му, советуясь с Чжан-хоем, говорил ему: „Если не нападем в сем месте, то какого будем ожидать случая?“ После чего, предводительствуя с лишком десятью тысячами конницы, они спустились с горы, и монгольское войско снова отступило.

Вскоре за сим пошел большой снег, и в продолжении трех дней воины в тумане не видели один другого. В том месте, где находился корпус, было поле, засеянное льном, отчего в грязи повязли люди и скот. Воины во всем наряде неподвижно стояли в снегу, и их копья, обмерзнув льдом, уподоблялись толстым жердям. Тогда как солдаты цзиньского (войска) в продолжении трех дней находились без пищи, подошли свежие монгольские войска, окружили цзиньское войско с четырех сторон и, питаясь печеным мясом, посменно производили стражу.

Наконец, увидев изнеможение цзиньского войска, монголы открыли ему дорогу для побега в Цзюнь-чжэу, но во

время побега со свежими войсками напали на оное с двух сторон. Цзиньское войско пришло в смятение, и топот бегущих был подобен стуку падающей горы. Вскоре после сего исчез туман, и осветило солнце, но из войска цзиньского не осталось уже ни одного человека — все были побиты от монголов. Чжан-хой и Ань-дэ-му, сражаясь на копьях пешими, лишились жизни.

Хэда хотел, спешившись, вступить в сражение, но как не находил уже своего друга Пуа, то вместе с Чэнь-хэ-шаном, Ян-у-янем и с несколькими сотнями всадников убежал в Цзюнь-чжэу. Подкомандные Ян-у-яня генералы Бо-лю-ну и Не-лю-шэн сдались монголам. Пуа бежал в Бянь-цзин, но монголы, преследуя его, захватили в плен. Тулэй, младший брат монгольского императора Тай-цзуна, требовал, чтобы Пуа покорился.

„Я первостепенный вельможа цзиньский,— отвечал Пуа,— умру в пределах своего государства, но никак не соглашусь на подданство“. Засим Пуа был убит.

Монголы, подступив к Цзюнь-чжэу, вне города провели ров и осадили город. Покорившиеся монголам генералы Бо-лю-ну и Не-лю-шэн просили у монгольского главнокомандующего Тулэя войти в Цзюнь-чжэу и склонить к покорности Ян-у-яня. Посему Тулэй, оставив при себе Бо-лю-ну, отправил в город Не-лю-шэна. Не-лю-шэн, увидев Ян-у-яня, говорил ему: „Монгольский главнокомандующий хочет тебя сделать большим чиновником, если ты покоришься“. Ян-у-янь, благосклонно разговаривая с Не-лю-шэном, обманывал его. Призвав его к себе, наконец, сказал: „Будучи низкий по происхождению, я получил великие милости в моем государстве. Зачем же ты бесчестишь меня?“ Потом, извлекши меч, зарубил Не-лю-шэна.

По взятии монголами Цзюнь-чжэу, Ян-у-янь стал на колени и, обратясь к столице Бянь-цзин, со слезами произнес: „С каким лицом явлюсь я пред тебя, государь? Мне

остается только умереть". После сего он повесился. Хэда хотел выбежать в ворота, но не успел, почему скрылся в погребе. Монголы нашли его и убили. Чэнь-хэ-шан скрылся в одном тайном месте. По прекращении убийства он вышел и говорил встретившимся с ним монголам: „Я, цзиньский генерал, хочу лично говорить с вашим главнокомандующим". Монгольские солдаты схватили его и привели к Тулэю. Его спрашивали об имени и прозвании: „Я генерал Чэн-хэ-шан,— отвечал он,— главный командир корпуса Чжун-сяо-цзюнь. Я поражал ваши войска в Да-чан-юане, Вэй-чжэу и Дао-хой-гу. Если бы я погиб среди мятущихся войск, другие сказали бы, что я изменил государству. Теперь, если я приму смерть торжественно, в империи все будут знать обо мне". Монголы убеждали его покориться, он не соглашался. Ему отрубили ноги, но он все равно был непреклонен. Наконец, разрезали до ушей рот. Он, изрыгая кровь, до смерти не переставал порицать их. Один монгольский генерал, похваляя Чэн-хэ-шана за его верность, возливал кумыс и, молясь, говорил: „Славный муж! Если ты переродишься впоследствии, то дозволь мне обрести тебя".

Когда генерал Цин-шань-ну с войском из Сюй-чжэу шел на помощь к столице, Хэу-цзинь, Ду-чжэн и Чжансин с тремя тысячами подвластных им воинов покорились монголам. Цин-шань-ну, по недостатку сил, ушел в Цзюй-чжэу».

На следующий год Нянь-хэ-тун-чжэу и Су-чунь и со всем городом покорилось Монгольскому государству. Монголам удалось захватить в плен генерала Цинь-шань-ну. От того потребовали заставить покориться завоевателям жителей столицы Бянь-цзинь, где находился император. Цин-шань-ну не согласился. Тогда потребовали, чтобы он сам покорился, но Цин-шань-ну отказался, поэтому его убили.

Наряду с такими геройскими поступками было немало среди генералов людей, которые не желали сражаться против монголов. Генерал Тушань-ну решил отходить на восток, чтобы выиграть время, хотя его убеждали этого не делать.

«Ли-сянь-шен, отклоняя его, говорил: „Теперь все войска монголов находятся на южной стороне реки Хуан-хэ, а северная сторона реки пуста. Министр, возьми наперед Вэй-чжэу и сим сделай то, чего враги не ожидают. Неприятель, по услышании о том, что наше войско находится на северном берегу реки, непременно, отделив часть своего войска, пошлет на северную часть реки. Таким образом, осажденная столица получит некоторую свободу, а для министра легко будет идти на помощь к оной“. Тушань-ну, сильно разгневавшись на Ли-сянь-шена, казнил его на площади, под предлогом, будто бы он обнаружил военную тайну. После чего Тушань-у-дянь, На-хэ-хэ-жунь, Вань-янь-чун-си Мяо-ин и Шан-хэн, оставив крепость Тун-гуань, выступили с войском в поход».

Поход был безнадежным, тем более, что он больше напоминал бегство. «Солдаты взяли с собой детей, жен и престарелых родственников. Оставив большую дорогу к Ло-яну, они пошли проселочной дорогой высоких юго-западных гор, через льды и снега. Их следом, в дальнем от них расстоянии, за ними отправилось несколько сотен монгольской конницы. На горах снега были чрезвычайные, почему женщины, взятые войсками, бросали малолетних детей, и дорога была наполнена воплями.

Когда цзиньское войско дошло до хребта Те-лин, следовавшая за оным монгольская конница тайно призвала главный корпус из Ло-яна и, сторожа хребет Те-лин, отрезала возвратный путь цзиньскому войску. Цзиньское войско, зная, что они непременно должны погибнуть, ре-

шилось вступить в сражение. Но люди уже несколько дней находились без пищи и, ослабев от перехода (почти 200 ли), были не в силах выдержать боя. Притом пошел снег, и мало-помалу они стали разбегаться.

Еще до сражения двух войск Вань-янь-чун-си первый из всех предался монголам. Монголы, приняв Вань-янь-чун-си, умертвили его. Равно чиновник ду-юй по имени Чжэн-ди убеждал генерала Мяо-ина покориться монголам. Когда Мяо-ин не согласился, то Чжэн-ди умертвил его и, взяв его голову, явился с покорностью к монголам. После сего войско пришло в великое расстройство. Тушань-у-дянь и На-хэ-хэ-жунь с несколькими десятками конницы бежали в ущелья гор. Монгольская конница, погнавшись за ними, всех забрала живыми и предала смерти.

Генерал Шан-хэн, не зная, что все начальники войска побиты, собирал разбежавшееся войско, но в это самое время прибыл монгольский отряд и взял его в плен. Монголы требовали от Шан-хэна покорности, но Шан-хэн не повиновался. Почему монголы под стражей повели Шан-хэна с собой. Дорогой монголы убеждали его склонить к подданству жителей города Ло-яна. „Я никого не знаю из жителей города Лояна,— говорил им Шан-хэн.— Кого же я заставлю покориться вам?“ Монголы, зная непреклонность Шан-хэна, хотели сорвать с него шляпу. Шан-хэн, устремив на них строгий взор, закричал: „Вы употребляете против меня насилие, но никогда не буду вашим подданным“. Потом, обратясь к столице Бянь-цзин, сделал поклонение и сказал: „По неискусству полководцев погублено войско, и утрачена выгода, но мое преступление равно непростительно. Мне остается заплатить отечеству смертью“. За сим, извлекши меч, перерезал себе горло и умер.

Монголы завоевали город Цзюй-чжэу. В сей же месяц монголы отпустили задержанного посла цзиньского —

Фын-янь-дэна, который возвратился в свое государство. В третий месяц монголы, делая приступ к городу Ло-яну, стреляли в оный и разрушили северо-восточный угол городской стены. Начальник города Сахэ-нянь хотел выйти из оного Южными воротами, но не успел; почему бросился в водяной ров и помер. Монгольский государь Тай-цзун, отходя по причине жары обратно, прислал государю Ай-цзуну посла с бумагой, в которой он требовал, чтобы он (Ай-цзун) покорился. Между тем, он (Тай-цзун) оставил Субутая с войском для нападения на Бянь-цзин.

Посланный от Тай-цзуна, прибыв в Бянь-цзин, стоя подал присланную бумагу переводчику, переводчик передал министру, а министр, встав на колени, поднес оную государю Ай-цзуну. Император стоя принял бумагу и отдал ее чиновнику, заведующему делами. Сею бумагой Тай-цзун требовал академика Чжао-бин-вэня, чиновника янь-шенгунь по имени Кун-юань-цо и других вельмож (числом двадцать семь) вместе с семействами, равно семейства покорившихся монголам цзиньских подданных, жену и детей генерала Пуа и несколько десятков швей и делателей луков. Когда император Ай-цзун хотел послать заложником в Монгольское царство своего старшего брата Цзин-вана Шэу-чуня Окэ, возведя его в достоинство Цао-вана, Миго-гун-шэу-сунь явился в палату Лун-дэ-дянь.

„По какому делу прибыл к нам наш дядя?“ — спросил его император. Шэй-сунь отвечал: „Я пришел, услышав, что Окэ отправляют для переговоров о мире. Окэ молод и неопытен в делах. Опасно, что он не в состоянии исполнить великого дела. Да будет дозволено отправиться вместо него мне“. Император, успокаивая его, сказал: „Со времени перенесения двора нашего на юг, при спокойствии государства, оказали ли мы нашему дяде какие-либо милости? Когда не имели нужды, мы оставляли его в забвении. Ужели, находясь в крайности, мы пошлем его

на опасность? Конечно, ты хочешь показать свою нам верность, но что тогда будут говорить о нас подданные? Итак, оставь твое намерение". При сем государь и министр, смотря друг на друга, плакали.

После сего Ай-цзун повелел отправиться вельможе Ли-си для сопровождения Цао-вана Окэ и вельможам Ахудаю и Ши-жуну в звании послов для заключения мира. Но прежде их отправления Субутай, услышав о сем, сказал: „Я получил повеление от императора напасть на город, другого ничего не знаю". И он тотчас стал осаждать Бянь-цзин».

Осада Бянь-цзиня началась с того, что Субеде внимательно оглядел ров у городской стены и велел тут же обнести его частоколом и забросать соломой. Это было произведено в кратчайшие сроки. Китайцам, которые боялись вступать в боевые действия, поскольку с монголами велись мирные переговоры, и не было императорского приказа, спокойно глядели со стены, как монголы уничтожали ров и подтащили осадные машины. Сам император выехал в город в сопровождении семерых всадников. Жители, которые должны были падать ниц перед своим сыном Неба, тут же стали валиться на колени и падать прямо в грязь, которая образовалась из-за недавно выпавшего дождя. Император сделал рукой знак, чтобы они не падали и не пачкали одежду, но народ все равно валился, точно снопы. Так что сын Неба приказал жителям разойтись по домам, а сам поехал к солдатам.

Сопровождавшие императора просили, чтобы он надел хотя бы плащ (жители по неосторожности касались руками его одежды, что запрещалось китайскими законами под страхом смертной казни), но императору было не до оскорбления его величества, он отказался надевать плащ, сославшись на то, что у остальных воинов плащей

не было. Он обращался к своим воинам с утешительными речами, а воины в ответ кричали «да славится император» и обещали честно идти в бой с монголами.

В юго-западной части города он заметил толпу человек из шестидесяти, которая о чем-то оживленно спорила. Император подъехал и спросил, о чем идет спор. Солдаты ему отвечали: «Монголы, снося землю и хворост, заваливают ров и совершили уже половину работы, а наш главнокомандующий Боса отдал приказание не пускать в них ни одной стрелы, опасаясь разрушить мирные переговоры. Какой это расчет, если рассудить здраво?» Император отвечал: «Для спокойствия народа я не откажусь быть вассалом и платить дань, если бы потребовали сего. Я имею только одного сына, который еще не достиг совершеннолетия, но и его теперь посылаю заложником. Имейте терпение. Если по отшествии Цао-вана неприятельские войска не отступят, умереть на сражении еще не будет поздно».

Его стали разубеждать, что на мир можно уже и не надеяться, что монголы все равно будут брать столицу приступом и лучше не допустить этого, чем дожидаться, когда всем придет скорая смерть. Тут Ай-цзун свое решение изменил и отдал приказ, «...чтобы войска, стоявшие на стене, начали стрельбу из луков. Тысячник по имени Лю-шэу, находившийся при вратах Си-шуй-мынь, остановил коня императорского и сказал государю: „Премудрый государь! Не верь коварным вельможам. По искоренении злонамеренных, монголы сами отступят“. Сопровождавшие Императора хотели бить Лю-шэу палками, но государь, удерживая их, сказал: „Он пьян, не делайте ему вопросов“». Тысячник не был пьян, он знал, что за одну пущенную со стен стрелу монголы столицу уничтожат.

Тем временем император показывал заботу о своих подданных: он лично перевязывал раны и поил вином воинов из своих рук, а также велел раздавать в награду золото и се-

ребро из дворцовых кладовых. Тем не менее, хотя монголы подверглись обстрелу со стен, он отправил к ним Цао-ван Окэ. Монголы, как и можно было предположить, от города не отступили, даже стали его обстреливать, перед собой они по отлично проверенному рецепту гнали пленных китайцев, даже женщин, стариков и детей, заставляя их носить на себе хворост и солому и засыпать ров. Поняв, что Цао-ван-Окэ послали не на переговоры, а попросту в плен, столичные войска осыпали монголов со стен градом стрел, тут же ров был засыпан, но уже не соломой, а свежими трупами.

Монголы подтащили к каждому углу городской стены пушки, и начался постоянный обстрел. Пушек, писал очевидец, было больше сотни, и стреляли они, не зная отдыха — и днем, и ночью.

«Ядра,— сообщает он,— беспрестанно падали в город, были разбиты все отбойные машины, но городская стена, выложенная из глины хулаогуаньской при чжоуском государе Чай-ши-цзуне, была тверда и плотна, подобно железу: от ударов ядер на ней образовались только впадины, повреждения не было. Итак, монголы за городским рвом сложили стену и на оной построили амбразуры и башни. Сия стена в окружности занимала 150 ли; проведенный вокруг оной ров в глубину и в ширину имел до двух сажен. Засим на земляном валу построили казармы в расстоянии на 40 шагов одну от другой, и в каждой из оных поместили по сто человек стражи. Цзиньский генерал Хэси охранял северо-западный угол города. При сильном напоре на сей угол монгольского войска Хэси от страха изменился в лице и не мог отдавать приказаний. Но его солдаты, помня слова государя, говоримые им неоднократно в утешение, дрались насмерть.

Монголы из воловьих кож сделали будочки и, в сих будочках подойдя к стене, раскапывали основание оной.

Тогда цзиньцы начинили порохом железные горшки, кои были спущены на цепях и, по достижении подкопа, издавали огонь, истребляющий кожу и человека. Еще пускали летучие огненные копья, кои, по вспышке в них пороха, жгли за десять шагов от себя, почему не осмеливался никто подходить к ним. Монголы, из страха к сим двум вещам, прекратили осаду.

В беспрерывных сражениях при их осаде города, продолжавшихся 16 суток, пало с обеих сторон убитыми до миллиона людей. Монгольский главнокомандующий Субутай видел невозможность овладеть городом и прислал посла, который говорил государю Ай-цзуну: „Между двумя государствами открыты мирные переговоры. Должно ли в то же время производить войну?“ Император Ай-цзун согласился на предложение и послал вельможу Ян-цзюй-женя угостить обедом монголов и поднести подарки, состоявшие из дорогих металлов и других вещей. После сего монголы отступили от города.

Генерал Хэси, по случаю отступления монгольского войска, хотел поднести императору поздравительный доклад. Другие министры не были согласны с ним. Но Хэси, приписывая себе успех в защите столицы, сильно настаивал на сем и, призвав Юань-хао-вэня, сказал: „Уже три дня, как отступил неприятель. Почему доселе не представляете поздравительного доклада?“ Он приказал ему немедленно позвать академика (хань-линь-юань) и написать поздравительный доклад.

Юань-хао-вэнь объявил его слова министрам. Тогда Сэлэ сказал Хэси: „В древности клятва под городскими стенами считалась за стыд. Тем паче, следует ли поздравлять с отступлением неприятеля?“ Хэси, рассердившись, отвечал ему: „Престол спасен, государь свободен от опасности. Ужели и сие для вас не составляет радости?“ На следующий день, когда явился в Сенат Чжан-

тянь-жень, Юань-хао-вэнь пересказал ему сей разговор. „Бесстыдный человек!“ — сказал Чжан-тянь-жень. После сего он обратился к министрам и сказал: „Государь весьма стыдился того, что неприятель подступил под столицу. Между тем слышно, что чиновники хотят приносить поздравления. Ужели это возможно?“»

Оказалось — возможно.

Министры настаивали. И только слова самого императора заставили их отказаться от такого «поздравления». Сам он тяжело переживал совершенные промахи, даже отказался впредь называться премудрым, а устойчивое словосочетание «премудрый указ» заменил словом «предписание».

В столице тем временем открылась зараза, и начались смерти. Население было настроено против монголов. И один из вельмож, не в силах вынести позора, напал на монгольского посланника и охрану, убив около тридцати человек. В такой ситуации стало ясно, что переговоры сорваны. К столице на соединение с императорскими шли войска из провинции, но они так и не дошли, столкнувшись с монголами: китайцы при виде монголов разбежались.

Однако в Шаньдуни дела, напротив, способствовали императору. Го-ань-юн, который был прежде бунтовщиком и коего монголы сделали главнокомандующим в Шаньдуне, привлек на свою сторону всех шаньдунских генералов и начальников отдельных отрядов в Сюй-чжэ, Су-чжэу и Пичжэу, и заставил поклясться над трупом убитой лошади, что все они с этой минуты служат своему императору, о чем послал гонца в Бянь-цзинь. Император назначил Го-ань-юна генералом в Шандуне, подарил ему одну позолоченную печать, печать золотую с ручкой, изображающей верблюда, половинную печать золотого тигра, в подтверждение его права на владение землей, и сделал наследственным в его

роде достоинство тысячника, даровал титул Ян-Вана, причислил к царской фамилии Вань-янь и переменил его прозвание на Юн-ань, а монголы за эту измену предали смерти всех его близких.

Из столицы в Шаньдунь потекли всевозможные награды, чтобы новоиспеченный генерал мог раздавать их особо отличившимся сторонникам. Сам же император решил оставить столицу и вместе с двором переехал в Гуай-Чжеу, а Бянь-цзине были оставлены на случай обороны войска.

Во время переправы через Хуанхэ, когда император успел оказаться уже на безопасном берегу, монголы напали на арьергард его войск. Генерал Хэ-дуси был убит, а Вань-янь-у-лунь-чу переметнулся к монголам.

Кое-как собрав войско, император решил дать монголам бой и отбить город Вэй-чжоу. Но императорские войска дрогнули, когда стало известно, будто к городу идет большое монгольское войско. Император стал отступать. Отступить он не успел: монгольская конница догнала его у монастыря Бо-гун-мяо и войско было разбито, а император бежал Гуй-дэ-фу.

Тем временем в столице возник мятеж, и главнокомандующий столичным войском Цуй Ли отправил посла к монголам, изъявляя покорность. Субеде двинулся на столицу. Императрица-мать и жена императора не успели бежать из города. Император, узнав об этом, был в гневе. Между тем его приближенные занимались обычным делом — боролись за власть. Одному из вельмож, Гуань-ну, удалось уничтожить главного соперника, предать смерти триста вельмож и около тысячи людей простого звания, а самого императора буквально запереть в палате Чжао-битан, никого к нему не допуская.

Тем временем передавшийся монголам Цуй-Ли выдал им обеих императриц, Лян-вана Цун-цио, Цзин-вана Шэу-чуня и царских родственников обоего пола, всего

более 500 человек. Императриц монголы отправили на север, а Лян-вана Цун-цио и Цзин-вана Шэу-чуня казнили. Императору же удалось избавиться от Гуань-ну, и он перебрался в Цай-чжэу.

Очевидно, из-за того, что приходилось содержать войско, императору пришлось отправить посла к достаточно враждебным сунцам. Император писал к Ахудая, которого и отправлял к соседям: «Сунцы совершенно забыли наши благодеяния. С самого вступления моего на престол я отдал повеление пограничным генералам не чинить набегов на царство Сунское. Пограничным правителям, представлявшим о начатии войны против царства Сунского, я постоянно делал строгие выговоры, а если в прежнее время был взят какой-либо сунский город, я немедленно его отдавал обратно. В недавнее время покорились нам жители Хуай-инь-сянь. Сунцы за выкуп города во множестве предлагали золота и дорогих вещей, но чтобы не показаться корыстолюбивым, приняв их вещи, я возвратил им сей город, не воспользовавшись нисколько собственностью оного. Кроме того, возвращая до нескольких тысяч пленных, взятых нами в сражении с сунцами при Цин-кэу, мы доставили им продовольствие. Теперь, при ослаблении нашего государства, сунцы завладели нашим Шэу-чжэу, склонили на свою сторону Дэн-чжэу и напали на Тан-чжэу. Расчеты сунцев весьма неглубоки. Монголы, истребив сорок княжеств, дошли до царства Ся. Уничтожив Ся, они пришли в наше государство. Если положат конец нашему царству, то непременно достигнут и царства Сунского. Естественно, что когда нет губ, тогда мерзнут зубы. Ныне, если Сунское царство соединится с нами, то, действуя в нашу пользу, может сделать собственные выгоды. Вельможа! Уверь в сем двор сунский».

Сунский двор оказалось невозможным склонить на сторону цзиньцев. Сунцы утюжили земли императора

совместно с монголами. В таком положении оставалось только одно: биться с монголами. В первом сражении у стен крепости монголы были разбиты, монгольский генерал Тацир дал второе сражение — и снова был разбит. Цзиньцы укрылись за стенами. Началась осада. Вот тут-то на помощь монголам пришло сунское войско и привезло с собой множество съестных припасов.

Одна из городских башен стояла у озера и считалась практически неприступной. Монголы пробовали взять ее штурмом, но первый приступ был неудачным. Тогда монголы применили хитрость. Они прорыли канал и отвели воды озера. Башня была взята. Бывшее дно забросали хворостом и пошли на слабо защищенную городскую стену. Цзинский отряд попробовал поджечь осадные орудия и выстроенные монголами внешние укрепления. Но монголы были начеку: китайцев стали расстреливать из самострелов. Они вынуждены были снова укрыться в городе. Император пытался бежать среди ночи, переодевшись в простое платье, но монголы хорошо сторожили крепость: Ай-цзун вынужден был вернуться. Зная, что остается теперь лишь сражаться или погибнуть, он передал престол главнокомандующему Ваньянь-чэн-линю. Тот не хотел принимать этого вынужденного дара, но Ай-цзун объяснил.

«Вельможа! — сказал он.— По самой крайности отдаю тебе престол. При тучности и тяжести моего тела я не способен к верховой езде, а ты с малолетства был легок телом и обладал способностями полководца. Если, сверх ожидания, успеешь освободиться, тогда не пресечется род наш. Вот мое намерение».

Чэн-Линь согласился.

Между тем монголы и сунцы уже вошли в город. Бывший император «*...собрал все свои вещи и, обложив оные соломой, сказал своим приближенным, чтобы тело его, по смерти, сожгли вместе с сими вещами, засим он повесился в*

кабинете Юй-лань-сюань». Чэнь-лин, назначенный императором на престол, погиб, защищая дворец от монгольских войск.

«Генералы и придворные чины, предав огню тело императора, все удалились,— пишет китайский хронист,— *один Цзян-шань остался при сгоревшем трупе и был задержан неприятелем. „Кто ты?“ — спросили его схватившие. „Я чиновник фын-юй,— ответил он,— мое имя Цзян-шань“.*

Неприятели продолжили: „Все твои товарищи разбежались. Почему же ты остался?“ Цзян-шань отвечал: „Здесь умер мой государь. Ожидаю, когда огонь погаснет и охладится пепел, чтобы собрать кости и предать земле“.

„Ты помешался,— со смехом сказали ему солдаты,— ты не в силах защищать своей жизни, можешь ли похоронить кости твоего государя?“ Цзян-шань отвечал: „Всякий человек служит своему государю. Мой государь управлял империей около десяти лет. Он не успел совершить великих дел, но умер за престолом. Могу ли оставить труп его, как простого воина, брошенным в пустой степи? Я знал, что не избавлюсь от вас, но по зарытии праха моего государя умереть я не пожалею“.

Солдаты донесли о нем своему главнокомандующему Тациру. Тогда Тацир, называя его необыкновенным человеком, приказал дать ему свободу. Цзян-шань, обернув кости императора обгоревшими лоскутами одежды, зарыл их на берегу Жуй-шуй и, делая поклонение над его могилой, горько зарыдал. Засим бросился в реку, в намерении утонуть в оной, но солдаты монгольские успели вытащить его живым. Кончина его неизвестна.

Между тем, Цзян-хай вошел во дворец и захватил Чжан-тянь-вана. Мын-гун и Тацир приказали вырыть кости императора Ай-цзуна и разделили оные между собой. Сим образом погиб Дом Цзиньский!»

И с этого момента началась монгольская история Китая.

А в 1271 году Хубилай, отняв власть у законного Великого Хана Ариг-Буги (1260 г.), основал новую династию китайских императоров, известную как Юань — это была династия монгольских ханов, потомков Тулуя. Именно Хубилай и завоевал Поднебесную окончательно, присоединив к северным и центральным землям Южный Китай. В 1275 году в битве Динцзячжоу армия Южной Сун была разбита, еще через год монголы захватили столицу сунцев город Линьань, взяли в плен императора, а в 1279 году уничтожили последнее сопротивление в районе Яйшаня. Императором Китая стал Хубилай, который принял буддизм и новое имя — Ши-Цзу.

Улус Джучи

К середине 1230 годов Северный Китай был подчинен власти монголов. Следовательно, стоило наметить вехи новых завоеваний. Вот почему в 1235 году Угедей созвал второй курултай, на котором и было решено вести поход на западные земли, покончить с империей Сун, добить Корею, Иран, Багдад.

«Когда каан (Угетай) во второй раз устроил большой курилтай,— пишет хронист,— и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов [1] *и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и*

[1] *Асы* — народы иранского происхождения и славяне, получившие иранское влияние, которые проживали в регионах верхнего Донца, нижнего Дона, на Северном Кавказе.

гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату-Хорду и Тангута — и несколько других царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились: от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью».

Сын Джучи Бату был еще очень молод — ему едва исполнилось 27 лет, но под его начало были отданы лучшие монгольские полководцы, вели его войска и прославленные Субеде и Джебе. Русь не была первой землей на пути войска Бату. Первыми пострадали от завоевателей поволжские татарские города — татары считались у монголов главными врагами, поскольку некогда татары, пусть и не поволжские, отравили отца Чингисхана баатура Есугея. Под рукой Джучи, а затем его сыновей, и так уже были татарские племена, вынужденные покориться монголам. Тюрки Енисея, Прииртышья, Урала уже вошли в монгольское государство. Теперь путь завоевателей лежал на запад, на Волгу.

Если, как нам говорят, Русь преградила путь монголам на запад, то что же сказать тогда о заселенном татарами Поволжье? Именно они приняли первый удар нового завоевательного похода монголов. И удар этот был страшен.

Весной 1236 года огромная монгольская армия двинулась из главного юрта на запад. Летом она шла по степи, а к осени оказалась в пределах Волжской Булгарии — сильного татарского средневекового государства. Волжская Булгария вовсе не была страной дикой или отсталой. В ней имелось много городов и многочисленное городское население, там были талантливые мастера и ремесленники, купцы, воины, знать. Некоторые города были хорошо защищены крепостными стенами, но это не помогло.

Как пишет Джувейни, монгольские царевичи Бату, Менгу-хан, Бучек, Гуюк-хан, Кардаган, Кулькан, Бури, Бату-

Батый

Хорду, Тангут и Байдар, двигавшиеся отдельными отрядами, соединились под Булгаром: «*...от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили*». Сувар, Буляр, Джукетау и прочие города Булгарии были взяты приступом, их монголы уничтожили, а население увели или убили. К 1238 году вся Булгария оказалась в руках монголов.

Но тогда, в 1237 году, перезимовав на речке Воронеж, монгольская конница двинулась на сопредельное Булгарии государство — Владимирскую Русь. Первым на их пути лежало Рязанское княжество. Как и было уже в первый монгольский поход на Русь, Бату выслал вперед разведочный отряд, который должен был уладить дела с народом, подлежащим завоеванию и переработке. Рязанский ответ на предложение подчиниться без боя был прост: когда всех нас перебьете, тогда и будете распоряжаться.

Однако пока что боя не было: послы не выказали ни ярости, ни удивления, они просили всего лишь пропуска дальше, во Владимир, на переговоры с Великим князем Владимирским Юрием. Рязанцы их пропустили. Нам неизвестно, какие переговоры вел с монгольским посольством Юрий, что он им обещал, но из Владимира их выпустили назад, в стан. Если учесть, что и в первую встречу с монголами владимирские князья выбрали политику выжидания, не отправив к южным князьям свои войска, а единственный ослушник ростовский князь на Калку[1] «опоздал», то политика эта была понятна: владимирские

[1] Битва на Калке 1224 года, в которой монголы разбили русское войско.

князья решили использовать нового врага для ослабления своих соседей.

Не правда ли, ту же картину мы уже видели в Китае? Там точно так же китайские правители принимали сторону монголов, чтобы ослабить своих соседей и решить собственные территориальные вопросы. Так сунцы предпочли согласию с Цзинь монголов. Результат тоже известен: разгромив Цзинь и другие северные китайские государства, монголы в конце концов уничтожили и Южную Сун. Правда, на это потребовалось более семидесяти лет.

На Руси все решилось и быстрее, и проще. Здесь не было такой сильной и крупной армии, как в Китае. А несогласия между князьями было даже и больше. Юрия обычно оправдывают тем, что он, дескать, собирался сражаться с монголами, но должен был собрать военную силу, поскольку монголы застали русских врасплох. Но это не совсем так. Если Юрию нужно было собрать войска, то почему он этим не озаботился хотя бы с полгода назад, когда из степи и с Волги бежали на русскую сторону перепуганные жители Поволжья? Калка повторялась. Юрий предоставил рязанцев самих себе. Когда те отправили гонцов во Владимир с просьбой о помощи, «...Юрьи же самъ не поиде, ни послуша князии рязаньскыхъ молбы». Правда, летописец был убежден, что не от зла или предательства так поступил владимирский князь, а просто он сам себе искал славы. Вряд ли. Рязанцы и тверичи казались Юрию худшими врагами, чем монголы. Первых он знал, вторые были пока что захватчиком неизученным. Монгольские переговорщики были отличными дипломатами, они умели так представить дело, что князь не мог не увидеть будущей выгоды, так что рязанцев он бросил. И дальнейшие события целиком на совести великого князя владимирского. Монголы пошли на Рязань.

Очевидно, рязанское дело было таким страшным, что впоследствии на основе этого несчастья родились отчаян-

ные тексты о погибели Рязани. «Повесть о взятии Рязани Батыем» сводит причину похода на Рязань к желанию Бату отобрать у рязанского князя красавицу жену. Якобы поняв, что от владимирцев помощи не дождаться, рязанский князь отправил к Бату свое посольство:

«...с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю, и пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною.

Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: „Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей“. Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: „Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь“. Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал».

Вряд ли даже красавица-жена стала бы причиной для гибели города. И не из-за этой жены шел Бату на Рязань. Это вам не «Илиада», где спор из-за Елены привел к кровопролитнейшей войне и гибели Трои. Бату просто присо-

единял новые земли к своему улусу. В то время улус его брата был стабильным образованием, а улус самого Бату пока находился в состоянии образования. В него должны были войти западные земли, которые не были подчинены и завоеваны. Потомки хана честно исполняли свою миссию — подчинить монголам все народы. Бату в этом плане был отважен и честолюбив. Легенда о рязанской красавице сложилась спустя век после события: надо ж было как-то объяснить, почему монголы пошли на Русь, хотя им были даны подарки: к тому времени на Руси уже и привыкли, что хорошие подарки решают все. Но в 1237 году подарки без покорности ничего не решали. Значит — жена.

Увы, **не** жена.

Монголы, не получив добровольного согласия сдаться в первый же раз, далее сдачи не принимали, какие бы дары им ни подносили. Такова была практика. Сразившись с разведочным отрядом, рязанцы уже подписали себе смертный приговор. Остальные события были всего лишь следствием этого первого отказа сотрудничать. Рязанцы предпочли драться. Но куда рязанскому войску против монголов?

«Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингоревич, брат его князь Давыд Ингоревич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел Бог грехов ради наших. А князя Олега Ингоревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить

и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших...»

Немногие выжившие князья разбежались по своим городам: они надеялись укрыться за стенами и держать оборону. Среди участвовавших в битве был и коломенский князь. Коломна тогда считалась спорным владением: она принадлежала рязанцам, но владимирский князь стремился эту Коломну себе перенять. И когда Бату двинул войско на Коломну, Юрий вдруг сообразил, что все выходит из-под его контроля: для него Коломна была уже личным владением, так что в этот раз он все же послал на подмогу своего сына князя Всеволода. На помощь Коломне пошел и рязанский князь Роман.

Битва была тяжелая, и русские снова потерпели поражение. Рязанский князь погиб, воевода Юрия погиб, Коломна была взята и сожжена, а князь Всеволод в страхе бежал во Владимир. Не нужно быть провидцем, чтобы прогнозировать дальнейший путь монгольских войск. Они двинулись на Владимир, но попутно взяли Москву, где сидел малолетний сын Юрия Владимир. Княжич попал в плен и стал разменной монетой, монголы стали шантажировать этим княжичем владимирцев, принуждая их сдать город.

Итак, Юрий теперь сообразил, что очень сильно просчитался, что теперь пощады от монголов можно и не ждать, одна надежда на великого киевского князя Ярослава, номинально высшего князя всей русской земли. Он и послал к брату с просьбой о помощи. Но брат поступил точно так же, как сам Юрий с рязанскими князьями: помощи он не дал. Юрий напрасно стоял на Сити, а монголы окружили Владимир. Тактика Юрия тут для человека нашего времени совершенно непонятна. Зачем князь

стоит с войсками на Сити? Почему не идет выручать свой Владимир? Почему не идет спасать своего малолетнего сына, захваченного монголами? Либо он надеется, что Владимир и так выстоит, поскольку значительно укреплен. Либо он не в курсе, что монголы захватили его сына. Либо он боится спасать Владимир, потому что боится за этого сына. Тут любое решение было бы тупиковым. Так что Юрий действует по стандартной схеме северо-востока: он выжидает, осторожничает. И это ни к чему хорошему привести не могло! Несчастные владимирцы, увидев подходящее монгольское войско, затворились в стенах города, но, увы, они были обречены...

Взяв крупные города, монголы разделились. Скоро были взяты Рязань, Коломна, Москва, Тверь, Волок, Юрьев, Дмитров, Ростов, Ярославль, Владимир, Переяславль, Городец, Галич... Стало ясно, что Ярослав не придет на помощь брату. Все плохо. Что остается Юрию? Он уже сообразил, что никакие переговоры не помогут ему подружиться с монголами. Нужно биться. Юрий не храбрец, он человек очень осторожный и опасливый, но теперь деваться некуда. Бежать? Но куда? Ему приходится принять навязанный бой. И никакого геройства и самоотверженности тут нет. Это... несчастье, просчет в политике, недальновидность, цена ошибки. К тому же монголы появились неожиданно и сумели обойти княжеское войско. Дорофей Семенович принес неутешительные вести: русские в ловушке.

Битва была короткой и беспощадной к Юрию: в ней он погиб. Северо-восток практически в полном составе оказался в руках Бату. Незахваченными оказались лишь несколько городков, которые в тылу продолжали держать оборону. Но для монголов это было явление обыденное. Они не любили брать крепостей, хотя за несколько десятилетий войны с более цивилизованными народами и научились осаждать города. При осаде они предпочитали любы-

ми способами не вступать в бой на стенах, используя запугивание, лесть, лживые обещания, предателей, постоянный обстрел осажденных, лишение их еды и — главное — воды. Осажденных они сначала стремились привести в такое положение, когда ради сохранения жизни они были готовы открыть ворота города добровольно, тут всем и наступал обычный конец.

Среди русских северо-восточных городов геройских было немного. Во-первых, с крепостями у владимирских князей было плохо, во-вторых, князья привыкли сражаться в поле, они неграмотно строили оборону, и защищать города чаще приходилось самим горожанам. Это в Китае по крепостям стояли гарнизоны, тут дело иное — сражалось население. Города были в основном деревянные, они горели просто замечательно. Так что в русскую историю попал в этом качестве разве что один маленький Козельск. Почему именно Козельск? Да потому просто, что этот город имел каменные стены, он был очень хорошо укреплен. Деревянные стены и земляные валы и рвы монголов ничуть не пугали. Козельск же им пришлось штурмовать. Именно поэтому они долго держали его в осаде, надеясь, что жители не выдержат этого и сами сдадут городок. Но городок не сдавался. Почему? И тут, наверно, весьма печальное открытие: его некому было сдавать. В городе не имелось взрослого князя! Княжил в нем практически ребенок — малолетний князь Василий. Вероятно, если бы там был взрослый князь, Козельск бы сдали — князья предпочитали сдаваться. Но в Козельске за свой город бились сами горожане, поэтому и сопротивление монголам было выказано ожесточенное!

Аналога этому сопротивлению у нас не имеется. Так за свой город и свою жизнь не сражался больше никто.

Когда монголам удалось разрушить городскую стену и подняться на вал, жители Козельска встретили их с ножами

и нанесли им изрядный урон. Монголы ушли в свой стан и оттуда стали посылать отряды для захвата других городов.

Взяв Переяславль, они пришли под Торжок. Торжок был научен горьким русским опытом выдерживать осады. Его постоянно «переимали» у новгородцев те же владимирские князья. Так что горожане затворились и приготовились, как всегда, отбиваться от противника. Однако не нужно делать из Торжка приспособленный к обороне город. Его жители продержались столько, сколько могли. К тому же между ними, как всегда, не было согласия, не было и новгородской помощи — сами новгородцы в ужасе ожидали своей очереди, прекрасно понимая, что Новгород тоже не способен долго держать оборону.

Но дальнейшие события были более чем странными: монголы пошли на Новгород, не дошли до него сотню верст и повернули вспять.

Что же случилось?

Версий существует немало. Самая распространенная, что монголы испугались распутицы и вернулись назад. Если учесть, что воевать Новгород сами русские ходили зимой, с холодами, потому как с весны и все лето из-за дождей проходимость становилась проблематичной, то это достаточно правдоподобная версия. За исключением одного: монголы, так близко дойдя до цели, вряд ли стали бы отступать: возвращаться им нужно было по той же распутице и по тому же бездорожью. Так что она отпадает по самой простой причине: неактуальна. Либо им нужно было не идти вовсе, либо идти, но до пункта назначения. Если монголам удавалось пройти через бесплодную пустыню Гоби, то и через новгородские леса с болотами они бы прошли.

Если не распутица — тогда что?

Точнее — кто?

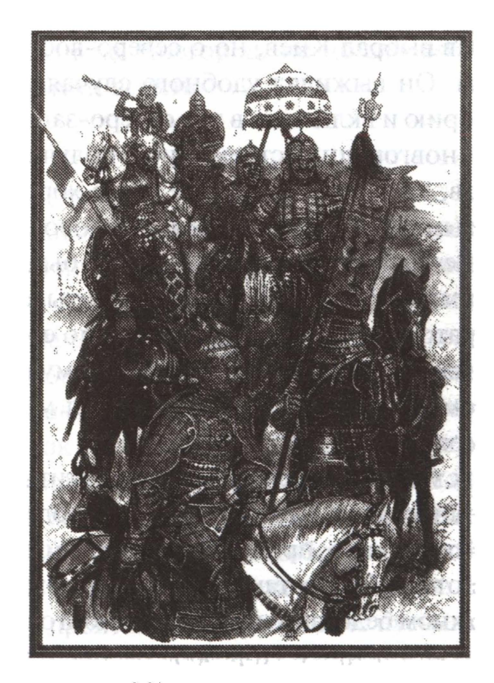
Обычно, когда был осажден Торжок, новгородцы применяли стандартный ход — они посылали переговорщиков и решали вопрос деньгами. Для новгородцев Торжок был средством связи с нижними землями, откуда в город шло продовольствие, сам Новгород обеспечить себя хлебом никогда не мог. А теперь внимание особенное: в Новгороде на тот момент княжил Александр Ярославич Невский, в Киеве великим князем считался его отец Ярослав, во Владимирской земле — его дядя Юрий. Юрий после недавних событий был убит, и вся северо-восточная Русь оказалась в бесхозном состоянии. Ярослав и прежде мечтал соединить южные и северо-восточные земли под единым управлением. Это не получалось из-за «своеволия» южных князей.

Когда пришлось выбирать между Владимиром и Киевом, Ярослав выбрал Киев, но о северо-востоке вовсе не запамятовал. Он выжидал удобного случая, чтобы слить всю территорию и включить в нее северо-западные земли. Поскольку новгородцы стремились получать киевских наследников, то в этом плане все было хорошо — Александр был сыном киевского князя, Новгород нужно было держать и не выпускать. Юрий вряд ли бы добровольно отдал Владимир Ярославу. Как тот рассчитывал поступить со своим братом, мы не знаем. Но судя по его «помощи», он задумывал «уходить» брата. Монголы ему в этом чудесным образом помогли: теперь Юрий был мертв, северо-восток возвращался в руки Ярослава.

Но тут уж монголов нельзя было допустить в Новгород: город богатый, самому нужен. Зная новгородскую политику, он, вероятнее всего, предложил монголам плату за своевременный отход. Каких там сказок о непроходимости дорог и возможном бедствии наговорили монголам — вопрос десятый. Но разоренный Новгород был не нужен ни Ярославу, ни Александру. Убедить новгородцев заплатить, а не

воевать, вообще труда не составляло. Во время монгольского новгородского похода в стан противника были посланы переговорщики, которые все и разрешили мирным путем. Новгород соглашался платить, а для монголов только это и считалось знаком полного подчинения. Получив желаемое, они повернули коней. Ярослав же, покинувший Киев, как думалось на время, оказался выключенным из него насовсем: на его место тут же сел Ростислав Смоленский, которого быстро согнал со стола Даниил Галицкий, посадивший в Киеве своего наместника — воеводу Дмитра.

В этом, 1238 уже году, монголы разорили черниговские земли, что Ярослава не могло не радовать — черниговцы тоже были его старинные враги. И чем больше Ярослав изучал захватчиков, тем больше он понимал, что с ними

Монгольские воины

можно найти общий язык. Язык этот именовался — полная покорность. Он был не первым властителем, который пришел к такому выводу. И прежде ради сохранения иллюзии власти местные правители подчинялись захватчикам, отдавая свои народы в монгольское рабство. Так было в Средней Азии и Китае. Но — небольшой нюанс: этот стандартный стиль поведения властителей там имел больше противников, почему монголам приходилось систематически завоевывать уже однажды завоеванное. Русь оказалась единственной территорией, которая пала стремительно и не пыталась позже бунтовать. Да, мелкие стычки с монголами место имели, но только в самом начале завоевания и только в отдельных княжествах.

Владимирская земля среди них не значится. Так что если вам хочется найти виновника монгольского владычества, то имя его можно смело назвать — князь Ярослав. Быстро просчитав, как лучше пользоваться монголами для собственных интересов, он не случайно оставил Киев. Тамошние южные князья, помнившие обиду на Калке, вряд ли бы согласились с его планом. Для них бой с монголами был вопросом чести, особенно для Даниила, с которым у Ярослава отношения были хуже некуда. Видимо, Ярослав считал, что руками монголов можно будет ослабить или уничтожить и южные княжества, противников его самовластия. Поэтому он за Киев и не держался: город должен был превратиться в развалины. Ярослав знал, что столицу южной Руси без боя не сдадут. Но в тот, 1238 год монголы не стали брать Киев. Они подошли к нему, отправили в Киев своих послов. Киевляне были предсказуемы: они с негодованием отказались сдать город. Монголы постояли на другом берегу, поцокали языками — какой красивый город — и отошли.

Снова они появились в 1240 году.

А где были до этого?

8 — 1191

А до этого им пришлось утюжить земли Поволжья: там то и дело вспыхивали бунты. Это не северо-восточная Русь, которой хватило одного похода и полного порабощения. Татары бились против своих врагов яростно. Но они не могли выстоять против огромного войска.

О судьбе одного из вождей восставших татар Бачмане сохранился такой летописный рассказ:

«Когда каан (Угетай) отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодяями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удальцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было (постоянного) местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день (оказывался) на новом месте, (был) как говорится в стихе: „днем на одном месте, ночью на другом“, и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались.

Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым. Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала, выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки.

Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать (его). Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть (туда), не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь.

Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества и затем решили вернуться.

Вода опять заколыхалась, и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось. Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его (Бачмана) на две части».

Не могли выстоять против монголов и кыпчаки. Усмирив недовольных татар и кыпчаков, монголы могли наконец-то вернуться к завоеванию.

В 1240 году монгольские отряды пришли в Южную Русь. Свой удар они направили на Киев. Город не выдержал штурма; воеводу же Дмитра Батый особенно пытал о том, где князь Данила. А Даниил Галицкий был в Венгрии: он не бежал, он надеялся собрать войска. Затея была

безнадежная. А после взятия Киева Даниил вернулся из Венгрии и увидел, что стало с недавно богатой землей: он застал развалины Киева и опустошенные города Волыни. Его семья успела ускользнуть через границу в Польшу, там он ее и обрел, и плакал счастливыми слезами, что жена и дети живы.

С этого момента война с монголами стала для князя навязчивой идеей, с ней он засыпал, и с ней же он просыпался. Помощи искать ему было не у кого. Венгрия и Польша, и даже германский император и сами пребывали в страхе, а папа Римский, к которому князь обратился за помощью, предложил тому всего лишь императорскую корону. Даниил-то надеялся на рыцарей. Папа уговаривал переменить веру, тогда, мол, будут и рыцари. В конце концов (но не в том злополучном 1240 году), Даниил согласился. Он был коронован и доныне остается единственным русским королем. Впрочем, самому Даниилу эта коронация ровным счетом ничего не дала: войска у папы Римского и крестового похода против монголов он не получил.

Пожалуй, Даниил оказался единственным русским князем, простите, королем, который выбрал не подчинение, а борьбу. В отличие от северо-восточного Ярослава Даниил не умел гнуть спину. Только раз ему пришлось это сделать, когда спустя годы после фактического завоевания Южной Руси, после его маленьких, но побед над монгольскими войсками на непокорный юг были присланы сильные отряды и жестокий и талантливый монгольский полководец, который разгромил его небольшое войско. Тогда, боясь, что монголы вырежут все население и разрушат все города, Даниил отправился по северо-восточному образцу в Орду, на поклон к хану.

«До сих пор,— писал историк Костомаров,— *он не считал себя данником хана. Монгольские полчища пока*

только прошли по южной Руси разрушительным ураганом, оставивши по себе, хотя ужасные, но скоро поправимые следы. Участь других русских князей, казалось, миновала Даниила. Но не так вышло на деле, как казалось.

В 1250 году прибыли послы от Батыя с грозным словом: „Дай Галич!“ Данило запечалился. Занятый беспрестанными войнами со своими соперниками, он не успел укрепить городов своих и не был в состоянии дать отпор татарскому полчищу, если бы оно пошло на него. Обсудивши свое положение, Данило сказал: „Не дам полуотчины своей, сам поеду к хану“.

В самом деле Данилу приходилось, уступивши Галич, не только потерять землю, приобретенную такими многолетними кровавыми усилиями, но ему угрожала большая беда: отнявши Галич, монголы не оставили бы его в покое с остальными владениями; и потому благоразумнее было заранее признать себя данником хана, чтобы удержать свою силу на будущее время, когда, при благоприятных обстоятельствах, можно будет заговорить иначе с завоевателями Руси.

26 октября выехал Данило в далекий путь. Проезжая через Киев, Данило остановился в Выдубицком монастыре, созвал к себе соборных старцев и монахов, просил помолиться о нем, отслужил молебен Архистратигу Михаилу и, напутствуемый благословениями игумена, сел в ладью и отправился в Переяславль. Здесь встретили его татары. Ханский темник Куремса проводил его в дальнейший путь.

Тяжело и страшно было ехать Данилу. С грустью смотрел он на языческие обряды монголов, владычествовавших в тех местах, где прежде господствовало христианство. Его страшили слухи, что монголы заставят православного князя кланяться кусту, огню и умершим

прародителям. Следуя по степи, доехал он до Волги. Здесь встретил его некто Сунгур и сказал: „Брат твой кланялся кусту, и тебе придется кланяться“.— „Дьявол говорит твоими устами,— сказал рассерженный Данило,— чтоб Бог загородил твои уста и не слышал бы я такого слова!“

Батый позвал его к себе, и, к утешению Данила, его не заставили делать ничего такого, что бы походило на служение идолам. „Данило,— сказал ему Батый,— отчего ты так долго не приходил ко мне? Теперь ты пришел и хорошо сделал. Пьешь ли наше молоко, кобылий кумыс?“ — „До сих пор не пил, а прикажешь — буду пить“. Батый сказал ему: „Ты уже наш татарин, пей наше питье“. Данило выпил и сказал, что пойдет поклониться ханьше. Батый ответил: „Иди“. Данило поклонился ханьше, и Батый послал ему вина со словами: „Не привыкли вы пить кумыс, пей вино“.

Данило пробыл 25 дней в Орде и был отпущен милостиво. Батый отдал ему его владения в вотчину. Родные и близкие встретили его по возвращении с радостью и вместе с грустью: они радовались, видя, что он воротился жив и здоров, и скорбели об его унижении. Вместе со своим князем вся русская земля чувствовала это унижение, и оно-то прорвалось в возгласе современника-летописца: „О злее зла честь татарская! Данило Романович, князь великий, обладавший русскою землею, Киевом, Волынью, Галичем и другими странами, ныне стоит на коленях, называется холопом, облагается данью, за жизнь трепещет и угроз страшится!“»

А в 1240 году монголы прошли смерчем по Южной Руси и тремя огромными языками вошли в западные страны — Польшу и Венгрию. Они мечтали дойти до самого моря. Ужас навис над европейскими городами.

Ужас над Европой

Если Русь в силу крайнего в Европе восточного положения имела хоть какое-то представление о кочевых народах, пусть и имеющих с монголами весьма отдаленное родство, то европейцы и такого понятия не имели. Их знание о кочевниках, пожалуй, было чисто историческим: кочевники у них прочно ассоциировались с именем Атиллы. Вот почему, когда появились первые и угрожающие слухи о новых завоевателях, их упорно сравнивали именно с воинами Атиллы.

Эти угрожающие сведения о монголах принесли в Европу враги христиан сарацины: они были так напуганы, что отбросили даже хроническую вражду к христианам, наделавшим много бед своими крестовыми походами в защиту Гроба Господня. Матвей Парижский сообщает о некоем сарацинском вестнике знатного рода и одетом в богатые одежды, который явился ко двору французского короля.

«В эти дни посланы были к королю франков,— писал он,— *официальные послы от сарацин, сообщающие и правдиво излагающие, в основном от имени Горного Старца, что с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию и с грозными посольствами разослало устрашающие послания. Их предводитель утверждает, что он — посланец Всевышнего Бога, [для того] чтобы усмирить [и] подчинить народы, восставшие против него.*

А головы у них слишком большие и совсем не соразмерные туловищам. Питаются они сырым мясом, также и человеческим. Они отличные лучники. Через реки они переправляются в любом месте на переносных, сделанных

из кожи лодках. Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны. Язык их неведом ни одному из известных нам [народов]. Они владеют множеством крупного и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые [и] могут трехдневный путь совершить за один [день]. Дабы не обращаться в бегство, они хорошо защищены доспехами спереди, [а] не сзади.

У них очень жестокий предводитель по имени Каан. Полагают, что они, именуемые тартарами (от [названия] реки Тар) [и] весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума, обрушились на человечество, и хотя они выходили уже не раз, но в этом году буйствовали и безумствовали страшнее обыкновенного.

Вот почему жители Готии и Фризии, убоявшись их нашествия, не пришли в Англию, в Гернему, как у них заведено, во время лова сельди, которой они обычно нагружали свои суда. А поэтому сельдь в этом году в Англии из-за обилия [ее шла] почти за бесценок — также и в отдаленных от моря местностях до сорока или пятидесяти штук продавали за одну серебряную монету, хотя она и была самой отборной.

И этот сарацинский вестник, облеченный полномочиями и знатного рода, прибывший к королю Галлии, которому было поручено от имени всего Востока возвестить об этом и который искал помощи у западных [стран], чтобы успешнее справиться с тартарской угрозой, со своей стороны направил к королю Англии одного сарацинского вестника, который явился, чтобы все это возвестить королю, и он сказал, что если они [сарацины] не смогут сдержать такой натиск, то останется только одно: они [татары] и западные страны разорят, как говорится у поэта: „Дело о скарбе твоем, стена коль горит у соседа“. А потребовал этот вестник помощи в такой

момент нависшей над всеми ними опасности, [для того] чтобы сами сарацины, опираясь на помощь христиан, отразили их нападение. Ему остроумно ответил случайно тогда присутствовавший епископ Уинчестерский, при этом осенив себя крестом: „Предоставим собакам этим грызться между собой и полностью уничтожить друг друга. Когда же мы пойдем на оставшихся [в живых] врагов христовых, [то] уничтожим их и сметем с лица земли. Да подчинится весь мир единой католической церкви, и да будет един пастырь и едино стадо!“»

Так вот, оперируя замечательной идеей уморить мусульман руками монголов, а монголов руками мусульман, решили европейские короли и сам глава христианской церкви — папа Римский — отказать «сарацинам» в помощи.

Интересно, что могло бы произойти, если бы европейские иерархи и короли приняли предложение воинов Аллаха? Может быть, вечный вопрос о войне между двумя близкими религиями был навсегда закрыт? Может быть, христиане перестали смотреть на своих восточных соседей как на врагов, а последние перестали видеть в христианах неверных? Не знаю. Могу сказать лишь одно: объединись тогда христиане и мусульмане, Великая Монголия не закрепилась бы в таких огромных пределах, как это произошло. Чингисхана более не было в живых, а талантливых военачальников у монголов после хана было не так уж и много. Даже мобилизуя ресурсы всех завоеванных тюркских народов, они не смогли бы разбить объединенное войско Евразии. Но этого, как нам известно, не случилось.

Европа никак не могла объединиться даже внутри христианского лагеря, не то что с мусульманами. И монголы, похоже, отлично это понимали. Они ведь именно методом распрей между соседями и подчиняли отдельные

народы, чтобы потом прибрать к рукам все их прежние владения! То, что происходило, не могло их не порадовать.

Монголы благополучно пустошили самые восточные из европейских государств — Венгрию и Польшу. Масштаб разрушений и человеческих смертей был кошмарным. Польша в полной мере получила свое монгольское завоевание, о чем наши патриоты предпочитают умалчивать. Северный язык монгольской конницы прошелся по древним польским городам Люблину, Завихосту и Сандомиру, практически уничтожив их на своем пути. Богатую добычу вывезли на Русь, где и благополучно поделили. Краковский воевода Владимир погнался за монголами, смог даже отбить пленных, часть из которых разбежалась и была спасена, но в бою при речке Чарне он потерпел поражение: войско у Владимира было небольшое, а монголов много. Но на этот раз монголы отошли через Стремех на

Монголы в Европе

Русь, чтобы набрать новые силы. Затем обновленная монгольская волна двинулась на Краков.

«Свое огромное войско они, подойдя к Сандомиру,— пишет Матвей Меховский,— *разделили надвое. Меньшую часть, под начальством Кадана, называемого у поляков Кайданом, направили на Ленчицу, Серадз и Куявы и, не встречая преград, с величайшей жестокостью опустошили эти округа огнем и мечом. Бо́льшее войско, под предводительством татарского князя Петы, пошло на Краков, опустошая по пути огнем и мечом все соседние края. Навстречу им в деревне Хмелик, близ города Шидлова, вышли палатин Владимир и Клемент, кастеллан краковский, Пакослав палатин и Яков Рациборович, кастеллан сандомирский, со знатью и воинами Сандомира и Кракова. Начался бой с татарским отрядом, а когда он, ослабев, отступил и соединился с другим, более крупным, поляки, утомленные предшествовавшей битвой, частью пали, грудью встретив удар подавляющего численностью врага, частью обратились в бегство и спаслись по знакомым дорогам.*

Пали в этой стычке незабвенные Христин Сулькович из Недзведя, Николай Витович, Альберт Стампотич, Зимента, Грамбина, Сулислав — отличные воины, и много других доблестных. Это поражение распространило такой ужас, что люди стали убегать кто куда мог, а поселяне со своим добром и скотом укрылись в болота, в леса, в непроходимые места. Бежал и Болеслав Стыдливый, князь Краковский и Сандомирский, с матерью Гржимиславой и женой Кингой — сначала по направлению к Венгрии в замок Пьенини близ города Сандеца, а потом в Моравию, в цистерцианский монастырь.

Татары же, нанеся полякам поражение под Хмеликом, в первый день великого поста пришли в Краков и,

найдя город пустым, так как все жители скрылись, в ярости сожгли церкви и дома. Они осадили, окружив валами, церковь св. Андрея, тогда стоявшую вне городских стен, но так как поляки, засевшие там в большом числе, энергично и смело отбивались, защищая себя и свое добро, татары взять ее не могли и без успеха отступили на Брацлав. И этот город они нашли не только покинутым жителями, как Краков, но и сожженным.

Дело в том, что горожане, бросив в ужасе почти все и спешно захватив лишь более ценное, все бежали, а люди князя Генрика, увидев это из крепости, сошли вниз, собрали в крепость добро и пищевые запасы, а город с его строениями сожгли. Ничего не найдя в городе, татары осадили замок, но несколько дней спустя, отраженные, как говорят, благодаря слезным молитвам Чеслава, приора ордена предикаторов, и братии его, бывших в замке, сняли осаду и отступили. Между тем, на второй день Пасхи подошли татары, разорившие Куявы, и все они, соединившись вместе, пошли на Легницу.

Князь Генрик второй, сын св. Гедвиги, в то время собирал там вооруженные силы из знати и простолюдинов Великой Польши и Силезии. Прибыли и князья со своими воинами: Мечислав Казимирович, князь Опольский, Болеслав, сын Дегтольда, изгнанного маркграфа Моравского, по прозвищу Сепёлка; Помпо де Гостерно, магистр крестоносцев из Пруссии, с братьями ордена, а сверх того и много других крестоносцев. Когда князь стал выводить войска из города Легницы и ехал верхом им навстречу, с верхушки церкви св. Марии упал камень и едва не раздробил ему голову, что, бесспорно, было дурным предзнаменованием.

Пройдя предместья города Легницы, он построил войско четырьмя отрядами. Первым — из крестоносцев-добровольцев, золотоискателей города Гольтберга и других

пришлых воинов командовал Болеслав Сепёлка, сын маркграфа Моравского. Другой отряд состоял из воинов Кракова и Великой Польши. Его вел Сулислав, брат Владимира, палатина краковского, убитого у Хмелика. Во главе третьего отряда был Мечислав, князь Опольский. В нем были опольские воины и Помпо, магистр Пруссии с братией и воинами. Четвертым отрядом из виднейших воинов Силезии и Великой Польши, а также из наемных воинов, начальствовал сам князь Генрих. Столько же было и татарских отрядов, но более крупных по силе и численности бойцов, так что один их отряд превосходил все польские.

И вот на просторном, открытом во все стороны поле, называющемся Доброе поле, 9-го апреля, то есть во второй день после пасхальной недели, сошлись оба войска. Прежде всего, на татар с силой ударило войско крестоносцев и золотоискателей, но под стрелами татар полегло, как нежные колосья под градом. Затем, два других отряда, под командой рыцаря Сулислава и Мечислава, князя Опольского, начали бой с тремя татарскими войсками и нанесли им такой сильный урон, что те отступили и обратились в бегство.

В это время кто-то, быстро промчавшись кругом обоих войск, прокричал ужасающим голосом: „Biegaicie, biegaicie!" что значит „бегите, бегите", и привел в ужас поляков. Услышав этот крик, Мечислав, князь Опольский бросил битву, бежал и увел с собой большую часть своих воинов. „Gorzey sie nam stalo",— простонал, видя это, князь Генрик, то есть: „Тяжко и хуже нам стало". Введя в бой свой четвертый отряд из храбрейших воинов, он перебил и обратил в бегство три татарских отряда, расстроенные двумя польскими. Тут однако, подошел четвертый, самый большой, татарский отряд, под начальством Петы, и со страшным натиском бросился в бой.

Вновь началась жесточайшая битва с обеих сторон. Когда татары уже в большей части были перебиты и готовы бежать, какой-то их знаменосец с громадным знаменем, на котором была греческая буква хи (так: X), а на верхушке древка изображено мрачное черное лицо с длинной бородой, начал с пением потрясать головой этого изображения. Тут из нее тучей пошел на поляков ужасный дым с нестерпимой вонью, так что они стали задыхаться, обессилели и не могли больше биться.

Татарское войско, повернув со страшным криком на поляков, прорвало до тех пор крепкий их строй и нанесло им великое поражение. Тут убиты были князь Болеслав, сын маркграфа Моравского, по прозвищу Сепёлка, и Помпо, магистр крестоносцев из Пруссии, со многими замечательными воинами. Князь Генрик был окружен кольцом татар. Опасность была и сзади, и спереди. В конце концов вокруг него осталось всего четыре воина: Сулислав, брат покойного Владимира, палатина краковского, Клемент, палатин глоговский, Конрад Конратович и Иоанн Иванович. Насколько хватало сил и старания, они пытались вывести Генрика из битвы, убеждая бежать, но конь его был ранен и останавливался. Поэтому татары, догнав его вскачь, окружили с тремя названными воинами (четвертый, Иоанн Иванович, отделился от них), и князь некоторое время бился с ними. Иоанн же Иванович, взяв свежего коня у княжеского придворного Росцислава, пробрался через ряды врагов и привел его Генрику.

Сев на коня, князь последовал за Иоанном Ивановичем, прокладывавшим ему путь среди врагов, но когда тот на скаку был ранен и скрылся, князь снова был настигнут и в третий раз окружен. Он мужественно сражался с татарами, но тут, подняв левую руку, чтобы нанести удар бывшему перед ним врагу, получил от другого смертельную рану копьем под мышку и, опустив руку,

соскользнул с коня. Татары схватили его с неистовым и диким криком и, оттащив с поля битвы на расстояние двойного выстрела балисты, саблей отрубили ему голову, а тело, сорвав все инсигнии[1]*, бросили голым.*

В этом сражении было убито множество знатных поляков, среди которых замечательны и славны: Сулислав, брат палатина краковского Владимира, Клемент, палатин глоговский, Конрад Конратович, Стефан из Вирбны с сыном Андреем, Клемент, сын Андрея из Пелцницы (Pelcznicza), Томас Пиотркович, Петр Куша и другие. Тело князя Генрика после поражения едва было найдено женой его Анной и признано только по шестому пальцу на левой ноге. Похоронено оно на середине хор в церкви св. Иакова у францисканцев в Брацлаве. В том же монастыре св. Иакова в Брацлаве погребены тела и Помпония, Прусского магистра, и замечательнейших выше названных воинов. Прах Болеслава, сына маркграфа Моравского, погребен в Лубнах (Lubens) на хорах конверсов, а над прочими христианскими телами, похороненными на месте сражения, выстроена и до сего дня существует церковь.

Одержав величайшую победу над князем Генриком и поляками и собрав добычу, татары у каждого из павших отрезали ухо, чтобы знать число убитых, и наполнили таким образом десять больших мешков. Голову князя Генрика они подняли на длинное копье, принесли к замку Легнице (город из страха перед татарами был сожжен) и потребовали открыть им ворота, так как князь убит. Население замка с достоинством ответило, что, вместо одного убитого князя, есть много других — детей убитого, и татары, опустошив и сжегши деревни вокруг Легницы, ушли в Отмухов, стояли там пятнадцать дней и разорили всю окружную область».

---

[1] *Инсигнии* — внешние знаки могущества, власти или сана.

Поражение поляков было полнейшим. Монголы признали за Польшей вассальную зависимость (Польша вынуждена была платить монголам дань) и двинулись в земли Моравии и Богемии. Там точно таким же образом земли были опустошены, а города разрушены и разорены. Больше месяца монголы жгли эти страны и убивали их жителей. А потом в семь переходов они достигли Венгрии с севера, в то время как основное войско Бату подошло с востока, а третья монгольская колонна под ведением Субеде — с юга, из завоеванной Румынии. Начался кровавый венгерский пир.

«Среди Сарматских гор, в так называемом Русском ущелье,— рассказывает Матвей Меховский,— *ему оказал сопротивление и заградил было проход граф палатин венгерский, посланный с войском королем Венгрии Белой четвертым, но Батый, обрушившись на него, овладел проходом.*

Сжигая города и села, он быстро дошел до реки Тиссы, в просторечии именуемой Циса (Ticia — Cicza), текущей из гор Сарматии к югу в Дунай. Делая оттуда набеги, татары опустошили и сожгли Вацию с ее кафедральной церковью. Они подходили и к Пешту, где король Бела четвертый собирал против них войско, но тут же и уходили, то приближаясь, то убегая, согласно своей военной тактике. Когда король Бела собрал против татар большое войско из знати и духовенства, он продвинулся вперед и разбил лагерь у реки Тиссы. Поставив у моста охрану из тысячи воинов, он думал, что татары не перейдут реки, так как она глубока, очень тиниста и непереходима. Однако татары, переправлявшиеся и через более крупные реки, найдя брод, ночью переплыли Тиссу и на рассвете окружили со всех сторон венгерское войско с королем Белой.

Выпустив густой тучей бесчисленное множество стрел (подобно частому граду, грохочущему в дождевом тумане), они привели венгров в смятение, многих перебили и еще большее число ранили. Захваченные врасплох, венгры, беспорядочно отбиваясь, погибали. Иные, видя это, пытались украдкой ускользнуть и бежать, а лукавые татары не мешали им проходить через свои ряды. Коломан, брат короля, и король Бела скрылись неузнанные, а остальных татары окружили и самым жестоким образом перебили всех до одного. В том числе пали высокие духовные лица: Матфей, архиепископ стригонийский; Уголин, архиепископ колоцкий; Георгий, епископ иаврийский; Рейнальд, епископ трансильванский; епископ нитрийской церкви; Николай, сцибинский настоятель — королевский вицеканцлер; Эрадий, архидиакон бахийский; магистр Альберт, стригонийский архидиакон. Убито было бесчисленное множество мирян, знатных и незнатных, а бежавшие были нагнаны и полегли мертвыми на дорогах. Много простых людей, собравшихся в Пешт, с приходом татар погибло от меча.

Король Бела поспешно бежал к границам Австрии, где был захвачен и удержан в плену герцогом Австрийским, а когда наконец был им отпущен, прибыл к королеве своей супруге, затем удалился в Славонию и оставался там вплоть до нападения Кадана. Опустошив Венгрию по одну сторону Дуная, татары перешли и на другую, когда с наступлением зимы Дунай замерз, и устроили становище между Иаурином и Стригонием. Там и по сей день еще видны рвы и холмы от их пребывания. Отсюда они жестоко разорили всю задунайскую область грабежом, пожарами и убийствами.

Когда они собрались уходить обратно в Татарию, князь Кадан свернул в Славонию, чтобы напасть на короля Белу. Король в ужасе бежал от него к морю, а затем в

город Полу. Кадан же, как условился с Батыем, пройдя и опустошив Боснию, Сербию и Булгарию, остановился у Дуная, чтобы дождаться орды императора Батыя.

После ухода Кадана Батый осадил и взял замечательный в то время город Стригоний, населенный разными немецкими, галльскими и италийскими купцами. Так как жители спрятали и зарыли в землю свои богатства, которых добивались татары, то все и были убиты без пощады к полу и возрасту. Разрушив Стригоний и перейдя Дунай, татары пришли к ожидавшему их войску князя Кадана, а затем наконец по прежней дороге мимо Меотидских болот ушли в Татарию. Татарское разорение и всяческие опустошения продолжались в Венгрии почти два года».

Венгрия в списке жертв оказалась из-за хана Котяна, бежавшего в поисках защиты к королю Беле. Впрочем, Бела оказался на удивление непоследователен: когда он понял, что захвата не миновать, то казнил несчастного старого хана Котяна. Монголы на этот жест доброй воли не прореагировали никак, а половцы, оценив уровень гостеприимства, восстали против Белы и принялись пустошить его владения, а потом ушли в Болгарию. Если Бела рассчитывал, что после ухода половцев монголы оставят Венгрию в покое, он заблуждался. Венгрия была потоплена в крови. Для Европы это была неприятная и непонятная новость.

Не прислушавшись к сарацинским мольбам о помощи, европейцы пребывали теперь в шоке. Венгрия, Богемия, Моравия и Польша пали как картонные государства. Французский король уже примерял на свое чело венец мученика, германский император отправил посольство к Бату и на случай отказа готовил даже корабли, что должны были отвезти его в более спокойную (!) Палестину. Ев-

ропа ждала худшего — удара монгольской конницы и далее на запад. О монголах, которых европейцы называли татарами, ходили слухи с ужасающими подробностями. Само собой, монгольских завоевателей европейцы так же, как и на Руси, и в Средней Азии, воспринимали в виде наказания Божьего за грехи.

«Дабы не была вечной радость смертных,— рассказывал об этих слухах Матвей Парижский,— *дабы не пребывали долго в мирском веселии без стенаний, в тот год люд сатанинский проклятый, а именно бесчисленные полчища тартар, внезапно появился из местности своей, окруженной горами; и пробившись сквозь монолитность недвижных камней, выйдя наподобие демонов, освобожденных из Тартара (почему и названы тартарами, будто „[выходцы] из Тартара“), словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Оконечности восточных пределов подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Вторгшись в пределы сарацин, они сровняли города с землей, вырубили леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей. И если случайно некоторых, молящих [о пощаде], помиловали, то их, словно обреченных на смерть рабов, погнали перед собой в сражение против их [же] соплеменников.*

Если кто сражался только для вида или даже пытался потихоньку бежать, то тартары, настигнув их, убивали; если они храбро сражались и побеждали, то никакого вознаграждения [за это] не получали; и так они обращались с пленниками своими, словно с рабочим скотом. Ведь они — люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, [ибо] они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и человечье и пожирают [его], одеты в

бычьи шкуры, защищены железными пластинами. Роста они невысокого и толстые, сложения коренастого, сил безмерных. В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы.

Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены. Пролитую кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток. У них большие и сильные кони, которые питаются листьями и даже [ветками и корой] деревьев. На них [татары] взбираются по трем ступенькам, словно по трем уступам [вместо стремян], так как у них [татар] короткие ноги. Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей. Они сообща, по десять или двенадцать человек, владеют судами, сделанными из бычьей кожи, умеют плавать и ходить на судах. Вот почему широчайшие и самые быстрые реки они переплывают без промедления и труда.

Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду. Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны, являются удивительными лучниками [и] не щадят никого, невзирая на пол, возраст или общественное положение. Никто из них не знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные [народы], ибо вплоть до сего времени не открывался к ним доступ, и сами они не выходили, дабы стало известно о людях или нравах их через обычное общение людей. Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины.

Стремительные, как молния, достигли они самых пределов христианских [и], учиняя великое разорение и гибель, вселили во всех невыразимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заключить союз с христианами и обратились [к ним], чтобы объединенными силами они смогли противостоять этим чудовищным людям.

Полагают, что эти тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от десяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами [и] которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями. Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь Бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с другом, и образовалось место, неприступное и непроходимое.

Об этом месте и говорит Иосиф: „Сколь много содеет Бог для правоверного, [если] он столько содеял для неверного?“ Откуда [становится] ясно, что Бог не хотел, чтобы они вышли. Однако, как написано в „Ученой истории“, они выйдут на краю мира, чтобы принести людям великие бедствия. Возникает все же сомнение, являются ли ими ныне вышедшие тартары, ибо они не говорят на еврейском языке, не знают закона Моисеева, не пользуются и не управляются правовыми учреждениями. Ответом на это является то, что они, вполне вероятно, происходят от тех заточенных, о которых ранее упоминалось. Но подобно тому, как до сих пор мятежные сердца их, следующих за Моисеем, были обращены к превратному уму и шли они за богами чужими и обрядами чуждыми, так и теперь еще более чудовищно смутными и непонятными стали мысли их и язык, так что и всем другим народам они неведомы, и собственную их жизнь карающий гнев господень превратил в бессмысленное существование кровожадных зверей. А называются они тартарами от [названия] одной реки, протекающей по горам их, через которые они уже прошли, именуемой Тартар, так же как река Дамаска именуется Фарфар».

Как видите, легенда о запертом в горах народе видоизменилась и теперь честь удержания монголов среди гор

была отдана израильскому Богу. Из этой, изложенной Матвеем Парижским легенды выросло сказание о потерянном тринадцатом колене иудейском. Сами монголы на роль этого утраченного колена не претендовали, а легенда в первую очередь ударила по европейским евреям. Им теперь вменяли в вину, что они одной крови с монголами и, конечно же, в любую минуту готовы европейцев предать!

Несчастные евреи, которые знали, что в случае любой беды они становятся крайними, даже и возражать не пробовали: все равно не поможет, только с ужасом ждали избиения и разорения — обычных последствий любой антисемитской легенды.

Церковь на эти антиеврейские настроения смотрела снисходительно. Церковь решила заняться тем же, чем и всегда: отправить в монгольский стан своих эмиссаров и послание к хану, дабы разъяснить тому обстановку, что европейцы народ просвещенный и богобоязненный и не стоит их резать, как скот.

> *«Когда татары уходили, вся Европа содрогалась от ужаса, и христианские государи, движимые страхом, стали совместно обдумывать меры, чтобы помешать их новому приходу,*— пишет Матвей Меховский,— *папа Иннокентий Четвертый с Лионского собора, в год Господень 1246, послал к татарам брата ордена предикаторов Асцелина со многими другими братьями того же и иных орденов. Через Германию и Богемию Асцелин прибыл в Брацлав и был с почетом принят Болеславом, князем Силезским и Брацлавским. Оттуда он отправился в Ленчицу и нашел там со своими кров и приют у князя Мазовецкого Конрада. Прибыв затем в Краков, они были ласково встречены и приняты Болеславом Стыдливым, матерью его Гржимиславой и местным епископом Прандотой, были снабжены множеством дорогих мехов, помимо тех,*

что сами купили на собственный счет, потому что являться к татарским государям без даров нельзя.

Случилось, что у Болеслава Стыдливого, государя Краковского и Сандомирского, был в то время князь Руссии Василько, племянник его матери. Ему они и были поручены и были им привезены в Руссию. Прибыв в Киев, они приобрели коней, годных к обстановке татарской земли, то есть таких, которые умели бы ногами добывать себе воду и корм из-под снега. Выехав, наконец, из Киева, они миновали много татарских князей, пока не добрались наконец до хана (chan) или императора татар. Изложив ему послание папы Иннокентия Четвертого, они убеждали его признать и чтить единого бога и посланника его Иисуса Христа и не губить род христианский жестокой смертью, как в Польше, Венгрии и Моравии.

Получив ответ, что хан в течение пяти лет не будет нападать на род христианский, они тою же дорогой возвратились к апостольскому престолу с грамотой татарского императора».

Но почему монголы вдруг не докончили завоевания и повернули коней? Что им мешало двинуться далее на запад? Все было просто: в 1241 году умер Угедей. По монгольскому закону все меньшие ханы должны были собраться в Каракоруме — столице Великой Монголии. Благодаря стараниям Угедея это был теперь большой и красивый город.

«Угэдэй-каан приказал построить в своем юрте Каракоруме,— писал хронист,— где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиной в полет стрелы. Посередине воздвигли величествен-

ный и высокий кушк [1] *и украсили то строение наилучшим образом и разрисовали живописью и изображениями и назвали его „карши“ (дворец). Каан сделал его своим благословенным престольным местом. Последовал указ, чтобы каждый из его братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Когда те здания были окончены и стали прилегать одно к другому, то их оказалось целое множество. Он приказал, чтобы знаменитые золотых дел мастера сделали для шараб-хана из золота и серебра настольную утварь в форме животных, как-то: слона, тигра, лошади и других. Их поставили вместо чаш и наполнили вином и кумысом. Перед каждой фигурой устроили хауз из серебра; из отверстий тех фигур лилось вино и кумыс и текло в хаузы».*

Вот в этот Каракорум и должны были отправиться все ханы после смерти Угедея. Обязан был это сделать и Бату, несмотря на то, что его войско гнало несчастного короля Белу и загнало его на остров Тран в Адриатическом море. Так что не нужно говорить, что Западную Европу спасла от нашествия Русь.

Русь никого уже не могла спасти и ничему не могла помешать. Европу спасла «несвоевременная» смерть великого хана Угедея. Бату смертельно не хотелось бросать так хорошо налаженное дело, но он не мог поступить против правил! Он, наверно, огорчился, но коней повернул. Правда, на возвратном пути под монгольский тесак попали Болгария, Албания, Далмация и Сербия. Сын Угедея Гуюк, сын Толуя Монке, внук Джагатая Бури двинули свои войска на восток — в Каракорум. Бату же вернулся в свой коренной удел, на Волгу, в улус Джучи, более известный русским как *Золотая Орда*.

---

[1] ***Кушк*** — укрепленное жилище крупного феодала; дворец.

Между царевичами в Каракоруме началась сложная политическая борьба за власть. Бату в ней не участвовал. Ему было довольно и одного удела — самого крупного после успешного похода на Запад. Он хорошо понимал, что второго похода не будет: не под силу собрать все монгольские войска, чтобы вести их на завоевание «неохваченных» стран. В 1246 году после правления регентши вдовы Угедея Торегенэ великим ханом был избран Гуюк. Именно с ним и вели переговоры посланцы папы Римского.

От моря до моря

При Гуюке Великая Монголия простиралась от берегов Тихого океана до берегов Средиземного моря (в состав ее вошли государство сельджуков и Малая Армения). Для европейцев границы Великой Монголии оказались вдруг не где-то далеко, за пределами сознания, а совсем рядом — практически за собственным порогом. Это пугало. С опасным хищником нужно было как-то уладить отношения, найти общего врага — так всегда поступали в столь тяжком случае. Короли не могли вести переговоры хотя бы потому, что подобный шаг мог расцениваться только как признание собственной вассальной зависимости от монголов. Не удивительно, что эту роль вынуждена была выполнять Церковь.

Эти странные переговоры были связаны с неприятным для христиан положением в Передней Азии: рыцарские успехи сменились многочисленными поражениями, крестовые походы вымывали деньги из Европы, но королевство Иерусалимское теряло город за городом. Вот тогда-то Папе и пришла в голову чудесная мысль использовать монголов против мусульман. Речь идет о так никогда и не состоявшемся Желтом крестовом походе.

Еще при прежних папах распространилась одна фальшивка от имени всемогущего восточного христианнейшего государя пресвитера Иоанна, который якобы готов поддержать западных европейцев против сарацин с востока. Кто и зачем пустил в обиход это подложное послание от несуществующего пресвитера Иоанна — вопрос и сегодня открытый. Но легенда наделала немало шума. В нее поверили, даже пробовали искать страну, где управляет пресвитер Иоанн. Не нашли. Но мысль крепко запала в душу. Возникло подозрение: а вдруг этот государь как-то связан с монголами? Следом появилась другая: а почему бы не использовать такую мощную и сильную монгольскую армию против воинов Аллаха?

Монголы пока что отлично подчинили себе весь восточный мусульманский мир, если натравить их на мусульман Передней Азии и Северной Африки, то Иерусалимское королевство будет процветать, а монголы станут друзьями, а не врагами. Папа Иннокентий стал налаживать отношения с великими ханами. Он отправил в Великую Монголию четыре посольства. В одном из них был Плано Карпини, оставивший замечательный рассказ о своем путешествии в Орду и обратно.

Перед Карпини было поставлено несколько задач: отвезти послание папы Римского и получить ответ, увидеть воочию, что собой представляют монголы, и понять, что от них можно ожидать в дальнейшем. Сам Карпини предваряет текст таким замечанием: «*Когда направлялись мы, по поручению апостольского Престола, к Татарам и к иным народам востока и знали волю [на то] Господина Папы и достопочтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к Татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божией. И хотя мы опасались, что Татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению, или голоду, жажде, холоду, зною;*

чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божию согласно поручению Господина Папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам, или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа».

Благодаря этому стороннему наблюдателю мы сегодня можем яснее представить монгольский мир XIII столетия, поскольку глаза у него были зоркие и память превосходная. Посольство Карпини выехало в ставку Великого Хана в 1245 году. Удегей к тому времени уже умер, а новый хан еще не был избран.

В то время двор хана находился не в Каракоруме, а в Сыр-Орде, примерно в половине дня езды от столицы. Плано Карпини попал как раз на год избрания ханом Гуюка.

> *«Когда же мы приехали к Куйюку,—* рассказывал он,— *то он велел дать нам шатер и продовольствие, какое обычно дают Татары; все же у нас было оно получше, чем они делали это для других послов. К нему самому, однако, нас не позвали, так как он еще не был избран и не допускал к себе по делам правления. Все же вышеназванный Бату вручил ему перевод грамоты Господина Папы и содержание других речей, произнесенных нами. И, когда мы простояли там пять или шесть дней, он отослал нас к своей матери, где собиралось торжественное заседание. И, когда мы прибыли туда, уже был воздвигнут большой шатер, приготовленный из белого пурпура; по*

нашему мнению, он был так велик, что в нем могло поместиться более двух тысяч человек, а кругом была сделана деревянная ограда (tabulatum), которая была разрисована разными изображениями.

На второй или на третий день мы поехали туда с Татарами, назначенными нам для охраны, и там собрались все вожди. Каждый из них разъезжал со своими людьми кругом по холмам и по равнине. В первый день все одеты были в белый пурпур, на второй — в красный, и тогда к упомянутому шатру прибыл Куйюк; на третий день все были в голубом пурпуре, а на четвертый — в самых лучших балдакинах. А у упомянутой ограды возле шатра было двое больших ворот: через одни должен был входить один только император, а при них не было никакой охраны, хотя они были открыты, так как через них никто не смел входить или выходить; через другие вступали все, кто мог быть допущен, и при этих воротах стояли сторожа с мечами, луками и стрелами. И если кто-нибудь подходил к шатру за назначенные границы, то его подвергали бичеванию, если хватали; если же он бежал, то в него пускали стрелу без железного наконечника.

Лошади, как мы думаем, находились на расстоянии двух полетов стрелы. Вожди шли отовсюду вооруженные с очень многими из своих людей, но никто, кроме вождей, не мог подойти к лошадям; мало того, те, кто пытался гулять между [ними], подвергались тяжким побоям. И было много таких, которые на уздечках, нагрудниках, седлах и подседельниках имели золота приблизительно, по нашему расчету, на двадцать марок. И таким образом, вожди говорили внутри шатра и, как мы полагаем, рассуждали об избрании. Весь же другой народ был далеко вне вышеупомянутой ограды. И таким образом они пребывали почти до полудня, а затем начали пить кобылье молоко и до вечера выпили столько, что было удивительно смотреть.

Нас же позвали внутрь и дали нам пива, так как мы вовсе не пили кобыльего молока, и этим они оказали нам великий почет; но все же они принуждали нас пить, чего мы с непривычки никоим образом не могли выдержать. Поэтому мы указали им, что нас это тяготило, и тогда они перестали нас принуждать.

Снаружи ограды был Русский Князь Ярослав из Суздаля и несколько вождей Китаев и Солангов, также два сына царя Грузии, также посол калифа Балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов Саррацинов, как мы полагаем и как нам говорили управляющие. Там было более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой и им подавали пить вместе; нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место, когда мы были с ними вне ограды. Если мы хорошо помним, то думаем, что пребывали там в довольстве четыре недели, и мы полагаем, что там справляли избрание, но там его не обнародовали. И об этом можно было догадываться главным образом потому, что всякий раз, как Куйюк выходил там из шатра, то, пока он пребывал вне ограды, пред ним всегда пели, а также наклоняли какие-то красивые прутья, имевшие вверху багряную шерсть. Этого не делали ни перед каким другим вождем.

А ставка эта, или двор, именуется ими Сыра-Орда. Отправившись отсюда, мы все вместе поехали на другое место, за три или четыре левки[1]*. Там на одной прекрасной равнине, возле некоего ручья между горами, был приго-*

[1] *Левка* — древнегалльская мера длины, соответствующая французскому лье = $^1/_{25}$ меридиана — 4445 м.

товлен другой шатер, называемый у них Золотой Ордой. Там Куйюк должен был воссесть на престол в день Успения нашей Владычицы, но из-за выпавшего града, о котором было сказано выше, это было отложено. Шатер же этот был поставлен на столбах, покрытых золотыми листами и прибитых к дереву золотыми гвоздями, и сверху и внутри стен он был крыт балдакином, а снаружи были другие ткани.

Там пробыли мы до праздника блаженного Варфоломея, в который собралась большая толпа и стояла с лицами, обращенными к югу. Были некоторые, которые находились от других на расстоянии полета камня, и продвигались все дальше и дальше, творя молитвы и преклоняя колена к югу. Мы же не желали делать коленопреклонения, не зная, творят ли они заклинания или преклоняют колена перед Богом или кем другим. Это они делали долго, после чего вернулись к шатру и посадили Куйюка на императорском престоле, и вожди преклонили пред ним колена. После этого то же сделал весь народ, за исключением нас, которые не были им подчинены.

Затем они стали пить и, как это у них в обычае, пили непрерывно вплоть до вечера. После этого прибыло на повозках вареное мясо, без соли, и они давали один кусок на четверых или на пятерых. В шатре же подавали мясо и похлебку с солью вместо соуса, и так было всякий день, когда они устраивали пиршества. Тут позвали нас пред лицо императора; и когда первый секретарь, Хингай, записал имена наши и тех, от кого мы были посланы, а также вождя Солангов и иных, он прокричал громким голосом, читая их перед императором и всеми вождями. После этого каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога. Когда они тщательно обыскали нас касательно ножей и ничего не нашли, мы вошли в дверь с восточной стороны,

так как с запада не смеет входить никто, кроме одного только императора. Также поступает и каждый вождь в своем шатре; менее же важные лица не очень заботятся об этом.

И это было в первый раз, что, после того как он стал императором, мы в его присутствии вошли в его ставку; он принимал там послов, но в шатер его входили весьма немногие. Там также послы принесли столь великие дары в шелках, бархатах, пурпурах, балдакинах, шелковых поясах, шитых золотом, благородных мехах и других приношениях, что было удивительно взглянуть. Был ему также поднесен там некий щиток от солнца или шатерчик, который носят над головою императора; он был весь убран жемчугами. Там также некий начальник одной области привел ему много верблюдов с попонами из балдакина, и на них положены были седла с какими-то снарядами, внутри которых могли сидеть люди, и, как мы думаем, верблюдов было сорок или пятьдесят, а также много коней и мулов, прикрытых бляхами или вооруженных, причем у некоторых бляхи были из кожи, а у некоторых из железа. И нас также спросили, желаем ли мы дать дары; но мы уже почти все потратили, почему у нас ничего не было, что ему дать.

Там же, на горе, вдали от ставок, было расставлено более чем 500 повозок, которые все были полны золотом, серебром и шелковыми платьями. Все они были разделены между императором и вождями; и отдельные вожди распределили свои части между своими людьми, однако так, как им было угодно. Удалившись оттуда, мы прибыли к другому месту, где был раскинут изумительный шатер, весь из пламенно-красного пурпура, который подарили Китаи. Туда нас ввели также внутрь.

И всегда, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино, предлагали также вареного мяса, если мы желали

получить его. Был также воздвигнут высокий помост из досок, где был поставлен трон императора. Трон же был из слоновой кости, изумительно вырезанный; было там также золото, дорогие камни, если мы хорошо помним, и перлы; и на трон, который сзади был круглым, взбирались по ступеням. Кругом этого седалища были также поставлены лавки, где госпожи сидели на скамейках с левой стороны, справа же никто выше не сидел, а вожди сидели на лавках ниже, и притом в середине, прочие же сидели сзади их.

И каждый день госпожи собирались в огромном количестве. Эти три палатки, о которых мы сказали выше, были очень велики; другими же палатками из белого войлока, достаточно большими и красивыми, обладали его жены. Там они разделились, и мать императора пошла в одну сторону, а император в другую, для производства суда. Была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время, когда их войско было в Венгрии, откуда вследствие этого удалилось вспять войско, бывшее в вышеупомянутых странах. Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты. В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль.

Он только что был приглашен к матери императора, которая, как бы в знак почета, дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею. И доказательством этому служит то, что мать императора, без ведома бывших там его людей, поспешно отправила гонца в Руссию к его сыну Александру, чтобы тот явился к ней, так как она хочет подарить ему землю отца. Тот не пожелал поехать, а ос-

тался, и тем временем она посылала грамоты, чтобы он явился для получения земли своего отца. Однако все верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену.

После смерти Ярослава, если только мы хорошо помним время, наши Татары отвели нас к императору. И когда император услышал от наших Татар, что мы пришли к нему, то велел нам вернуться к матери ради того, что на следующий день он хотел поднять знамя против всей земли Запада, как нам говорили за верное знавшие про то, и как о том сказано выше; именно он хотел, чтобы мы не знали этого. И когда мы вернулись, то пробыли немного дней и снова вернулись к нему; вместе с ним мы пробыли благополучно месяц, среди такого голода и жажды, что едва могли жить, так как продовольствия, выдаваемого на четверых, едва хватало одному, и мы не могли ничего найти купить, так как рынок был очень далеко. И, если бы Господь не предуготовал нам некоего Русского по имени Косму, бывшего золотых дел мастером у императора и очень им любимого, который оказал нам кое в чем поддержку, мы, как полагаем, умерли бы, если бы Господь не оказал нам помощи через кого-нибудь другого. Косма показал нам и трон императора, который сделан был им раньше, чем тот воссел на престоле, и печать его, изготовленную им, а также разъяснил нам надпись на этой печати. И также много других тайн вышеупомянутого императора мы узнали через тех, кто прибыл с другими вождями, через многих Русских и Венгров, знающих по-латыни и по-французски, через русских клириков и других, бывших с ними, причем некоторые пребывали тридцать лет на войне и при других деяниях Татар и знали все их деяния, так как знали язык и неотлучно пребывали с ними некоторые двадцать, некоторые десять лет, некоторые больше, некоторые

— 1191

меньше; от них мы могли все разведать, и они сами излагали нам все охотно, иногда даже без вопросов, так как знали наше желание.

После этого император послал к нам сказать, через Хингая, своего первого секретаря, чтобы мы записали наши слова и поручения и отдали ему; это мы и сделали, написав ему все слова, сказанные раньше у Бату, как сказано выше. И по прошествии нескольких дней он приказал снова позвать нас и сказал нам через Кадана, управителя всей державы, в присутствии первых секретарей Бала и Хингая и многих других писцов, чтобы мы сказали все слова; мы исполнили это добровольно и охотно. Толмачом же нашим был как этот раз, так и другой Темер, воин Ярослава, в присутствии клирика, бывшего с ним, а также другого клирика, бывшего с императором. И он спросил нас в то время, есть ли у Господина Папы лица, понимавшие грамоту Русских или Саррацинов, или также Татар. Мы ответили, что не знаем ни русской, ни татарской, ни саррацинской грамоты, но Саррацины все же есть в стране, хотя и живут далеко от Господина Папы.

Все же мы высказали то, что нам казалось полезным, а именно, чтобы они написали по-татарски и перевели нам, а мы напишем это тщательно на своем языке и отвезем как грамоту, так и перевод Господину Папе.

И тогда они удалились от нас к императору. В день же блаженного Мартина нас позвали вторично, и к нам пришли Кадак, Хингай, Бала и многие вышеупомянутые писцы и истолковали нам грамоту от слова до слова. А когда мы написали ее по-латыни, они заставляли переводить себе отдельными речениями (orationes), желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове. Когда же обе грамоты были написаны, они заставили нас читать раз и два, чтобы у нас случайно не было чего-нибудь меньше, и сказали нам: „Смотрите, чтобы все хорошень-

ко понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего, если должны поехать в такие отдаленные области". И когда мы ответили: „Понимаем все хорошо", они переписали грамоту по-саррацински, чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы ее, если пожелает Господин Папа».

Письмо, ответ на которое должен был получить Карпини, было для монголов нелицеприятным: в нем Папа гневался на них из-за причиненных европейцам зверств и требовал ответа, за какие грехи они, монголы, так поступили с венграми и поляками. В то же время у Гуюка имелось другое папское послание, в коем монголам предлагалось стать христианами и креститься. Письма эти претерпели сначала перевод на персидский язык, а затем уже на монгольский.

Ответ для Папы составлялся в обратном порядке: специалистов по латыни в Великой Монголии не было. Ответ хана Гуюка был таков:

«Силою Вечного Неба (мы) Далай-хан всего великого народа, приказываем. Сие Повеление послано великому папе, чтобы он его знал и понял. После того как мы держали совет... ты нам отправил просьбу и заверение в покорности, как говорят твои послы. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который именуешься великим папой, явись лично к нашей особе, чтобы мы зачли тебе и разъяснили каждое слово Ясы. Кроме того, ты сказал, что для нас лучше всего будет принять крещение. Ты лично написал мне об этом, высказав требование. И я не могу понять этого требования. Помимо требования, ты написал следующие слова: „Ты напал на земли мадьяр и других христиан, чему я крайне изумлен. Поведай, в чем они провинились?"

Эти слова мы также не можем понять. Чингисхан и Угэдей-хан сообщили им Повеление Небес. Но те, о ком ты говоришь, не подчинились Повелению Небес. Те, о ком ты говоришь, задумали злодеяние: они проявили дерзость и казнили наших послов. Поэтому Вечное Небо покарало и погубило этих людей на этих землях. Если не по Повелению Небес, то как может кто-либо покорять и убивать одной лишь своей силой? И когда ты говоришь: „Я христианин, я молюсь Господу. Я предъявляю обвинение другим и презираю их“, то откуда тебе знать, кого Бог прощает и кому Он дает свое благословение? Откуда тебе это известно настолько, что ты говоришь такие слова? Благодаря милости Вечного Неба нам дарованы все земли от восхода до заката.

Разве можно действовать как-либо иначе, чем подчиняясь Повелению Неба? Отныне ты должен объявить от всего сердца: „Мы согласны стать вашими подданными и передать все наши силы в ваше распоряжение“. Ты лично как глава всех правителей и все они без исключения должны оказать нам услугу и присягнуть нам на верность; только после этого мы признаем вашу покорность. Но если ты не покоришься Повелению Небес и пойдешь против нас, мы дадим тебе знать о том, что ты стал нашим врагом. Вот что мы тебе сообщаем. Если ты не станешь подчиняться нашим приказаниям, то мы не сможем сказать, что с тобой будет. Об этом знает только Небо».

Вряд ли такой ответ Гуюка мог вселить в сердца европейцев оптимизм.

Карпини внимательно приглядывался к монголам. Вывод его был простым: дикие, темные, язычники, хотя и говорят о Небе или Боге. Но... сколько язычников к тому времени удалось уже обратить? Не это пугало Карпини. Пугала военная мощь монголов.

«Замысел Татар состоит в том,— признавал он,— *чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ Чингис-кана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: „Храбрость Бога, император всех людей“; и в надписании печати его стоит следующее: „Бог на небе и Куйюк-кан над землею храбрость Божия. Печать императора всех людей“. И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением Христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они не владели, то поэтому они приготовляются к бою против нас. Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле Татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется кан, Куйюка.*

Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе. Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и

искусно. Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему, души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы.

А в вышеупомянутом собрании были назначены ратники и начальники войска. Со всякой земли их державы из десяти человек они посылают троих с их слугами. Одно войско, как нам говорили, должно вступить через Венгрию, другое — через Польшу; придут же они с тем, чтобы сражаться беспрерывно 18 лет. Им назначен срок похода: в прошлом марте месяце мы нашли войско, набранное у всех Татар, через область которых мы проезжали, у земли Руссии; в три или четыре года они дойдут до Комании, из Комании же сделают набег на вышеуказанные земли. Однако мы не знаем, придут ли они сразу после третьей зимы или подождут еще до времени, чтобы иметь возможность лучше напасть неожиданно. Все это твердо и истинно, если Господь, по Своей Милости, не сделает им какого-либо препятствия, как Он сделал, когда они пришли в Венгрию и Польшу. Именно они должны были подвигаться вперед, воюя тридцать лет, но их император был тогда умерщвлен ядом, и вследствие этого они доныне успокоились от битв.

Но теперь, так как император избран сызнова, они начинают снова готовиться к бою. Еще надо знать, что Император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию. И так как он замышляет разорить или обратить в рабство всю землю, а это рабство, так сказать, невыносимо для нашего народа, то надлежит, стало быть, как сказано выше, встретить его на войне. Но если одна область не захочет подать помощь другой, то та земля, против которой они

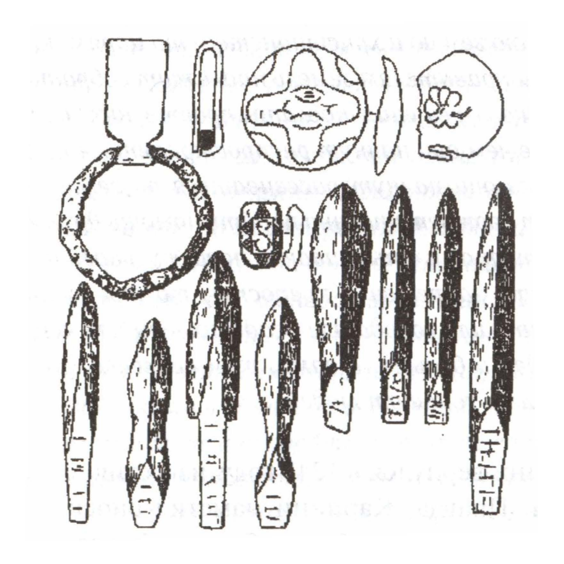
сражаются, будет разорена, и вместе с теми людьми, которых они заберут в плен, они будут сражаться против другой земли, и эти пленники будут первыми в строю. Если они плохо будут сражаться, то будут ими убиты, а если хорошо, то Татары удерживают их посулами и льстивыми речами, а также, чтобы те не убежали от них, сулят им, что сделают их великими господами, а после того, как могут быть уверенными на их счет, что они не уйдут, обращают их в злосчастнейших рабов; точно так же поступают они с женщинами, которых желают держать в качестве рабынь и наложниц. И таким образом вместе с людьми побежденной области они разоряют другую землю. И нет, как нам кажется, ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог, потому что, как сказано выше, люди собираются на войну со всякой земли державы Татар.

Отсюда, если христиане хотят сохранить себя самих, свою землю и христианство, то царям, князьям, баронам и правителям земель надлежит собраться воедино и с общего решения послать против них людей на бой, прежде чем они начнут распространяться по земле, так как, раз они начнут рассеиваться по земле, ни один не может соответственно подать помощь другому; ибо Татары толпами отыскивают повсюду людей и убивают, а если кто запрется в крепости, то они ставят вокруг крепости или города для осады их три или четыре тысячи людей и больше, а сами, тем не менее, рассеиваются по земле и убивают людей».

Карпини вернулся в 1247 году, известия, скажем, были дурными. Правда, Карпини наметил способы, как воевать с монголами, чтобы не быть побежденными. Свои замечания он разбил на несколько пунктов:

«Об оружии и устройстве войск»

Все же желающие сражаться с ними должны иметь следующее оружие: хорошие и крепкие луки, баллисты, которых они очень боятся, достаточное количество стрел, палицу (dolabrum) из хорошего железа, или секиру с длинной ручкой (острия стрел для лука или баллисты должны, как у Татар, когда они горячие, закаляться в воде, смешанной с солью, чтобы они имели силу пронзить их оружие), также мечи и копья с крючком, чтобы иметь возможность стаскивать их с седла, так как они весьма легко падают с него, ножики и двойные латы, так как стрелы их нелегко пронзают их, шлем и другое оружие для защиты тела и коня от оружия и стрел их. А если некоторые не вооружены так хорошо, как мы сказали, то они должны идти сзади других, как делают Татары, и стрелять в них из луков или баллист. И не должно

Оружие монголов

щадить денег на приготовление оружия, чтобы иметь возможность спасти душу, тело, свободу и все прочее.

Ряды надлежит подчинить, подобно Татарам, тысячникам, сотникам, десятникам и вождям войска. Эти вожди никоим образом не должны вступать в сражение, как не вступают и их вожди, но должны смотреть за войском и поддерживать порядок. Они должны также установить закон выступать на войну одновременно или иначе, смотря по тому, как они построены, и всякий, кто покинет другого, или идущего на войну, или сражающегося, как всякий, кто побежит, если не отступают все вместе, должен быть подвергнут тяжкому наказанию, так как тогда часть воюющих (Татар) преследует бегущих и убивает их стрелами, а часть сражается с теми, кто остается, и таким образом приводятся в замешательство и подвергаются избиению и остающиеся, и бегущие.

И равным образом всякий, кто обратится к собиранию добычи, раньше чем войско противников будет окончательно побеждено, должен быть подвергнут самой тяжкой пене. Ибо у Татар такого человека убивают без всякого сострадания.

Как надлежит встретить их хитрости при столкновении

Если возможно, то место для сражения должно выбрать такое, где простирается гладкая равнина и Татар можно отовсюду видеть; если можно, то с тыла или с боку надлежит иметь большой лес, но так, чтобы Татары не могли проникнуть между войском и лесом. И не должно всем за раз собираться воедино, но следует устроить много отрядов, разделенных взаимно, однако не очень отстоящих друг от друга; против тех, кто идет сперва, надлежит

послать один отряд, чтобы он вышел им навстречу; если же Татары устроят притворное бегство, то не надо идти далеко сзади их, если случайно нельзя осмотреться возможно дальше, чтобы враги не увлекли случайно в уготованную засаду, как они обычно делают, и другой отряд должен быть готов, чтобы помочь на случай нужды тому отряду.

Сверх того, надо иметь со всех сторон лазутчиков, чтобы увидеть, когда придут другие отряды Татар, сзади, справа или слева, и всегда должно отправлять им навстречу отряд против отряда; ибо они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине; отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение. Отряды же должны остерегаться того, чтобы не бежать за ними далеко по причине засад, которые они обычно устрояют, ибо они более борются коварством, чем храбростью.

Вооруженные монгольские воины

Вожди войска должны быть всегда готовы, если нужно, посылать помощь тем, кто находится в бою, и вследствие этого должно также избегать очень гнаться за ними, чтобы случайно не утомить лошадей, так как у наших нет изобилия в лошадях, а Татары на ту лошадь, на которой ездят один день, не садятся после того три или четыре дня; отсюда вследствие имеющегося у них изобилия в лошадях они не заботятся о том, не утомились ли их лошади. И если Татары отступают, то наши все же не должны отходить или разделяться взаимно, так как они делают это притворно, чтобы разделить войска и после того вступить свободно в землю и разорить ее всю.

Должно также остерегаться от излишней, как это в обычае, траты съестных припасов, чтобы из-за недостатка в них не быть вынужденными вернуться и открыть Татарам дорогу перебить войско и других, разорить всю землю и подвергнуть, от их распространения, хулению имя Божие. Но это должно делать старательно, чтобы, если каким-нибудь ратникам выпадет на долю отступить, другие заняли их место.

Наши вожди должны также заставлять охранять войско днем и ночью, чтобы Татары не ринулись на них внезапно и неожиданно, потому что они, как демоны, измышляют много злокозненностей и способов вредить; мало того, должно быть всегда готовыми как днем, так и ночью, не должно ложиться раздетыми и с прохладой сидеть за столом, чтобы нельзя было застать нас неприготовленными, так как Татары всегда бодрствуют, чтобы высмотреть, каким образом они могут причинить вред.

Жители же страны, ожидающие Татар или боящиеся, что они придут на них, должны иметь сокрытые ямы, куда должны отложить посевы, равно как и другое, по двум причинам, именно: чтобы Татары не могли овладеть этим и чтобы, если Бог окажется к ним милостивым, получить

возможность обрести это впоследствии, когда Татары побегут из их земли. Сено и солому надлежит сжечь или крепко спрятать, чтобы татарские лошади тем менее находили себе пищи для еды.

Об укреплении крепостей и городов

При желании же укрепить города и крепости прежде надлежит рассмотреть, каково их местоположение. Именно местоположение крепостей должно быть таково, чтобы их нельзя было завоевать орудиями и стрелами, чтобы у них было достаточно воды и дров, чтобы нельзя было, насколько возможно, пресечь к ним вход и выход и чтобы было достаточное количество лиц, могущих сражаться попеременно. И должно тщательно смотреть за тем, чтобы Татары не могли взять крепости какою-нибудь хитростью. Должно иметь запас продовольствия, достаточный на много лет; следует все же тщательно сохранять съестные припасы и изводить их в определенных размерах, так как неизвестно, сколько времени придется быть заключенными в крепости. Именно когда они начинают осаждать какую-нибудь крепость, то осаждают ее много лет, как это происходит и в нынешний день с одной горой в земле Аланов. Как мы полагаем, они осаждали ее уже двенадцать лет, причем те оказали им мужественное сопротивление и убили многих Татар и притом вельмож. Другие же крепости и города, не имеющие подобного положения, надлежит сильно укрепить глубокими и обнесенными стенами рвами и хорошо устроенными стенами; и надлежит иметь достаточное количество луков и стрел, камней и пращей.

И должно тщательно остерегаться, чтобы не позволять Татарам выставлять свои машины, но отражать их своими машинами; и если случайно, при помощи какой-нибудь

выдумки или какой-нибудь хитрости, Татары воздвигнут свои машины, то надо, если возможно, разрушать их своими машинами; должно также оказывать сопротивление при помощи баллист, пращей и орудий, чтобы они не приближались к городу. Должно также быть готовыми и в других отношениях, как сказано выше.

Должно также тщательно смотреть за крепостями и городами, расположенными при реках, чтобы их нельзя было потопить.

А еще надо знать, что Татары больше любят, чтобы люди запирались в городах и крепостях, чем чтобы сражались с ними на поле. Именно, они говорят, что это их поросята, запертые в хлеву, отчего и приставляют к ним стражей, как сказано выше.

Что надлежит сделать с пленными

Если же какие-нибудь Татары будут на войне сброшены со своих лошадей, то их тотчас следует брать в плен, потому что, будучи на земле, они сильно стреляют, ранят и убивают лошадей и людей. И, если их сохранить, они могут оказаться такими, что из-за них можно получить, так сказать, вечный мир и взять за них большие деньги, так как они очень любят друг друга.

А как распознать Татар, сказано выше, именно там, где было изложено об их внешности; однако когда их берут в плен и если их должно сохранить, то надо приставить бдительный караул, чтобы они не убежали. Вместе с ними бывает также много других народов, которых можно отличить от них благодаря указанной выше внешности. Надо также знать, что вместе с ними в войске есть много таких, которые, если улучат удобное время и получат уверенность, что наши не убьют их, будут сражаться с ними, как сами сказали нам,

изо всех частей войска, и причинят им больше зла, чем другие, являющиеся их сильными неприятелями.

Все это, написанное выше, мы сочли нужным привести только как лично видевшие и слышавшие это, и не для того, чтобы учить лиц сведущих, которые, служа в боевом войске, знают военные хитрости. Именно, мы уверены, что те, кто опытен и сведущ в этом, придумают и сделают много лучшего и более полезного; однако они получат возможность благодаря вышесказанному иметь случай и содержание для размышления. Ибо сказано в Писании: «Слыша, мудрец будет мудрее, и разумный будет обладать кормилами».

Пожалуй, Карпини ни о каком Желтом крестовом походе и не помышлял. Поближе познакомившись с монголами, он понял только одно: с ними следует биться, сплотив все силы, иначе конец Европы не за горами. Но Карпини был не единственным послом Папы. Андре де Лонжюмо удалось убедить монголов в Тебризе, что союз с христианами выгоден обеим сторонам. За оный очень ратовал Эльджигидей, готовящийся к войне с Багдадом. Он рассчитывал, что если с востока ударит его войско, а с запада помогут европейские рыцари, ударив по Египту, то скоро мусульманский Багдад станет монгольским Багдадом. Но единение монголов и христиан так и не состоялось. Пока Андре был в пути, направляясь в Европу, хан Гуюк умер. И монгольская политика изменилась. Никто не знал, каковы будут перемены, куда направят свою военную машину монголы. Вдруг снова на Европу?

Однако европейское расширение Великой Монголии на запад остановилось. И благодарить тут нужно не умницу Папу Римского, наладившего связи с великими ханами, начиная с Гуюка, и не Русь, распластавшуюся под ханами, а меж-

доусобную борьбу, которая началась в Великой Монголии. Наследников из рода Чингисхана было много, каждый из них желал получить титул великого хана, каждый претендовал увеличить размеры своего улуса, так что чудо еще, что Великая Монголия оставалась пока что единым государством.

Твердой руки в нем, однако, не было. Впрочем, этот процесс рано или поздно должен был начаться: при обилии наследников и стремлении отложиться от центральной власти более мелких ханов, каждый из которых начинает ощущать себя уязвленным и обиженным, централизация весьма проблематична. Чингисхан мог удерживать это единство в силу особенности характера и того, что он смог объединить под своей властью всю завоеванную землю. При его наследниках единое управление империей существовало более на словах. Великий хан становился лишь именем, он не мог ничего контролировать. И не удивительно, что первый же наследник Угедея (и из дома Угедея) продержался у власти всего два года. Гуюк был возмущен тем непочтением, которое ему оказывает Бату. А Бату не желал подчиняться хану, над которым недавно считался командиром во время западного похода. Он после смерти в 1242 году Джагатая считался среди чингисидов старшим ханом, и ему ли подчиняться младшему? Гуюк вынужден был признавать, что Бату именуется его соправителем в западных улусах и выдает от своего (!) имени жалованные грамоты местным покорившимся князькам и царькам — русским, грузинским, турецким.

Но с одним он смириться не мог (гордость не позволяла): что Бату не явился на курултай, где он, Гуюк, был избран на ханство! Так что в том далеком 1248 году Гуюк собрал войско и двинулся к восточной границе Джучиева улуса, напомнить Бату, чтобы тот проявил хотя бы видимость подчинения и поздравил Гуюка с обретением власти. Этот поход Гуюка «в гости к Бату» закончился для него плачевно: непостижимым образом недалеко от прекрасного Самарканда Гуюк занемог

и в одночасье умер. Злые языки говорили, что виноват как раз Бату. Истины не знает никто. Но то, что Бату смерть Гуюка была выгодной,— да, это так.

Сразу после этого печального события Бату начал продвигать во власть своего лучшего товарища — Менгу-хана, более известного как Монке. Для осуществления замысла он послал в 1251 году в Каракорум своего брата Берке и сына Сартака с войсками, так на военной силе Бату, Монке был избран новым Великим Ханом.

Против нового хана скоро образовался заговор, но был благополучно раскрыт, а его главных действующих лиц — Бури и Эльджигитая — отвезли в ставку Бату волжский город Сарай, где Бату лично с ними и расправился.

Однако, хотя Бату рассчитывал на благодарность Монке, тот стал проводить политику объединения всех земель Монголии в централизованное государство. Это Бату не понравилось. Он привык ощущать себя полноценным западным монгольским ханом, размеры его улуса этому способствовали. Он, конечно, хорошо понимал, что не стоит слишком уж зарываться и отрицать власть Каракорума, поэтому Бату предпочитал делать вид, что подчиняется: он давал войска, когда это требовалось для походов на Иран, позволил Монке провести всеобщую перепись населения в своем улусе (из чего следовал размер выплат самого Бату великому хану), но и Монке шел на уступки: он не вмешивался в политику Бату на Руси, Кавказе и в Поволжье. Но восточные земли улуса попали под пристальный контроль. Эти земли — Иран и Малая Азия — которые Бату считал своими, а Монке — своими, стали в будущем причиной постоянных склок и стычек у будущих чингисидов.

После смерти Бату в 1256 году его место занял брат Берке, а его сменил внук Бату Менгу-Тимур. При этом хане улус Золотая Орда стал фактически отдельным государством внутри Великой Монголии.

Сам хан Монке считал, что Великая Монголия должна быть строго централизованным государством с правильным управлением, единым подушным налогом и апеллирующей к Ясе и степной старине простотой нравов. Провинции должны были использовать доходы на содержание войска и обустройство ямов — так он пытался создать систему сообщений между разными частями огромной империи. Он был человеком спокойным, умным и образованным: именно при нем необычайно разросся штат переводчиков и составителей словарей для нужд империи, он собирался построить в Каракоруме настоящую обсерваторию.

При Монке по завету Великого Хана блюлась религиозная веротерпимость, да и сам он с интересом изучал учения разных конфессий. Соблазненные перспективой навязать Великой Монголии христианскую веру миссионеры по указанию Папы отправлялись в Каракорум. Так там при Монке оказался Вильгельм Рубрук, который так же, как и Плано Карпини, оставил свои путевые заметки.

В свое путешествие к монголам он отправился летом 1253 года. Первоначальное поручение Рубрука состояло всего лишь в поездке к Бату, однако Бату отправил его ко двору Монке. Посещение Монке началось для монаха Рубрука с непонимания:

«Нас позвали и настоятельно спросили, по какому делу мы приехали. Я ответил: „Мы слышали про Сартаха, что он христианин; приехали к нему. Король франков послал ему через нас запечатанное письмо; Сартах послал нас к своему отцу, отец его послал нас сюда. Он сам должен был бы написать причину, зачем“. Они стали спрашивать, желаем ли мы заключить с ними мир. Я ответил: „Король послал грамоту Сартаху как христианину, и, если бы он знал, что тот не христианин, он никогда не послал бы ему грамоты. Что касается до заключения мира,

я утверждаю, что король не сделал вам никакой обиды. Если бы он сделал что-нибудь, почему вы должны были бы объявить войну ему или его народу, он сам охотно, как человек справедливый, пожелал бы извиниться и просить мира. Если вы без причины захотите объявить войну ему или его народу, то мы надеемся, что Бог, Который справедлив, поможет им".

И они все удивлялись, повторяя: „Зачем вы приехали, раз вы не хотите заключить мир?" Именно они в великой гордости превознеслись уже до того, что думают, будто вся вселенная желает заключить мир с ними. И конечно, если бы мне позволили, я стал бы, насколько у меня хватило бы сил, во всем мире проповедовать войну против них. Я же не хотел открыто объяснять им причину моего прибытия, чтобы случайно не сказать чего-нибудь лишнего вопреки тем словам, которые поручил Бату. И потому всю причину моего прибытия я сводил к тому, что он послал меня... Когда ...наш проводник отправился к дому хана, там находился один венгерский служитель, который признал нас, то есть наш орден. И когда люди стали окружать нас, разглядывали нас, как чудовищ, в особенности потому, что мы были босые, и стали спрашивать, неужели наши ноги нам надоели, так как они предполагали, что мы сейчас лишимся их, то этот венгерец объяснил им причину этого, рассказав правила нашего ордена.

Затем пришел повидать нас великий секретарь христианин из несториан, по совету которого делается почти все [при дворе]; он тщательно осмотрел нас и позвал упомянутого венгерца, у которого много расспрашивал [про нас]. Затем нам было приказано вернуться в свое помещение».

Тут-то, возвращаясь в выделенное помещение, Рубрук заметил часовню с маленьким крестиком. Он тут же от-

правился посмотреть, увидел очень красивый алтарь с вышитыми по золотой ткани изображениями Спасителя, святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов. «Там сидел один армянский монах,— рассказывает он,— черноватый, худощавый, одетый в очень жесткую власяничную тунику, спускавшуюся до середины ног; сверху на нем был черный шелковый плащ, подбитый мехом, а под власяницей он имел железный пояс. Как только мы вошли, то, еще не здороваясь с монахом, простерлись ниц и запели: „Радуйся, Царица небесная!“ И тот, встав, молился с нами. Затем, поздоровавшись с ним, мы сели рядом с ним; перед ним на жаровне было немного огня. Мы рассказали ему причину нашего прибытия, и он стал усиленно ободрять нас, увещевая говорить смело, так как мы — посланец Божий, который выше всякого человека. Затем он рассказал нам о своем прибытии, говоря, что явился туда за месяц ранее нас, что он был пустынником на земле Иерусалимской и что Бог три раза являлся ему, приказывая идти ко владыке татар; когда он откладывал свое отправление, Бог в третий раз пригрозил ему, повергнув его ниц на землю и сказав, что он умрет, если не отправится. Монах этот, по его словам, сказал Мангу-хану, что если тот пожелает стать христианином, то весь мир придет в повиновение ему, и что ему будут повиноваться франки и великий папа; при этом он советовал мне сказать хану то же самое. Тогда я ответил: „Брат, я охотно буду внушать ему, чтобы он стал христианином, ибо я прибыл ради того, чтобы всем это проповедовать. Я буду обещать ему также, что франки и папа сильно обрадуются и будут считать его братом и другом. Но никогда я не буду обещать того, что они должны стать его рабами и платить ему дань, как другие народы, потому что я говорил бы это против своей совести“. Тогда он замолчал».

Впрочем, прием у хана был милостивым.

«Сам хан сидел на ложе, одетый в пятнистую и очень блестящую кожу, похожую на кожу тюленя. Это был человек курносый, среднего роста, в возрасте сорока пяти лет; рядом с ним сидела его молоденькая жена; а взрослая дочь его по имени Цирина, очень безобразная, сидела с другими малыми детьми на ложе сзади них. Этот дом принадлежал раньше христианской госпоже, которую хан очень любил и от которой родилась у него вышеупомянутая дочь». То есть, по Рубруку, одной из жен хана Монке была христианка.

Рубрук так объяснил, почему он поехал в Орду: «Государь, мы слышали про Сартаха, что он христианин, и христиане, слышавшие это, обрадовались, а в особенности господин король франков. Поэтому мы отправились к Сартаху, и господин король послал ему через нас грамоту, содержавшую мирные слова, и среди других слов он свидетельствовал ему и о нас, что мы за люди, и просил его позволить нам побыть в земле его. Ибо наша обязанность состоит в том, чтобы учить людей жить согласно с законом Божиим. Сартах же послал нас к отцу своему Бату. Бату же послал нас сюда к вам. Вы тот, кому Бог дал великое владычество на земле. Поэтому просим ваше могущество даровать нам возможность оставаться в земле вашей для совершения служения Богу за вас, жен и детей ваших. У нас нет золота, серебра или драгоценных каменьев, которые мы могли бы предложить вам; мы можем предложить только себя самих для служения Богу и молитвы Богу за вас. По крайней мере, дайте нам возможность остаться, пока не пройдет этот холод. Ибо товарищ мой так слаб, что никоим образом не может перенести труд верховой езды без опасности для жизни».

Хан и тут был милостив и разрешил, правда, предложил для удобства перебраться в Каракорум. Рубруку рассказа-

ли, что за год до его приезда у Монке побывал некий причетник, не то Раймонд, не то Феодул, который говорил, что его послал некий святой епископ, «...которому Бог послал грамоту с неба, написанную золотыми буквами, и поручил, чтобы тот послал ее владыке татар, так как он должен быть владыкой вселенной, и чтобы епископ убеждал людей заключить мир с ханом». Монке на это заметил: «Если бы ты принес грамоту, пришедшую с неба, и грамоту твоего господина, тогда ты был бы желанным гостем».

Тогда тот ответил, что он нес грамоту, но она находилась вместе с другими его вещами на неукротимом скакуне, который, вырвавшись, убежал в леса и горы, так что все потерял. Сверх того, он говорил хану, что между франками и ним находятся сарацины, которые преграждают путь, а будь дорога открыта, франки отправили бы послов к нему и охотно заключили бы мир с ним.

Тогда Мангу-хан спросил, желает ли он провести послов к упомянутому королю и епископу. Тот выразил свое согласие провести их даже к папе. Тогда Мангу приказал изготовить самый тугой лук, который едва могли натянуть два человека, и две стрелы (bousiones), головки которых были серебряные и полные отверстий, так что, когда их пускали, они свистели, как флейты. А тому моалу [1], которого он собирался послать с упомянутым Феодулом, он внушил: «Ты отправишься к тому королю франков, к которому этот человек проведет тебя, и поднесешь ему это от меня. И если он пожелает иметь мир с нами, мы и покорим землю сарацин вплоть до его владений, и уступим ему остальную часть земли вплоть до Запада. В случае же отказа верни нам лук и стрелы и скажи ему, что из подобных луков мы стреляем далеко и поражаем сильно». Затем он приказал выйти Феодулу, переводчиком которого был сын мастера Вильгельма,

[1] *Моал* — монгол в произношении европейцев.

и в присутствии этого молодого человека сказал моалу: «Ты отправишься с этим человеком; хорошенько разведай дорогу и страну, города, крепости и их оружие».

Тогда этот юноша стал бранить Феодула, говоря, что он поступает плохо, ведя с собою татарских послов, которые идут только с целью разведок. Тогда тот ответил, что повезет их морем, так что они не будут знать ни откуда они прибыли, ни куда им вернуться. Мангу дал также моалу свою буллу, то есть золотую дощечку, шириною в ладонь и длиною в пол-локтя, на которой пишется его приказ. Кто ее имеет в руках, тот может приказывать что хочет, и это делается без замедления.

Таким образом «...*Феодул добрался до Вастация, желая переправиться к папе и обмануть папу так же, как он обманул Мангу-хана. Тогда Вастаций спросил у него, имеет ли он папскую грамоту на то, что он посол и что должен сопровождать послов татар. Так как тот не мог показать грамоту, Вастаций взял его в плен, лишил его всего того, что он приобрел, и бросил в темницу. Что же касается моала, то с ним приключился там недуг, и он умер там. Вастаций же отослал золотую буллу к Мангу-хану...*»

Любопытная и поучительная история о средневековых обманщиках.

Сам хан очень заинтересовался книгами, которые привез с собой Рубрук. Особенно ему понравились картинки. Расспрашивал он и том, что в книгах написано, но хорошего толмача у Рубрука не было, а несториане толковали священное писание по-своему. Рубрук на какое-то время даже подумал, что хан почти что обращен в христианство. Но случай открыл ему глаза на степень христианизации Монке.

«Перед воскресеньем Семидесятницы несториане постятся три дня, называемые ими Иониным постом. Мо-

нах сам препоручил Мангу поститься эту неделю, что тот и исполнил, как я слышал.

Итак, в субботу Семидесятницы, когда бывает, так сказать, армянская Пасха, мы пошли в процессии к дому Мангу; и монаха, и обоих нас предварительно обшарили, ища, нет ли у нас ножей, затем мы вошли со священниками пред лицо хана. И когда мы входили, из дома вышел служитель, вынося кости бараньих лопаток, сожженные до черноты угольев; по этому поводу я очень изумился, что это значит. Спросив об этом впоследствии, я узнал, что хан не делает ничего в целом мире без того, чтобы предварительно не поискать совета в этих костях; поэтому он не позволяет человеку входить к себе в дом раньше, чем посоветуется с этой костью. Этот способ гадания происходит так: когда хан хочет что-нибудь предпринять, он приказывает принести себе три упомянутые кости, еще не сожженные, и, держа их, размышляет о том предприятии, о котором хочет искать совета, приступать к нему или нет, а затем передает служителю кости для сожжения. И возле того дома, где он пребывает, существуют два маленьких домика, в которых сжигаются эти кости, и их тщательно отыскивают ежедневно по всему становищу. Итак, когда их сожгут до черноты, их приносят ему обратно, и тогда он рассматривает, раскололись ли кости от жара огня прямо вдоль. Тогда для того, что он должен сделать, дорога открыта. Если же кости треснут поперек или выскочат из них круглые кусочки, тогда он этого не делает. Ибо или сама кость, или какая-то ткань, лежащая на ее поверхности, всегда трескается на огне. И если из трех костей одна трескается надлежаще, он предпринимает дело.

Итак, когда мы вошли пред его лицо, предупрежденные ранее, чтобы не касаться порога, священники-несториане поднесли ему ладану; он сам положил его в

курильницу, и они кадили пред ним. Затем они пропели, благословляя его напиток, и после них монах произнес свое благословение, а в конце и нам надлежало сказать наше. И когда он увидел, что мы держим у груди Библию, он приказал принести ее себе посмотреть и разглядывал ее очень тщательно. Затем, когда он выпил, причем старейший священник поднес ему чашу, они дали пить священникам.

После этого мы вышли и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи, он, готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а затем, следуя за нами, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому сына хана, Балту, наблюдавшие за порогом наложили руки на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть. А я не знал этого...

На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: „Господин, у нас не было с собой толмача, как могли бы мы понять?“ Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана».

История эта Рубрука сильно озадачила и развеяла надежды, что хан имеет склонность к истинной вере. Разочаровало его и другое наблюдение, когда он увидел хана с крестом в руке: «Он взял крест себе в руку, но я не видал того, чтобы он поцеловал его или поклонился ему, а хан только глядел на него, спрашивая о чем-то. Тогда монах попросил позволения носить крест на копье вверху, так как по этому поводу хан раньше говорил с монахом, и Мангу ответил: „Носите его так, как знаете лучше сделать“.

Затем, после приветствия хану, мы направились к вышеупомянутой госпоже и нашли ее здоровой и бодрой; она выпила еще святой воды, и мы прочли над нею Страсти. И эти несчастные священники никогда не учили ее вере и не уговаривали креститься. Я же сидел там немым, не имея возможности что-нибудь сказать, но она сама еще учила меня тамошнему наречию. И священники не порицали ее ни за какое колдовство, ибо я видел там четыре меча, извлеченных из ножен до половины, один у изголовья ложа госпожи, другой у подножия, а два другие по одному с обеих сторон входа. Я видел там также серебряную чашу, напоминающую наши чаши, которая, вероятно, была похищена в одной из венгерских церквей и висела на стене полная пепла, а сверху над этим пеплом был черный камень, и священники никогда не учат их тому, что это дурно. Наоборот, они сами делают это и учат подобному».

Впрочем, отношение хана к несторианским монахам тоже удивило Рубрука:

хан, *«...имея у себя в руке сожженную баранью лопатку, всматривался в нее, а затем, как бы читая в ней, стал порицать монаха, спрашивая, зачем тот, будучи человеком, который должен молиться Богу, столько говорит с людьми. Я же стоял сзади с обнаженной головой, и хан сказал ему: „Зачем ты не обнажаешь головы, когда приходишь ко мне, как поступает этот франк?“ — и приказал позвать меня ближе.*

Тогда монах, сильно смущенный, снял свой клобук вопреки обычаю греков и армян; после того как хан наговорил ему много резкостей, мы вышли. И тогда монах вручил мне крест для несения до часовни, так как сам от смущения не хотел нести его. Через немного дней он примирился с ханом, обещая ему отправиться к папе и привести в его

повиновение все народы Запада. Затем, вернувшись от хана после этого разговора в часовню, он стал спрашивать у меня про папу, думаю ли я, что тот захочет его видеть, если монах явится к нему от Мангу, и захочет ли он дать ему коней до святого Иакова. Спросил он также и про вас, думаю ли я, что вы захотите послать к Мангу вашего сына.

Тогда я внушил ему остерегаться давать Мангу лживые обещания, так как последняя ложь будет горше первой и Бог не нуждается в нашей лжи, чтобы мы ради Него говорили коварные выдумки».

Хан по разумению Рубрука показал себя более разумным человеком. С большим интересом Монке относился к христианам разного толка, однако в церковь, где собирались иностранцы, входить отказался, когда узнал, что туда приносят покойников для отпевания. Среди склоняющихся к христианству Рубрук заметил и немало монголов. Однажды его попросили отслужить обедню.

«...Тогда я приказал им как мог через толмача исповедоваться, перечислив 10 заповедей, 7 смертных грехов и другое, в чем человек должен всенародно покаяться и исповедаться. Они оправдывали себя в краже, говоря, что без кражи не могут жить, так как господа их не заботятся для них ни об одежде, ни о пропитании. Тогда я, рассуждая, что они похищали имущество этих лиц не без надлежащего основания, сказал, что им можно брать необходимое из имущества господ и что я готов сказать это перед лицом самого Мангу-хана. Некоторые из них также были людьми военными; они оправдывали себя тем, что им необходимо идти на войну, иначе их убьют. Я крепко наказал им, чтобы они не ходили на христиан и не обижали их, иначе пусть лучше дадут себя убить, потому что таким

образом они станут мучениками; и я прибавил, что если кто пожелает обвинить меня за это учение перед Мангу-ханом, то я готов заявить это в его присутствии. Ибо, когда я учил этому, тут были придворные из несториан и я подозревал их, что они могут случайно донести на нас... И мы причастили народ, как я надеюсь, с благословением Божиим. А сами они окрестили в полном благочинии в канун Пасхи более чем шестьдесят лиц, и все христиане сообща этому весьма радовались».

Были при хане и мусульмане. Младший брат хана «*...зная про вражду, существующую между христианами и сарацинами, спросил у монаха, знает ли он упомянутых сарацин. Тот ответил: „Знаю, потому что они собаки; зачем держишь ты их возле себя?“ Те возразили: „Зачем ты говоришь нам обидные речи, тогда как мы не говорим тебе никаких?“ Монах сказал им: „Я говорю правду, и вы и Магомет ваш — презренные псы“. Тогда они начали отвечать богохульствами на Христа, но Арабукха (Ариг-Буга) удержал их, говоря: „Не говорите, так как мы знаем, что Мессия — Бог“.*

...В этот день какие-то сарацины встретились с монахом на дороге, вызывая его и споря с ним. Так как он не умел защититься при помощи доводов, и они стали над ним насмехаться, то он хотел наказать их плетью, которую держал в руке, и достиг того, что вышеупомянутые слова его и поступки были доведены до двора и нам было приказано, чтобы мы остановились с другими послами, а не перед двором, где мы останавливались обычно».

В результате между мусульманами и христианином Рубруком по приказу хана был проведен диспут.

«Тогда я сказал: „Кому больше поручено, с того больше взыщется. И еще: кому больше дано, тот должен больше

и возлюбить. С этими словами Божиими я и обращаюсь к самому Мангу, ибо Бог дал ему великую власть и богатства, которые он имеет, дали ему не идолы туинов, а всемогущий Бог, который создал небо и землю и в руке Коего находятся все царства, и Он переносит их из народа в народ за грехи людей. Отсюда, если хан возлюбит Его, хорошо будет ему; иначе же да узнает он, что Бог взыщет с него все до последнего гроша (quadrantem)".

Тогда один из тех сарацин сказал: „Есть ли какой-нибудь человек, который не любил бы Бога?" Я ответил: „Бог говорит: «Если кто любит Меня, тот соблюдает Мои заповеди, а кто не любит Меня, тот не соблюдает Моих заповедей». Итак, кто не соблюдает заповедей Божиих, тот не любит Бога".

Тогда тот возразил: „Разве вы были на небе, чтобы знать заповеди Божии?" — „Нет,— сказал я,— но Он Сам дал их с неба святым людям и напоследок Сам сошел с неба, уча нас, и мы имеем их в писаниях и видим в деяниях людей, когда они их соблюдают или нет". На это он сказал: „Итак, вы хотите сказать, что Мангу-хан не хранит заповедей Божиих?" Я ответил: „Как вы говорите, придет толмач, и я пред лицом Мангу-хана, если ему будет угодно, прочитаю заповеди Божии, чтобы он сам судил о себе, соблюдает он их или нет".

Тогда они удалились и сказали ему, что я назвал его идолопоклонником, или туином, и сказал, что он не соблюдает заповедей Божиих. На следующий день он прислал ко мне своих секретарей с таким поручением: „Господин наш посылает нас к вам с такими словами: вы здесь христиане, сарацины и туины. И каждый из вас говорит, что его закон лучше и его письмена, то есть книги, правдивее. Поэтому хан желал бы, чтобы вы все собрались воедино и устроили сравнение [закона]; пусть каждый напишет свое учение (dicta) так, чтобы хан мог

узнать истину". Тогда я сказал: „Благословен Бог, который вложил это в сердце хана. Но Писание наше сказало, что рабу Господню не подобает ссориться, а следует быть кротким ко всем; поэтому я готов без спора и борьбы отдать отчет в вере и надежде христианской пред всяким того требующим". Они записали эти слова и доложили ему.

Затем было объявлено несторианам, а равно и сарацинам и таким же образом туинам, чтобы они позаботились о себе и написали то, что захотят сказать. На следующий день он снова прислал секретарей с поручением: „Мангу-хан хотел бы знать, по какой причине прибыли вы в эти страны". Я ответил им: „Он должен сам знать это из грамоты Бату". Тогда они ответили: „Грамота Бату затерялась, и хан предал забвению то, что написал ему Бату; поэтому он хотел бы знать это от вас". Тогда, ободрившись, я сказал им: „На обязанности нашей религии лежит проповедовать Евангелие всем людям. Поэтому, когда я услышал про славу племени моалов, я возымел желание пройти к ним; пока я пребывал в этом желании, мы услышали про Сартаха, что он христианин. Тогда я направил свой путь к нему. И господин король франков послал ему грамоту, содержащую добрые слова, и в числе прочих слов свидетельствовал ему про нас, что мы за люди, прося позволения нам остаться среди людей моалов. Тогда он послал нас к Бату, а Бату послал нас к Мангу-хану, поэтому мы просили его и теперь просим позволить нам остаться".

Они записали все и на следующий день доложили ему. Он снова прислал их ко мне с поручением: „Хан хорошо знает, что среди вас нет никакого посла к нему, а что вы пришли молиться за него, как и другие праведные священники; но он спрашивает, были ли когда-нибудь ваши послы у нас или наши у вас". Тогда я рассказал им все про

Давида и про брата Андрея, и они записали все и доложили ему. Тогда он снова послал ко мне с поручением: „Господин хан говорит: «Вы долго пребывали здесь; он хочет, чтобы вы вернулись в свою землю, и спрашивает, желаете ли вы взять с собою его посла»“. Я ответил им: „Я не посмел бы взяться провожать его послов за пределы его земли, так как между нами и вами есть земля, где идет война (terra guerre), а также море и горы; кроме того, я только бедный монах; поэтому я не посмел бы взять их к себе в сопутники“. И они, записав все, вернулись».

Диспут состоялся — и ничего не дал. Зато вскоре Монке вызвал Рубрука и прямо спросил, называл ли тот его идолопоклонником. Рубрук объяснил, что имел в виду. В ответ на правду хан рассказал ему, в чем состоит вера монголов:

«„Мы, моалы,— сказал он,— верим, что существует только единый Бог, Которым мы живем и Которым умрем, и мы имеем к Нему открытое прямое сердце“. Тогда я сказал: „Он Сам воздаст за это, так как без Его дара этого не может быть“. Он спросил, что я сказал; толмач сказал ему; тогда он прибавил: „Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути. Вам Бог дал Писание, и вы, христиане, не храните его. Вы не находите, что один должен порицать другого; находите ли вы это?“ — „Нет, государь,— сказал я,— но я сначала объявил вам, что не хотел бы ссориться с кем-нибудь“.— „Я не говорю,— отвечал он,— про вас. Равным образом вы не находите, что за деньги человек должен отклоняться от справедливости“.— „Нет, государь,— отвечал я,— и, во всяком случае, я не приезжал в эти страны за добыванием денег, а, наоборот, отказался от тех, которые мне давали“... „Я не говорю,— сказал он,— про это. Итак,

вам Бог дал Писание, и вы не храните его; нам же Он дал гадателей, и мы исполняем то, что они говорят нам, и живем в мире“.

Прежде чем высказать это, он пил, как я думаю, раза четыре. И когда я внимательно слушал, ожидая, не пожелает ли он исповедать еще что-нибудь из своей веры, он начал беседовать о моем возвращении, говоря: „Ты долго оставался здесь; я хочу, чтобы ты вернулся. Ты сказал, что не смеешь взять с собою моих послов; хотел ли бы ты передать мои слова или мою грамоту?“ И с тех пор я не имел случая или времени объяснить ему католическую веру. Ибо с ним можно говорить только столько, сколько он хочет, кроме того случая, когда говорящий — посол; а посол может говорить все, что хочет, и они всегда спрашивают, желает ли он говорить еще и другое. Мне же он не позволил говорить больше, но мне надлежало слушать его и отвечать на вопросы.

Тогда я ответил ему, чтобы он приказал мне уразуметь его слова и изложить их письменно, и тогда я охотно передал бы их, насколько это у меня в силах».

Для передачи Людовику Монке велел записать следующую грамоту:

«Существует заповедь вечного Бога: на небе есть один только вечный Бог, над землею есть только единый владыка Чингисхан, сын Божий, Демугин Хингей (т. е. звон железа. Они называют Чингиса звоном железа, так как он был кузнецом, а, вознесясь в своей гордыне, именуют его ныне и сыном Божиим). Вот слово, которое вам сказано от всех нас, которые являемся моалами, найманами, меркитами, мустелеманами; повсюду, где уши могут слышать, повсюду, где конь может идти, прикажите там слышать или понимать его; с тех пор, как они услы-

шат мою заповедь и поймут ее, но не захотят верить и захотят вести войско против нас, вы услышите и увидите, что они будут невидящими, имея очи; и, когда они пожелают что-нибудь держать, будут без рук; и, когда они пожелают идти, они будут без ног; это — вечная заповедь Божия. Во имя вечной силы Божией, во имя великого народа моалов это да будет заповедью Мангу-хана для государя франков, короля Людовика, и для всех других государей и священников, и для великого народа (saeculum) франков, чтобы они поняли наши слова. И заповедь вечного Бога, данная Чингисхану, ни от Чингисхана, ни от других после него не доходила до вас.

Некий муж по имени Давид пришел к вам, как посол моалов, но он был лжец, и вы послали с ним ваших послов к Кен-хану. Когда Кен-хан уже умер, ваши послы добрались до его двора. Камус, супруга его, послала вам тканей насик [1] *и грамоту. Но как эта негодная женщина, более презренная, чем собака, могла бы ведать подвиги воинские и дела мира, успокоить великий народ и творить и видеть благое? (Мангу сам сказал мне собственными устами, что Камус была злейшая колдунья и что своим колдовством она погубила всю свою родню.)*

Двух монахов, которые прибыли от вас к Сартаху, Сартах послал к Бату; Бату же, так как Мангу-хан есть главный над миром моалов, послал их к нам. Теперь же, дабы великий мир, священники и монахи, все пребывали в мире и наслаждались своими благами, дабы заповедь Божия была услышана у вас, мы пожелали назначить к отправлению вместе с упомянутыми выше священниками вашими послов моалов. Священники же

---

[1] *Насик* — искаженное «нассит», производное от арабского «несидж», как называли золотую парчу итальянские средневековые купцы, ведшие торговлю с Левантом.

ответили, что между нами и вами есть земля, где идет война, есть много злых людей и труднопроходимые дороги; поэтому они опасаются, что не могут довести наших послов до вас невредимыми; но если мы передадим им нашу грамоту, содержащую нашу заповедь, то они сами отвезут ее королю Людовику.

По этой причине мы не посылали наших послов с ними, а послали вам чрез упомянутых ваших священников записанную заповедь вечного Бога: заповедь вечного Бога состоит в том, что мы внушили вам понять. И когда вы услышите и уверуете, то, если хотите нас послушаться, отправьте к нам ваших послов; и таким образом мы удостоверимся, пожелаете ли вы иметь с нами мир или войну. Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать; когда же вы выслушаете и поймете заповедь вечного Бога, но не пожелаете внять ей и поверить, говоря: „Земля наша далеко, горы наши крепки, море наше велико", и в уповании на это устроите поход против нас, то вечный Бог, Тот Который сделал, что трудное стало легким и что далекое стало близким, ведает, что мы знаем и можем».

Когда Рубрук уяснил содержание послания, он попросил заменить слово «послы» на слово «монахи», что и было сделано. Так вот, не обратив Монке, не разладив его отношений с мусульманами, с грамотой от великого хана он отправился назад, сначала к Сартаку, а затем — к Людовику. Нежелания Монке выбрать одну из религий, то есть обратиться, он так и не смог понять. Хотя понял, что Монке умен и беспристрастен. При Монке в Каракоруме было две мечети, одна христианская церковь и двенадцать храмов, где поклонялись другим богам. Толерантный ко всем чужим религиям Монке все же держался своей степной веры.

С этой умеренностью и образованностью сочеталась достойная Чингисхана завоевательная политика: присоединить южную Сун, Иран и Багдад. На завоевание сунцев он отправил войска Хубилая. Как мы знаем уже, Хубилай с этим отлично справился. Он и его военачальники присоединили не только весь Китай, но даже и те ближние к Китаю земли, которые никогда в Поднебесную не входили. Причем, некоторые земли по совету Монке были присоединены в качестве вассальных и не так кроваво, как делалось прежде.

Монке мечтал перенести столицу из Каракорума в земли Китая, он даже просил Хубилая присмотреть симпатичный китайский город для этой цели. Монке не успел увидеть новой столицы. Хубилай его завет исполнил: он выбрал для столицы Пекин, который при хане именовался Ханбалыком. Сам хан умер во время китайского похода в 1159 году.

Одновременно с китайскими завоеваниями Монке вел и азиатские походы. В Западную Азию он отправил 129 000 войска под командованием своего брата Хулагу. Именно Хулагу было поручено уничтожить гнездо ассасинов в Аламауте. Именно на Хулагу рассчитывал Папа Римский. Но из этих отношений снова ничего хорошего не получилось. Рыцари Папы предпочитали ассасинов монголам.

В 1258 году Хулагу взял Багдад и перебил его защитников, а самого халифа заставил показывать драгоценности, накопленные за долгие века, после чего его вывели на дворцовый двор и затоптали лошадьми. После падения столицы города халифата стали падать как спелые груши.

Монголы уже вошли в Сирию, они двигались к Египту. Но тут случилась непредвиденная вещь: в Китае умер Монке, предстояло избирать нового хана, и Хулагу отправился на восток, а его военачальник Кит-Буга остался с

небольшим войском, дабы продолжить начатое. В такой ситуации Кит-Буга тоже задумался о пользе дружбы с рыцарями. Далее можно только повторить слова Шекспира о повести, которой нет печальнее на свете. Это повесть о Кит-Буге, Кутузе и рыцарях.

Летом 1260 года отряд под командованием Кит-Буги, монгольского правителя Сирии, находился у древних стен Баальбека. Кит-Бугу внезапно донесли, что правитель крепости Сидон занялся грабежом подвластной монголам Сирии. Как хороший монгол он понимал, что рыцари нарушают союзническое соглашение. Рыцари же думали иначе. Для них хозяевами Святой Земли могли быть только те, кто проливал за нее кровь, то есть крестоносцы. Кит-Буга потребовал объяснений, но объяснений не было. Всех послов рыцари убили. Так что разъяренный Кит-Буга повел войска на Сидон. Рыцари защищались мужественно, но монголов было больше. Хозяин Сидона понял, что города ему не удержать. Все рыцари встали на стены, отражая атаки монголов, пока жители Сидона отплывали от его стен на безопасный островок. Последним покинул стены сам хозяин. Монголы были в ярости. Они приказали срыть стены города, а дома в нем разрушить. Поведение крестоносцев он мог воспринять только как предательство. Но то, что последовало потом, монголы вообще не могли осознать. Из Египта, узнав о взятии Сидона, выдвинулась мамлюкская армия Кутуза. Кутуз быстро сообразил, что такой ситуацией не воспользоваться — грех. Он и воспользовался.

Кутуз пошел на Назарет. Кит-Буга об этом узнал и решил перехватить мамлюков, не допустив до города, в пустыне, еще усталых от тяжелого перехода, на измученных лошадях. Не тут-то было! На помощь мамлюкам пришли крестоносцы Акры. У них давно были свои отношения с мусульманами. Рыцари снабдили египетское войско про-

дуктами и сеном для лошадей, позволили передохнуть под защитой крепостных стен. И на военном совете обсуждали вопрос о создании стратегического союза с Кутузом против захватчиков Сидона. Правда, на союз-таки не решились. Но разговоры были.

А Кутуз повел свое войско на Кит-Буги. Два войска схлестнулись под Назаретом. Только, если Киг-Буга рассчитывал сразиться с измученными воинами, он ошибся. В этой битве мамлюки наголову разбили монголов. А Кит-Буга был обезглавлен. Монголам стало понятно, что рассчитывать на рыцарей опрометчиво. Какой там Желтый поход, какой там Крестовый? Рыцари не желали брать в союзники против привычных уже и почти родных сарацин диких монголов. Тут и папа ничего бы поделать не смог.

Вместо рыцарей спасать завоевания в Юго-западной Азии отправился золотоордынский хан Берке. Он тоже хотел себе часть Ирана. Он получил себе персональную часть Ирана — смерть на его земле.

> *«Беркай-хан (Берке),*— пишет „Тарих-и-Гузиде“,— *отправил войско для войны с Ираном, Хулагу-хан выслал против них огромную армию с эмиром Ширамуном, Абатаем и Саматаром, и сам с несметным войском отправился вслед (за ними). Они сразились, войско Беркая было разбито и, обратившись в бегство, ушло к Дербенду. Хулагу, вслед за ним, прошел через Дербенд. Снова сразились в Дешт-и-Кипчаке, и войско Беркая (опять) обратили в бегство. Эмир Илькай вслед за ними перешел реку Терек и совершил бесчинства в зимовье Беркая. Беркай сам выступил против них и много их перебил. Иранцы, разбитые, бежали к Дербенду.*
>
> *Река Терек была скована льдом. Конница разом бросилась на него, лед сломался, и часть утонула в реке, а другие спаслись и пришли к Хулагу. Хулагу отправился в*

(свою) столицу и послал лазутчика напугать их (неприятелей) тем, что каан согласен с Хулагу и послал ему помощь. (Тогда) они прекратили войну.

Хулагу умер при Мерагской Чагату 19 реби II 663 г. (8.II.1264)...»

А годом позже «...*Беркай-хан отправил царевича Ногая с огромной армией для завоевания Ирана. Абака-хан выслал против него своего брата Юшумута с войском. 3 сафара 664 г. (14.XI.1265) они сразились. Беркаевцы были разбиты. Чтобы отомстить (за поражение), Беркай-хан сам двинулся в Иран и прибыл к берегу реки Куры. Не имея возможности переправиться, он направился к Тифлису, чтобы перебраться через Куру по мосту, но смерть не дозволила ему (совершить это), и он умер в пути от колик. Войско его обратилось в бегство; некоторые были взяты в плен, и он (Юшмут) отдал их в рабство, кому попало*».

Берке сменил в Золотой Орде Менгу-Тимур, а Монке на ханском престоле — Хубилай, который даже не озаботился выборами, а просто объявил себя великим ханом. А в 1279 году он принял титул Сына Неба, и Китаем стала править династия чингисидов, известная как Юань.

Полностью подчинив Китай, Хубилай стал рассматривать его как вершину тогдашней цивилизации (что было во многом оправдано), а народы, живущие за пределами Срединного государства, по той же китайской традиции расценивались не иначе как варвары. Так в варвары оказались записанными **все** завоеванные монголами народы. Теперь к программе Чингисхана покорить весь мир присоединилась идея, оправдывающая расширение границ империи: Хубилай (наверно, совершенно искренне) считал, что, завоевывая народы, он несет не только монгольскую истину и выполняет волю Тенгри, но и дает завоеванным свет цивилизации. Ядром огромной державы стал

Китай. Монгольский мир при Хубилае строился по монгольско-китайскому образцу.

На очереди в череде завоеваний стояла Япония. Только по счастливой случайности монголам не удалось захватить Страну Восходящего Солнца: мощный монгольский флот был разбит неожиданной бурей. Меньше повезло южным китайским соседям — Дали, Аннам, Чампа, Мьен стали монгольскими провинциями (сегодня это территория Вьетнама, Бирмы и Таиланда). За исключением прокитайского Аннама, остальные страны имели индийскую культуру. Данниками Хубилая стали жители Малайского архипелага, Цейлона и Южной Индии. Только яванцам удалось отбиться от монгольских войск.

Время правления Хубилая было очень неспокойным для потомков Великого Хана. Между потомками Толуя и потомками Угедея шла бесконечная война за власть. Воинам Хубилая приходилось постоянно сражаться с войсками детей и внуков Угедея. Это была борьба не за земли, а именно за верховную власть. Потомки Угедея считали, что Хубилай эту власть нагло узурпировал. Только в 1301 году (уже после смерти Хубилая), когда главный ревнитель справедливости Кайду погиб в бою за Каракорум, потомки Толуя и потомки Угедея заключили мир.

При самом Хубилае была оформлена доктрина государственного управления. Это особое управление по китайскому образцу распространилось на сам Китай, Южную Монголию, Южную Маньчжурию, Корею и бывшее государство Дали. Улус Хубилая был разделен на 11 провинций, во главе которых были поставлены верховные судьи (Хубилай создал централизованный верховный суд). Был создан также военный совет, который подчинялся только великому хану и цензору (последний должен был следить за правильным отправлением законов и работой судов). Армия была разделена на две категории:

лучшая ее часть (аналог гвардии) находилась при хане, низшая ее часть была разбита между провинциями.

Армия Хубилая формировалась из местных жителей, монголы входили в нее лишь как наемники. При этом хане появилось множество иностранцев, занимавших при дворе высокое место. Это были уйгуры, мусульмане и даже европейцы. Все население улуса было распределено по четырем категориям: на первом месте оказались, конечно, сами монголы, на втором — иностранцы, принятые на гражданскую службу, на третьем — жители северного Китая и на последнем — жители бывшего государства Сун. Хубилай приказал ввести для деловых документов особую письменность на основе тибетской, был даже разработан новый алфавит. Эта идея не прижилась: люди продолжали пользоваться китайским или уйгурским письмом, так что после смерти хана нововведение было тут же забыто.

При дворе хана даже при его жизни, впрочем, звучала в основном монгольская, тюркская или персидская речь — вот и оцените по этим языковым особенностям национальный состав чиновников Хубилая. Так же, как и Монке, Хубилай не делал различия между религиями: при нем мирно уживались буддизм и даосизм, конфуцианство и ислам, христианство и иудаизм, манихейство и тибетские шаманские культы. В рамках самого двора основной религией было тенгрианство, хотя Хубилай считал себя буддистом. Многие монголы, по образцу хана, приняли буддизм. К исламу же Хубилай относился снисходительно, но с плохо скрываемым раздражением: его отталкивали две вещи — священный джихад и способ убиения животных. Первого монгол Хубилай не понимал, поскольку не мог осознать самой доктрины священной войны, когда бог един, а способ веры не имеет значения. Второго монгол Хубилай не терпел, потому что по монгольскому обычаю животных убивали без пролития крови. К христианам он

был настроен гораздо приветливее, хотя, скажем, это было особое ответвление христианства — несторианство, распространенное в дальневосточных землях и Китае еще в дни Чингисхана. Борьбы христиан между собой он тоже не мог понять. Он пытался наладить связи с западным христианским миром, но не очень удачно: неприятие западными христианами несторианства ставило его в тупик.

После смерти Хубилая в 1294 году во главе улуса Толуя встал внук хана Камала, который не захотел заниматься делами государства, тогда его сменил брат Тэмур, после смерти Тэмура место хана занял Хайсан Хулуг, затем — Шидабала, Тайдин-Эсен, Араджабиг, Тог-Тэмур, Тоган-Тэмур. При последнем дела шли уже из рук вон как худо: власть слабела, а покоренные китайцы поднимали восстания и мятежи.

Отличной картинкой к сказанному может служить решение одного из министров Тоган-Тимура казнить всех китайцев, которые носят не монгольские, а китайские имена. Эта мера так и не была исполнена из-за противодействия Тохты, а то ведь от населения Китая могло остаться не много выживших! Тохта, отлично понимая, что монгольский Китай развалится, если начать резать его население, как скот, пытался замирить мятежников и монгольскую власть. Меры, которые он принял, были разумными: возрождение конфуцианства, введение экзаменов на чин, содействие развитию китайской культуры... но эти меры сильно запоздали.

В 1365 году у восставших появился умный и талантливый вождь Чжу Юаньчжан. Ему удалось подчинить себе других мятежных вождей, создать настоящую армию и начать освободительную борьбу. Скоро уже он отбил у монголов весь юг Китая, основал государство У и объявил себя царем. Чжу Юаньджан выбрал очень удачный момент: на севере монголы были заняты войной за престол. В этой усобице победил Аюсидахра, а Тоган-Тэмур, ожидая, что

войско У подойдет к его столице, решился на бегство. Что он, собственно говоря, и сделал — бежал со всей своей семьей сначала в Шаньду, потом в Джехол, а войско китайцев вошло в оставленную столицу практически без боя.

Шел 1368 год. Чжу Юаньчжан сел на престол, объявил себя императором, основал новую династию, которую мы знаем как Мин. Это была чисто китайская династия, Чжу Юаньджан принял имя У Хун. А последний император монгольского Китая скончался через два года в Джехоле. Династия Юань угасла.

Дом Толуя, конечно, продолжал существовать и дальше, никуда он не исчез. Просто монголы более не были императорами Китая. Китай они потеряли. Никуда не делись из самого Китая и простые монголы. Они там давно завели семьи, усвоили китайские обычаи — словом, за короткое время стали в культурном отношении китайцами. Бежать им было некуда. Они и остались на земле, которую считали своей родиной. Но монгольские сановники, проигравшие войну за Китай, вынуждены были из него уйти. Так что Китай был владением монголов примерно 100—150 лет (для разных областей Китая цифра разная). За это время под монгольской властью мелкие государства вынужденно слились в одно. Так, желая владеть безраздельно завоеванной землей, монголы сплотили народ этой земли и помогли ему создать сильное национальное государство. А потомки Толуя вернулись туда, откуда пришли: на север, в земли, которые никогда не были китайскими.

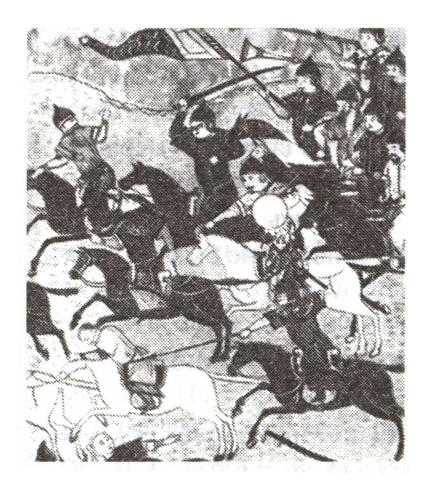
Среднеазиатские владения

Хан Кайду, который воевал с Хубилаем, внуком Толуя, принадлежал к ветви Угедея. В 1269 году он сделал то же, что и Берке в 1256 году: Берке тогда объявил незави-

симость от великого хана Золотой Орды, а Кайду объявил независимость от хана земель Маравеннахра и Семиречья. С этими землями, которые он считал своими, граничили земли джагатаидов и джучидов.

Формально великие ханы имели над ними власть, фактически никакой власти у них не имелось. За три десятка лет, прошедших со смерти Великого Хана, непомерно выросшая империя монголов стала разваливаться на отдельные владения. Историю одного такого владения — имперского Китая — мы только что рассмотрели.

Аналогичный процесс шел и во всех других землях, завоеванных монголами. Причем это разделение владений происходило при усилении ориентации на ислам. Хан Берке официально назначил ислам государственной религией Золотой Орды, что с ужасом было воспринято вассальными ему русскими и грузинскими князьями. Некоторые исследователи считают, что ислам стал государственной религией Золотой Орды только при хане Узбеке, но это не так. Просто при Берке мы видим начало процесса, а при Узбеке — его

Монголы расправляются с теми, кто отверг ислам

завершение. Потребовалось три ханских правления, чтобы ислам в Золотой Орде укрепился и набрал силу.

Но почему же тогда принятие ислама Золотой Ордой относят к хану Узбеку?

Скорее всего — из-за предания, которое рассказывает, как хан Узбек выбрал для своего улуса правильную веру.

«На четырех святых,— повествует это предание,— *которые были из святых того времени, снизошло от Аллаха Всевышнего [такое] откровение: „Подите и призовите Узбека к исламу!“ И по велению Аллаха Всевышнего пришли они к двери [ставки] Узбек-хана, сели за внешней чертой его куреня и стали творить молитву.*

Такое рассказывают предание. Показывали хану неверные колдуны и неверные жрецы такое чудо. Приносили они с собой на маджлис [1] *к [Узбек-]хану [мед] в жбане и устанавливали [его. Прилаживали затем к жбану] змеевик и подготавливали чаши. Мед сам скапливался в змеевике и сцеживался в чашу, и чаша сама двигалась к тому человеку. Колдунов этих и жрецов своих почитал хан за своих шейхов, сажал [их] рядом с собой и воздавал [им] большой почет и уважение. И вот однажды, когда пришли те [святые мусульмане] и сидели, творя молитву, [Узбек-]хан как обычно устроил маджлис. Пришли вместе [с ним и] шейхи его и все расселись. Как [и] ежедневно, принесли они с собой мед в сосуде. Принесли они [также] и установили змеевик и чашу.*

Прошло порядочно времени, но мед ни скапливался как обычно в змеевике, ни сцеживался в чашу. Сказал [тогда Узбек-]хан этим шейхам своим: „Почему же на этот раз мед задерживается?“ Ответили шейхи его: „Пришел,

[1] *Маджлис* — «религиозное собрание», которое связано с важными для мусульман датами, дворцовый прием, съезд.

верно, куда-то сюда магометанин. Его это признак". Хан приказал: „Ищите по куреням, и если будет магометанин — приведите!"

Вышли мулазимы[1] *и когда проверили по куреням, то увидели, [что] за внешней чертой [ханского] куреня сидели, опустив низко головы, четыре человека чужой внешности. Спросили мулазимы: „Вы кто такие?" Ответили те: „Отведите нас к хану". [И вот] пришли они. Остановился взгляд хана на них. [И] как только увидел он их, возникли в сердце его склонность к ним и любовь, ибо просветил уже Аллах Всевышний сердце хана светом наставления на путь истинной веры. Спросил он: „Что вы за люди, по каким делам бродите? По какому делу [сейчас] идете?" Ответили они: „Мусульмане мы. По велению Господа Всевышнего пришли мы, чтобы обратить вас в ислам". Завопили в тот [же] миг шейхи хановы: „Дурные люди они! [Не разрешать] говорить [им, а] убить их нужно". Сказал [тогда Узбек-]хан: „С какой бы стати убивать [мне их]?! Я — государь! Нет никакого мне дела до любого из вас. Буду с теми из вас я, чья вера правая. Если вера у них неправая, то почему же дело ваше сегодня сорвалось [и мед ваш] не стал перегоняться?! Устройте же спор. Тому из вас подчинюсь я, чья вера окажется правой".*

[И] затеяли спор друг с другом эти два общества. Долго галдели и ссорились они. Наконец порешили на том, что следует им выкопать два танура, раскалить каждый из них, [спалив] десять арб саксаула, войти в один танур кому-то из колдунов, в другой — одному из этих [святых], и быть правой вере того, кто не сгорит и выйдет [целым и невредимым]. На том и порешили.

---

[1] *Мулазим* — воин феодального ополчения; слуга, позже — в персидской армии: воинский чин (лейтенант), имеющий под своим началом 50 туманов.

Наутро выкопали два громадных танура и раскалили [их], собрав на дрова саксаул. Один предназначили для колдунов, другой — для мусульман. Святые эти почтительно уступали друг другу: „Кто же из нас войдет [в танур]?“ Одного из них звали Баба Тукласом. Все тело у него сплошь было заросшим волосами. Сказал он: „Мне позвольте, я войду, [а] вы радейте обо мне“. Благословили его святые эти. [Еще] сказал тот Баба: „Принесите кольчугу мне“. Когда принесли кольчугу, надел он ее на тело нагое и направился к тануру, возглашая память Аллаху Всевышнему.

Рассказывают, [что] волоски [на теле] Бабы стояли дыбом и высовывались из колечек кольчуги. Все видели это! [Так] шел он и вошел в танур. Принесли [тогда] баранью тушу и повесили над тануром, а устье плотно закрыли».

Но можно ли верить преданию?

В каком-то смысле — можно. При Узбеке, очевидно, переориентация Золотой Орды на ислам была полностью завершена, хотя потребовалось еще почти полвека, чтобы отказаться от старой степной веры. Этот конец тенгрианства фактически приходится на время правления в Золотой Орде Хызр-хана. Именно тогда была разломана священная Золотая Юрта — предмет, почитаемый как дар самого Чингисхана сыну Джучи.

Средневековый текст донес нам рассказ об этом святотатстве во всей красоте:

«Когда Тай-Дуглы-бегим призвала Хызр-хана и сделала [его] ханом на троне Сарая, поставила она в качестве свадебной юрты золотую юрту, оставшуюся от Узбек-хана и Джанибек-хана. Рассказывают. Бегим покрасила свои волосы в черный цвет [и] пожелала выйти замуж за

[Хызр-]хана. Желание жениться [на ней] было и у хана. Был, однако, у него бек[1] из [племени] найман по имени Кутлуг-Буга, который воспротивился этому. Сказал он: „Она — человек, который был подвластен Узбеку и Джанибеку. Ты [же] вырос человеком противостоящего [им рода]. Проучи ее. Не женись!" Послушался он его слов и не женился.

Когда почуяла Бегим, что не возьмет он ее в жены, начала она оказывать [ему] меньше почета и уважения, чем прежде. Когда же и хан, озлившись на нее, решил разломать золотую юрту, [а золото] поделить между своими казаками, то, прослышав [о том], бегим послала к хану человека, сказала: „Пусть так не поступают. Когда нет золота [и] серебра, для человека, ставшего ханом, [золотая юрта] — сокровище. Но здание, построенное прежними добрыми [людьми], [все-таки] пусть не разрушают!" Не прислушался к ее словам [Хызр-хан], разломал и поделил. Бегим запылала в свою очередь злобой на [Хызр-]хана, собрала своих внутренних беков и прогнала его».

Хызр-хан был уже настоящим мусульманином, священная юрта была для него просто юртой, украшенной золотом, и никакой ценности, кроме материальной, не представляла. Потому он юрту и разломал.

Сложите вместе все предания и получите точную по времени картину: Берке вводит ислам, поскольку он принес эту новую веру с юга, из мусульманских стран, где ведет военные походы по заветам Чингисхана, Узбек продолжает это дело, и его приближенные принимают ислам, а Хызр-хан уже просто не представляет другой религии,

---

[1] *Бек* — властитель, господин; синоним араб. эмир; изначально при родо-племенных отношениях в среде древних тюрков, был главой рода, в племени.

следовательно, монголы Золотой Орды почти поголовно мусульмане. Кайду, сражавшийся против буддиста Хубилая, тоже принял сторону ислама, и не удивительно, если учесть, что его владения лежали в сердце мусульманских земель Средней Азии. В этом плане Хубилай и потомки Толуя выглядят какими-то паршивыми овцами среди монголов: они держались «китайской» веры, когда все порядочные монголы стали мусульманами.

От китайской границы и до Евфрата лежали монгольские земли. За небольшими исключениями это были земли, где давно и успешно торжествовал ислам. Не удивительно, что оказавшиеся здесь монголы перешли от своей степной веры к вере покоренного ими мира. В этом виновата обычная практика монгольских ханов: завоевывая страны, они стремились полностью овладеть их богатством, одно из таких богатств — женщины. Ханы охотно брали в жены местных красавиц, а те, в свою очередь, будучи мусульманками, воспитывали своих детей в своей вере. За пару десятков лет дети от местных женщин выросли, тенгрианство было для них странной и чужой религией, а ислам — родной. Если дочь хана Монке от христиански несторианского толка выросла несторианкой и покровительствовала своей вере, то почему дети от мусульманок должны оставаться тенгрианцами, как их отцы и деды? Это было бы более чем нелепо.

Новое поколение ханов было обречено на ислам. Но никто из них не выбирал себе веры. Они с нею родились, в ней воспитывались и умерли с именем Аллаха на губах. Так сами завоеванные земли отплатили монголам: они заставили их расстаться со своей степной верой и со своим единым богом Синего Неба — Тенгри. А история монголов на огромной территория от Китая до Сирии не может рассматриваться иначе чем история стран ислама.

Только история Золотой Орды выпадает из этого общего порядка да еще история монгольского Китая: в первом

случае ханы-мусульмане владеют землями восточных христиан, во втором — ханы-буддисты владеют завоеванным народом, который исповедует даосизм или конфуцианство. Но и в том и другом случае религия правящего слоя отличается от религии покоренных.

В Средней же Азии такого разрыва нет: и сами ханы, и ханские чиновники и воины в своей массе, и местные жители верят в одного и того же бога, что не мешает ханам смотреть на этих жителей как лисица на добычу. Но каждая лисица знает: если активно бить зайцев, можно искоренить их род, тогда придется мышковать. Так что еще при Угедее был введен относительно «мягкий» (для монголов, конечно) порядок управления новыми землями.

«Сокровенное сказание» говорит о переходе от грабежей и казней к системе рачительного хозяйствования так:

> *«Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки обременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — шулен — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных.*
>
> *Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность — ундан — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подои; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядите-*

лей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком.

Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями серебряными слитками, сайдаками, луками, датами[1] *и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендантских смотрителей — амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем, там, на широком просторе, могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно, и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определенных местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на*

[1] *Даты* — монгольское оружие.

его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными».

Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупил со своей стороны:

«Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов. Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Левой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, ситники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность — шулен — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов, а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов.

Ввиду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов — надсмотрщиков за молодняком. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Началь-

ствующими лицами над учреждением ямов[1] *поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа.*

Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это, во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя».

Потомки добавили к этим деяниям свои деяния. Но главное направление было понятным: обустроить завоеванные территории там, где необходимо и как необходимо, и сохранить плоды прежней цивилизации, чтобы они не погибли. Не удивительно, что в такой системе ценностей сразу же были выделены «святые люди» и разного рода профессионалы, которых ставили на монгольскую

[1] *Яма* — почтовая станция.

службу и тоже сохраняли, дабы приумножать деяния монголов.

Среднеазиатские земли и земли восточного Дешт-и-Кыпчака к середине XIV века так же, как раньше Золотая Орда и Китай, объявили фактическую независимость от великих ханов. В 1320 году это сделал султан Мубарак-ходжа, провозгласив создание Ак-Орды, в 1347 году султан Тимур-Тоглук провозгласил независимость Моголистана.

На землях от Аму-Дарьи до Евфрата Хулагу создал сильную империю ильханов, отняв эти территории у сельджуков. Правители-ильханы Абака, Аргун, Газан, Ольджейты укрепили и упрочили это государство. Однако при сыне последнего Абусаиде началась кровавая междоусобица, появилось множество мелких властителей, которые постоянно между собой враждовали. В западной части ильханского государства к власти пришли местные хозяева жизни, отбившие свои земли у монголов.

Все это радовать никак не могло. Порядок, начало которому было положено при Великом Хане, следовало восстановить. Но хуже всего было то, что в районе реки Или владения потомков Великого Хана подходили друг к другу впритык, даже ставки меньших ханов располагались рядышком: ставка Бату на берегу Алакуля, ставка Шейбана в соседнем Семиречье, ставка Джагатая около Алмалыка, Хорезм, лежащий между ними, считался буферной зоной. Он должен был разделять владения.

На деле же именно Хорезм и стал полем битвы между наследниками Великого Хана. Джагатаидам удалось отлично укрепиться в этом регионе, так что к 1260 году они прибрали к рукам и Хорезм, и север Афганистана. Джучиды этого стерпеть не могли. Междоусобицы усилились. К тому же рядом был также и юрт Толуя, и он соседствовал с землями потомков Угедея. Джучиды из степей рядом с Дербентом делали набеги на соседний Арран и Азербайджан.

«Вот почему с обеих сторон, хулагидской и джучидской,— рассказывает Вассаф об одном из таких споров,— *стали проявляться, одна за другой, причины раздора и поводы к озлоблению. Зимою 662 г. (4.XI.1263—23.X.1264), когда ювелир судьбы (мороз) превратил реку Дербендскую как бы в слиток серебра, (когда) закройщик зимней шубы скроил горностаевую одежду соразмерно длине и ширине покатостей холмов и долин и (когда) гладь речной поверхности на один дротик (вглубь) затвердела как части камня, то войско монгольское, (которое было) отвратительнее злых духов и бесов, да многочисленнее дождевых капель, по приказанию Берке-огула точно огонь и ветер прошло по этой замерзшей реке. От ржания быстроногих (коней) и от бряцания (оружия) воинов поверхность равнины земли наполнилась грохотом ударов грома и сверканием молнии. Распалив огонь гнева, они дошли до берега реки Куры. Для отражения искр злобы их Хулагу-хан выступил навстречу со снаряженным войском. После боя и сражения он обратил их в бегство и затем повел войско в погоню (за ними). В Дербенде Бакинском они снова расстелили поле битвы и уперлись стопами нападения.*

Из войска Берке не уцелел ни великий, ни малый и (почти) весь народ был перебит; остальные, потерпев поражение, обратились в бегство. Хулагу-хан не дал (своему) войску позволения вернуться, и они (его воины) без стеснения стали переправляться через поверхность замерзшей реки.

Таким образом, день за днем, стоянки неприятелей становились привалами ильханского войска. Когда оно (наконец) расположилось на равнине владений царевича (Берке), то у Берке-огула, вследствие поражения и расстройства его войска и победы и торжества государя, истребителя врагов, запылало пламя гнева. Он отдал

приказание, чтобы все войско, из каждого десятка по 8 человек, село на коней и принялось за состязание и борьбу. Они неожиданно нагрянули на войско ильхана, преградили им путь улаживания и примирения и отверзли длань произвола, чтобы пространство своих областей очистить и освободить от бедствий захвата и насилия чужеземцев. Прогнав их, они несколько переходов гнались вслед (за ними).

Когда государь, сожигатель врагов (Хулагу), ушел в свой стан благополучия, он приказал казнить всех ортаков Берке-огула, занимавшихся в Тебризе торговлею и коммерческими сделками и владевших бесчисленным и несметным имуществом, и отобрать (у них) в казну имущество, какое найдется».

Это называется: когда паны дерутся, у мужиков чубы трещат!

Хуже всего от дележки спорных земель было жителям этих земель: Берке, отвечая на вероломство, умертвил купцов с вражеской стороны. Дело дошло до того, что в спорных землях пришлось срочно переписывать население, чтобы понять, кто относится к джучидам, кто к хулагаидам. В Бухаре обнаружилось 5000 человек из улуса Джучи.

«Эти 5000,— повествует Вассаф,— *принадлежавшие Бату, вывели в степь и на языке белых клинков, глашатаев красной смерти, прочли им смертный приговор. Не были пощажены ни имущество, ни жены, ни дети их. Так как перед глазами разума разостлано правило, что „и любовь наследственна, и ненависть наследственна“, то после смерти Берке-огула, сын его, Менгу-Тимур, заступивший место его, разостлал с Абака-ханом ковер старинной вражды. Между ними несколько раз происходили нападение и отступление (т. е. стычки).*

Однажды 30 000 всадников мечебойцев и дротикометателей, принадлежавших Абака-хану, во время возвращения и переправы через реку, когда льдины разломались, все утонули и погибли, отпечатав на поверхности льда результат дней (своей) жизни. После этого Абака-хан, когда ему стали известны многочисленность (джучидского) войска и его отвага, построил с этой (ильханской) стороны Дербенда стену, называемую Сибе, с тем чтобы дальнейшее вторжение и притязание этого смущающего мир войска стало невозможным. Эта вражда была постоянною и продолжительною, а избегание между обеими сторонами оставалось до времени царствования Гейхату-хана».

В 1269 году соперникам удалось договориться. Так возникло Ильское государство во главе с Кайду. После смерти Кайду тому наследовал Тува, за ним — Чопар. Споры между потомками хана от разных детей продолжались.

В начале XIV века за Хорезм бились Кутлуг-Тимур и Баба-огул, снова страдали местные жители: Баба взял приступом хорезмийские городки, и как пишет хронист о его делах — «опустошил, разорил, жег, топил и грабил». «*Мужчин подвергали всевозможным истязаниям,*— повествует очевидец,— *а с женщинами, в присутствии мужей, не упустили ни минуты сотворить всяческие бесчинства. Около 700 человек имамов и шерифов убежало в минарет. Тогда он приказал наложить внутри минарета большое количество дров, и поджег, так что из страха перед огнем отец сбрасывал сына с минарета*».

Явившийся на помощь Урек-Тимур (сын Тука-Тимура) отбил у Бабы пленных общим числом 50 000 человек, таковы были обычные масштабы страданий для народа — нагие и измученные, они почли за счастье разбежаться и попрятаться от обеих дерущихся сторон. Но радоваться

«спасению» от войска Бабы было рано: после этого боя Хорезм снова перешел к джучидам (Баба-огул был из дома Джучи). Это значило одно: теперь пленить, топить, пустошить и грабить будут противники хана Узбека. Хорезм в те времена считался очень привлекательной добычей, и не случайно.

По рассказу путешествующего по Средней Азии Ибн Батуты, «*...это самый большой, значительный, красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь, и из-за столь большого числа жителей он кажется волнующимся морем*».

Разве можно такой отличный город отдавать соперникам?

Да никак нельзя!

В 1318 году на Хорезм (опять вне зоны действия дома Джучи) пошел хан Узбек, навстречу ему выдвинулись эмир Чапар и Абу-Саид. Победили последние. Затем снова Хорезм перешел к джучидам, тогда (при Хызр-хане) взбунтовались Чапар и его младшие братья. Земли Кайду были разделены, большая их часть досталась потомкам Джагатая. Но мира не было и между джагатаидами!

Сложности были в Мавераннахре: там население было пестрым. Северный Моголистан практически полностью был заселен тюркоязычными племенами, перекочевавшими из Центральной Азии. Южная часть, имевшая названия Трансоксиана, была заселена коренными среднеазиатскими народами. Север был тенгрианским, юг — мусульманским.

На севере тюрки жили веками сложившимся кочевым укладом, городов не имели, жить в доме считали унизительным. На юге существовало множество городов, развивалось земледелие, жители строили каналы для орошения земель, то есть там была цивилизация. Немудрено,

что понимание между землями было нулевое. Северян считали разбойниками на юге, южан как никчемных и ни на что не способных метисов презирали на севере.

Периодически северяне совершали набеги на богатый юг, южане не могли им противостоять. Реальная власть в этих землях принадлежала местной аристократии, юридическая власть принадлежала потомкам Великого Хана. Причем эмиры держали ханов при себе для обеспечения легитимности своей власти, хотя, по видимости, презирали их и использовали, как им было угодно. Они в случае необходимости смещали неугодного хана, брали на его место другого, снова смещали, если оказался слишком заинтересованным в той политике, которую эмиры ведут.

В середине XIV века власть над этой областью получил эмир Казаган, он сначала посадил при себе хана из дома Угедея, потому как рассорился с ханами из дома Джагатая, а когда помирился с джагатидами, то просто сместил неугодного хана и посадил джагатаида. Сами ханы настолько уж были не способны удержать власть, что смирялись с такой участью. Эмиры тоже не знали, чего ожидать от будущего, стоило им проявить слабость, как их ожидал стандартный конец — насильственная смерть. Сам эмир Казаган, человек властный и отважный, когда стал стареть, решил отдать свое место сыну, а тот вместо благодарности приказал убить своего отца и... женился на его вдове. Хотя эмиры гибли и прежде от рук искателей власти, этот случай посчитали омерзительным и отцеубийцу свергли всем эмирским миром, загнав в отроги Гиндукуша, где он и погиб.

К власти пришел эмир Пуладчи, который сразу же озаботился поисками хорошего потомка из дома Джагатая. Таковым был признан восемнадцатилетний хан туманного происхождения, вошедший в историю Средней Азии как Тоглук-Тимур. Какого бы спорного джагатаидского происхождения ни оказался этот юноша, он был на удивление

хорошим правителем. Он навел порядок в Моголистане и решил наконец-то присоединить к этому дикому государству благодатный юг — то есть Трансоксиану. Ему это тоже удалось.

Для того чтобы Трансоксиана не чувствовала, что ею управляют неверные, Тоглук-Тимур принял ислам. Но все равно в созданном им государстве две разные части страны жили каждая сама по себе. На севере как презирали южан, так это и продолжалось, на юге как боялись дикарей, так и продолжали бояться. Слепить единый мир из двух таких различных никак не выходило. Север оставался диким севером, а юг — культурным югом. Вряд ли, может, удалось бы примирить эти две части единого целого и нарастить к ним новые земли, добытые потом и кровью воинов, если на историческом горизонте XIV столетия не появился другой великий завоеватель, равный по силе и славе самому Великому Хану, но не великий хан, и вовсе не хан, и даже не чингисид.

Имя его заставляло одних захлебываться от восторга, других шипеть от ярости или дрожать от страха. Его звали Тимур, сын Тарагая. И происходил он из монголов, которые разбавили (и значительно) свою кровь тюркской.

Тимур

Много позже Тимуру приписали то же предначертание великого пути в момент рождения, что и самому Великому Хану. Якобы родился Тимур из рода Барлас (хорошего монгольского рода, однако не царского) со сгустком крови, зажатым в руке, а по другим сведениям — с руками, полными крови, что обещало судьбу воина и завоевание мира. Эта биография Тимура лепилась уже после его смерти и по образу и подобию «Сокровенного сказания»,

так что не стоит искать в ней абсолютной правды. Даже выбор имени Тимура стал позже считаться знаменательным, взятым из стиха в Коране.

На самом деле во времена Тимура имя со столь тюркской ориентацией в мусульманской стране было уже пережитком прошлого: такие имена старались детям не давать, если дети были мусульманами. Отец Тимура был хотя и эмиром, но человек очень простым: он недавно принял ислам, верил горячо и искренне, но мусульманские имена ему ничего не говорили, так что и своему сыну, которого он воспитал мусульманином, он все же дал имя понятное, тюркское — Тимур, то есть железо. С этим железным именем и соответствующим воспитанием: с раннего детства приучен к седлу, охоте и войне, не знает страха и не боится трудностей, всего достигает самостоятельно,— Тимур вступил во взрослую жизнь.

Начал он эту жизнь со службы у эмира Казагана. Другого пути достичь хоть какой-то значимости у мальчика из рода совсем не царского — не было. Он должен был служить и хорошо служить, терпеливо ждать, вовремя разглядеть удачный момент, чтобы выслужиться, выбрать властителя, который вдруг не окажется смещенным или убитым, то есть сложностей на этом пути к власти было больше, чем нам сегодня представляется.

Тимур

У Тимура было отлично тренированное тело, он был неприхотлив в еде и быте, он имел острый и проницательный ум, он был бесстрашен и в то же время достаточно осторожен, если речь заходила о придворных интригах, и у него была харизма — то,

что всегда спасает людей этого плана в самых сложных политических событиях своего времени.

Любимой игрой Тимура, которой он развлекал себя в минуты покоя, были шахматы. В людей он тоже играл, как в шахматы — какие-то фигуры продвигал, какие-то безжалостно сдавал, делая обманные ходы, какие-то уничтожал, видя в них угрозу безопасности. Если бы он этого не делал, то вряд ли бы в том XIV столетии стал фигурой, практически равной по сияющему ореолу основателю Великой Монголии. Ему в каком-то плане даже было сложнее, чем Чингисхану: тот лепил свой монгольский мир из ничего, а Тимур собирал свое огромное государство из кусочков развалившейся империи, и эти кусочки не желали складываться в новую империю, потому что осознали возможность независимого существования.

Тимуру было трудно и в другом смысле: он пришел после Чингисхана, и, как бы то ни было, современники и потомки сравнивали его с Великим Ханом. Ему для того, чтобы достичь славы, следовало не повторить деяния Чингисхана, а свершить больше, чем тот, победить врагов сильнее и построить государство могущественнее. Самое трудное — нужно было так заново склеить имперские части, чтобы страна стала единым целым. Дальновидный Тимур очень хорошо понимал, что не имеет смысла складывать части, которые никогда не захотят жить вместе. Следовательно, было глупо тащить в новое государство джучидов с их завоеванными христианами — во-первых, очень далеко на севере, во-вторых, ненадежно. Зато рожденному мусульманином в Средней Азии имело полный смысл вернуть все мусульманское население под власть монголов, собрать отколовшиеся части, добавить новые, подчинить земли, которые по праву принадлежат исламу, но почему-то подчиняются немногочисленным христианам, то есть создать сильное государство ислама.

Не трогая джучидского севера, он хотел сплотить весь исламский юг. Планировал ли он это с самого начала? Конечно же — нет. Первые его шаги были простыми: определиться на службу и выслужиться, добыв хорошую должность и богатство, а также совершать подвиги и богоугодные дела, чтобы в случае преждевременной кончины попасть в хороший мусульманский рай с гуриями и фонтанами.

Итак, молодой Тимур отправился ко двору эмира Казагана и был принят на службу. Статный, красивый, умный, он понравился эмиру и тот отдал ему в жены свою внучку Альджуй, сестру эмира Хусейна. Это была большая удача: эмир дал за этой девушкой много скота и прочего богатства, а Тимур настолько возгордился возвышением, что когда через год Альджуй родила ему сына-первенца, Тимур нарек того Джахангиром (властителем мира в переводе). Кроме внучки эмир вручил Тимуру и нечто гораздо более ценное — должность. Теперь Тимур командовал одним из отрядов эмира. Вроде бы все складывалось наилучшим образом.

Через несколько лет верной службы Тимур мог рассчитывать на значительное продвижение по службе. Но смута в Трансоксиане была такой сильной, что эмир Казаган пережить ее не мог. Тимуру тоже все больше и больше хотелось власти: он хотел стать властителем Мавераннахра, а между ним и этой землей как раз стоял эмир Казаган. Так что не удивительно, что молодой Тимур стал искать союзников, готовых поднять восстание. В этом качестве к нему присоединился не менее амбициозный новый родственник эмир Хусейн, которому Тимур нужен был для завоевания Герата. Когда город оказался в его руках, как потом с обидой вспоминал Тимур, Хусейн отказался его отблагодарить. Это охладило пыл Тимура, и он снова вернулся на службу к Казагану.

Служить тому верой и правдой он совсем не собирался, напротив, стал сноситься с заговорщиками, думая, как

разумнее и безопаснее свергнуть эмира. Но когда стало ясно, что заговорщики видят в Тимуре опасного соперника и готовы сдать его Казагану, он поспешил донести о готовящемся заговоре первым, что позволило ему возвыситься на службе и получить в управление город Ширганат.

У эмира тем временем созрел план отобрать Хорезм у джучидов, он хотел послать на Хорезм Тимура, но тот знал, что взять город приступом будет сложно, и внушил эмиру, что большой сложности в завоевании Хорезма нет, так что туда можно послать его сына Мир-Абдаллаха: таким образом Тимур убивал двух зайцев: устранял со своего пути Мир-Абдаллаха и завоевывал славу победителя хорезмийцев. План удался. Мир-Абдаллах стоял под Хорезмом, Хорезм не сдавался. Казаган, расстроенный событиями, послал туда Тимура, тот в отличие от Мир-Абдаллаха не стал брать город приступом или осаждать, он завел тайные переговоры с властями Хорезма и путем подкупа взял город вообще без боя — в глазах Казагана он был героем, а Мир-Абдаллах удостоился презрения. За эти заслуги Тимур был назначен наместником Хорезма.

Казаган испытывал к Тимуру все растущее доверие. Тут помог и случай: когда на охоте зять Казагана Кутлук-Тимур решил того убить, Тимур спас эмиру жизнь. В то же время Тимур готовил заговор против эмира, но не находил сочувствующих. Случай помог снова: эмир простил Кутлук-Тимура, но тот сблизился с его сыном Мир-Абдаллахом, и Тимур обвинил обоих в подготовке нового заговора. Как там было на самом деле, вряд ли мы узнаем. Достаточно того, что эмир поверил. Однако скоро Кутлук-Тимур осуществил задуманное — то есть убил Казагана, на его место был поставлен Мир-Абдаллах, но он оказался скрягой, поэтому был свергнут, изгнан из ставки в снега Гиндукуша, где он и погиб. Очень скоро и на престол посадили Тимур-Шах-Углана. В убийстве и восстании был замешан один из родст-

венников Тимура Ходжа-Барлас, который претендовал на свою часть власти. Так что Тимур, поняв, что оставаться с победителями, когда те делят трофеи и расправляются с неугодными (а Тимур был таковым, поскольку однажды уже донес о планах заговорщиков погибшему эмиру), опасно, сбежал в родной Кеш.

В стране воцарились беспорядки. Хан Тоглук-Тимур терпел эту беду около двух лет и, в конце концов, решил навести порядок. С большим войском он пошел в 1360 году на Трансоксиану. Тимур было собирался найти сторонников и воевать, но, посовещавшись с мусульманами, отказался от затеи: решено было встретить карательное войско выражением покорности и дарами. Как только завоеватели вошли в Кеш и в обычном порядке хотели приступить к грабежам, навстречу им вышли мусульмане во главе с Тимуром и облагодельствовали по полной программе.

Узнав о грядущем пире, увидев улыбки жителей, ханские войска попали с грабежа на праздник. И все время, что войска Тоглук-Тимура стояли в Кеше, праздник длился и длился, Тимур выказывал и выказывал самые верноподданнические чувства. Он очень понравился Тоглук-Тимуру, и тот, покидая Трансоксиану, назначил Тимура наместником и вверил ему десятитысячное войско.

Сначала Тимур был даже счастлив. Вроде бы путь к власти становился открытым, в двадцать пять лет он достиг высокого поста и его ожидали милости хана. Но на практике все оказалось куда менее приятным: стоило только Тоглук-Тимуру уйти из Кеша, как туда вернулись Ходжа-Барлас и эмир Баязид из славного рода Джалаиридов, которые объединились против Тоглук-Тимура. Тимуру нужно было выбирать, за кого он в этой схватке: если за свободу Трансоксианы, то ему следовало примкнуть к дяде и Баязиду, если за Тоглук-Тимура и централизацию страны, то ему нужно было поставить крест на равноправии тюркоязычных мусульман.

Тимур выбрал хана, думая, что сможет со своими противниками справиться. Одно сражение ему даже удалось выиграть, второго — не было: тумен [1] Тимура отказался ему подчиняться. Тимуру пришлось искать милостей у Ходжи-Барласа. Прошло полгода — и хан с войском вернулся. Стали искать виноватых. Тимура он, однако, не казнил, напротив — назначил советником при оставленном в Кеше наместнике, сыне хана Ильяс-ходже. Ужиться вместе им было невозможно. Ильяс, желая выслужиться перед отцом, делал ошибку за ошибкой, собственными действиями настраивая местных жителей против монголов, а Тимур не мог этих ошибок исправить. Так что он предпочел бежать из Кеша вместе с семьей к брату жены эмиру Хусейну.

Вместе с Хусейном он думал, с кем можно было бы объединиться против посланного следом отряда Тоглук-Тимура. Выбор пал на эмира Хива, но оказалось, что эмир Тукель предпочитает хана, а переговоры с мятежниками ведет, чтобы заманить тех в ловушку. Тимур и Хусейн сразились с войском Тукеля, но силы были неравны — будущий завоеватель был разбит, дабы запутать преследователей, он бежал в одну сторону, Хусейн — в другую. Беглецы, как положено, прятались, соединялись, разбегались, пока все не были схвачены Али-беком Джавуни-курбани, который привез свою добычу в Махан и поместил в местную тюрьму. Бек, очевидно, лелеял надежду сдать разбойников хану. Однако Тимур подкупил стражника и вроде как сбежал, но потом посчитал свой поступок неподобающим, почему отправился прямо из тюрьмы к захватившему его беку. Тот как раз получил письмо от брата, в котором тот советовал отпустить Тимура и его спутников, ради чего даже посылал богатые подарки.

---

[1] *Тумен* — объединение монголо-татарского войска из 10 тысяч воинов: подразделялся на тысячи, сотни и десятки; командовал темник; темнику подчинялись тысячник, сотник, бакаул; здесь: воины Тимура.

Из Махана Тимур двинулся к Бухаре — гнезду всех недовольных, там вокруг него понемногу стали сплачиваться люди. Первыми примкнули туркмены, затем стали примыкать родичи из Кеша, крошечный отряд вырос до 1000 человек. Это уже было какое-никакое, но войско. Тимур стал склонять среднеазиатские малые городки к сдаче — где лестью, где угрозами, где обещаниями. Некоторые крепости приходилось брать с боем, причем местное население часто было настроено против Тимура и защищалось изо всех сил.

В одной из битв за Систан Тимур был тяжело ранен:

«Население крепостей и многие другие собрались вместе, чтобы общими силами напасть на меня,— рассказывает „Автобиография“,— *когда я получил известие, что мне угрожает нападение, я все мое войско разделил на три части. Амир Хусайн с одной частью войска составил мое правое крыло, другую часть я расположил слева, а сам, предводительствуя третьей частью, составил середину боевого порядка. В первый ряд я поставил стрелков, за стрелками расположились воины, вооруженные копьями. Произошло большое сражение. Я сам, с двенадцатью богадурами* [1], *очутился в самой средине сражавшихся: в это время две стрелы попали в меня: одна в ногу, другая в правый локоть. Разгоряченный сражением, я даже не обратил внимания на то, что был ранен, и опомнился лишь тогда, когда, с помощью Божьей, нам удалось победить и обратить в бегство наших врагов».*

[1] *Богадур*, или *багатур*, то есть богатырь: багатуры — особый корпус сильнейших воинов, включённый по реформе 1206 г. в состав дневной стражи турхаудов, причём корпус багатуров был несменяемым; в позднейшей Бухаре мангытов «бахадуром» назывался также первый чин, в восходящем порядке, в служебной иерархии ханства.

Эти раны были тяжелыми и сделали Тимура калекой — у него перестала сгибаться правая нога, а правая рука стала слабой и постепенно усыхала. Но ранение его не могло остановить: Тимур, немного подлечившись, продолжил захватывать города и вербовать сторонников. Но главной мишенью был Самарканд. К этому городу Тимур питал особенную страсть, недаром потом он сделал Самарканд столицей своей огромной империи. Пока что у него не хватало сил, чтобы его взять. Но планы он уже строил большие: Тимур решил полностью взять власть в Трансоксиане и Моголистане. На это, конечно, ушли годы.

Войско Тимура на этом этапе было уже значительным, но по сравнению с силами хана — все еще небольшим. На стороне хана были многие эмиры, которые не желали с ним ссориться. Когда это объединенное войско вступило в сражение с Тимуром, тому не оставалось ничего, кроме как применить хитрость — на хитрости он оказался щедрым. Так же, как когда-то Чингисхан, он правильно расставил свои отряды и велел разжигать множество костров, чтобы устрашить своих противников. Применил он и передислокацию своих сил ночью, чего ханские командиры никак не ожидали. Ночью же он начал бой с Ильяс-ходжей. Сын хана начал сдавать позиции, но битву решила не военная смекалка Тимура и не отчаянная храбрость его людей: к Ильясу явился гонец, сообщивший о смерти его отца. Ильяс должен был наследовать престол и немедленно отправился в ханскую ставку. Войскам же он велел стоять на месте и не выпускать Тимура, вынуждая того сражаться. Оставшись без хана, войска быстро потеряли боевой дух. На сторону Тимура стали переходить отряд за отрядом. Когда хан вернулся, его армия значительно поредела. Следующая битва была уже на земле Самарканда. В ней победил Тимур. Войска хана, деморализованные, рассеянные, бежали. В плен попало множество военноначальников. Сам хан, едва не

взятый в плен, с малочисленным отрядом успел скрыться с поля боя. Так Тимур отвоевал Трансоксиану. А за ханом Ильяс-Ходжей он вместе с Хусейном гнался почти до Ташкента. Однако эта победа не принесла единства на земли Трансоксианы. Эмиры враждовали друг с другом.

Что могло их всех замирить?

Только сильная власть. Тимур желал этой власти, но имелась одна проблема: в отличие от разбитого им Ильяса, он не был чингисидом. Он мог быть прекрасным полководцем, уважаемым человеком, но на власть в землях, завоеванных монголами, мог претендовать только выходец из царского рода, чингисид по крови. Так было везде, Средняя Азия — не исключение.

Тимур, который чтил Ясу, не мог поступить против правил. Стать ханом, не имея на это прав по рождению, означало просто узурпировать власть. Тимур был умен и дальновиден. Он поступил так же, как и все эмиры до него,— то есть стал искать чингисида на вакантное ханское место. Способности будущего хана его вовсе не интересовали. Может, и лучше, если бы это оказался человек бездарный или совсем безмозглый, единственное качество, которое требовалось Тимуру,— чингисид.

В ханы пригласили Кабул-хана. Он не был ни бездарным, ни безмозглым. Кабул-хан был очень даже известен в Средней Азии, но не как воин, а как поэт и дервиш. То, что Кабул-хан поэт, Тимуру нравилось. Это обещало, что новый хан не будет лезть в государственные дела. Не нравилось другое: Кабул-хан был ставленником Хусейна, в отношениях с которым наметилась непоправимая трещина.

Осенью 1364 года на курултае кандидат на власть был провозглашен ханом, а Тимур получил титул сахиб-кирана, что в переводе означает: «тот, по чьей воле выстраиваются звезды». Тем временем на Трансоксиану пошли войска Ильяса. Осторожный Хусейн решил, что бывший хан

оскорбился провозглашением Кабул-хана, посоветовался с воспитателем хана, и оба труса решили просто закрыть вопрос: несчастного поэта и дервиша быстро удавили. Потом воспитатель явился с повинной головой к Тимуру, думая, что за убийство хана не будет даже наказан.

Он ошибся. Тимур был в ярости. Убийцу, несмотря на мольбы и увещевания, он отдал родичам удавленного. Хусейн ожидал, что та же участь постигнет и его. Тимур Хусейна не выдал, но гнев на него затаил до времени. Если Хусейн надеялся, что смерть несчастного хана остановит гнев Ильяс-Ходжи, он ошибся. Хан вел войска на Тимура.

Битва, получившая название битвы в трясине, произошла где-то на пути между Чамизом и Ташкентом. Свое название битва получила потому, что якобы монгольские шаманы, которых Ильяс-Ходжа всюду возил за собой, вызвали беспрецендентный ливень, земля совершенно размокла, и войска сражались в жидкой грязи. Тимур в этом бою получил страшное поражение. Однако победивший Ильяс-Ходжа, который было решил, что теперь Самарканд, коим владел тогда Хусейн, достанется ему, тоже ошибся.

Самарканд запер ворота перед монгольским ханом. Ильяс-Ходже пришлось осадить город. Но тут вдруг открылось, что в Самарканде началась эпидемия моровой язвы, осторожный Ильяс тут же поднял войско и ушел назад, в Моголистан. Трансоксиана осталась под властью Тимура, которому пришлось опять искать на престол нового хана. В момент этих государственных дел умерла его жена Альджуй. Больше ничего не связывало Тимура и Хусейна.

Припомнив тому все его прегрешения и измены, Тимур двинул свое войско на бывшего друга. В битве под Самаркандом эмир был разбит, но теперь им завладела безумная мысль поймать и уничтожить Тимура, что благодаря тимуровым осведомителям тут же стало тому известно. Воспользовавшись мятежами во владениях Хусейна,

Тимур пошел на того войной. Города эмира пали. Сам Хусейн, лишившись всего, отправился простым паломником в Мекку, но где-то по пути в Святую Землю был убит.

Одни считают, что погиб эмир от руки разбойников, другие обвиняют в этом Тимура. Истина не известна никому. Как бы то ни было, избавившись от главного соперника, Тимур получил полную власть над Трансоксианой: 10 апреля 1370 года он был избран Великим Эмиром, причем провозглашение Тимура было обставлено так, как обычно провозглашали ханов: Тимура посадили на белую кошму, подняли вверх к самому небу и совершили девять земных поклонов, после чего передали ему в руки кубок. Но от ханской власти Тимур благоразумно отказался. В ханы был приглашен угедеид Сюургатмыш. Его тоже «избрали» и дали титул Великого хана. Но реальной властью хан не обладал. Эта власть целиком и полностью была сосредоточена в руках одного Тимура. Тем же летом Великий Эмир женился на дочери эмира Казагана и получил титул «царского зятя». Теперь он именовался как сахиб-киран Тимур-гураган.

С семидесятых годов XIV века сахиб-киран Тимур-гураган стал вести постоянные войны с соседними землями, понемногу присоединяя их к Трансоксиане. Первыми в этом списке были Хорасан и Герат, за ними последовал Самарканд, о котором Тимур мечтал. Самарканд стал столицей государства Тимура.

Вел гураган и войны с Моголистаном, ходил туда походами, которым счет был потерян. Если присоединить земли с оседлым населением было относительно просто, то Моголистан в этом плане был землей трудной — его население городов не имело, приходилось воевать с кочевыми племенами. Походы были постоянными и почти бесплодными: признавая власть Тимура, кочевники тут же «забывали» об этом, стоило только войскам уйти. Но

для местных эмиров эти походы казались благом: ведь набеги с севера становились слабее и реже.

Немного усмирив моголистанцев, Тимур подчинил Хорезм. Ургенч был стерт с лица земли, а его жителей переселили в Самарканд. Были захвачены Систан и Мазенадаран. Это все земли родные, среднеазиатские, на них жили братья по вере — мусульмане. Но Тимура это никак не останавливало. Войны с соседями он вел с такой же точно жестокостью, как будто сражался с неверными. Священный джихад он объявил против мусульманских народов.

Первым исламским городом, который подвергся той примерно участи, что вражеский город при Чингисхане, был Исфарайин. Взяв город, Тимур приказал своим воинам вырезать всех его защитников, а простых горожан затоптать конями. Стены крепости были разрушены, а дома превратились в развалины. Такая же участь постигла Исфахан. Город был подожжен, а его защитники убиты.

Как писал очевидец: «*...столько пролилось крови, что воды реки Зиндаруда, на которой стоит Исфахан, вышли из берегов. Из тучи сабель столько шло дождя крови, что потоки ее запрудили улицы. Поверхность воды блистала от крови отраженным красным цветом, как заря в небе, похожая на чистое красное вино в зеркальной чаше. В городе из трупов нагромоздили целые горы, а за городом сложили из голов убитых высокие башни, которые превосходили высотою большие здания*». Все эти разрушения, смерти и пожары оправдывались новым подходом к исламу: и среди мусульман есть «правоверные», а есть и «неверные». Тимур взял на себя роль отделить верных от неверных. Неверными, как и некогда при Чингисхане, считались те, кто не следует за Тимуром или открыто против его власти восстает. Из голов тех, кто был признан неверным, и возводил гураган свои башни, которые на людей слабонервных оказывали страшное впечатление. Но для самого Тимура эти башни из голов и прочие

мерзости были скорее очистительным актом: так он выводил возможных мятежников и, раз увидав рукотворные памятники войны, эмиры, прежде чем бунтовать народ, хорошенько задумывались о последствиях.

С каждым годом желающих выступить против Тимура становилось все меньше. Постепенно все среднеазиатские земли соединились под его рукой. Теперь можно было идти походами в более далекие страны — Иран, Багдад, Сирию, но первыми на очереди оказались земли Кавказа, некогда подчиненные Чингисханом, но неспокойные и никакой монгольской власти реально не признающие. В кавказские походы Тимур впутался из-за особых отношений с одним из наследников золотоордынского престола — ханом Тохтамышем. В Золотой Орде проблема с дележом власти стояла даже острее, чем в Средней Азии.

Смуты в Золотой Орде

Наибольшего могущества Золотая Орда, созданная завоеваниями Бату, достигла во времена хана Узбека. Он правил долго — на протяжении 30 лет — с 1312 по 1342 год. Недаром, наверно, Ибн Батута назвал Узбека одним из семи самых могущественных правителей мира. При Узбеке в его землях был установлен правильный монгольский порядок, жизнь стала безопасной, а по дорогам можно было ездить из Азии до самого Крыма, не боясь грабителей и убийц.

Вступив во власть в молодом возрасте, хан отличался умом, отвагой, он был энергичным в делах и хорошо управлял своим государством. Собственно, именно его заслуга, что в прежде неспокойной Золотой Орде удалось хорошо разобраться с местными князьями «урусов»: хану удалось «укоротить» нравы этих князей, действуя где дипломатией,

где силой. Удалось ему так же успешно справиться и с раздорами в среде собственно монгольской знати. Достиг этого он, опираясь на ислам. Сам хан, по рассказам современников, был хорошим мусульманином. Но он оставался столь же толерантен к чужой вере, как и те, кто правили прежде него. Известно, что для русских провинций в составе Золотой Орды Узбек издал следующий указ: «*Все чины православной Церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не княжескому суду. Тот, кто ограбит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню, тот подлежит смерти без различия, русский он или монгол. Да чувствует себя русское духовенство свободными слугами Бога*». Об этой веротерпимости говорит такой хотя бы факт: когда сестра Узбека Кончака была выдана за русского князя Юрия Даниловича, она была крещена в православную веру. И это при том, что сам Узбек был хорошим мусульманином!

Правление Узбека проще охарактеризовать словами «закон и порядок». Система упорядочивания управления большой территорией наилучшим образом была реализована именно при Узбеке. В его время мелкие улусы Золотой Орды были прочно привязаны к столице Узбека — Новому Сараю. Если прежний Сарай был довольно небольшим волжским городком, в основном ремесленным, то Узбек создал роскошную столицу, ориентируясь, очевидно, на далекий Каракорум.

Как пишет Хара-Даван, «*город был пересечен каналами и орошен прудами*» (вода была проведена также в отдельные дома и мастерские). Одна из систем бассейнов располагалась по склону Сырта. Падение воды использовалось заводами, устроенными около дамб (белый уголь татарской столицы). Найдены остатки железных приводных колес в несколько пудов весом. Старый Сарай во времена

Узбека являлся по преимуществу промышленным центром: развалины горнов, кирпичный завод, поташные печи [1], целые городки керамичных мастерских. Однако и в Новом Сарае открыты остатки монетного двора, ювелирных, придворных сапожных, портновских и других мастерских. В торговом квартале обнаружены остатки товаров происхождением со всех концов монголосферы, например, кофе, чем опровергается мнение, что кофе вошел в употребление только в XVII веке. В деревянных конструкциях встречаются еловые бревна (ближайшие еловые леса отстоят от Сарая на несколько сот верст).

В обоих городах были районы, состоявшие сплошь из кирпичных построек. Технически хорошо оборудованы и благоустроены были жилые дома золотоордынского города: прекрасные полы и любопытная система отопления свидетельствуют о чистоте, тепле и уюте. В окрестностях располагались дворцы, окруженные садами. В предместьях размещались шатры прикочевавших к городу степняков.

Узбек уже не мог вернуть утраченных при прежних ханах центральноевропейских земель — Сербии и Болгарии, но его власть распространялась на земли русских, на южную степь вплоть до Дуная, на земли Дешт-и-Кыпчака. Это четко структурированное управление с точно просчитанными доходами и расходами, конечно же, было плюсом хану, но минусом подвластным жителям, в том числе и русским княжествам. Пожалуй, при Узбеке монгольская власть давила на Русь сильнее всего, тут не стоит заблуждаться — милостивый для монголов Узбек, восхваляемый монголами Узбек, был проклят русскими летописцами, пусть отстроил красивый город и был любезен

[1] *Поташные печи* — небольшие печи для получения поташа, который широко применялся при изготовлении ценных сортов стекла, красок, выделке кож, производстве сукна, белении тканей и т. д.

русской церкви. Свою власть Узбек поддерживал совершенно монгольскими методами: при малейшем недовольстве (будь это робкая попытка русских князей поднять голову или отчаянная попытка монгольских ханычей устроить бунт) он посылал карательные отряды и они вычищали заразу без жалости и снисхождения.

Но стоило Узбеку умереть, как сразу же вскипели прежние, придушенные страсти. Ханыч Тинибек, который должен был занять отцовский престол после его смерти, был тут же убит заговорщиками. На ханское место сел царевич, которому власти не полагалось,— Джанибек.

Джанибек следовал политике отца — то есть укреплял свою власть, много строил, укорачивал права своей знати, пытался отобрать на южной границе с хулагаидами их земли в пользу Золотой Орды. После похода на Азербайджан — камень преткновения между двумя ветвями потомков Великого Хана, он и скончался.

На престол взошел Бердибек. Ханом он оказался гадким. Злобный и мстительный, он так настроил против себя все свое окружение, что не удержался на престоле и был убит. На этом род Бату прервался. Лучшее время Золотой Орды было в прошлом. Но поскольку сама Золотая Орда никуда не делась, на престол, оставленный последним потомком Бату, стали претендовать многочисленные родичи.

Это время вошло в историю Золотой Орды как *Большая Замятня*. У Джучи, кроме Бату, были и другие дети: потомки Шейбана правили в Сибири, потомки Орды-Ичена — в Синей Орде, потомки Тукай-Тимура правили в Крыму. Крым в свою очередь входил в состав Золотой Орды, хотя был практически самостоятельным. На вакантное место сразу стали претендовать все имевшиеся на тот момент родичи. Они были, как и положено, джучиды. Никто кроме потомков Джучи право на власть в этой части распавшейся Великой Монголии не имел. Причем

при хане был своего рода управляющий орган — диван. В его состав входили все члены царственного рода, священнослужители, военачальники, крупные феодалы, носившие теперь по мусульманскому правилу титулы эмиров и беков. Прежде их называли нойонами, но то время кануло вместе с Великим Ханом в вечность.

Джучиды XIV века уже не были полноценными монголами: благодаря их бракам с тюрками эта кровь была сильно разбавлена тюркской. Они считали себя монголами, называли себя монголами, но все меньше отличались от местного татарского населения. Поскольку количество жен у монгольских ханов Золотой Орды было значительно, количество детей — тоже. Так что образовалось множество желающих «продолжить линию Бату». За 20 лет в Золотой Орде сменилось 25 ханов, некоторым не удавалось высидеть на престоле и пары месяцев.

В середине семидесятых годов XIV века наибольшее право на золотоордынский престол имел сын мангышлакского хана Туй-Ходжа-Оглана Тох-тамыш. Его отца выгнал с ханства и казнил Урус-хан. Тохтамыш был джучид, хотя и не из потомков Бату (таковых, как мы знаем, не осталось). Тохтамыш принадлежал к ханам Синей Орды, составной части Золотой Орды, но к середине XIV века — практически самостоятельному ханству. В целом в Золотой Орде сложился такой порядок, когда ее отдельные части почувствовали самостоятельность и не желали подчиняться своему великому хану. Синяя Орда исключения не представляла. После смерти отца Тохтамыш очень хорошо понимал, что Урус-хан не остановится на достигнутом. Он бежал, за ним гнались, едва не убили, но он все же сумел добраться до владений Тимура-гурагана.

«Когда Токтамыш-оглан прибыл, — пишет хронист,— *эмиры, в качестве посредников, представили его Тимуру.*

Его величество проявил в оказании ему почета и уважения такие усилия, какие только было возможно, и выполнил то, что следовало для соблюдения вежливости со стороны такого величества по отношению к такому царевичу. Рядом с ним он въехал в город Самарканд, дал царские пиры с соответствующими подарками и пожаловал ему (Токтамышу) и его спутникам столько золота и (драгоценных) украшений, скота и материй, лошадей и мулов, палаток и шатров, барабанов и знамен, дружины и войска, что ум не может этого определить и сосчитать».

Тимур дал молодому хану не только множество подарков, он дал тому войско, чтобы отбить престол Золотой Орды и утвердиться на нем. Тимур, очевидно, предполагал, что Тохтамыш будет ему благодарен и станет проводить ту политику, чтобы устроила эмира. К тому же он надеялся несколько ослабить государство джучидов, а может — откромсать от него впоследствии лежащие вблизи Средней Азии части. Но престол Тохтамышу только предстояло завоевать. Это оказалось мероприятие сложное, при всей смелости и отваге молодой хан был не самым лучшим полководцем. У него не было самого важного — военного опыта, ведь на тот момент хану было всего лишь 18 лет. Все современники сходятся на том, что он имел красивые черты лица, обходительные манеры, но красотой и манерами престол не завоевывают.

Трижды ходил с тимуровыми войсками на своих врагов мангышлакский царевич и трижды был жестоко разбит. В первый раз он сражался с Кутлуг-Бугой, убил того в бою, но едва спасся от впавших в ярость воинов Кутлуг-Буги; второй раз — с Токтакаем и Али-беком. В это второе сражение Тохтамыш был повержен, спасался бегством и едва не погиб.

«Перед ним была река,— рассказывает хронист.— *По необходимости он, сбросив сапоги, бросился в эту воду и спасся. Каранчи-бахадур в погоне за ним достиг берега реки и стрелой ранил его в руку. Он (Токтамыш) один вошел в заросли и спрятался. Тимур послал к нему своего брата Идигу-барласа, чтобы наставить его (Токтамыша), дабы он был мужествен и храбр в деле царства и считал необходимым отразить врага. Эмир Идигу (его мы знаем как Едигея) проходил по краю этой заросли, и звуки плача достигли его уха. Поискав, он увидел его (Токтамыша) в таком положении. (Идигу) спешился, выполнил правила вежливости, позаботился о нем, как было нужно, привез в Бухару к Тимуру. Тот снова выполнил обязательство ласки и заботы и устроил, как следовало, нужное ему».*

Приняв бежавшего Тохтамыша, Тимур вынужден был вступить в неприязненные отношения и с Урус-ханом, который собрал большое войско и шел по следам Тохтамыша. Сначала Урус-хан подослал к Тимуру послов, потребовавших выдачи царевича. Тимур отказался, и из-за Тохтамыша началась война Тимура и Урус-хана. Тимуру довольно быстро удалось разгромить войска Золотой Орды.

«Сделав Токтамыш-оглана проводником (качарчи), он достиг Джейран-камыша; иль [1] *и область врага сидели не зная (об этом); победоносное войско ограбило их и добыло бесконечное и бесчисленное имущество. Так как удача была близка, и счастье помогало высочайшим знаменам, то в это время Урус-хан перебрался из мира преходящего*

---

[1] *Иль* — 1. Народ, племя вообще. 2. Народ, рассматриваемый как удел, подданные какого-либо правителя, земли государства монголов, вассальные племена.

в мир вечный. Его старший сын Токтакия сел на его место; он также умер через короткое время. Тимур пожаловал царство той области царю Токтамышу, устроил нужное ему (асбаб) и оставил в том государстве. (Тимур) подарил ему лошадь по имени Хынк-оглан, которая по проворству обгоняла ветер и быстротой добывала воду из огня. Он приказал ему (Токтамышу): „Хорошо, храни эту лошадь, так как когда-нибудь она тебе пригодится“. Затем он сам, сопутствуемый честью и победой, безопасностью и весельем, одолением и счастьем, повернул в сторону Самарканда. Тимур-Мелик-оглан стал (уже) царем в тех странах. С большим войском он выступил против царя Токтамыша, и после многих битв и сражений Токтамыш-хан повернул обратно и удалился от своих людей и войска. Верхом на той лошади, которую подарил ему Тимур, он один отправился к Тимуру, и, благодаря счастью дальновидного взгляда того обладателя счастья, эта славная лошадь стала его спасением.

В первый раз, когда Токтамыш-хан бежал от Урус-хана и пришел (к Тимуру), вместе с ним пришел Урук-Тимур, который был отличен милостью и лаской Тимура, а Урус-хан отдал его иль и область в лен[1] *(суюргал) Тайге. Когда Токтамыш снова бежал, Урук-Тимур упал и остался на поле битвы. Его взяли и отвели к Урус-хану. Тот его помиловал, и он (Урук-Тимур) провел некоторое время среди них в бедствии, в конце концов, бежал, пришел к Тимуру и удостоился бесчисленных милостей.*

(Тимур) спросил (у него) о состоянии Тимур-Мелика и его положении. Так как он был человеком осведомленным, то доложил, что тот (Тимур-Мелик) днем и ночью занят питьем вина, развлечениями и удовольствиями, спит

[1] *Лен (суюргал)* — пожалование во временное пользование земельного владения или улуса.

до полудня, и, если даже произойдет тысяча важных дел, ни у кого не окажется смелости разбудить его. По этой причине люди отчаялись в нем, и все государство, и область требуют Токтамыша...»

Снабдив Тохтамыша своими войсками, он отправил царевича занимать свой стол. В 1378 году царевичу удалось разбить войско Тимур-Мелика, чем он очень обрадовал Тимура, а весной будущего года он победителем вошел в Сарай. За это время Тохтамышу удалось взять Сыгнак, яицкий Сарайчик, хорезмийский Ургенч, Гюлистан, Новый Сарай, Азов. В столице Волжской Орды Сарае он утвердился по старому монгольскому праву. Заяицкая Орда, из которой вышел Тохтамыш, почти полностью поглотила Орду Волжскую, оставалась пара штрихов, чтобы докончить картину полного подчинения. Для этого требовалось немного — добить «поставщика» ханов в Золотой Орде, бессменного их кукловода.

На троне Золотой Орды тогда сидел чингисид Арабшах, известный в русских летописях под именем Арапши, а темник Мамай, который и прежде ставил хана за ханом, теперь решил полностью забрать власть, используя «Арапшу», как ему заблагорассудится. Все понимали, что Арабшах ходит под рукой Мамая. Для Тохтамыша — да и для любого монгола — Мамай был узурпатором. Эта чехарда ханов в Золотой Орде и финальная стадия чехарды — захват престола «недостойным» чингисидом — привела фактически к тому, что восточные области Орды, провинция Московия, перестали платить дань.

Арабшах попробовал сходить за данью в ближайшие русские княжества, вопреки надеждам на легкую победу, русские выставили войска. Арабшаху удалось их разбить, но само проявление непокорности было неприятным фактом. Москва к тому времени была очень тесна связана

с Золотой Ордой и имела свои виды на то, кому так сидеть по всем правилам, на узурпацию власти каким-то темником она смотрела так же, как и сами монголы, то есть не считала себя обязанной подчиняться воле захватчика, посадившего на престол, не имеющего законных прав претендента. В самой северо-восточной Руси порядок наследования был скроен по тому же монгольскому образцу. Так что не удивительно, что Мамай вынужден был двинуть свои войска для покорения отложившейся от Орды территории, а русские войска, которые не осмелились бы биться с законным ханом, решились на битву с тем, кого считали узурпатором власти.

Эта пришедшаяся очень ко времени для Тохтамыша битва Мамая с русскими хорошо известна как *Куликовская битва*. Мамай в ней был разбит. Пока Мамай был занят разборками на Руси, Тохтамыш занял Хорезм, вошел в земли Синей Орды, поднялся по Волге и торжественно принял власть в золотоордынском Сарае, а затем выдвинулся вслед за Мамаем, уходившим с неприветливого Куликовского поля, гнал его на запад до печально известной русским речки Калки, где и разбил наголову.

Лишенный войска темник бежал дальше в Крым. В Крыму Мамая ждала смерть от руки генуэзцев. А Тохтамыш принялся обустраивать свое владение — Золотую Орду. Он мечтал сделать это владение снова большим, сильным и внушающим соседям страх. Обустраивать свою Орду он стал по рецепту Тимура: централизованное управление, беспрекословное подчинение мелких правителей улусов, единая подать, укрепление войска и возвращение отложившихся областей. Москву, не проявившую расторопности с поздравлениями новому хану и выплатой дани, следовало примерно наказать. Тохтамыш желал вернуть строго-ярлычное время и смирить гордыню русских. Это и стало причиной того неожиданного похода на

Москву спустя год после Куликовской битвы. Может, русские этой битвой и помогли Тохтамышу, но им следовало показать, кто здесь законный хан.

Для этого законного хана было огромной неожиданностью, что московского князя почему-то в Москве нет. Когда войско Тохтамыша подошло к московским стенам, хан спросил именно об этом: в Москве ли князь Дмитрий Иванович? На что жители отвечали хану: нет, не в Москве. Дмитрий Иванович, едва услыхав, что Тохтамыш движется на его город, тут же бросился вон из Москвы, а следом за ним побежали все, кто хотел сберечь имущество,— срочно грузились на телеги и пытались покинуть «меченую» Москву. Простые горожане от этого впали в ярость: они сообразили, что если богатые люди из города сбегут, то защищать его будет вовсе некому, а монголы придут и все сожгут. Так что горожане ворота замкнули и своих именитых сограждан никуда не выпустили.

Но князь успел. Он первым сообразил, что будет плохо. Вот и не было его в Москве. Тохтамышу это не понравилось, монголы объехали вокруг города, внимательно огляделили его стены и бойницы, а перепивший дармового вина народ между тем кричал им со стен оскорбления. В Москве шла пьянка: народ дорвался до винных погребов и гулял вовсю, не думая о монголах. Насилу это пьяное сборище удалось угомонить литовскому князю Остею, оказавшемуся в городе. Он и возглавил оборону.

Может быть, он бы и смог держать оборону, если бы не предательские действия нижегородских русских князей, которые находились в войске Тохтамыша. Те убедили москвичей открыть ворота и сдать город, обещая, что хан не собирается никого убивать. И это — после того уже, как со стен были сделаны первые выстрелы, убит один из военноначальников хана, после того, как жители три дня и три ночи отбивались от монгольского войска и лили со

стен кипяток, прикатили даже пушки и пускали в монгольское войско ядра, метали в монголов камни...

За это, как должно было быть известно каждому русскому, пощады не ждут. Но добрые советчики-князья обещали эту пощаду. И жители им поверили. Они оделись торжественно, взяли в руки иконы, хлеб-соль, открыли ворота и пошли навстречу Тохтамышу — впереди защитник Москвы литовец Остей, следом игумены, попы, именитые горожане, которых нашли, все, в полном составе. Остея тут же увели в сторону, якобы для переговоров, и никто в этом странности не заметил — для переговоров ведь!

«И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов и игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары, продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборолах [1]*, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили — лезвия их притупились.*

Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их ис-

---

[1] *Забороли* — щиты из бревен или досок со щелями, позволявшими производить из-за них стрельбу.

требили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли.

Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом саженные, срывали и, со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные, священные, златокованые и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради — те все до единой погубили.

То же говорить о казне великого князя,— то многосокровенное сокровище в момент исчезло, и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было. Добро же и всякое имущество пограбили, и город подожгли — огню предали, а людей — мечу. И был здесь огонь, а там — меч: одни, от огня спасаясь, под мечами умерли, другие, меча избежав, в огне сгорели. И была им погибель четырех родов. Первая — от меча, вторая — от огня, третья — в воде потоплены, четвертая — в плен поведены были».

После этого московского усмирения Русь быстро уяснила, что к власти в Орде пришел настоящий законный хан, с ним шутить шутки не получится. Недаром после Москвы золотоордынского хана Тохтамыша на Руси на-

зывали не иначе чем Царь Русский, так он на монетах того времени и значится.

Усмирив и хорошенько поучив Русь и ее «наместника ордынского» Дмитрия Донского, Тохтамыш обратился к более интересным и сулящим многие выгоды делам — он решил идти на Кавказ, а заодно прошелся и по землям, которые недавний его благодетель Тимур считал своими. Так схлестнулись интересы Тимура и интересы Золотой Орды. Из кавказских стран Тимур успел уже прихватить Султанию — государство ильханов, которое практически Тимуру не сопротивлялось. Правитель Султании Эдиль лично выехал в Тебриз вместе с Великим Эмиром и сдал тому город, однако потом опомнился и решил убить Тимура. Не удалось.

Предателя взяли под стражу и сварили в котле в присутствии толпы зрителей. С Тебризом были свои отношения и у Тохтамыша, и они были дружественными. Тохтамыш, видно, сам рассчитывал взять город в свое владение. Поэтому, когда ему донесли о случившемся, Тохтамыш отправил в Тебриз войско под командованием Джанибека.

«Он [Джани-бек] двинулся через врата Аланские и Дербендские против него [Тимура],— писал Фома Мецопский.— Тот, избегая столкновения с ним, ушел на Востан, а оттуда пошел в Багдад. Северные войска осадили Тавриз и после семидневных боев взяли его. Многих они вырезали, многих грабили и опустошили всю область. Оттуда они отправились в город Нахчуан и разорили всю страну Сюнийскую, двенадцать областей ее, многих вырезали и взяли в плен. Была зима. И по Божьему произволению в день Благовещения [7 апреля] внезапно выпал сильный снег, много пленных спаслось, а они, бросив большую часть добычи, ушли в страну по той же дороге, по которой пришло это... племя татарское, называемое

тогтоган. Они заключили мир с Шемахой, ибо она мирно перед ними открыла врата Аланские».

Начало конфликту было положено.

Тимур на следующий год пришел в ту же землю Сюнийскую, взял Ериджак, далее пошел в Чакату и взял Сурмалу, но столкнулся с яростным сопротивлением горцев. В Армении жители не желали признавать власти монголов, так что «многолюдную Армянскую область они (монголы.— *Автор*) голодом, мечом, пленением, неимоверными терзаниями и бесчеловечным своим обращением превратили в пустыню». За Арменией последовала Грузия. Тимур захватил Тбилиси и пленил грузинского царя Давида, который, однако, сыграл с завоевателем скверную шутку.

Лицемерно приняв ислам, Давид попросил у Тимура войско, дабы обратить грузин в ислам. Тимур дал. Давид между тем сумел сообщить сыновьям, по какой дороге пойдет это войско. Когда Давид оказался в узком ущелье, сыновья преградили монголам дорогу и отбили своего отца.

На Грузию Тимуру пришлось ходить восемь раз, было много жертв, но покорности у грузин он так и не получил. После походов Тимура Армения и Грузия безлюдели, люди умирали от болезней и голода, но сдаваться они не желали. Каждая крепость, каждое небольшое укрепление оборонялись до последнего. Так что не удивительно, что Кавказ вызывал у завоевателя такую ненависть, что когда он «*...завоевал все те крепости, то приказал, чтобы жителей их, связав, бросили с крепости вниз*». Это тоже не помогло. По словам хрониста, огонь гнева сжег и сухое и мокрое, но Кавказа Тимур завоевать так и не мог.

Но все это было уже позже. Пока что Тимур столкнулся с войсками Тохтамыша в районе Тебриза. Тохтамыш решил померяться силой с Великим Эмиром. Мальчик вырос. Он лелеял не менее грандиозные планы, чем сам

Тимур. Ведь Золотая Орда на тот момент сильно потеряла в размерах из-за польско-литовских отъемов территории. Тохтамыш мечтал снова вернуть границы Золотой Орды к тем счастливым временам, когда она простиралась от Аральского до Адриатического моря. Фактически независимая южная часть Руси (полоса разделения идет южнее Киева) и Литва, отхватившая себе прежде ордынские земли вплоть до Можайска — это ему нравиться не могло. Утвердившись во власти, укрепив свой улус, Тохтамыш стал готовить возврат земель джучидам, начал этот процесс он не с Руси, а с южной части улуса — самых спорных и самых проблемных земель. На них — увы! — те же виды имел и Тимур.

Тимур желал увеличить свое новое монгольское государство как соседними и далекими мусульманскими землями Азии, так и частями (хотя бы) владений Золотой Орды. Скорее всего, он собирался аннексировать Золотую Орду, сначала сделав ее полностью зависимой, а затем и

Тимур на коне

лишив хоть какой-то самостоятельности. Но Золотая Орда была и во времена Тимура слишком большой, а ее население (за исключением провинции Русь и Кавказа) составляли народы, уравненные с монголами в правах,— кочевники. Присоединить эту Орду с «десятитысячным» народом можно было только через своего прирученного хана. Зная, каким образом управлял этой Ордой Мамай, Тимур имел полное право считать, что при послушном хане он сам или его ставленник займут место Мамая и в конце концов «вольют» Золотую Орду в империю.

Но Тохтамыш оказался не так прост и не так послушен. Он желал реальной власти. Он желал реальной самостоятельности Золотой Орды. Он тоже мечтал о былом величии, которое нужно вернуть. И хотя бы в силу размера этой Орды он мог так думать. По сути, Тохтамыш собирался положить начало правящей династии другой ветви дома Джучи, не имеющей отношения к Бату. Он желал быть и ханом Орды, и ее военачальником, то есть иметь полную власть. Тимура это никак не устраивало. Безвредный хан-угедеид, от лица которого (а потом от лица его сына) он управлял, ему никак не мешал. Но хан, не собиравшийся добровольно расставаться со своей властью и со своей землей,— нет. Если бы Тохтамыш не пошел на Кавказ, дразня своего недавнего благодетеля, Тимур нашел бы предлог, чтобы уничтожить своего протеже, который, как считал Тимур, обязан ему властью. А властью либо нужно делиться в знак благодарности, либо хотя бы не мешать завоеваниям — все равно дому Джучи не переварить южных земель! Тохтамыш же видел в присвоении Тимуром территории, которая когда-то была собственностью улуса Джучи, обиду. Он шел отвоевывать то, что у него отняли, то, чего не смогли возвратить его предшественники. Эти земли назначил джучидам еще сам Чингисхан.

Однажды Тимур был неприятно удивлен: перед ним появился гонец с донесением, что хан Тохтамыш идет на Тебриз и грабит туркменские племена. Тимур считал район хорошо завоеванным и своим. Сначала он гонцу не поверил и просил лишь об одном: воздержаться от боя. Для улаживания отношений он послал навстречу золотоордынскому хану своего сына Мираншаха.

«Когда они (послы), — писал хронист, — *прибыли (на место) и увидели черноту войска, то спросили: „Чье войско?" Все ответили: „Войско царя Токтамыша, он послал нас, чтобы мы осведомились о войске эмира (Тимура)". Эмиры согласно наставлению и приказу эмира (Тимура) не начали боя и не завязали битвы, а повернули обратно. Враги приписали их отступление слабости, произвели атаку, подошли и пустили дождь стрел в победоносное войско. Эмиры и бахадуры, когда увидели это положение, повернулись и завязали бой. Около 40 человек было между тем убито. В это время подошел мирза Мираншах, одной атакой погнал врагов, многих из них предал смерти и окружил их с краев и сторон. Произошла большая битва, они бежали, достигли Дербенда, а многих из них взяли живыми и послали к его величеству. Последний не причинил им вреда. Оказав милость (суюргал), он по-прежнему спросил о здоровье Токтамыша и, проявив ласку и расположение, сказал: „Между нами права отца и сына. Из-за нескольких дураков почему погибнет столько людей. Следует, чтобы мы впредь соблюдали условия и договор и не будили заснувшую смуту. И если кто-нибудь сделает противное этому или будет украшать в нашем уме противное этому, следует, чтобы мы с обеих сторон его проучили, наказали, казнили, чтобы (это) было примером для других". Затем он дал всем тем пленным деньги, одежды и халаты и назначили конвой*

(бадрака), чтобы их, отделив от войска, отправить в их государство».

Тимур, может, и считал, что между ним и Тохтамышем права отца и сына. Тохтамыш так уже не считал. Права отца и сына подразумевали вассалитет. Тохтамыш не считал себя вассалом Тимура. Он считал себя равным Тимуру. И он желал это доказать.

Той же осенью Тохтамыш вернулся с новым войском и двинулся в Джулек. Местный эмир вышел сразиться с Тохтамышем, но был разбит и погиб в бою. Джулек был уже областью Моголистана, который Тимур считал своей территорией. После налета Тохтамыша в Моголистане начались волнения, Тимуру пришлось отправлять туда войска, чтобы усмирить область.

Зимой 1391 года Тохтамыш снова выдвинулся в земли Тимура, но Тимур был начеку: быстрым переходом он достиг расположения ханского войска и обратил золотоордынцев в бегство. С этих пор Тимур вынужден был гоняться за войсками Тохтамыша по Дешт-и Кыпчаку — уже территории джучидов. Переход границы мог считаться объявлением войны.

Тохтамыш понимал, что в одиночку ему будет не справиться с Тимуром, так что в союзники он вербовал кого только мог: и признавшего зависимость от Орды Витовта, и покорных русских князей, и крымцев, и турков, и даже далеких египетских мамлюков, в то же время он сделал вид, что не имеет ничего против самого Тимура, и даже послал своих послов, дабы показать удивление, что любезный ханскому сердцу Тимур вошел в земли джучидов со своим войском. Тимуру оставалось лишь припомнить Тохтамышу, что некогда он спас его от убийц и помог утвердиться на престоле.

Хорошо все обдумав, Тимур решил посла не отпускать, а войско вести по тяжелой дороге через солончаки, в

степь, к реке Тобол. Терпя лишения, войско прошло этот удручающий маршрут. Но на Тоболе, где Тимур ожидал увидеть войско Тохтамыша, он натолкнулся лишь на местные кочевые племена. Тимур перешел на другой берег реки и двинул свои войска на запад: сначала к Яику, потом к речке Самаре. Тохтамыш в это время спешно собирал войска. Знаменитая битва между золотоордынским ханом и Тимуром произошла на реке Кондурче.

Сначала удача улыбалась Тохтамышу, его воины уже вроде бы погнали тимурово войско, но... на сторону Тимура вдруг один за другим стали переходить недруги Тохтамыша: Кунче-оглан, Тимур-Кутлуг и Идигу (Едигей). Правда, хотя эти золотоордынские властители и засвидетельствовали свое почтение Тимуру, своих обещаний принять вассалитет они так и не выполнили. Тохтамыш бежал, надеясь отыграться в другой раз, а его место в Орде занял Тимур-Кутлуг. Так распорядился Едигей, хорошо понимавший, что переход под власть Тимура — это конец Золотой Орде. Тимур повернул войска и двинулся в сторону Кавказа.

Почему именно туда? Да потому лишь, что Тохтамыш бежал со своим войском на Кавказ. Тимур следовал по пятам: в земли кайтагов (всех пришлось перебить — сочувствовали Тохтамышу), на Сунжу, на Терек. Здесь состоялась еще одна битва, которая описана в «Зафар-намэ»:

«Сколько вражеское войско ни производило атак, оно не смогло сдвинуть с места победоносное войско, которое, спешившись, пускало стрелы. От множества убитых по той степи потекли ручьи крови. Когда, при помощи Бога, войско победило врагов, Тимур двинулся и, дойдя до местности Каурай, стал лагерем. Оставив там обоз и выделив (отборное) войско, он выступил в набег, отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идиля, которую тюрки называют Туратур, и вслед за

врагами дошел до области Укек. По пути он перебил множество врагов и прижал вражеский иль к берегу моря. С этой стороны были блестящие мечи, с той — безбрежное море, а враги пойманы между двух бед. Большую часть области врагов взяли (в плен), а некоторые, боясь мечей, бросились в воду. Токтамыш-хан с небольшим числом людей бежал, вошел в лес и спасся из их когтей».

Тимур погнал золотоордынского хана дальше — на Дон. Войско его сына Мираншаха шло на Азак (Азов). Вся земля, по которой проходило войско Тимура, была превращена в пепелище. Заодно его воины наведались в Крым, где взяли крепости.

Одновременно с золотоордынским вопросом тут Тимур решал вопрос хорезмийский: он желал уничтожить связь генуэзцев с Хорезмом, чтобы разрушить торговлю своего соседа навсегда. Другая часть войска Тимура двинулась на Волгу, в самое сердце Золотой Орды, чтобы покончить с этим улусом и подчинить его — тоже навсегда. Все волжские городки были уничтожены и сожжены. Древний Булгар так здорово стерт с лица земли, что так никогда больше не возродился. Пострадал и относительно русский Елец (там население было смешанным). Но Русь осталась за кадром этого похода, она Тимура не интересовала.

Его интересовал Тохтамыш. Это за ним войска Завоевателя Мира шли по Волге, по лесам южнее Москвы (та уже и умирать приготовилась), Тохтамыша не было. Тимур повернул на Кубань, пожег и поубивал там черкесов, а потом снова двинулся на Кавказ. Эти, посмевшие стать почти независимыми, страны горцев он твердо решил предать огню и мечу. И — предал. А Тохтамыш какое-то время пересидел в Литве у Витовта, тем временем в его Орде на престол взошел Тимур-Кутлуг, но за его спиной маячила тень столь же умного и хитрого правителя, что и

Мамай,— Идигу или, как мы знаем его по русским летописям,— Едигея. Идигу проводил политику Тимура. Сам же Тохтамыш уговорил Витовта, даровав тому ярлык на все северо-восточные земли, сразиться с войсками этого Идигу. Итак, две враждующие стороны сошлись на речке Воркслe: со стороны Тохтамыша войско Витовта, со стороны Тимур-Кутлуга — войско Идигу.

Эта битва на речке Ворскла была для сторонников Тохтамыша такой же ужасной, что и первая битва с монголами на Калке. В ней участвовало множество русских литовских князей, и все они полегли, как некогда объединенная рать южных. «Царь Темир Кутлуй,— писала наша летопись,— пришел к Киеву, а войско распустил разорять землю Литовскую; и ходили до Луцка; и города многие взяли, и землю опустошили; а из Киева Темир Кутлуй, взяв 3000 гривн серебра, пошел в свою землю». Тохтамыш оставил надежды вернуть себе престол, он бежал в свой далекий улус, а воины Идигу шли по его следу, им был дан приказ: найти и убить. Его нашли и убили, было это в Сибири в 1406 году, уже после Тимура, заказ которого Идигу выполнял.

Империя Тимура

Тохтамыш был лишь частным случаем политики Великого Эмира, собиравшегося собрать Великую Монголию из самостоятельных уже кусков, когда ни один из кусков не желал и не мог прочно прилепиться к другому. Работа, которую провел Тимур, была, конечно, колоссальная. Великой Монголии по факту уже не существовало. Случилось то, чего так боялся Чингисхан. Его «дети Неба» развратились и забыли простые степные законы: они стали селиться в городах, что противно сердцу кочевника, они соблазнились богатством и роскошью, когда хорошему

монголу достаточно коня и оружия, чтобы быть настоящим человеком, имеющим право завоевать весь мир.

Тимур, который собирался стать властелином этого мира, как положено — от моря до моря, то есть от океана до океана (Тихого на востоке и Атлантического на западе), тоже стал жить в Самарканде, строить дворцы и мечети, собирать умельцев из покоренных народов и разного рода книжников, он любил хорошо и вкусно поесть, и его дворец был наполнен золотом и серебром, коврами и драгоценными камнями, то есть всем тем, что совсем не нужно монголу с его простыми степными привычками. Поэтому империя Тимура, конечно же, пусть он и утверждал обратное, строилась иначе, чем империя Чингиса. Приемы, методы были все те же, точно по заветам. Но стиль был иной — восточный, как среднеазиатский базар. Тимур мечтал сделать маленький Мавераннахр оазисом богатства и процветания посреди остальной пустыни, в которую должны были обратиться завоеванные страны. В этом плане он был безжалостен и прост так же, как и ставший священным духом, посредником между монголами и Небом — сын Неба Чингисхан, получивший посмертное имя Эдзен-Богдо, то есть священный Богдо, практически — сын Бога.

На западе Азии у Тимура было два врага, сразиться с которыми он мечтал,— турецкий Баязед Молниеносный, непобедимый противник западных христиан, и египетский султан, предков которого не смогли завоевать дети Великого Хана. Между владениями этих двоих лежали земли прежде монгольские, а теперь отложившиеся, и все огромное азиатское пространство следовало вернуть под власть монголов.

На востоке Азии лежали Индия и Китай — страны, прежде ходившие под монголами, а теперь тоже самостоятельные. И это тоже было нехорошо. Вот почему Тимур предпринял несколько походов, как на восток, так и на запад.

Первые из этих походов были более похожи на кратковременные набеги или карательные экспедиции, их Великий Эмир вел еще в восьмидесятые годы, когда с Тохтамышем были хорошие отношения. Но в 1395 году он задумал и начал длительный и большой поход на запад — в страны Малой и Передней Азии. Это был уже не набег. Это было планомерное завоевание с закреплением на взятых боем территориях.

Тимур отлично понимал, что мало захватить, нужно еще и удержать, и в завоевательных войнах это как раз и есть самое сложное. Можно идти вперед и убивать, идти и убивать, но стоит войску покинуть захваченные земли, начнутся смуты и восстания, земли нужно держать под контролем. Тимуров поход на запад был построен так, чтобы максимально закрепиться на новых землях и не дать им отложиться при первой возможности. Он шел на запад с огромным войском, которое, как и при Великом Хане, было отлично подготовлено к трудностям и дисциплинировано. Рассыпаясь отдельными отрядами, во главе коих он поставил своих сыновей и военачальников, которым он доверял, войско стало планомерно уничтожать город за городом.

Сначала оно вошло в Малую Азию. Тимур взял Шираз, подчинив сидевшего там шаха Мансура. Но тут из Дешт-и-Кыпчака пришли нехорошие известия о происках Тохтамыша. Тимур оставил в Исфахане трехтысячный отряд и пошел наводить порядок на севере. Пока он отсутствовал, испортилось положение на юге: в Исфахане убили его даругу. Тимур приказал уничтожить весь город. И его уничтожили. Весь. А из голов сложили замечательные башни.

Но тут взбунтовался и Шираз. Тимур решил вести на Шираз и Ирак восьмидесятитысячное войско, которое он разделил для пущей мобильности на три части и пустил всадников впереди себя. Едва увидев воинов Тимура, иракцы рассеялись и засели по городам. А Тимур вошел в Шираз и предал

ослушников наказанию. О характере наказания сомневаться не стоит — у Тимура оно было традиционным, умерщвление. Затем, «наказав» Шираз, Тимур двинулся на Багдад.

Перепуганный султан Джалаир бежал из города, представив горожанам защищаться, как хотят. Багдадцы предпочли сдаться. По словам Фомы Мецопского, «он разрушил Багдад, всю страну Ассирийскую, всю Месопотамию, Тиарбакин и пошел в город Амид. Взяв город, он истребил знатных горожан огнем и мечом, подвергая их неимоверным и неописуемым пыткам. Всех молодых — как мужчин, так и женщин увел в плен в свою страну. Затем он пришел в Мерлин, разрушил город и увел в плен пятнадцать окрестных сел, 3000 домов подлинных христиан, а 7500 — остальных. Всех их увели в плен, а четыре села аревордиков, из язычников, Шел, Шмрах, Сафари, Мараш, были совершенно разрушены». Везде после себя Тимур оставлял башни из голов, пепелища и разрушенные города.

Однако на этот раз его поход на запад был недолгим. Внимание его привлекли события на востоке — в Индии. И Тимур повел своих воинов в Индийский поход. Он прошел всю Индию до Дели, подчиняя местных правителей и вырезая население. Причем, знакомство с местными обычаями и верованиями вызвало в его мусульманской душе море негодования: местные жители были обречены. Взяв в Дели огромную добычу в золоте, предметах роскоши, драгоценностях, ремесленных изделиях, а также — пленниках, Тимур вышел из города и повел войско назад. Самый последний солдат, по словам хронистов, уводил из Дели по 150 пленников, их всех надлежало доставить с прочим имуществом в Самарканд, но эта колонна мужчин, женщин и детей, идущая на Самарканд, так задерживала войско, что Тимур приказал ценности увезти, а пленных перебить. Некоторые современники называют миллион убитых. Тимур сказал — убить всех, всех и убили.

Индийские правители стали сдаваться один за другим: страх витал над Индией. Кое-кто решался дать Тимуру бой, но победитель был один — только сам Тимур. Индийцам не помогали даже их слоны. Тимур справился и со слоновьим войском. Крепости и города было велено разрушать до основания. Вчера еще цветущая земля лежала в руинах.

Быстро справившись с индийскими правителями, Тимур вернулся в Малую и Переднюю Азию. Там было много работы. Тимур расправлялся с городами, которые проявили нелояльность. Тут дело в том, что малоазийские города ходили под рукой Баязеда. Стоило уйти Тимуру, свое право на них заявил Баязед. Вернулся Тимур, и города в ужасе дрожали. Дрожали они не напрасно: тех, кого в первом походе он пощадил, теперь следовало уничтожить.

Из разрушенной Себастии Тимур пошел на землю Сирии: пали Халеб, Алеппо. Сирия считалась землей египетского султана, султан не знал, что и делать. Он потребовал от своих городов, чтобы они не сдавались. Дамаск решил защищаться. Войска султана и эмира сошлись вблизи города, и завязался бой: мамлюки были разбиты, султан бежал. Но, что делать с Дамаском, Тимур не знал: туда бежал его сын Шахруха Султан-Хусейн, решив присоединиться к защитникам города. Поэтому Тимур сначала пообещал горожанам сохранить им жизнь и богатства, если они выдадут блудного внука. Оставленное султаном войско в полном составе ушло из Дамаска. Тогда Тимур велел начать штурм. Блудный внук был захвачен и подвергнут «правке», а сам Тимур, перезимовав в Дамаске, напоследок преподнес жителям подарок: на улицах началась резня, перепуганные горожане решили отсидеться в мечети, тогда по приказу эмира мечеть заперли и подожгли. В огне погибло 30 000 человек... После этого город разрушили, а из отрезанных человеческих голов сложили три хороших высоких башни.

Тимур перешел в «турецкую» часть территории. Для защиты подвластных ему городов Баязед отправил во главе войска своего сына; сын погиб. Тогда султану ничего не оставалось, как двинуться навстречу Тимуру лично. Тимур отправил Баязеду своего посла с предложением немедленной сдачи и признания вассальной зависимости. Непобедимый султан отказался. Тогда Тимур повернул в сторону «баязедовских» городов. По дороге он напал на Багдад. Город был взят и на этот раз не избежал участи всех прочих: погибло по одним сведениям 90 000 человек, по другим и вовсе 700 000. В живых не осталось никого. Только башни из отрезанных голов и разрушенные стены.

От Багдада Тимур пошел на Азербайджан, а оттуда, узнав о высадке войска Баязеда — на Анкару. При Анкаре и состоялась ожесточенная битва между двумя великими полководцами. В этой битве Тимур применил хорошее индийское боевое средство — *слонов*. Баязед бежал с поля боя, но был схвачен. Своего пленника Тимур собирался привезти в Самарканд как военный трофей. Но Баязед не вынес позора: по пути он умер. Богатства, захваченные у Баязеда, перевозила тысяча верблюдов...

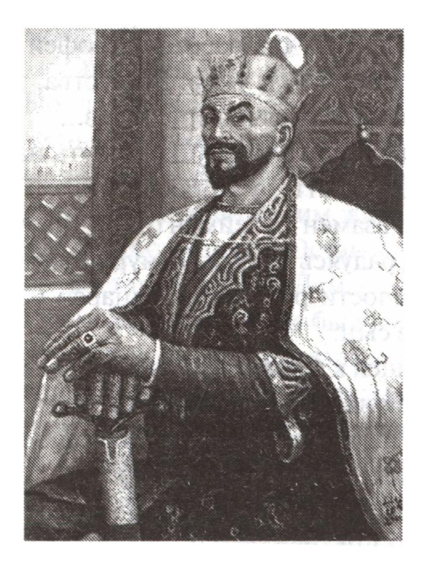
Второй сын султана успел ускользнуть на итальянском корабле в Европу и оттуда запросил мира. Тимур легко на это согласился, взамен Сулейман отдал Тимуру Византий и Трапезунд. Но, радуясь победе, Тимур не забыл о тех, кто ее омрачил, о крепости родосских рыцарей Смирне, откуда бежал баязедов сын.

Тимур подошел к Смирне. Крепость славилась тем, что даже сам Баязед напрасно пытался ее взять в течение двенадцати лет, у него это никак не получалось. Рыцари хорошо обустроились и не боялись осады, к тому же они могли рассчитывать на подвоз продовольствия и военной силы морем. Они надеялись, что море поможет им отбиться от Тимура. Однако рыцарям ничто не помогло.

12 — 1191

Тимур, в отличие от Баязеда, принял простое, хотя неожиданное решение: если причина обороноспособности Смирны в море, то море нужно убрать. Он его и убрал: войско, неожиданно для осажденных, стало строить дамбу. Рыцари сначала смеялись со стен, наблюдая за перетаскиванием досок и шкур, но воины Тимура свое дело знали: дамба была построена в кратчайшие сроки, а еще через две недели крепость была взята. Пришедшие на помощь рыцарям генуэзские корабли встретил пушечный обстрел, но вместо ядер тимурова артиллерия палила свежеотрубленными рыцарскими головами. На этой веселой ноте великий поход на запад был завершен.

Тимур вернулся в Самарканд и стал готовиться к китайскому походу. Это была заветная мечта: возвратить Китай — пусть не Великой Монголии, а своей азиатской империи. Почтить таким образом память Великого Хана.

Император Тимур

Еще в 1395 году ко двору Тимура было отправлено китайское посольство. Эти несчастные послы просидели в Самарканде до смерти хана. Их видел при дворе эмира в 1404 году испанец Клавихо, тоже посол — но от далекой западной Кастилии, решившей выразить благодарность Тимуру за разгром Баязеда. Два года послов просто не допускали к эмиру, затем семь лет его не было в Самарканде, и вот в 1404 году, наконец, они имели счастье лицезреть завоевателя. Но он готовился как раз отправиться в их Китай, и послы снова сидели. Представлявшие новую династию Мин, они не знали, что Тимур имеет планы вернуть старую монгольскую династию, а если точнее — покорных его, Тимура, воле юаньских ханов из дома Толуя. Тогда мир примет правильный порядок — пусть не от Атлантики до Тихого океана, но от Евфрата до Тихого океана, а там, глядишь, дети дополнят карту Новой Монголии Египтом, вернут в лоно истины Золотую Орду, и карта снова будет собрана в том единственно верном виде, который и может только существовать. Но китайский поход оказался эмиру уже не под силу. Отправившись в путь среди зимы, Тимур вдруг почувствовал себя плохо и... умер в Отраре!

Была ранняя весна нового, 1405 года. Тайно отправленное в китайский поход войско было возвращено назад, в Самарканд. А послы, не видевшие родины почти десять лет, поехали домой, так ничего и не добившись и — вряд ли — что-то поняв.

«*Походы Тимура сопровождались не менее жестокими избиениями, чем походы Чингиз-хана,*— писал некогда Бартольд,— *к грубой жесткости присоединялось утонченное, болезненное зверство; но Тимур старался придать своей созидательной деятельности столь же грандиозные масштабы, как разрушительной. Избивалось десятками тысяч население больших городов, строились высокие*

башни из черепов убитых, тысячи людей подвергались мучительной казни; и в то же время устраивались грандиозные оросительные системы, воздвигались великолепные здания, особенно в столице Тимура, Самарканде, куда завоеватель, иногда насильно, приводил мастеров и ученых из опустошенных им земель.

Селения, построенные вокруг Самарканда, получили названия по самым большим городам мусульманского мира — Дамаску, Мисру (Каиру), Ширазу и Султании, чем Тимур хотел наглядно выразить превосходство своей столицы над прочими городами. Здания строились в персидском стиле, но своими размерами значительно превосходили свои образцы. На последнем настаивал сам Тимур, лично дававший указания архитекторам и удивлявший их своими художественными замыслами, с которыми, по-видимому, не всегда могла справиться техника.

Здания тимуровской эпохи, теперь большей частью находящиеся в состоянии полного разрушения, потребовали ремонта уже в XVI веке. Самое великолепное из них, самаркандская соборная мечеть (так называемая мечеть Биби-ханым), считалось опасным уже при жизни Тимура: во время пятничного богослужения молившиеся со страхом прислушивались к звукам от падения кусков камня, вероятно, с купола здания».

Империя Тимура — увы! — как и его здания, оказалась недолговечной...

Едигей

Так вот за пару лет сошли в могилу Баязед Молниеносный, от имени которого в Европе дрожали от ужаса, Тимур Великий, пытавшийся сложить монгольскую им-

перию заново, и Тохтамыш, который тоже мечтал о восстановлении величия своей части некогда Великой Монголии — Золотой Орды.

1402, 1405, 1406 годы. В живых пока что оставался только один из «стариков» — Идигу, фактический властитель Золотой Орды. Он тоже желал вернуть это величие, но четко знал: возвращать его нужно своими силами, не опираясь на помощь сильного соседа.

Арабшах так рисует портрет этого властителя: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав коран и сунну да изречение мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним».

Тохтамыш рисует его портрет презрительным наименованием: «...этот человек Идигу». Между «держащимся за полы шариата» вельможей и «человеком Идигу», не имеющим никакого титула, разница колоссальная.

Едигей

С Тимуром его связывала долгая дружба, но он очень хорошо понял цену такой дружбы, и, когда Тимур отправил его уничтожить Тохтамыша, Идигу быстро сообразил, чего хочет Тимур — получить Золотую Орду, прикрепить ее намертво к Великой Империи. Идигу видел, что империи больше нет. Значит, к империи Тимура? Но

туда Идигу совсем не хотел. Он был, скажем, гражданином другого государства. И не удивительно, что, отлично гоняя Тохтамыша, Идигу использовал тимуров рецепт: посадил «своего» хана и управлял за него, а Тимуру отписался в ответ на негодующую эпистолу, что «*он прожил с ним двадцать лет и был тем, кому он более всех доверял, и что знает его слишком хорошо и все его хитрости и что такими уловками его не провести, что он понимает, что все эти доводы только для того, чтобы обмануть, и если они действительно станут друзьями, так только на поле [брани] с оружием в руках*».

Отношение Идигу к Тимуру понятно: он просчитал ходы Великого Эмира и сообразил, что Золотой Орде ничего хорошего не светит. А точнее — при Тимуре Идигу не может рассчитывать на то же положение в Орде, которое занимал сам Тимур в своем государстве. Прежде он точно так же испугался, увидев, что Тохтамыш год от года становится все опаснее и самостоятельнее. Очевидно, что после воцарения Тохтамыша Идигу быстро осознал, что этот хан не позволит ему занять мамаево место — то есть сделать хана ширмой; да уж, Тохтамыш бы этого ни за что не позволил!

Об этом именно и говорит генерал Иванин, взявшийся в XIX столетии разбирать походы Тимура и Тохтамыша с точки зрения военной науки:

«Только в 1391 году Тамерлан предпринял ответный поход против Золотой Орды. В начале этого похода к нему прибыло посольство от Токтамыша, однако это уже не могло не повлиять на ход событий. В понедельник 19 июня 1391 года Токтамыш был разбит в сражении при Кундузче (Кондурче). Тамерлан дошел до Волги, но после этого вернулся в свои владения, не став покорять Золотую Орду. Токтамыш же на непродолжительное время лишился престола, но скоро снова вернулся на него. Сохранилось его послание польскому королю Ягелло из Таны (Азова) от 20 мая

1393 года, в котором происшедшие события изложены с точки зрения хана. Тамерлана будто бы призвали враги хана Токтамыша, но он узнал об этом слишком поздно; в начале войны те же заговорщики покинули хана, вследствие чего государство пришло в расстройство. Теперь же, писал Токтамыш, все опять приведено в порядок, Ягелло должен выплатить установленную дань, а его купцы могут снова свободно передвигаться во владениях хана».

В письме к Ягайло Тохтамыш писал следующее:

«Третьего года,— сообщает Тохтамыш,*— послали некоторые огланы (царевичи), во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд, человека по имени Эдигу к Тимуру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришел на этот призыв и, согласно их злонамеренному плану, послал им весть. Мы узнали об этом только тогда, когда он дошел до пределов (нашего) города, собрались, и в то время, когда мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись, и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом, но Бог милостив и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Ходжа-Медин, Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд».*

Скорее всего, что Идигу, действительно, призвал Тимура против Тохтамыша. Особенно, если учесть, что потом Тимур возложил ответственность за поимку Тохтамыша именно на него. Идигу, несомненно, был человеком Тимура.

Если верить историку Арабшаху, Идигу действительно бежал от Тохтамыша к Тимуру:

«Эмир Идику был у Тохтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось кунграт...

Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Тохтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не настигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и льстить ему, но в одну из ночей веселия, когда звезды чаш кружились в сферах удовольствия и султан вина уже распоряжался пленником ума, случилось, что Тохтамыш сказал Идику,— а огонь разумения то потухал, то вспыхивал: (Настанет) для меня и для тебя день, (когда) ввергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели".

Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: „Не дай Бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завять деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил". Затем он (Идику) выказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изощрять свой ум насчет спасения и употреблять на это дело проницательность и сметливость, понимая, что если оставит без внимания свое дело или отсрочит его, с тем, чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюшню Токтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного породистого быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий несчастный случай, и сказал одному из слуг своих, в котором был уверен, что не выдаст его тайны: „Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостоверишься, что я перебрался через пустыню".

Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли, (поднятой им)».

Хотя, исходя из других исторических версий, Идигу был на службе у Тимура еще прежде, когда Тохтамыш только что бежал к Великому Эмиру в поисках защиты. Как бы то ни было на самом деле, но когда зашла речь о статусе Золотой Орды, Идигу понял, что Тимур сделает эту часть бывшей Великой Монголии просто придатком собственного государства. Этого Идигу не желал. Это и только это заставило его отказаться от союза с Тимуром.

По Арабшаху, Идигу выпросился у Тимура назад в Орду, дабы вместе с Тимуром-Кутлуком установить новую власть в Орде и привести к Тимуру своих людей. Первое было исполнено в точности: Тимур-Кутлук стал номинальным ханом Золотой Орды. Второе не было исполнено: Идигу запретил новому хану кого бы то ни было отсылать на службу к Тимуру. Само собой после такого отказа Идигу стал его врагом. Идигу — но не Тохтамыш.

Тимур и Тохтамыш (оба в конце своей жизни) вроде бы даже примирились, и Тимур обещал золотоордынскому изгнаннику то, чего никак не мог желать Идигу,— возвращение престола. Покинутый всеми и гонимый Тохтамыш послал к Тимуру с такими словами: «Возмездие и воздаяние за неблагодарность за благодеяние и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков этого несчастного, то он после этого не вытащит голову из узды покорности и не сдвинет ногу с пути повиновения». Покорность «своего» Тохтамыша тронула Тимура, он даже принял к себе детей Тохтамыша, дабы они не были убиты. И — если бы Тимур

и Тохтамыш остались живы — Великий Эмир мог бы восстановить последнего в правах на престол, не его — так его сыновей. Тимур собирался предпринять возвращение престола сразу же после китайского похода. Вряд ли такое обещание могло Идигу сильно обрадовать!

Оставшись в конце концов без Тохтамыша и без Тимура, Идигу попробовал построить свой вариант монгольского мира в отдельно взятой Орде. Первое, что он сделал,— вошел в период неразберихи после смерти Тимура в его земли, в Хорезм. С 1405 по 1413 год власть в Хорезме принадлежала ему, Идигу. Вероятно, такое отнятие Хорезма не нравилось ни наследникам Тимура, ни Тохтамышу, который боялся усиления своего врага. В 1406 году Идигу и Тохтамыш неоднократно сражались, по Арабшаху таковых сражений было 15, причем побеждал то один, то другой, в пятнадцатом сражении Тохтамыш смог разбить Идигу и обрадовался, когда тот ушел в пустынные пески. Но Идигу просто схитрил: он отлично знал эти места, так что, сделав вид, что разбит, отошел недалеко и стал выжидать момент, когда Тохтамыш ослабит бдительность. Тогда он напал, и гонимый хан был разбит.

> *«Убедившись, что Тохтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал „лев смертей“,*— писал историк,— *он [Идику] стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из [собранных] сведений не удостоверился в том, что он [Тохтамыш] один без войска [находится] в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночною ездою и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока [наконец] добрался до него, [ничего] не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он*

[Тохтамыш] очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей охватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько [времени] обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку [с жизнью]. Утвердилось дело Дештское [Золотая Орда] за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Тохтамыша разбрелись в [разные] стороны: Джеллаледдин и Керимберди [ушли] в Россию, а Кубал и остальные братья в Саганак».

В Россию ушел старший, Джеллаледдин. По словам Карамзина, Василий Дмитриевич принял ханского сына «дабы питать мятеж в Орде». Решение, скажем, было опрометчивым: Идигу обратил взоры на все более «неправильную» Русь. Эта Русь, действительно, не слишком правильно оценивала положение в Орде. После длительного правления Тохтамыша, заставившего ее вспомнить о силе и величии монгольских ханов, последовала еще одна «замятня», когда ханов сажал и смещал Идигу. Как на этой Руси могли относиться к ханам, которые приходят и уходят по слову военачальника? Именно так и относились. Боялись карательных экспедиций — да. Но с былым уважением было уже плоховато. В 1408 году, то есть спустя три года по смерти Тимура и два года по смерти Тохтамыша, Идигу решил идти походом на северо-восточные русские земли, дабы уважение вернуть. Об этом походе Идигу остался такой летописный рассказ:

«Той же зимой некий князь ордынский именем Едигей по повелению царя Булата пришел с войском на Русскую землю, а с ним четыре царевича и много татарских князей. Вот имена их: Бучак-царевич, Тегриберди-царевич, Алтамырь-царевич, Булат-царевич, князь великий Едигей,

князь Махмет, Юсуп Сюлименев-сын, князь Тегиня Шихов-сын, князь Сарай Урусахов-сын, князь Ибрагим Темирязев-сын, князь Якши-бей Едигеев-сын, князь Сеит-Али-бей, князь Бурнак, князь Ерыкли Бердей. Услышав об этом, великий князь Василий Дмитриевич опечален был горем, грехов ради наших постигшим Русь: ведь вначале беззаконные измаилтяне ложный мирный договор заключили с нашими русскими князьями и прежде всего с великим князем Василием Дмитриевичем, обманчиво мирясь с ним, ибо никогда не говорят христианам истины. Если их немного, то князей наших обманом и злокозненно почестями окружают, и дарами наделяют, и тем злой умысел свой скрывают, и с князьями нашими прочный мир заключить обещают, и пронырством таким ближних от согласия отлучают, и междоусобную вражду меж нами разжигают. И в этой розни нашей сами тайно обманывают нас, становятся для православного люда кровожадными волками, подстрекательством отца их сатаны. Так и ныне, в дни наши, случилось.

Когда боголюбивый и православный самодержец великий князь Василий Дмитриевич владел русским престолом, тогда и христиане благоденствовали в державе его, и земля Русская, миром украшаемая и добротами этими преисполненная, процветала. Коварные же измаилтяне не могли без зависти видеть проявления к христианам стольких милостей Бога-человеколюбца. Поджигаемые завистью, не в состоянии терпеливо смотреть на изобилие Русской земли и христианское благоденствие, много раз покушались они прийти уничтожить величие этой красоты и обесславить христиан; ради этого и ложный мир с нашими князьями заключили. Лишь благодаря заступничеству Пречистой Богоматери не могли пойти на нас. Когда же заступница-воевода наша избавляет нас, тогда мы обещаем отказаться от многих дурных греховных обычаев, а потом, забывшись, вновь от правды отходим, оказываемся под властью наших

прегрешений. За это и наказывает нас Господь Бог, жезлом посекая наши беззакония,— по словам пророка. Неверные же агаряне всегда по-волчьи подстерегают нас, коварно мирясь с нами. Когда же наши князья, ожидая от них прочного мира, забывают о предосторожности, тогда они, выбрав пагубное время, осуществляют злой замысел. К великому же князю Василию более всех князей проявили свою коварную благосклонность.

В свое время некто из них, Едигей именем, князь измаилтянский, самый великий из всех князей ордынских, который всем царством один правил и по своей воле сажал на царство кого хотел,— этот лукавый Едигей стяжал у Василия большую любовь и высокую честь ему воздавал, многими дарами его почитал, и — более того — именовал его своим любимым сыном, и много всего обещал ему, а прибывавших от Василия послов отпускал с честью, постоянно поддерживая с Василием коварный мир. В эту же пору случилось так, что великий князь Василий рассорился с тестем своим великим князем Витовтом из-за каких-то дел о земле, что в обычае было меж княжествами, ибо тогда Витовт владел всей Киевской и Литовской землей. Великий же князь Василий обо всех обидах от Витовта поведал по любви Едигею.

Услышав о том, враждолюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, еще больше разжигая в них гнев: послал он Василию большое войско в помощь, обещая ему: „Пусть и другие узнают о нашем с тобою согласии и будут с тобою кроткими, ибо я, с моим царством, помогаю тебе, и из-за этого убоятся тебя“. Также послал он с некими краткими и лживыми советами и к Витовту, повелевая держать их втайне, и называл его своим другом. И так, запутывая их, посеял между ними вражду, злокозненно помышляя, что они, начав битву, погубят свои войска. Если же между ними не будет битвы, даже и

тогда, сходясь друг с другом, воюя и расходясь врозь, все равно истощат силы.

И путем такого заговора враждолюбец окаянный Едигей подготавливал себе удобное время для злого начинания. И достиг своего, окаянный,— вспыхнула рознь меж князьями, и начала воевать Русь и Литва. И воевали три года. И когда сошлись друг с другом на Плаве, тогда и татары подошли к Плаве на помощь Руси. Старцы же этого не похвалили, говоря: „Хорошо ли решение наших молодых бояр, что привели половцев на помощь? Не потому ли и прежде случались беды с Киевом и Черниговым, которые, враждуя между собою, вставали брат на брата, призывая половцев на помощь, и, нанимая их, платили серебром своей земли. А половцы, высмотрев устроение русского войска, после этого их же самих побеждали. Не будет ли и сейчас то во вред земле нашей на будущие времена, что измаилтяне высмотрят нашу землю, а потом прийдут на нас! Да не сбудется это!“

Князья же, истомив войска, заключили перемирие, но гнев их, несмотря на то, что оба испытали много страданий, не утишился. Не было в то время на Москве старых бояр, и молодые обо всем совещались, потому многое у них было не по установленному чину. Едигей же, радуясь гибели людей и кровопролитию, побуждал к окончательной ссоре и послал на помощь к Василию небольшое войско из неких окраинных татар. Только по названию, что помощь! Зная, что оба, являясь родственниками, не очень-то хотят войны, он посылал татар только для того, чтобы задержать заключение мира, да еще для того, чтобы татары высмотрели воинское устроение русских. Татары приметили, что русские не склонны к кровопролитию, но, будучи миролюбцами, ожидают справедливого договора, и обо всем этом сообщили Едигею. Едигей же, узнав, стал готовиться к походу на Русь.

А в это время великий князь Свидригайло Ольгердович прислал в Москву к великому князю Василию Дмитриевичу послов, желая быть с ним воедино против Витовта. Свидригайло был верою лях, но на войне муж храбрый, доблестный в битве. За это и призвали его на Москву и дали ему многие города, едва ли не половину великого княжества Московского. Дали ему и прославленный Владимир, столицу Русской земли и град Пречистой Богоматери, в котором великие русские князья принимают первопоставление и престол земли Русской; тот, кто именуется „великим князем“, тут и принимает первые почести. В нем же — и чудная великая православная соборная церковь пречистой Богоматери, честь и слава христиан, живущих по всей вселенной, источник и корень нашего благочестия; именуется она Златоверхой, ибо имеет пять золотых куполов. В ней же — чудотворная икона Пречистой, которая реки исцеления источает, устрашая поганых. И такого города не помиловали москвичи, отдали во владение ляхам! Этого старцы не одобрили, сказав: „Может ли быть хорошим то, чего в наши дни не бывало и в древности не слыхано, чтоб столько городов дать князю, пришельцу в нашу землю, а главное столицу Русской земли, прославленный Владимир, мать городов?!“ Свидригайло же, гордый лях, никогда и не побывал в столь почитаемой церкви пречистой Богоматери. Потому-то и постигли нас многие беды: храбрые стали хуже жен и боязливее детей; пропала у сильного сила, по пророку: „И стрелы младенцев разили их, а ноги мужей показали силу только в бегстве“. Когда на исходе был третий год раздора Руси с Литвой, те и другие, русские и литовцы, подошли к Угре. Немного времени постояли, и примирились великий князь Василий с тестем своим великим князем Витовтом, заключили такой же, как и первоначально, мир и разошлись каждый восвояси. Татары же, которые кочевали неподалеку, как увидели,

что войска разошлись обессилившие, обо всем этом сообщили Едигею. Коварный же Едигей, который некогда именовал себя отцом Василия, но, таясь, носил в своих устах змеиный яд, ненависть скрывал под личиной любви к Василию, называя его своим сыном, выбрал самую пору: не с добром — со смертью спешил на русское, только что распущенное, утомленное войско. Следует это хорошо уразуметь и запомнить тем, кто впредь захочет заключить мир с иноплеменниками.

Едигей же, под видом старой дружбы, посылает к Василию впереди себя с такими речами: „Да будет тебе известно, Василий,— это царь идет на Витовта мстить за то, что тот учинил твоей земле. Ты же воздай царю честь, и если не сам, то сына своего пошли к царю, или брата, или кого-нибудь из вельмож, ничего не боясь“. Так жаждущий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался.

Когда же посол Едигея пришел на Москву и изрек это, князь и все люди были в недоумении, искренние ли это вести или обман. Поэтому и не собирали воинов, а отпустили к Едигею одного из вельмож, именем Юрия, дав ему дружину: при встрече с неприятелем пусть тут же отошлет ее назад. Но Едигей захватил Юрия и пошел еще быстрее. А на Москве от Юрия ждали вестей. Но вот вскоре кто-то, быстро примчавшись, поведал, что враг уже вблизи города. Не успел Василий собрать и небольшой дружины, как город был осажден; он оставил в нем своего дядю, князя Владимира, и брата, князя Андрея, и воевод, а сам с княгинею и с детьми уехал в Кострому.

И город пришел в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всем на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи. Велено было сжечь городские посады. Горестно было смотреть,

как чудные церкви, созидаемые веками и своим возвышенным положением придававшие красоту и величие городу, в одно мгновение исчезали в пламени, как величие и красоту Москвы и чудные храмы поглощает огонь.

Это было страшное время,— люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружали полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ города из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда все это увидели люди, пришли в ужас; не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами: одних посекали, а других уводили в плен. Так погибло бесчисленное множество людей: за умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед врагами нашими. Если где-либо появится хотя бы один татарин, то многие наши не смеют ему противиться, а если их двое или трое, то многие русские, бросая жен и детей, обращаются в бегство.

Так, казня нас, Господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь. Многое завоевали распущенные Едигеем измаилитяне: город Переяславль Великий сожгли и Ростов, а также разгромили и сожгли весь Нижний Новгород и Городец и взяли многие волости. И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая. Тогда-то храбрые наши ляхи, которые горделиво владели градом Пречистой Богоматери, и показали, что их мужественные ноги сильны только в беге, мало того — среди них были еще и грабители и губители душ, а с иноплеменниками они ни разу и не сразились: „Сломилось оружие их, и щит гордых сожжен огнем",— по словам пророка.

Когда прошло двадцать дней с тех пор, как агарянин Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покорил и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним Богом по молитвам Пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра.

Люди, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает, и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: „Лучше уповать на Господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на Бога, чем надеяться на человека“. И взмолились все люди к Богу, низко кланяясь и говоря: „Не предай зверям души рабов твоих, Владыко! Если мы и согрешили перед Тобой, то во имя Твое святое пощади нас, Господи!“ И, взирая со слезами на животворящую икону Пречистой Богоматери, горько восклицали так: „О постоянная заступница наша, не предай же нас и теперь в руки врагов наших!“

И милосердный человеколюбец, еще не совсем разгневавшийся, увидев печаль людей своих и слезы их покаяния, утешает их вскоре, памятуя о милости к стаду своему: величавого и гордого агарянина Едигея устрашил, навел на измаилтянина трепет перед своей всевышней и карающей десницей. И агарянин, который похвалялся пробыть в православной земле долгое время и обещал зазимовать, вдруг, забеспокоившись, внезапно снялся с места и, не желая медлить ни единого дня, сказал дружине: „Или царство наше захватит другой, или Василий соберется на нас“,— такая мысль смутила агарянина. Быстро посылает он к городу, сам прося мира: и как захотели горожане, так и замирился с ними окаянный Едигей и отошел. Взирайте на человеколюбца и разумейте высшее и устрашающее его могущество! Хотя и бывает пора, когда он попу-

стительствует врагам нашим, карами смиряя грехи наши, но милости своей совсем нас не лишает: если и пожрет нас вепрь лесной или иной кто дикий уничтожит нас, но корень благочестия не вырвать. В Тверском княжестве взяли Клинскую волость, что приписана к церкви святого Спаса, и убили множество людей, а других увели в плен.

В этот же год была большая дороговизна на всякую пищу. Многие христиане умерли от голода, а продавцы хлеба обогатились. И хотя все это написанное кому-то покажется неугодным из-за того, что мы так много высказали против неблагочестия, случившегося на нашей земле, но мы, не оскорбляясь и не ожидая вашего почитания, поступаем так же, как Начальная киевская летопись, *которая, ничего не тая, описывает все бренное земное. Да и наши первые властители, не гневясь, повелевали описывать все происходящее, доброе и худое, что и другим после них образцом будет; таким был при Владимире Мономахе великий Сильвестр Выдубицкий, писавший без прикрас и скончавшийся в почете. И мы этому учимся — не проходить мимо всего того, что случилось в наши дни, чтобы властители наши, узнав об этом, внимали бы таким делам: пусть молодые почитают старцев и одни, без опытнейших старцев, ни в каком земском правлении не самочинствуют, ибо „красота града есть старчество“. Как гласит Писание: „Спроси у отца своего, и он возвестит тебе, и старцев твоих, и они скажут тебе“. К тому же еще пусть блюдут и пророка, как в Иерусалиме называли старца за то, что он был советником».*

В этом сугубо монашеском летописном тексте много неправды.

Поход на Русь был задуман не из-за того, что Идигу сговорился с Витовтом против Василия Дмитриевича, а про-

сто в силу того, что Василий Дмитриевич решил снизить количество дани, отправляемой в Орду. Не понимал наш монах также и отношений между русским великим князем и Идигу: он видел со стороны Идигу коварство и предательство — как «отец» может наказывать своего «сына»? Но для Идигу связка «отец—сын» была равносильна понятию «сеньор—вассал», ничего иного это словосочетание не подразумевало. И если вассал стал вести себя слишком самостоятельно, затевая войны, на которые Орда не давала санкций, то «сына» следовало поставить на место.

Василия Дмитриевича и поставили. Он оказался отвратительным трусом и больше всего заботился о сохранении собственной жизни, только так можно понять бегство русского великого князя из Москвы. Он бросил город и отдал его на растерзание войскам Идигу. А Идигу? Тому было за что гневаться на князя, вопрос был не только денежный: при дворе Василия Дмитриевича находились дети Тохтамыша, наследники, которые могли, повзрослев, сильно осложнить его жизнь. В этом у меня уверенности нет, но вполне может быть, что Идигу хотел выдачи возможных наследников, которые автоматически становились претендентами на престол.

Ногайская легенда об Идигу рисует образ, совершенно отличный от привычного нам,— это образ едва ли не народного героя, которому вменяется даже особенное рождение — якобы во времена Тохтамыша от сокольничего хана Кутлы-Кая и некоей лесной нимфы родился мальчик, которого нарекли Эдиге. Его вскормила за отсутствием матери недавно ощенившаяся собака.

«Хан узнал, что Кутлы-Кая,— повествует ногайское сказание,— *его неверный сокольничий, вернулся в ханство, и послал людей, чтобы они убили его. Убийцы выполнили веление хана. Маленький Эдиге остался жить у сво-*

его аталыка[1] *Эсенбия. Люди хана пришли и к Эсенбию, чтобы убить мальчика.*

У аталыка был сын, ровесник Эдиге. Когда ханские посланники пришли к аталыку, то он спрятал Эдиге в сапог. Палачи, увидев сына Эсенбия, подумали, что это Эдиге, и убили его. Так аталык пожертвовал родным сыном ради спасения приемыша.

Он дал Эдиге другое имя — Кубы-ул, чтобы никогда Токтамыс-хан не догадался, чей он сын. Эдиге вырос умным, смелым и красивым джигитом...

Как-то поспорили два хозяина из-за верблюжонка. У обоих были верблюдицы, и вот одна из них разрешилась от бремени. Оба хозяина считали верблюжонка своим. Разрешить этот спор взялся случайно проходивший мимо Эдиге. Юноша повел обеих верблюдиц к реке, а верблюжонка посадил в лодку и отправил ее по течению реки. Тогда одна из верблюдиц с ревом бросилась в реку и пошла за лодкой. Так Эдиге рассудил двух хозяев.

Прослышав об уме и смекалке юноши, хан взял его к себе табунщиком. Когда Эдиге случайно оказывался в орде, Токтамыс-хан, сам того не замечая, приподнимался и первым приветствовал юношу. Ханша заметила это и сказала хану. Токтамыс-хан не поверил ее словам. Тогда ханша пришила полы его халата к подушке. Когда Эдиге вновь появился в орде, хан первым привстал вместе с подушкой. Тут и понял он, что боится табунщика, и возненавидел его.

Был у Токтамыс-хана льстивый и коварный визирь Ямбай. Хан во всем прислушивался к его советам. Вот Ямбай и подговорил хана подать табунщику отравленный

---

[1] *Аталык* — воспитатель, титул (букв.: «заступающий место отца»), в Средней Азии давался лицам особо почетным и уважаемым; связи между аталыком и воспитанником не прерывались до конца их жизни.

юурт [1]*. Взял Эдиге чашу с юуртом, но не стал из нее пить, а ножом разрезал ее содержимое на множество частей.*

Хан удивился этому. Визирь Ямбай пояснил хану: „Великий хан, он догадался, что ты хотел убить его. В отместку табунщик пригрозил разделить твою орду на множество мелких частей!“ В старину ханы приглашали врагов своих на пир и там убивали их. Ямбай напомнил Токтамыс-хану этот древний обычай. Хан согласился.

Пригласил он на пир много йырау [2]*, богатых родственников, седовласых старцев и самого Эдиге. У Эдиге было девять друзей, настоящих воинов-батыров. Друзья узнали о замысле коварного хана и заранее приготовились к побегу. Они оседлали своих коней, а подпруги коней царской охраны подрезали. Токтамыс-хан начал пиршество и попросил собравшихся певцов рассказать о родословной Эдиге, но ни один из йырау не смог разгадать тайны табунщика. Тогда Токтамыс-хану напомнили, что жив еще трехсотвосьмидесятилетний Сыбыра-йырау, и только он сможет рассказать о родословной Эдиге.*

Стар и древен был Сыбыра-йырау, так стар, что не мог уже ногами по земле ступать, и пришлось людям хана привезти его на фаэтоне. ...На пиру Эдиге сильно напоили, и он уже не слушал своих друзей, которые предупреждали его об опасности. Решил славный Сыбыра-йырау без утайки рассказать Токтамыс-хану о родословной Эдие».

Сыбыра рассказал. Из рассказа получалось, что Эдиге суждена особая судьба, и он возвысится над всеми ханами.

«Услышав пророческие слова сказителя, Эдиге сразу протрезвел. Вместе с девятью друзьями-батырами ему

[1] ***Юурт*** — тюркский напиток.

[2] ***Йырау*** — мастер слова у тюркязычных народов; певец-сказитель, исполняющий гимнические песни (йыры).

удалось бежать из ханского дворца... Девять наместников Токтамыс-хана собрали войско и во главе с визирем Ямбаем отправились в погоню. Много дней и ночей скакали они без устали, стараясь догнать мятежного Эдиге.

Они настигли Эдиге, когда он с девятью батырами переплыл через реку Эдиль. Посланники Токтамыс-хана остановились, не решаясь переправиться на тот берег реки».

Эдиге же тут сообщил им, что не хочет служить «кривозубому» хану и уходит далеко — к Тимуру.

«Услышали Ямбай и его спутники слова Эдиге, поняли, что не смогут вернуть его ни обманом, ни силой, и, удрученные, с повинной явились к Токтамыс-хану. А Эдиге и девять его друзей продолжали свой путь.

По дороге всадникам Эдиге встретилась змея с девятью хвостами. Увидев воинов, змея стала уползать в нору. Всадники бросились ее догонять. Они хотели убить змею и отрубили ей девять хвостов, но змея уже просунула голову в нору и сумела спастись.

Через некоторое время всадникам встретилась другая змея, с девятью головами и одним хвостом. Увидев людей, змея хотела убежать, но только одну голову смогла просунуть в отверстие норы, а остальные остались снаружи. Воины Эдиге догнали змею и отрубили ей все головы. Оглядел тогда Эдиге своих друзей и так сказал: „Дабы не постигла нас участь этой змеи, нам нужна одна голова!“ Друзья согласились с ним и избрали его своим предводителем...

Долог был путь Эдиге к Шах-Тимуру. Много дней и ночей прошло с тех пор, как он с друзьями покинул родную землю. Встретился им на пути Алып-батыр с войском. Он возвращался с набега на земли Шах-Тимура и, захватив в плен его дочь Акбилек, с победой шел домой. Эдиге

решил убить Алыпа и вернуть Шах-Тимуру дочь. Не назвавшись, он попросился быть поваром у Алыпа, а друзья его незаметно шли за вражьим войском. Эдиге тайно оставлял им еду.

Однажды, когда Алып-батыр с войском остановился на привал, Эдиге послал воинов, чтобы они накормили и напоили коней. В это время друзья Эдиге подняли полы шатра, в котором спал Алып-батыр, и Эдиге убил его из лука. Вернувшись к воинам, Эдиге сказал им: „Джигиты, если вы не знаете, так знайте — я убил вашего Алыпа, а вам всем даю волю!“ Воины, услышав имя Эдиге, задрожали от страха. Поблагодарив его за данную им свободу, они разбрелись в разные стороны.

Эдиге вместе с дочерью Шах-Тимура отправился к нему, а всех пленных, захваченных Алыпом, отпустил домой. Шах-Тимур несказанно обрадовался возвращению дочери. Узнал он, что это Эдиге освободил ее из плена, и отдал свою дочь ему в жены. Эдиге остался у Шах-Тимура и стал жить с его дочерью. Вскоре у них родился сын. Назвали его Нурадин.

Много лет прошло с тех пор, как Эдиге остался жить на земле Шах-Тимура. Сын его, Нурадин, подрос и стал настоящим джигитом. Юноша очень хорошо играл в альчики. Как-то неоднократно проигрывавший соперник сказал ему: „Альчики-то ты ловко бросаешь, это мы видим. А вот увидим ли, как ты отомстишь Токтамыс-хану, врагу своего отца?“ Нурадин рассказал об этом случае отцу.

Эдиге обрадовался тому, что сына это задело. И стал он собирать войско. Обратился за помощью к Шах-Тимуру. Тот дал ему немного воинов. Эдиге с сыном отправились на землю Токтамыс-хана. Их обоих переполняло желание как можно скорее достигнуть земли предков, ногайской земли. Каждый из них в душе по-своему представлял встречу с родиной. Когда, наконец, они подъеха-

ли к реке Эдиль, Эдиге и Нурадин спешились и, упав на колени, поцеловали белую пыль родной земли... Эдиге с сыном вскочили на коней и, переправившись через Эдиль, подошли к городу Токтамыс-хана.

Слишком мало было воинов у Эдиге. Тогда он решил пойти на хитрость. Он заставил воинов ночью во многих местах разжечь костры, накрыть бязью спины лошадей и всю ночь гонять их вокруг курганов. Увидев это, караульные прибежали к хану и доложили, что к городу подошел враг с несметным войском. Испугался Токтамыс-хан, растерялся. Не успев собрать свое войско, решил хан бежать.

В это время Нурадин, с маленьким отрядом, напал на караул. Токтамыс-хан, услышав весть о гибели караульных, собрал своих визирей на совет. Понял хан, что деваться некуда и, обняв своих детей и внуков, стал плакать от бессилия и боли за судьбу своего ханства... Когда он садился на коня, жена повисла на стремени с плачем... Оттолкнул Ямбай ханшу и приказал всем покинуть город.

Эдиге и Нурадин гнали Токтамыс-хана из одной долины в другую, из одного города в другой город, из одних гор в другие горы. И тогда остановился Эдиге и... обещал Нурадину отдать ему в жены младшую дочь Токтамыс-хана Каныйке и вернулся в Сарай. Но, вернувшись, он не узнал прежнего города. Враг завладел им, и люди покинули его. Лишь ханский дворец „Золотой камень" остался целым среди развалин. Но и он был захвачен врагами.

Эдиге с войском перебил охрану и вошел во дворец. Там на золотом троне сидел кривой чингисид Кыйгыршык... Разозлился Эдиге наглости чингисида, схватил Кыйгыршыка за ногу, поднял и ударил головой об землю, а визирей всех зарубил. Эдиге отстроил город заново, поселил в нем свою орду...

Долго мыкался, скитался Токтамыс-хан, спасаясь от погони Нурадина. Измученный, вошел он в какой-то лес. Почуяв приближающегося Нурадина, он затаился. В это

время из-под ног Токтамыс-хана с криком вылетела испуганная птица... Испугался хан, что на птичий крик сбежится погоня и обнаружит его. Ушел с этого места. Одиноко скитался он в лесу, обессилел, и смерть предстала перед его глазами...

В это время Нурадин настиг Токтамыс-хана и, чтя обычаи, сказал: „Ты старше меня, стреляй первым!" Токтамыс-хан выстрелил, но не попал в цель. Он (Нурадин) подошел к хану и саблей снес ему голову. Голова отделилась от туловища и со стуком упала на землю. Нурадин вонзил в голову копье и поднял ее, чтобы с победой вернуться в орду».

Нурадин повесил ханскую голову себе на шею и вернулся в Орду.

«Пока он гонялся за Токтамыс-ханом, в орде правил Эдиге. У Токтамыс-хана были две дочери. Старшая должна была достаться Эдиге, младшая — Нурадину. Ямбай хитростью вошел в доверие к Эдиге и остался в его орде. Он подговорил дочерей хана подложить под платья подушки и сказал, что они беременны. Нурадин, вернувшись, увидел их и спросил, кто повинен в этом деянии. Девушки указали на Эдиге. Разозлился Нурадин на отца и поссорился с ним...

В горе покинул Эдиге орду и поселился далеко в горах. В тех местах жили четыре брата. Вот умер их отец и оставил им в наследство хромую козу. Братья никак не могли поделить ее между собой. Думали-думали, наконец, решили поделить ее по ногам. Младшему брату досталась хромая нога. Однажды козу отпустили, и она, несчастная, надо же такому случиться, наступила на горячую золу. Хромая нога ее была завязана тряпкой, от огня тряпка загорелась. Коза бросилась бежать и стала тереться о стог бая-соседа. Стог загорелся, и все сено сгорело. Бай приказал братьям выплатить за сено.

Старшие братья обвинили во всем младшего. „Если бы не хромая нога, стог бы не загорелся“,— сказали они.

Младший брат в слезах шел по улице, и встретился ему старый Эдиге. Расспросив юношу о причине его печали, Эдиге сказал перед всем народом:

— Если бы не здоровые ноги, коза не наступила бы на огонь, и стог бая не загорелся бы.

Так рассудил Эдиге братьев.

Народ одобрил его решение и выбрал Эдиге судьей. Весть о справедливом судье разнеслась по всему свету. Дошла она и до Нурадина. После ухода отца Нурадин узнал, что Эдиге ни в чем не виноват. Опечаленный тем, что ни за что обидел отца, Нурадин стал искать его. Долго искал он Эдиге, но нигде не мог найти. Услышав весть о судье, Нурадин понял, что так рассудить может только его отец, и отправился в те края.

Он попросил прощения у Эдиге. Нурадин прикусил палец и три раза обернулся вокруг себя. Бог Неба Тангри благословил его. Отец простил сына. Нурадин вернулся править ханским двором, а Эдиге остался правителем на той земле.

Прошло несколько лет. Сын Токтамыс-хана Кадыр-Берди пришел во владения Нурадина, чтобы отомстить за своего отца. Он остановился со своим войском в окрестностях ханского дворца. Хитрый Ямбай в это время был в услужении у Нурадина. Он тайно сговорился с Кадыр-Берди погубить Нурадина. Как всегда, его замысел был хитер и точен.

В один день Ямбай пришел к Нурадину и сказал, что в окрестностях видел много дичи. Нурадин очень любил охоту и второпях, без свиты, вместе с Ямбаем вышел в поле. Ямбай привел его прямо к войску Кадыр-Берди. Кадыр-Берди захватил в плен Нурадина и завел его в свой шатер. Велел ему сесть на почетное место. До этого под подушку, на которую должен был сесть Нурадин, остри-

ями вверх были поставлены два кинжала. Когда Нурадин сел, кинжалы проткнули ему бедра. Но Нурадин не выдал своей боли. Ухватившись за кинжалы, он молчал, смотрел на Кадыр-Берди и ждал, что же тот скажет ему.

...Восхитился Кадыр-Берди мужеству и выносливости Нурадина. Он схватил подлого изменника Ямбая и на месте отсек ему голову. А Нурадина отпустил домой. Но яд отравленных кинжалов уже разошелся по всему телу Нурадина, и он тяжело заболел. Во время его болезни Кадыр-Берди пригнал табун на земли Нурадина. Нурадин встал с постели, чтобы прогнать чужие табуны. И умер на коне от смертельных ран...

После смерти Нурадина Кадыр-Берди сел на золотой престол и стал править ханством. Но не давало ему покоя то, что жив еще Эдиге, и, собрав народ, Кадыр-Берди... стал готовить войско в поход. Предводители его войск Барын-мурза и Ширин-мурза хорошо знали Эдиге и боялись идти на него...

Кадыр-Берди с мурзами отправился к Эдиге. Они переплыли бурлящую реку Эдиль и направились в горы. Узнав, что к его земле приближается враг, Эдиге с войском вышел ему навстречу... Молодой султан Кадыр-Берди... обнажил клинок и бросился на старого Эдиге. Эдиге отразил его удар. И стали они драться. В бою Эдиге был ранен, но сумел булавой убить Кадыр-Берди...

Одолев Кадыр-Берди, раненый Эдиге бежал от ханских воинов. Барын-мурза и Ширин-мурза с сорока охранниками преследовали его. Барын-мурза сказал: „Кто снесет голову Эдиге, тот и сядет на ханский трон“. Долго гнались они за Эдиге. Вот погоня приблизилась к озеру. Следы коня вели в камыши. Они стали искать Эдиге, но не могли найти. Уже хотели развернуться и уйти, но Барын-мурза сказал: „Он не мог уйти отсюда, обратных следов не видно“. Охранники остановились. „Выходи на

бой, Эдиге, или боишься?" — крикнул Барын-мурза. Эти слова задели Эдиге, и он вышел на поединок.

Но Барын-мурза обманул его: как только Эдиге вышел из камышей, сорок охранников выпустили в него свои стрелы, накинули аркан и повалили Эдиге. Барын бросился на связанного Эдиге и снес ему голову. Голова упала на землю и сказала: „Что сделал я тебе, скажи, Барын? За что на старца руку ты поднял? Так пусть отныне род твой прекратится! Пусть высохнет земля твоя от зноя! Что сделал я тебе, скажи, Барын? Я скинул с трона ханского потомка. При имени моем дрожали ханы, и только я смог троном завладеть, и не таким, как ты — паршивый пес. На золоченый ханский трон не тебе садиться". Только произнесла эти слова голова Эдиге, как Ширин-мурза зарубил кинжалом Барын-мурзу и, захватив голову Эдиге, устремился в Орду...»

Такая вот ногайская легенда. Конечно, к реальному Идигу она имеет мало отношения. И Идигу был совсем не мальчик, а муж во времена юности Тохтамыша, и мать его была вполне земной женщиной, но сам факт создания таковой легенды показателен: ногайцы, которые плохо признавали ханов поздней Золотой Орды, и, в конце концов, отсепарировались, создав собственную Ногайскую Орду, Эдиге или Идигу казался национальным героем.

Как вы можете правильно заключить, Идигу не был монголом. Он был степняком. Тюрком. Мангытом. В этом плане с Тимуром у него было гораздо больше общего, чем с Тохтамышем. Конечно, Идигу не позволял себе управлять Ордой без ханов, но после Тимур-Кутлуга на престоле успели побывать Шадибек, его сын Пулад (Булат русских летописей), сын Тимур-Кутлуга Тимур-бек. Первого и последнего с Идигу связывало и родство — оба они были женаты на дочерях Идигу. Это давало эмиру почти законное право держать Орду в железной руке. По

словам Арабшаха, «*...устраивалось дело людское по указам Идику. Он водворял в султанство, кого хотел, и смещал с него, когда хотел: прикажет, и никто не противится ему, проведет грань, и никто не переступит этой черты*».

Его власть пошатнулась, когда в 1413 году сын Тохтамыша Джелаладдин разбил войско Тимур-бека и осадил Идигу в Хорезме. Но даже тогда случилось почти невероятное: Идигу и Джелаладдин сумели сговориться: Идигу не возражал вступлению тохтамышева сына на престол, и в знак согласия присылал тому своего сына Султана-Махмуда и свою жену — сестру Джелаладдина. Вот они — крепкие династические связи.

Сын Тохтамыша согласился. Идигу как бы отошел от дел. Это совсем не означало, что эмир смирился. Нет. При сыновьях Тохтамыша Капеке и Керимберды он еще раз попробовал «поставить» своего кандидата — царевича Чекру. Тот сумел на очень короткое время (месяцев на девять) утвердиться на престоле, но был изгнан сыновьями Тохтамыша. При этом Чекре Идику еще раз успел сходить на ненавистного ему Витовта, пожег Киев и прокатился разорениями по Литве, но, понимая, очевидно, что Орда уже не та и нет в ней настоящей силы, заключил с Витовтом мир. Сложнее ему было вернуть мир с детьми Тохтамыша. У него это уже не получилось. Он и погиб, сражаясь с сыном Тохтамыша, Кемирберды, которого арабский источник именует как Кадир-берди.

«У Тохтамыша был сын, по имени Кадир-берди, который постоянно воевал с Идике из-за царства. В этом году (1419 г.) Кадир-берди (снова) пошел на Идике; а Идике (со своей стороны) выступил против него. Встретились они, и произошли между ними бой великий и сражение ожесточенное. С обеих сторон было убито много народу; Кадир-берди (сам) был убит во время схватки, и соратники его

бежали. Идике также был поражен множеством ран, и войска его также обратились в бегство. Идике бежал, предполагая, что Кадир-берди победил.

Покрытый ранами, он прибыл в одно отдаленное место, спешился там и сказал одному из бывших с ним лиц: „Ступай и разведай, в чем дело; если найдешь кого-нибудь из нашего войска, укажи ему (путь) сюда“. Тот отправился и, производя разведки, встретился с одним из эмиров Татарских. Это был один из сторонников Тохтамыш-хана, у которого он был старшим (эмиром). Поведал ему тот человек про дело Идики; тогда он (эмир Тохтамыша) спросил: „Где он?“ Тот указал ему (путь), и он пришел к нему (Идики).

Увидев его, Идики стал поносить и стращать его. Тогда тот сказал ему: „День был в нашу пользу, и мы сделали свое дело, (теперь) сделай ты все, что можешь“ (букв. что бы ни исходило от рук твоих). Затем он приказал бывшим при нем людям напасть на него (Идики) с мечами, и они разрубили его на куски».

Так торжеством справедливости и удовлетворением мести завершилась жизнь Идигу. По версии Арабшаха Идигу не был убит, напротив, того во время боя вытащили из реки Сырдарьи уже полуживого, оказывать помощь не стали, просто так бросили на берегу умирать. Казахи в честь Идигу назвали одну из вершин хребта Улатау — Идигетау, там, по их преданиям, и находится могила эмира. Они свято чтили его память. И понятно — почему. Идигу положил начало независимой части поздней Ногайской Орды — счет ее правителей ведется с Идигу. Следом за ним власть перешла к Нурадину, от него — к его детям и более в XV—XVI веках не выходила за пределы этой семьи. Территориально эта Ногайская Орда (не путать с Ногайской Ордой времени первых золотоордынских ханов) была расположена от низовьев Волги до реки

Иртыш (от Каспия до Арала) и на севере до Казанского и Тюменского ханств. К концу XVII века эта Ногайская Орда распалась: часть племен откочевала в область Казахстана и вошла в состав Младшей Орды (казахской), часть ушла в южные причерноморские степи и Крым.

На короткое время Идигу, действительно, вернул славу и мощь Золотой Орде. Но лишь на короткое время. Впрочем, Великая Монголия, сперва разделившаяся на большие части, затем — на отдельные государства, склеенная Тимуром (тоже ненадолго), уже не могла быть национальным государством монголов (чего так желал ее основатель Чингисхан!). Еще при жизни хана она стала империей монголов и тюрков. А после его жизни и при Тимуре главной стала и вовсе не национальная, а религиозная принадлежность.

Если говорить о путях монгольских государств после XIV столетия — это мусульманские страны, власть в них чисто номинально принадлежит ханам и монголам, на самом деле она все более растворяется в местном и религиозном колорите. Но неверно было бы думать, что эта Великая монгольская империя распалась из-за того, что была слабой. В военном отношении она была сильной даже в дни заката. Распалась она по очень простой причине: из-за особенностей наследования. Это наследное право предусматривало наделение всех потомков царского рода своими владениями, а из их среды выбирался старший, то есть правообладатель.

Такую же точно картину мы знаем по истории нашей собственной страны: передача власти старшему в роду и наделение всех потомков владениями. К чему это привело? К полному распаду древнерусского государства. К тому же результату привело это и монголов. Царский род размножился в невероятных количествах. Несмотря на то, что наследников периодически физически устраняли,

они плодились быстрее, чем сами земли могли это позволить. Русь научилась хорошо пожирать своих сыновей, ей в этом помогли как раз монголы. Монголам никто помочь не мог. А сами они на наследие хана не посягнули.

В результате с XV века начался общий развал уже крупных частей империи. Не помогло сплочению даже многолетнее и успешное правление Тимура-гурагана. Его владения распались с тем же успехом, что Великая Монголия.

Глава 3

ПОТОМКИ МОНГОЛОВ

После Тимура

Сыновья Тимура получили в наследство от отца огромную территорию — от границ Китая до границ Египта. Но, в отличие от отца, они оказались отвратительными правителями. По завещанию эмира правителем новой империи должен был стать сын Джехангира Пирмухаммед. По правилу старшинства он и в самом деле оказывался наиболее реальным наследником Самарканда. Но... но судьба рассудила иначе.

Во время болезни при Тимуре не оказалось ни Халиль Султана, ни Шахруха. Тут стоит упомянуть, что Халиль Султан вел полк левой руки, а Султан Хусейн — полк правой руки. Сам же Тимур находился в большом полку вместе со своими внуками Улугбеком и Ибрагимом-мирзой и вельможами — Бердибеком, Шейхом Нуруддином, Сарибугой, Шахмеликом и Ходжей Юсуфом, здесь же находились и джучидские ханы — Таш-Тимур-оглан (потомок Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи-хана), Чекре-оглан, сын Тохтамыша, а также Тайдзи-оглан, потомок Угедея, и Гадай-хан, родич Тайдзи-оглана. Халиль Султан и Шахрух были далеко. Когда вельможи решили послать

за первым, Тимур отказался, когда — за вторым, добавил, что все равно доехать не успееет. И с первым и со вторым у Тимура к концу жизни отношения были напряженными. Недаром он «сослал» Шахруха управлять Хорасаном, а мятежного внука от Умар-шаха Искандера — управлять Исфаханом — подальше от сердца империи Самарканда.

Впрочем, отношения с наследниками у Тимура складывались не самые приятные. Вот что об этих сложностях рассказывает Бартольд:

«Своим потомкам Тимур посвящал много внимания; их воспитание было государственным делом, совершенно изъятым из ведения их собственных родителей. Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко двору и окружали ее всякими заботами, но тотчас после разрешения у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время, ребенка поручали особому воспитателю (атабеку), и тот обучал его всему, что нужно было знать будущему государю.

Разницы между воспитанием наследника престола и воспитанием других царевичей не могло быть, так как не было точно установлено престолонаследия; кроме того, государство считалось собственностью всего рода, и отдельные царевичи в своих делах были почти совершенно самостоятельными правителями; вмешательство главы династии происходило только в тех случаях, когда удельный князь обнаруживал мятежные наклонности или ссорился с другими князьями, или когда область подвергалась явной опасности от другого управления, от внешних или внутренних врагов. Такие случаи были еще при жизни Тимура, который вообще в своих сыновьях и внуках далеко не был так счастлив, как Чингиз-хан».

Из четырех сыновей Тимура двое старших умерли, как мы видели, при жизни отца. Третий, Мираншах, родившийся в 1366 г., уже в 1380 г., 14 лет от роду, принял участие в походе на Хорасан и тогда же был назначен правителем этой (еще не завоеванной Тимуром) области. По своей жене, внучке хана Узбека, Мираншах, подобно Тимуру, носил титул гургана (зятя). Местопребыванием двора Мираншаха в то время, когда он был правителем Хорасана, был Герат. В 1393 г. ему было дано еще более высокое назначение; Тимур в это время мог считать себя обладателем «царства Хулагу», т. е. государства персидских монголов, и «престол Хулагу» был отдан Мираншаху.

Главными городами этого обширного удела, заключавшего в себе всю Северную Персию с Багдадом и Закавказьем, были Тибриз и Султания. Мираншах не только отличался личной храбростью, но также походил на отца жестокостью и коварством; в 1389 г. он в Самарканде убил последних потомков династии гератских владетелей — Куртов, причем на пиру со смехом отрубил голову сыну гератского князя Пир-Мухаммеду и потом объяснял свой поступок опьянением.

Однако около 1399 г. до Тимура дошли вести, что поведение Мираншаха совершенно изменилось, что после падения с лошади на охоте осенью 1396 г. у него стало обнаруживаться расстройство умственных способностей, что страна под его управлением приходит в полное расстройство и подвергается нападениям внешних врагов. Разрушительные наклонности, унаследованные Мираншахом от отца, приняли болезненные формы; Клавихо уверяет, будто он разрушал здания только для того, чтобы о нем говорили: «Мирза Мираншах не сделал сам ничего, а велел разрушить лучшие творения в мире». В это время в Самарканд прибыла «ханская дочь», жена Мираншаха, с жалобой на мужа и с известием о его мятежных намерениях.

Даулетшах рассказывает об этом событии с яркими подробностями, которых нет в других источниках, и которые едва ли соответствуют действительности; княгиня будто бы показала свекру свою окровавленную рубаху, и Тимур был так поражен поступком сына, что заплакал и целую неделю ни с кем не говорил. Официальная история говорит только о грубых обвинениях, возбужденных Мираншахом против жены; ей удалось опровергнуть обвинения, клеветники «из мужчин и женщин» поплатились жизнью; но разгневанная княгиня все-таки уехала в Самарканд.

Событиями 1399 г. был вызван последний, самый продолжительный (так называемый «семилетний») поход Тимура на запад, увенчавшийся победой над египетским султаном и «римским кесарем», т. е. османским султаном Баязидом. Мираншах и население его областей подчинились Тимуру без сопротивления; царевич был низложен, его советники и товарищи его веселой жизни казнены, растраченные им деньги возвращены в казну. Зато последующие события могли показать Тимуру, как непрочно согласие среди членов его династии.

«Отправляясь в поход, Тимур поручил Самарканд Мухаммед-Султану, сыну Джехангира, Фергану — Искендеру, сыну Омар-шейха. Еще зимою 1399/1400 г. между ними произошла ссора; весной 1400 г. Искендер по распоряжению Мухаммед-Султана был привезен в Самарканд и заключен под стражу; его атабек (Искендеру было тогда около 16 лет) и с ним 26 нукеров были казнены. В том же году сам Тимур низложил в Фарсе старшего брата Искендера, Пир-Мухаммеда; его обвиняли, во-первых, в том, что он под предлогом болезни уклонился от участия в одном походе, во-вторых, в приготовлении с неизвестной целью каких-то ядов. Советники царевича

были казнены; сам он был привезен к Тимуру и по приговору „великого дивана“ наказан палками; также было поступлено в 1401 г. с Искендером.

В самом конце 1400 г., во время осады Дамаска, внук Тимура (сын его дочери) Султан-Хусейн перешел на сторону осажденных и сражался против своих; еще до сдачи города, во время одной вылазки, он был взят в плен и приведен к Тимуру, который и в этом случае наказал виновного только палками. Мухаммед-Султан в 1401 г. был вызван к Тимуру, с тем чтобы получить престол Хулагу-хана; он принял деятельное участие в походах первых годов XV в., особенно в Малой Азии, но в 1403 г. умер от болезни. „Престол Хулагу-хана“ в 1404 г. был пожалован второму сыну Мираншаха Омару; ему были подчинены все войска Мираншаха и все царевичи, оставленные в Западной Персии и Месопотамии. Из них Пир-Мухаммеду еще в 1403 г. был возвращен Шираз; его брат Рустем получил Исфахан, старший сын Миранишаха Абу Бекр — Багдад, Искендер — Хамадан; о Миранишахе только сказано, что ему по просьбе его сына Абу Бекра было разрешено отправиться к этому сыну в Багдад. Клавихо видел Миранишаха в Султании, и царевич не произвел на него впечатления сумасшедшего (против этого говорит также участие Миранишаха в сражениях, о чем упоминает несколько раз и официальная история); он принял кастильских послов с соблюдением требований этикета и спросил о здоровии их короля.

Своим наследником Тимур после смерти Мухаммед-Султана назначил другого сына Джехангира, Пир-Мухаммеда, родившегося в 1376 г., через 40 дней после смерти отца (кроме Миранишаха, он с 1403 г. был старшим из находившихся в живых потомках Тимура); ему еще в 1392 г. был пожалован „престол Махмуда газневидского“, т. е. области к юго-западу от Гиндукуша до Инда. Дейст-

вия Тимура показывают, что он не только на провинившегося старшего сына, но и на младшего, Шахруха, никогда не подвергавшегося опале, возлагал меньше надежд, чем на своих внуков. Шахрух принимал участие в походах на запад до Палестины, но до конца жизни Тимура оставался в том звании, с которого начал свое поприще Мираншах,— в звании правителя Хорасана. Эта область (местопребыванием правителя, как и при Мираншахе, был Герат) была поручена ему в 1397 г., вместе с Сеистаном и Мазендераном.

В 1404 г. Тимур отклонил предложение вызвать сына в Самарканд. В последних политических комбинациях Тимура, связанных с его походом на Китай и прерванных его смертью, малолетним сыновьям Шахруха, как мы увидим, отводилось первое место, но сам Шахрух был из них совершенно исключен. О причинах такого отношения Тимура к Шахруху источники ничего не говорят; неизвестно, проявлял ли Шахрух еще при жизни Тимура то же чрезмерное преклонение перед шариатом и неуважение к законам Чингиз-хана, как во время своего царствования.

В 1404 г. посланный Тимуром Фахр ад-дин Ахмед Туси привлек к ответственности гератские власти и произвел среди них полный разгром; историк Фасих перечисляет целый ряд ходжей, которые в связи с этой ревизией были отправлены в изгнание в Ашпару и Сауран, но нет указаний на то, чтобы эти события оказали влияние на отношение Тимура к Шахруху и к его воспитателю Ала ад-дину Алике-кукельташу. Замечательно, что этот последний эмир, потом гордившийся тем, что Тимур доверил ему сына, в истории событий царствования Тимура совершенно не упоминается; неизвестно, мог ли он уже при Тимуре открыто проявлять те черты характера, которыми он... существенно отличался от других чагатайских военачальников и которые отчасти перешли на его воспитанника».

Халиль-Султан, сын Мираншаха, и Ахмед, сын Омаршейха находились в Ташкенте. Султан Хусейн — в Ясах. Зима в тот год была страшно холодная. Это кстати и послужило причиной болезни и смерти Великого Эмира: он пытался согреться, употребляя много вина. Это его и сгубило.

Перед смертью эмир очень хотел видеть своего Шахруха, но понимал, что умрет раньше, чем тот приедет. Тимур был уже слаб, жить ему оставалось недолго. И он простился лишь с теми, кто сопровождал его в походе. Сразу после его смерти возникли и первые сложности: никто не знал, что делать дальше. Между детьми Тимура согласия не было. Боялись и мятежа в войсках.

И по словам хрониста, вельможи «...и другие приближенные собрались и поклялись усердно выполнить завещание всемогущего властелина. Так как поход еще не был отменен, они держали в тайне смерть эмира, запретили женщинам переодеться в траурную одежду и громко плакать и рыдать, чтобы враги как можно дольше не знали о случившемся. Они послали гонца к царевичу Халил Султону и другим вельможам Ташкента и оповестили их о случившемся. Отправили гонца в Яси и Сайран к царевичу Султан Хусайну (сыну дочери Темурлана) и сообщили ему об ухудшении здоровья всемогущего властелина, просили срочно приехать. Хизр Кучина с письмом отправили в казну к Пирмухаммаду, сообщили ему о смерти эмира, его завещании о назначении Пирмухаммада наследником престола. Его просили как можно скорее отправиться в столичный Самарканд...

Всем царевичам и правителям в разных странах и областях были отправлены послания с извещением о трагическом событии и с предупреждением сохранять бдительность, укреплять власть и защищать свою территорию от посягательств врагов и недоброжелателей, которые, затаившись, годами ждали этого момента... В четверг ночью,

во время молитвы „хуфтан“ указанного месяца (февраль), завернув гроб в драгоценные райские благословенные ткани, вынесли из Отрора и отправились в Самарканд. Ночью перешли реку Худжанда по льду и остановились в роще на берегу реки. Расстояние от Отрора до реки составляет два фарсаха (12—16 км).

Как только рассвет разорвал юдоль траурной ночи, людей охватила горечь и, потеряв всякое терпение и забыв осторожность, все люди: женщины и мужчины, сопровождавшие гроб, начали так громко рыдать и плакать, что это доходило до небес».

Самое трудное было — это скрыть смерть Тимура от Султан Хусейна, который и при жизни эмира показывал желание править самостоятельно, только железная рука Тимура сдерживала эти порывы. После его смерти можно было предположить худшее. Именно поэтому всем родственникам сказали о смерти эмира, а Султан Хусейну — об ухудшении его здоровья. Вельможи рассуждали так: Султан Хусейн отправится в Отрар, а тем временем Тимур будет уже покоиться в Самарканде, и на престол взойдет Пирмухаммед. Но у Султан Хусейна были, вернее всего. тайные осведомители. Вместо того, чтобы спешить к смертному одру Тимура, Султан Хусейн пошел на Самарканд.

«Он распустил часть своего войска,— писал Едзи,— *взял их коней и вместе с тысячами отборных воинов, с запасными конями двинулся в путь и, переправившись через реку Худжанд, по дороге Казак отправился в Самарканд, чтобы обманом проникнуть в город. В тот же день, в полдень вернулся посланный к нему гонец и принес это известие. Так как время было неспокойное, всех охватил страх и смятение».*

Это известие посеяло среди вельмож панику. Было даже приказано взять Султана Хусейна и поместить под стражу, как только появится. Гроб тем временем двигался к столице. Это было весьма скрытное мероприятие.

Поскольку невозможно было отрицать наличие в процессии мертвого тела, объявили, что везут внезапно умершую в походе жену Тимура (одну из его многочисленных жен). А для того, чтобы даже это не стало темой разговоров среди простонародья, всем сопровождающим гроб велели снять траурные одежды. 23 февраля 1405 года тело Тимура привезли в Самарканд и тут же поместили в склеп. Вроде бы все сошло нельзя как лучше. Тут-то и стало ясно, как все ошибались.

Не Султан Хусейна следовало бояться, а внука Тимура Халиль Султана. 18 марта он неожиданно захватил власть. Сначала Халиль Султану присягнул весь Ташкент, затем — Самарканд. Историки рассматривают эту присягу Халиль Султану как простую узурпацию им власти, но все, видимо, обстояло сложнее. Халиль Султана любили, он был умен, отважен и великодушен.

Когда эмиры с малолетними внуками-наследниками подошли к Самарканду, город заперся и отказался их впустить, войти за стены разрешили только женщинам, ссылаясь на ожидание законного наследника и боясь именно захвата власти. Впрочем, в тридцатилетнем Пирмухаммеде никто не желал видеть великого эмира, слишком он на эту роль не подходил. Но Халиль Султана впустили, и это — показатель реального отношения к борьбе за тимурово наследство. А ведь возможных претендентов на власть было больше, чем Халиль султан или Султан Хусейн, или Улугбек с Ибрагимом. Узнав о смерти Тимура, все рассаженные по империи правители тимурова дома сразу почувствовали себя полновластными царьками и стали чеканить собственную монету. Пирмухаммед был слишком далеко — в Кандагаре, в зимнее время путь оттуда был тяжел и долог. Даже эмиры, поклявшиеся Тимуру возвести на престол Пирмухаммеда, понимали, что это в данной ситуации плохой выбор, он дарит не власть, а

череду усобиц. И каждый тимурид готов был попробовать взять власть, которая так плохо лежит.

Шахрух исключением не был. Но, понимая, что время безнадежно упущено, взял себе Герат. Так великая новая империя тут же разделилась на две части — западную (Шахрухову) и восточную (Султанову). Самарканд и Ташкент оказались в восточной части, а Хорезм и Герат — в западной. Ну, а далее — стали разделяться уже и части этих частей. И — что важнее: сразу объявились «настоящие» наследники территорий, которые очень хотели вернуть себе бывшие владения.

Наиболее сложная обстановка возникла в самой Средней Азии, где дети и внуки Тимура «гнездились» кучно. Большой раздел империи провел за год до смерти и сам Тимур: он пожаловал двоих своих внуков от Шахруха — Улугбека и Ибрагима — личными владениями: первому достались Сайрам, Янги, Ашпара и вилайет Джете (т. е. Моголистан до границ Китая), второму — Андижан, Ахсикет и Кашгар до Хотана. Впрочем, названные земли еще требовалось до конца покорить. К Халиль Султану, прежде к которому Тимур испытывал любовь, в последние годы он стал питать раздражение: из-за женитьбы против воли эмира этот наследник считался неугодным. Свою новую любовь он распространил на умного и смышленого Улугбека. По сути, он бы назначил Улугбека на свое место, если бы не то, что наследник был совсем еще мал. Сами посчитайте: он родился в 1394 году, какой из него правитель? Пирмухаммед был уже взрослым человеком, потому и должен был занять престол по завещанию. Но вместо него в Самарканде утвердился Халиль Султан: через два дня после взятия города он уже чеканил в нем монету с собственным именем. Халиль Султан, в отличие от Тимура, не побоялся ввести и еще одно новшество: он объявил себя законным государем империи

Тимура, то есть отказался прикрываться далее марионеточным ханом и назначил себе полную власть.

Если Тимур правил от имени чингисидов, то Халиль Султан объявил о начале правления тимуридов. Это был революционный поступок для того времени. Поступок, достойный уважения. На сторону Халиль Султана перешли Рустем-барлас и Хамза-барлас. Его торжественно встретили около города и вручили ему ключи — о каком захвате идет речь? Захвата не было. И внуки Улугбек и Ибрагим были, конечно, неприятно этим удивлены. Понимая, что Самарканд буквально утек между пальцев, Улугбек и Ибрагим-султан собрали войска и с Шахмеликом и Шейхом Нуруддином двинулись на Бухару, надеясь, очевидно, использовать город как опорный пункт во время междоусобицы — так всегда поступали, если требовалось выжидать и готовить поход на столицу. Но правителем этой Бухары был перешедший к Халиль Султану Хамза-барлас. Для него отъем Бухары был оскорблением. Не удивительно, что Бухару у внуков отбили силы Халиля. Туркестан и Сауран оказались в руках Бердибека. Ташкент, Ашпара, Ходжент и Фергана до Ура-Тюбе — в руках Худайдада. Хорезм — его вернули себе джучиды. Каждый стремился оторвать кусок пожирнее. В этой ситуации нужен был человек, который сможет собрать и удержать земли, завоеванные Тимуром.

Мог ли это сделать в одиночку Пирмухаммед? Вряд ли. А Шахрух? Специально изучавший это вопрос Ахмедов считает так:

«На первый взгляд, он успешно мог бы это сделать. Ряд обстоятельств указывает на то, что единоборство Шахруха с Халил-султаном могло бы завершиться в пользу правителя Хорасана. Во-первых, у Шахруха были собственные военные силы, ничуть не уступающие войскам Халил-султана; во-вторых, он имел сильного союзника в лице Пир-

Мухаммеда и, наконец, у него было немало сторонников в само Мавераннахре, которые считали, что престол Тимура должен принадлежать не Халил-султану, а Шахруху. Тем не менее, он не воспользовался этой возможностью. Слишком много забот оказалось у него в эти годы в собственном уделе. Здесь царило неспокойствие, заговоры и беспрерывные феодальные распри. Правители отдельных областей сразу же после смерти Тимура открыто выразили неповиновение его сыновьям, в данном случае Шахруху, и поднимали одно за другим восстания против него (усилилась и династическая борьба между самими тимуридами — Искандером, Аду Бекром, Умаром и др.).

Летом 807 г. х. (1405 г.) первым восстал Сулейман-шах, правитель Туса. Как указывает Абдурреззак Самарканди, поводом к этому была казнь Султана Хусайна. Шахрух выступил в поход против него лично. В этом походе Улугбек находился в свите отца, который поставил его во главе угрука [1]*, когда войско прибыло в Джам. Шахрух, опасаясь возможного союза Сулейман-шаха с Миран-шахом и Абу Бекром, находившимися в те дни в Мазандеране, предложил Сулейман-шаху заключить мир. Однако переговоры не дали никаких результатов. И Сулейман-шах, уклонившись от открытого сражения, ушел в Келат, но закрепиться там не смог. Под натиском Са'ид-ходжи, которого направил против него Шахрух, Сулейман-шах бежал в Самарканд и соединился там с Халил-султаном. Са'ид-ходжа, разрушив плавучий мост, построенный на Амударье Сулейман-шахом, вернулся в Герат. Это событие, согласно Абдурреззаку, имело место в середине джумада I 808 г. х. (в ноябре 1405 г.).*

В это самое время в Систане подняли восстание эмиры Шах Али, Шах Кутбуддин и Шах Джелалуддин и

[1] *Угрук* — тяжелый обоз, в котором находились палатки, женщины и скот.

Шахруху с большим трудом удалось его подавить. Был подавлен бунт также в Гуре и Гармсире. Теперь настало время действовать против Халил-султана, и Шахрух в джумаде I 808 г. х. (ноябре 1406 г.) начал сосредоточивать войска на левом берегу Амударьи. Первыми туда выступили с передовым полком Улугбек и Шахмелик. Они остановились в Андхуде. Вслед за ними с большим полком выступил сам Шахрух и разбил лагерь в Кизыл-Рабате, в Бадгисе. По замыслу Шахруха, Улугбек и Шахмелик должны были переправиться на правый берег реки и объединиться здесь с Пир-Мухаммедом. В это же время Халил-султан стоял на противоположном берегу Амударьи. Ему удалось вовремя предупредить нападение Шахруха. Сторожевой отряд был разбит. Улугбек и Шахмелик предложили Халил-султану заключить мир. Между ними был заключен мирный договор, и Халил-султан вернулся на правый берег, а оттуда в Самарканд».

То есть верховная власть осталась в руках Халиль Султана. Шахруху удалось казнить Султан Хусейна, но Улугбек оказался бессилен против Халиль Султана. У него было слишком мало войска, к тому же причин заключить мир оказалось больше, чем продолжать войну: у Халиль Султана была казна Улугбека, жены Улугбека, отец с войском был далеко, союзник Пирмухаммед тоже далеко (в Балхе).

Но и Халиль Султан не хотел войны: войско тоже было слабым, он оказался вдали от своих владений, кроме Улугбека на него в любой момент мог напасть Худайдада, любой просчет — и будет потеряна высшая власть. Мир заключили. Но продлился он совсем недолго: стоило Халиль Султану отойти, как из Балха на него двинулся опоздавший Пирмухаммед. Улугбек тут же присоединил к нему свое войско, и вместе они пошли на Самарканд. Шахрух же — не пошел.

Ему требовалась отсрочка. В его землях шли восстания. Первым, еще ранее, поднял восстание Сулейман-шах. Восставшие были очень недовольны убийством Султан Хусейна и тем, что голову, набитую травами, отправили Пирмухаммеду, а другие части тела выставляли на гератских базарах. Сулейман-шах был племянником Тимура, то есть тоже родственником, он считал, что искавшего защиты и спасения никак нельзя было предавать казни. Недовольных было немало. Так что Шахрух занимался решением собственных дел. С Сулейманом-шахом бороться пришлось долго.

В конце концов, Сулейман-шах бежал к Халилю, и тот, несмотря на то, что недавно Сулейман предоставлял убежище его врагу, его принял, обласкал и доверил передовой отряд. У Халился тоже были проблемы: Худайдада занял Ташкент и наладил отношения с монголами. Самарканд оказался под угрозой: с севера и востока на него собирались идти войска Моголистана и Худайдады, с запада и юга — войска Пирмухаммеда и выделенного в помощь Улугбека.

Последнее волновало Халиль Султана больше: для отражения нового удара он отправил навстречу «шахруховцам» Сулейман-шаха. И тот доверие оправдал: в битве при Аму-Дарье он разбил это войско. Снова начались переговоры и все с теми же условиями: Халиль обещал казну и женщин. Но в ответ Улугбек соединился с войском Пирмухаммеда, нарушив соглашение. Так что казну Халиль присылать не стал, но молодую жену Улугбека вернул. Между тем союзники ожидали подхода сил Шахруха. Халиль султан понимал, что такое соединение даст значительный численный перевес. Он успел подойти к противнику раньше, чем войска соединились. Неожиданный удар и измена в стане Пирмухаммеда решили дело. Пирмухаммед бежал в Балх, а Улугбек — в Хорасан.

Но Шахрух и теперь не выступил. Он болезненно отреагировал на разгром своих союзников, но биться с Халиль

Султаном не собирался. Почему? Он выжидал. Чего? Это могло быть только сообщение из самого Самарканда, что там появились внутренние враги Халиль Султана. Еще бы! Ведь Шахрух лично послал в этот Самарканд своих доверенных людей. Шейх Нураддин взялся даже «помочь» Халиль Султану подавить восстание Худайдады, но вместо этого захватил Отрар и поддерживал с Худайдадой связь, натравливая его на Халиля. Да и в городе образовалась «пятая колонна».

Шахрух ожидал сообщения не напрасно: таковое пришло. Эмиры Аллахдад и Аргун-шах обещали выступить против Халиль Султана, если Шахрух пойдет на соединение с ними. Вот тогда и только тогда Шахрух двинулся. Он послал Шахмелика связаться с Пирмухаммедом, но... Но тут в одночасье в его собственных владениях сложилась такая обстановка, что стало не до Самарканда: в Герате поднял восстание визирь [1] Са'ид-ходжа. Последний собирался посадить в Герате своего ставленника — Искандера, который пребывал в Исфахане. Войско Улугбека было отправлено на борьбу с этой заразой.

После подавления восстания Улугбек был назначен управляющим областями среднего и северного Хорасана. Только разобрались с везирем, началось восстание сына Мираншаха мирзы Умара, явившегося в земли Хорасана из Мазенадарана, Улугбеку удалось с ним справиться, и он получил управление и над Мазенадараном. За этим восстанием последовало новое, теперь его поднял Пир-падишах, правитель одной из областей Мазенадарана. Самарканд в это время был больше занят решением северного вопроса: его земле угрожали из Моголистана и Хорезма. Золотоор-

---

[1] ***Визирь (везирь)*** — (правильнее — везирь, на арабском языке означает носитель тяжести) — титул высших государственных сановников в мусульманских странах; в султанской Турции — титул министров.

дынские войска доходили до самой Бухары. Халиль Султану удавалось бить Худайдаду и хорезмийских джучидов, но те пользовались «запрещенными» приемами, и в ночной битве при Шарапхане Халиль Султан понес такие потери, что вынужден был даже вернуться в Самарканд. Правда, скоро Худайбада пошел на сепаратное соглашение, что, впрочем, ему не мешало поддерживать связь с джучидами и с Шахрухом.

22 февраля 1407 года совсем неожиданно союзник Шахруха Пирмухаммед был убит. Теперь уже и речи не шло о возвращении престола законному наследнику. Знамя, которым пользовался Шахрух, было уничтожено. Может, по этой причине между Шахрухом и Халиль Султаном начались новые мирные переговоры. На этот раз вполне успешные. Халиль вернулся в Самарканд, Шахрух — в Герат.

Но Шахрух видов на Самарканд так и не оставил. Его главным агентом был Худайдада, который угрожал Самарканду с севера. Из-за этого Халиль не мог отправить войско на Шахруха, не мог и отправить войско в нужном количестве на север. Существование «двух фронтов» вело к ослаблению силы Самарканда, что Шахруху и было необходимо. Помогло ему неожиданно и то, что в Самарканде стало много недовольных. Во-первых, в городе начались голодные дни. Из-за присутствия большой военной силы продовольствия не хватало. Во-вторых, политика, которую вел Халиль, многих раздражала. Особенно были недовольны тем, что к решению государственных дел была допущена любимая жена Халиль Султана Шад-Мульк. Она приближала ко двору людей низкого звания, но наибольший гнев вызвала тем, что приказала бывших жен Тимура выдать замуж за военачальников. Для последних это было честью, для первых — неслыханным унижением. Так что совсем неудивительно, что при дворе Шад-Мульк не любили, а не любя ее, стали соответствующим образом относиться и к Халиль султану. Тому, впрочем, было совсем не

до «постельного вопроса» Шад-Мульк, с севера на него шел Худайдада, так что Халилю пришлось срочно идти с войском ему навстречу.

Весной 1409 года Худайдада взял в плен и самого Халиля, и его жену. А далее начался торг между Шахрухом и Худайдадом. Тот предлагал отдать Шахруху и Халиля и Шад-Мульк в обмен на передачу права на Мавераннахр Мухаммеду Джехангиру. Джехангир вместе с другими царевичами ожидал Шахруха в Джаме. О характере договора с Худайдадой можно лишь догадываться: Шад-Мульк он отдал, но Халиля «удержал», уходя из Самарканда. Наверно, это Шахруха волновало мало. 13 мая он торжественно вступил в Самарканд.

> *«Таким образом,—* пишет Бартольд,— *столица без пролития крови перешла во власть Шахруха, как четырьмя годами раньше во власть Халиль-Султана; но на этот раз победитель не был склонен проявлять великодушие. Одинаково жестокой расправе подверглись представители обеих враждовавших между собой партий, царицы и эмиров. Аллахдад и Аргун-шах были подвергнуты пытке (от них требовали выдачи денег, принадлежавших казне) и потом казнены; казни подвергся также один из представителей гражданского управления, ходжа Юнус Семнани. Царицу Шад-Мульк также пытали, потом с позором провезли по городским базарам. Баба-Турмуш, также подвергнутый жестоким пыткам, однажды, когда стража вела его в цепях мимо большого хауза* [1]*, вырвался из рук стражи, бросился в хауз и утонул».*

По уровню жестокости Шахрух был достойным сыном своего отца. Но спустя год он оставил Самарканд, назна-

[1] *Хауз* — водоем с чистой питьевой водой.

чив Улугбека правителем под опекой Шахмелика. Итак, в Герате сидел теперь Шахрух, в Самарканде — Улугбек.

Худайдада, захватив Халиля, требовал от Шахруха такой размен: он отдаст Халиля, если Шахрух отдаст ему Нураддина, но последний был в Отраре и его Шахрух никак не мог выдать. Один сын Худайдады сторожил Халиля в Фергане, другой засел в Шахрухии, сам Худайдада вел переговоры с монголами, но те военной помощи не подали, разве что прислали «царские» подарки Халиль Султану. Шахрух послал несколько отрядов на Худайдаду, больше всего боясь его союза с монголами. Шахмелик обложил Алла-кух и заставил крепость сдаться, взамен Халиля должны были выдать в Самарканд. Халиль вместо того, чтобы идти в Самарканд, ушел в Отрар, где его уже поджидал Нураддин. А Худайдада, надеясь «играть» Халилем и дальше, отправился к монголам, но ему не повезло. Монголы его убили, а голову прислали в подарок Шахруху. Сам Халиль заключил с Шахрухом договор, по которому не претендовал на Самарканд, но ему был выделен Рей и возвращена любимая жена. Впрочем, дни Халиля были короткими: он умер спустя два года — в 1411 году. Шад-Мульк, не вынеся разлуки с любимым, предпочла совершить самоубийство. Так завершилось это противостояние.

Все юные царевичи были определены на свое место: Улугбек — на престол в Самарканде, Ибрагим — в Балхе, сын Умар-шейха Ахмед — в Фернаге, Мухаммед-Джехангир — в Хисаре и Сали-Сарае. Сам Шахрух, развязав наследный узел, вернулся к себе в Герат. Начало правления Улугбека не было спокойным. С назначением Улугбеку Самарканда не мог смириться Нураддин, стоявший за Джехангира. Так что уже через год после счастливой развязки Улугбек с Шахмеликом были разбиты, но город сдаваться отказался и требовал к себе для решения вопроса самого Шахруха. Это хорошо показывает, насколько полноправ-

ным царевичем был Улугбек. Практически весь Мавераннахр оказался охвачен восстанием, только Самарканд, Келиф и Термез остались верными Шахруху. Тот привел свое войско, и, в конце концов, недовольство было усмирено. Мухаммед-Джехангир вернулся на свое место в Хисар, а Улугбек — в Самарканд. Нураддина Шахрух велел схватить, но наместник пограничной с Моголистаном области был совсем не заинтересован в усилении влияния Шахмелика, так что он «не заметил» Нураддина и позволил тому бежать к монголам. Через год состоялся монгольский налет на земли юга, но ханское войско было отбито Шахмеликом, и между ним и ханом был заключен договор: последний обещал не поддерживать Нураддина.

Самому Нураддину оставалось жить меньше года.

«Шейх Нур ад-дин, отделившись от моголов,— пишет Бартольд,— *проник в Сауран всего с 500 всадниками; но в самом городе в его распоряжении оказались такие силы, что Шах-Мелик, после заключения мира с моголами, подступивший к Саурану, не мог овладеть им открытой силой; возможно, что его удерживало также присутствие в городе вдовы Тимура. Хафиз-и Абру с эпическими подробностями описывает, как Туман-ага с вершины одной из башен говорила с Шах-Меликом и заплакала при упоминании о Тимуре, как происходили переговоры между Шах-Меликом и Шейх Нур ад-дином, как было условлено между ними свидание, как они, каждый с двумя нукерами, сошлись у стен крепости, как Шейх Нур ад-дин бросился обнимать своего бывшего друга, находившегося в войске Шах-Мелика, и как тот, заранее подговоренный Шах-Меликом, неожиданно повалил на землю ничего не подозревавшего эмира и быстро заколол его. Так был уничтожен последний военачальник в Мавераннахре, не признавший власти Шахруха и Улугбека. Шах-Мелик сделал свое дело;*

чтобы плодами его деятельности мог воспользоваться Улугбек, необходимо было удалить из Мавераннахра слишком могущественного эмира; негодование, вызванное его вероломным поступком под стенами Саурана, давало Шахруху и Улугбеку желанный предлог для этого».

Еще ранее Улугбек жаловался своему отцу, что Шахмелик оскорбляет его достоинство и плохо управляет страной, Шахрух поинтересовался на этот предмет у вельмож и получил разъяснение: Шахмелик ведет правильную политику, но держится с Улугбеком надменно, что и вызывает у того неприязнь. Когда Шахруху была доставлена голова Нураддина, тот «спустил» гнев на Шахмелика и обвинил того в самоуправстве и нарушении приказа. Была эта сцена разыграна или нет — вопрос не столь важный. В этот год 17-летний Улугбек освободился от власти опекуна: Шахрух забрал Шахмелика с собой в Герат. Улугбек начал править в Самарканде своей волей.

При Шахрухе была восстановлена видимость цельности оставленной Тимуром империи: огромная страна вроде бы казалась единой. На самом же деле, все было несколько иначе. Да, Шахрух считался держателем власти, но от него мало зависело управление на местах. Если при его отце Тимуре местные эмиры боялись даже пикнуть, хорошо понимая, чем им грозит малейшее неповиновение, и вся система власти была так хорошо отлажена, что не допускала и тени самостоятельности, то при Шахрухе, который считался главой государства, от него зависел лишь красивый фасад империи. Он, как мог, этот фасад реставрировал и поддерживал. На самом же деле управляли за него дети, вельможи и старшая жена, мать Улугбека.

Управляли они, скажем, не худшим образом. Современники отмечали даже некоторое благоденствие и порядок, которые наступили в империи после первых лет смуты.

Ему очень повезло с выбором главного эмира империи — Джелаль ад-дина Фируз-шаха, который был весьма сведущ в деле управления. Сам Шахрух мало интересовался как военным искусством, так и государственными законами, он был человеком верующим и целиком отдавался религии, пытаясь строить мир по нормам шариата. Так что всем, что выходило за религиозные рамки, занимались те, кто больше понимал и в войне, и в торговле, и в политике.

Его сын Улугбек гораздо больше придерживался монгольского права, чем Шахрух, в этом он оказался продолжателем Тимура. Свой самаркандский улус он обустраивал согласно традиции Тимура. При нем город «прирастал» новыми строениями и сверкал как жемчужина во всей среднеазиатской земле. Герат в этом плане не мог никак сравниться с Самаркандом. Правда, нововведение Халиль Султана — отказ от соправления с монгольскими ханами и «поставка на видимость власти» ханов из рода Тимура (таковым был при нем Мухаммед-Джехангир) — при Улугбеке было отменено, он действовал традиционным, то есть дедовским методом: имел реальную власть при марионеточном монгольском хане. Это никак не мешало Улугбеку проводить собственную политику. Ханы-соправители при нем были еще более ширмой, чем при Тимуре: он их ни к каким делам не допускал, их правильнее можно назвать даже не соправителями, а самаркандскими узниками: ханам выделялось особое место в городе — «ханская ограда», там они содержались в почете и довольстве, но за пределы своей тюрьмы не выходили. Насколько их власть была иллюзорной, говорит хотя бы тот факт, что история даже не сохранила их имен.

В последние годы жизни Улугбек и вовсе, кажется, отменил этих ханов, потому что одна сохранившаяся надпись в качестве назначенного хана называет малолетнего царевича, сына самого Улугбека. На короткое время после

смерти Улугбека появился монгольский хан, оставшийся безымянным, но после него тимуриды больше не пользовались монгольской подставой. Сам Улугбек был женат на дочери Мухаммед-Султана, ведущей свой род от хана Узбека, вторая его жена была дочерью Махмуд-Султан-хана, так что он, как и Тимур, носил титул гурагана (царского зятя) и мог даже «ставить» своего хана из собственной семьи — такая вот запутанная родословная история.

Улугбек мало интересовался военными походами своего отца, он, конечно, выделял для этих целей часть своего войска, но сам участия в походах не принимал. Изредка он посещал отцовский Герат, но вся его жизнь была сосредоточена в Самарканде. Шахруху же удалось отбить Хорезм у отделившихся от Золотой Орды узбекских ханов и восстановить там власть тимуридов. Он также ходил походами на запад, пытаясь там поддерживать порядок. Улугбек не занимался ни делами Хорезма, ни западными походами. Когда Шахрух пошел войной на мятежного Искандера, словно в насмешку для этого похода Улугбек выделил только... боевых слонов, этим помощь и ограничилась.

Более сложные отношения у него возникли с Ферганой, правитель которой не желал пребывать под властью Улугбека. Так что последнему пришлось вести с Ферганой войну. Эта война для Улугбека была не слишком удачной, его войско было разбито, и из всех городов удалось удержать только Андижан. Ферганские дела так запутались, что решать этот вопрос пришлось эмиру Шахруха. Уговорами, обещаниями, запугиванием хана Ахмеда удалось удержать область Ферганы внутри государства тимуридов.

Другая опасность для Самарканда исходила от соседнего Моголистана. Там тоже шла смута за смутой, такие же, как и на земле узбеков. Улугбеку удалось посадить на престол Моголистана своего ставленника, смуты приостановились. Зато снова осложнились отношения с узбеками,

коим даже удалось разбить войско Улугбека во время похода последнего на восток, в сторону Иссык-Куля.

Поход состоялся в 1427 году, весьма памятный год для Улугбека. Узбеки были тогда столь же кочевым народом, что и жители Моголистана, владения тимуридов в стране узбеков были совершенно ненадежны: узбеки нападали на города и мгновенно отходили, оставляя после себя лишь разрушения. Воевать с таким противником Улугбек не умел. Когда Улугбек вернулся в Самарканд, туда же прибыл и Шахрух, тот решил провести показательное наказание для воинов, потерпевших поражение. Началось суровое разбирательство. Виновные в поражении были наказаны палками, а сам Улугбек на время отстранен от управления своей землей. Хотя потом Шахрух вернул ему власть, Улугбек пережил унижение очень болезненно: более он никогда сам не принимал участия в военных походах. И к концу его правления «джете» из Моголистана и узбеки с востока постоянно тревожили спокойствие Самарканда, они стали не возможной угрозой, а неким хроническим бедствием, с которым Улугбек справиться не мог. Кашгар был потерян для него навсегда.

Монголы применили тут обычную для себя тактику: постоянно совершая набеги на земли Улугбека, они вынудили оседлых жителей просто покинуть эти места. При монгольском хане Эсен-Буке кочевники вполне удачно ходили походами на Туркестан, Сайрам и Фергану. В тридцатые годы XV века появился сильный узбекский хан Абулхайр, при нем государство тимуридов все время жило в страхе перед набегами кочевников. С этой угрозой не могли справиться и войска Шахруха. Через десять лет наместники Абулхайра уже сидели в Сагнаке, Сузаке и Узгенде.

Устройство общества в Герате и Самарканде было совершенно несходным. Если гератский владыка Шахрух создавал шариатское государство, то его сын — государство светское.

Как пишет Бартольд:

«...Самарканд жил при нем (Улугбеке.— Автор) той же жизнью, как при Тимуре, и двор Улугбека ничем не походил на двор его отца в Герате. В Герате государь по пятницам посещал мечеть, как простой мусульманин, ничем не ограждая себя от толпы, вследствие чего в 1427 г. могло быть совершено покушение на его жизнь; в месяц рамазан им строго соблюдался пост, даже во время путешествия; четыре раза в неделю, по понедельникам, четвергам, пятницам и субботам, ко двору призывались чтецы Корана. Шахруха называли мусульманским царем по преимуществу; к нему был применен хадис [1] *об обновителе веры, являющемся в начале каждого столетия; строго преследовались запрещенные религией удовольствия; мухтасибам* [2]*, которых в городе было двое, был предоставлен полный простор; не соблюдалось даже старое правило, по которому мухтасибу не должно было быть дела до того, что происходило внутри частных домов; гератские мухтасибы могли входить в дома знатных людей и, если находили там вино, выливать его.*

В 1440 г. Шахруху донесли, что погреба с вином остались только в домах царевичей Джуки и Ала ад-дауля (сына и внука Шахруха), куда мухтасибы не решались войти; Шахрух сам сел на коня, позвал мухтасибов с их подчиненными, вместе с ними отправился к царевичам, и вино было вылито в его присутствии.

В Самарканде в это время продолжались пиры с музыкой и пением; из Самарканда приглашались музыканты и

---

[1] *Хадис* — изречение из Корана, правило.

[2] *Мухтасибы* — специально назначенные лица, которые обязаны были следить за нравственностью военных чинов и за соблюдением религиозных обязанностей и исполнением повелений султана совместно с джанбашиями.

певцы богачами других городов; в биографии ходжи Ахрара говорится о приглашении самаркандских музыкантов и певцов в Ташкент на пир, устроенный одним из местных богачей в начале 20-х годов XV в.

Замечательно, что на стороне Улугбека был самаркандский шейх ал-ислам Исам ад-дин, сын Абд ал-Мелика и преемник Абд ал-Эвveля; шейхи дервишей, нападавшие на Улугбека за отступление от правил шариата, были принуждены направлять свои обличения также против официального главы мусульманского духовенства. Шейх ал-ислам однажды построил новые бани и, празднуя окончание постройки, устроил пир, на который явились только женщины-певицы; мухтасиб Сейид-Ашик, назначенный на эту должность Улугбеком, обратился к шейх ал-исламу с резким упреком: „Шейх ал-ислам без ислама, по какому мазхабу (толку) дозволяется мужчинам и женщинам сидеть вместе и петь?“»

Улугбек не видел ничего дурного в увеселениях и нестрогом следовании канонам ислама. Само собой, его противниками стали все, кто требовал строгой веры,— наиболее враждебно были настроены дервиши. Но это не значит, что Улугбек был плохим мусульманином. Он прежде всего был заинтересован в распространении учености, недаром именно он велел построить медресе, которое и получило имя Улугбека. В этом учебном заведении должны были совершенствоваться таланты исламских ученых.

«Медресе, построенное Улугбеком в Бухаре и Самарканде,— писал Бартольд,— *оказались самыми долговечными из его построек и вообще из его предприятий. Оба здания до сих пор (XIX век.— Автор) выполняют свое назначение, тогда как все остальные медресе, существовавшие в обоих городах в XV в. и раньше, исчезли бесслед-*

но. О бухарском медресе известно только, что в 1841—1842 гг., во время пребывания в Бухаре Ханыкова, в нем было 80 комнат; студенты получали по 3 $^{1}/_{2}$ тили[1] *в год; о судьбе учреждения со времени его основания до XIX в. мне в источниках не приходилось встречать никаких известий. О самаркандском медресе впоследствии (в XIX в.) существовало предание, будто в нем преподавал сам Улугбек; более ранние источники об этом не упоминают; в XVI в. говорили только, что Улугбек лично принимал участие в постройке.*

Тот же автор XIX в. называет мударрисом[2] *медресе Улугбека астронома Кази-заде Руми; по-видимому, это тот же „румский казий", который действительно читал в Самарканде лекции в медресе Улугбека; слушать его лекции приезжал в Самарканд молодой Джами, родившийся в 817/1414 г. По словам Васифи, первым мударрисом в медресе Улугбека был назначен мауляна*[3] *Мухамед Хавафи. Когда постройка приближалась к концу, присутствовавшие при сооружении здания спросили Улугбека, кто будет назначен мударрисом; Улугбек ответил, что им будет прислан человек, сведущий во всех науках. Слова Улугбека услышал мауляна Мухаммед, сидевший тут же в грязной одежде „среди куч кирпича", и тотчас заявил о своем праве на эту должность. Улугбек стал его расспрашивать, убедился в его познаниях, велел отвести его в баню и надеть на него хорошую одежду.*

В день открытия медресе мауляна Мухаммед прочитал лекцию в качестве мударриса; присутствовало

---

[1] *Тили* — денежная единица в Средней Азии.

[2] *Мударрис* — учитель, одно из высших духовных лиц, обучающих шариату в высшей школе при мечети (медресе); в данном контексте — лекторий, место для ведения ученых бесед.

[3] *Мауляна* — «господин наш», почетный титул ученых и духовенства, учитель, духовный наставник.

90 ученых, но никто из них не мог понять лекцию, кроме самого Улугбека и Кази-заде Руми. В биографических сведениях о ходже Ахраре говорится об одном из его учеников, Абу Са'иде Аубахи, учившемся прежде в медресе Улугбека; разочаровавшись в книжной науке и познакомившись с ишаном [1] (ходжей Ахраром), он известил своих товарищей по медресе, что дарит им все, оставшееся в его комнате, в том числе все книги. Из этого видно, что медресе Улугбека было сосредоточием книжного богословия, в противоположность дервишизму [2]. Студентов медресе, по словам Даулетшаха, было более ста. В XVI в. число студентов, по-видимому, увеличилось, так как одних мударрисов было десять человек; главный мударрис считался главой всех самаркандских ученых.

В 1580 г. медресе Улугбека посетил хан Абдулла. Во время смут конца XVII в. медресе пришло в упадок и уже в начале XVIII в. стояло пустым; вскоре после этого захватившие цитадель мятежники разрушили верхний этаж здания, командовавший над цитаделью. В 1752 г. эмир (впоследствии хан) Мухаммед-Рахим воспользовался пустыми зданиями самаркандских медресе для устройства хлебных амбаров».

Итак, дела, которые действительно удавались Улугбеку, к войне не имели ни малейшего отношения. Правитель Самарканда был ученым. Кроме медресе он возвел в Самарканде обсерваторию, устроенную по последнему слову тогдашней науки.

---

[1] *Ишан* — эшон, глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежащей к одному из мистических (дервишских, суфийских) орденов.

[2] *Дервишизм* — «путь нищеты», суфийское направление в исламе, направленное на постижение Аллаха через ограничения плоти и духовные откровения.

«Об устройстве обсерватории Улугбека,— писал Бартольд,— *остатки которой в 1908 г. были открыты В. Л. Вяткиным, источники (Абд ар-Раззак и Бабур, отчасти также комментаторы сочинений Улугбека) сообщают крайне скудные сведения; раскопки площади здания также не дали в этом отношении почти никаких результатов. Найдена находившаяся под землей часть квадранта* [1] *огромной величины; по письменным известиям, высота квадранта равнялась высоте храма Св. Софии в Константинополе. Все здание, по словам Бабура, было трехэтажным. Абд ар-Раззак говорит об изображении девяти небес, девяти небесных сфер с градусами, минутами, секундами и десятыми долями секунд, небес вращения, семи планет, неподвижных звезд, земного шара с делением на климаты, с горами, морями, пустынями и т. п. Слова заставляют полагать, что речь идет о стенной живописи, а не об отдельных глобусах (каковые были в некоторых других обсерваториях, например в мерагской) и картах».*

Расцвет культуры и науки при Улугбеке в то же время соседствовал с ухудшением положения в стране. Это было характерно не только для земель Самарканда, где мир и красоту можно было ощущать лишь во дворце Улугбека. Огромная империя Тимура после смерти Шахруха стала стремительно разваливаться: Западный Иран и Фарс взял Мухаммед-султан, Гурган и Астрабад — Абу-л-Касим. Бабур, Хорасан и Герат — Алауддоулэ; земли по обоим берегам Амударьи — Балх, Хутталан, Кудуз, Баглан, Арханга, Сали Сарай, Андхуд, Шибирган, Меймене, Фараб — сын

[1] *Квадрант* — астрономический угломерный инструмент, служивший для измерения высоты небесных светил над горизонтом и угловых расстояний между светилами.

Улугбека, главнокомандующий войском Шархруха, Абдуллатиф, Иран и Азербайджан вернул себе Джехан-шах из династии Кара-Куюнкулу. Улугбеку удалось с трудом отобрать у Алауддоулэ присвоенные им территории, но настроения в стране были таковы, что Улугбеку пришлось оставить Хорасан и вернуться в Самарканд.

Выехал он с казной, саркофагом отца и прочими богатствами, но в дороге был разбит и ограблен сначала мятежным эмиром Хиндуком, затем кочевыми узбеками. Хорасан был потерян, и Улугбек думал вернуться туда весной, с новыми силами. Но этому уже было не суждено свершиться. Против Улугбека выступил его собственный сын Абдуллатиф. Он в отличие от отца не был ученым, его не привлекал вид звездного неба, но он очень хорошо знал свое дело — войну. Абдуллатиф, может быть, и не выступил бы против своего отца, если бы тот не решил «поставить» сына на место.

Оказалось, однако, что сделать это не просто. Абдуллатиф был хорошим воином. Его войско разгромило отряды Улугбека, а самого Улугбека взяло в плен. Над Улугбеком был устроен суд по всем правилам шариата, суд приговорил (по показанию некоего свидетеля, требующего мщения за убитого Улугбеком отца) лишить бывшего правителя жизни. Суд был тайной для самого Улугбека. Абдуллатиф обещал сверженному отцу путешествие в Мекку. Но Мекка, о которой говорил Абдуллатиф, была несколько заоблачного свойства.

Как говорит Бартольд:

«...Улугбек вместе с хаджи вечером выехал верхом из Самарканда; он был весел и разговаривал обо всем. Когда они проехали небольшое расстояние, их догнал какой-то чагатай из рода сулдузов и от имени хана велел им остановиться в соседней деревне, чтобы могли быть законче-

ны приготовления к путешествию Улугбека; Улугбек будто бы должен был совершить путешествие в такой обстановке, которая вызвала бы одобрение „малых и больших, таджиков и турков". Очень смущенный этим распоряжением, Улугбек был вынужден остановиться в соседней деревне и вошел в один из домов. Было холодно; Улугбек велел развести огонь и сварить мясо. Искра от пламени, разведенного нукерами, упала на плащ Улугбека и сожгла часть его; Улугбек посмотрел на огонь и сказал по-турецки: „Сен хем бильдин" („ты тоже узнал"). Мысли Улугбека приняли мрачное направление; хаджи тщетно старался его утешить. Вдруг отворилась дверь, и вошел Аббас с другим человеком; увидев Аббаса, Улугбек, не помня себя, бросился на него и ударил его кулаком в грудь; спутник Аббаса удержал Улугбека и сорвал с его плеч „алтайскую шубу"; Аббас ушел за веревкой. Хаджи запер за ним дверь на цепь, чтобы Улугбек успел совершить омовение. Когда Аббас вернулся, Улугбек был связан и вытащен на двор; хаджи и другие спутники Улугбека попрятались по углам; Аббас посадил Улугбека у горевшего фонаря и одним ударом меча покончил с ним; хаджи и нукеры вернулись в Самарканд».

После гибели Улугбека Абдуллатиф расправился и со своим братом-соперником Абдулазизом (того очень любил Улугбек), и с приближенными к Улугбеку эмирами, все они были казнены все по тому же приговору шариатского суда. Отцеубийца просидел на престоле совсем недолго: сразу после восшествия на престол он стал наводить в стране порядок такого рода, что, по словам современников, не оказывалось почтения старости и снисхождения юности, то есть казнили всех. Это вряд ли могло внести умиротворенность в жизнь Мавераннахра! Против Абуллатифа составился заговор, и утром, когда

Абдуллатиф торжественно ехал на молитву, 8 мая 1450 года он был повержен выстрелом из лука.

После гибели Абдуллатифа на престол был возведен мирза Абдулла. Его правление было сложным и проходило в междоусобных войнах. В Бухаре утвердился Абу Са'ид, в Шапургане, Балхе и Хисаре — Алауддоулэ, получивший потом от хорасанского Султан-Мухаммеда юго-западную часть Афганистана. Начались новые стычки. В 1452 году войско Абулхайра соединилось с отрядами Абу Са'ида и пошло на Самарканд. Абдулла двинулся им навстречу.

Далее приведу рассказ хрониста:

«Так как степь Дизакская (Джизакская) лежала на пути, и победоносное войско приходило в расстройство от зноя той степи, хан приказал нескольким людям узбекским привести в действие камень „йеде“. Узбеки поступили согласно приказанию, привели его в действие и заставили проявить его особенность, которая является одним из чудных дел творца: (способность) изменять погоду, (вызывать) тучи, снег, дождь и стужу. В два-три дня погода так изменилась, что покрывало тучи задержало сияние солнца, гром начал греметь и молния стала прыгать, и от стужи, снега и дождя образовался в мире потоп... Ливень и холод так усилились, что некоторые жители Хорасана, которые не знали о действии камня „йеде“, некоторое время удивлялись этому. Наконец, высочайший стан, под счастливой звездой и благоприятным гороскопом, приблизился к селению Шираз, лежащему в 4 фарсахах к северу от Самарканда.

С того времени, как подтвердился слух о походе его величества на Самарканд, ко двору его величества приходил отряд за отрядом из армии мирзы Султан-Абдаллаха. Люди, убившие мирзу Абд-ал-лятифа и встретившие разные милости от мирзы Султан-Абдаллаха, также

отложились. Мирза Султан-Абдаллах с устроенным войском переправился через реку Кухак и пошел навстречу. Оба войска, стремящиеся к битве, сошлись и занялись выравниванием рядов и размещением воинов...

С той стороны победоносное войско, отряд отважный и подобный львам, и полк, злобный, как тигр, ищущий боя, который стрелою пробивал глаз Меркурия и извергающим огонь копьем сжигал мозг Сатурна. С другой стороны была огромная армия и бесчисленное войско, мощное и столь многочисленное, что мысль смущалась от исчисления его, и счетчик воображения путался от счета его. С обеих сторон устроены были боевые ряды и принадлежности битвы и борьбы, и образ сражения стал виден взору. От пыли битвы небо стало не видно, и от крови убитых земля приняла цвет зари.

Отряды обеих армий накинулись один на другой, как волны зеленого моря и наподобие равнины страшного суда. Мирза Султан-Абдаллах, насколько можно было, удерживал позицию до тех пор, пока не были разбиты правое и левое крыло и центр, как его счастье, не был опрокинут, войско самаркандское разом обратилось в бегство; на лик судьбы мирзы Султан-Абдаллаха во время битвы легла пыль несчастья, и, попавшись в сеть беды, он был убит».

В Самарканде утвердился Абу Са'ид. Вместо культурного расцвета и учености Самарканд погрузился в объятия ташкентских дервишей. Оттуда новый правитель «выписал» ходжу Ахрара — ревностного сторонника шариата. О науке и развлечениях можно было забыть. Новый правитель не увлекался книжными диковинами, он следовал учению своего ташкентского наставника, что истинная цель хорошего мусульманина — праведная жизнь, так что над Самаркандом витала вера в чудеса и праведная жизнь воплощалась в ревностной молитве. Сам Абу Са'ид про-

славился не только тем, что имел при своем дворе двух шейхов — одного ташкентского, другого хорасанского, но и тем, что оказался более жестоким, чем его предок Тимур, такого количества казней и таких изощренных не было во время Улугбека и Шахруха, не отличавшихся мягким характером. В 1469 году во время завоевательного похода в западную Персию Абу Са'ид погиб. В Самарканде утвердился его сын Султан Ахмед. Султан Ахмед, дядя Бабура, стремился к праведной жизни, но у него был один порок — Султан Ахмед был алкоголиком. Он честно выполнял намаз, и хотя периодически впадал в запои, даже пьяный не забывал усердно молиться. При нем в Самарканде наука и культура отошли даже не на второй, на пятый план. Место Самарканда занял Герат. Там правил правнук Умар-шейха Султан Хусейн. Все культурные люди бежали из Самарканда в Герат, вместе с ними, как водится, бежала и культура.

Время Бабура

Захир-ад-дин Мухаммед Бабур был уже праправнуком Тимура Великолепного. Он родился в 1483 году в семье правителя Ферганы Умар-шейха. Матерью Бабура была Кутлук Нигар ханум; вторая дочь Юнус хана, старшая сестра Султан Махмуд хана и Султан Ахмед хана, происходившая от потомков другого великого человека — Чингисхана. Таким образом в Бабуре смешались крови тимуридов и чингисидов.

Казалось бы, самой судьбой ему назначено стать великим завоевателем. Однако, хотя Бабур и положил начало династии бабуридов или Великих Моголов, на самом деле он не был великим полководцем. Ему не удалось ни закрепиться в родных землях Средней Азии, ни осесть во вроде бы завоеванном Афганистане, и после долгих мытарств он,

в конце концов, сумел подчинить места от дома весьма отдаленные — например, Индию.

Подчинить Индию с ее неслыханными богатствами мечтали его предки — Хан и Эмир, но они так и не сумели там полноценно осесть. Бабуру это удалось по самой простой причине — более деваться ему было некуда. Ни Чингисхан, ни Тимур не жили в завоеванных землях, Бабуру же пришлось именно там поселиться, потому как возвращаться ему было некуда.

Но все по порядку. Властители среднеазиатских земель в малолетство Бабура были между собой родственниками. Правитель Самарканда Ахмед-мирза был его дядей, а правитель Ташкента хан Махмуд приходился зятем его отцу. Отец Бабура был четвертым сыном Абу Са'ид мирзы, к тому времени уже скончавшегося правителя Самарканда, который в свою очередь вел родословную от Мираншаха — нелюбимого сына Тимура. В свое время Абу Са'ид мирза дал Умарушейху область Ферганы, брат Султан Ахмед мирза выделил ему Ташкент и Сайрам, потом Умар-шейх сумел обманом захватить Шахрухию, но не только ее не удержал, но потерял и Ташкент, и в год смерти у него кроме Ферганы были в подчинении Ходжент и Усрушна.

Бабур

В мире родичи не жили. Отец юного Бабура Умаршейх находился с ними в состоянии войны. Он и погиб-то во время военных действий, хотя и по нелепому стечению обстоятельств.

Бабур рассказывал об этом инциденте так:

«В месяце рамазане года восемьсот девяносто девятого (1594 год) я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни... Один из городов на северном берегу реки Сейхун — Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсикет, так же как поэта Асир ад-дина называют Асир ад-дин Ахсикети. В Фергане после Андиджана нет города больше этого. От Андиджана к западу [до Ахси] девять йигачей [1] *пути. Омар Шейх мирза сделал его своей столицей...Так как Омар Шейх мирза был государь с высокими помыслами и великими притязаниями, то он всегда имел стремление к захвату [чужих] владений.*

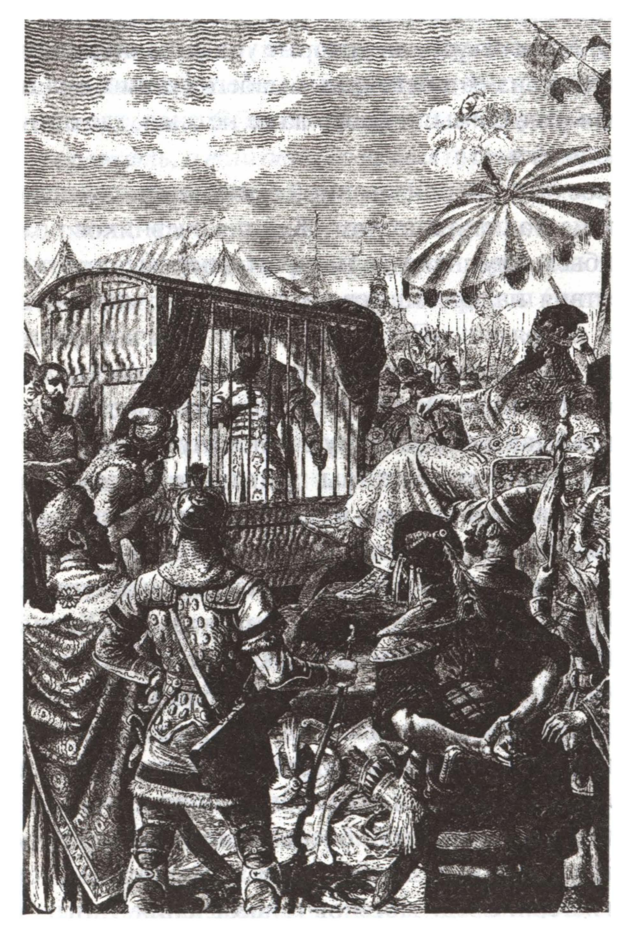
Он неоднократно водил войска на Самарканд, иногда терпел поражение, иногда возвращался против своей воли. Несколько раз он призывал к себе своего тестя Юнус хана, одного из потомков Джагатай хана, второго сына Чингиз хана. Ханом могольского народа в юрте Джагатая был в то время этот Юнус хан, который приходился мне дедом. Призвав его, Омар Шейх мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область. Поскольку дела шли не так, как хотел Омар Шейх мирза, то иногда по причине дурного нрава Омар Шейха, а иногда — вследствие сопротивления могольского народа [Юнус хан] не мог оставаться в этой области и опять уходил в Моголистан...

Так как старший брат Омар Шейх мирзы государь Самарканда Султан Ахмед мирза и хан могольского народа Султан Махмуд хан много терпели от дурного нрава Омар Шейх мирзы, то они заключили друг с другом союз. Султан Ахмед мирза сделал Султан Махмуд хана своим зятем и в упомянутом году Султан Ахмед мирза с южной

---

[1] *Йигач (фарсах)* — персидская мера длины; обычно расстояние, которое проходит караван до очередного отдыха, привала, или, иначе, расстояние, которое можно пройти пешком за час.

стороны реки Ходженда, а Султан Махмуд хан с северной стороны повели войско против Омар Шейх мирзы. В это время случилось удивительное происшествие. Уже было упомянуто, что укрепление Ахси стояло на высоком яру. Постройки находились на краю обрыва. В том году в понедельник четвертого числа месяца рамазана Омар

Тамерлан и пленный султан Баязид

Шейх мирза вместе с голубями и голубятней полетел в овраг и умер. Прожил он тридцать девять лет».

Отец Бабура забрался на голубятню, чтобы отправить сообщение, но подмытый берег обвалился, и Умар-шейх погиб. На престол был возведен двенадцатилетний мальчик. Детство для него кончилось. Земли Ферганы к тому времени были в постоянном разорении. Северные города Алмату, Алмалык, Янги, которые упоминались еще в древних книгах, из-за постоянных набегов диких орд превратились в развалины, и Бабур даже не знал, где они некогда находились.

Вырос он в цивилизованной обстановке, увлекался чтением и мечтал стать поэтом. Жизнь кочевников практически не была ему знакома, недаром, впервые посетив после восшествия на престол своих дядьев по матери, он был просто потрясен: «По могольскому обычаю распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед Ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины — Султан Мухаммед Ханике.

Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумысом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря. Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан».

Бабур смотрел на монгольские порядки примерно так, как цивилизованный белый человек девятнадцатого века на пляски африканцев вокруг костра! Воспитанный в совершенно другой атмосфере, он описывал порядки монголов как ученый-этнограф. Позже, анализируя эти впечатления, он записал: «*Прежде наши отцы и родичи тщательно соблюдали устав Чингиза. В собрании, в диване, на свадьбах, за едой, сидя и вставая, они ничего не делали вопреки уставу. Устав Чингиз хана не есть непреложное предписание [Бога], которому человек обязательно должен был бы следовать; кто бы ни оставил после себя хороший обычай, этому обычаю надлежит подражать, а если отец совершал дурное дело, его должно заменить хорошим делом*».

От многого, что он видел, ему становилось дико. От войны — тоже. Конечно, он знал, что рано или поздно ему придется вести войны, но первые опыты были удручающими.

Сразу после смерти отца ему пришлось вести войну с другими претендентами, поспешившими воспользоваться юностью Бабура. Вот почему тому пришлось отвоевывать свое наследство.

Наследными землями Бабур считал также и самый совершенный город его земли — Самарканд. Но Самарканд еще при жизни Абу Са'ид мирзы был отдан его старшему сыну Султан Ахмед мирзе, затем перешел его сыну Султан Махмуд мирзе, а после Султан Махмуд мирзы государем сделали Байсункар мирзу.

В 1496 году Байсункар вынужден был сражаться с мятежниками-тарханами. Бабур находился тогда в Андижане.

«Байсункар мирза повел войско к Бухаре против Султан Али мирзы. Когда он приблизился к Бухаре, Султан Али мирза и беки-тарханы построили войско и вышли. Произошла небольшая стычка. Победа осталась на сто-

роне Султан Али мирзы, Байсункар мирза понес поражение. Ахмед Хаджи бек и еще некоторые хорошие йигиты [1] *попали в плен. Большинство их убили. Ахмед Хаджи бека бесславно умертвили в отмщение за кровь Дервиш Мухаммед тархана.*

Султан Али мирза шел по пятам за Байсункар мирзой до Самарканда. Весть об этом в месяце шаввале [2] *пришла к нам в Андиджан. Мы тоже, мечтая о Самарканде, четвертого числа того месяца повели войско в поход. Три-четыре месяца мы осаждали Самарканд с трех сторон.*

Ходжа Яхья, прибыв от Султан Али мирзы, завел речь о союзе и согласии. В то время все крепости, горы и равнины, кроме одного Самарканда, переходили под наше начало. В конце месяца первого раби (27 ноября 1407 г.) я остановился в арке, в Бустан-Сарае. По милости всевышнего господа область и город Самарканд стали нам доступны и подвластны».

К этому времени Байсанкур и Бабур разделили между собой земли предков, но особая борьба шла за Самарканд. Бабуровы войска стояли у города семь месяцев.

«Когда после семимесячной осады мы с большими трудами взяли Самарканд,— писал он,— впервые вступили туда, то воинам попала в руки кое-какая добыча. Кроме одного Самарканда, все прочие области [уже раньше] подчинились мне или Султан Али мирзе; эти покорившиеся области не подобало грабить, да и как можно было бы что-нибудь добыть из местностей, подвергшихся такому опустошению и разорению? [Скоро] добыча воинов иссякла; при взятии Самарканда город был до того разорен, что

---

[1] *Йигит* — воин.

[2] *Шавваль* — июнь.

[жители] нуждались в семенах и денежных ссудах. Как получить оттуда что-нибудь? По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не могли им доставить. Стосковавшись к тому же по своим домам, они начали убегать по одному, по двое. Первым, кто сбежал, был Хан Кули, за ним — Ибрахим Бекчик. Моголы сбежали все до одного, потом Султан Ахмед Танбал тоже убежал. Чтобы успокоить эту смуту, мы послали Ходжу Кази [к Узун Хасану], так как Узун Хасан держал себя по отношению к Ходже с большой преданностью и уважением. Ходжа по соглашению с Узун Хасаном должен был подвергнуть некоторых беглецов наказанию, а некоторых отослать к нам. Но возбудителем смут и подстрекателем беглецов ко злу был, видимо, сам этот неблагодарный Узун Хасан; все они после ухода Султан Ахмед Танбала явно и откровенно проявили ко мне враждебность».

Недовольство в войске кончилось для Бабура печально: ему пришлось-таки отдать Самарканд. Дело в том, что противники обложили Андижан, где находилась и мать Бабура, и поскольку он считал, что, имея Андижан, всегда можно вернуть Самарканд, то вышел из города и отправился с союзными монголами отбирать Андижан. В руках Бабура Самарканд находился сто дней. Надо ли говорить, что Самарканд тут же был захвачен? А Бабур, подойдя к Андижану, обнаружил, что город сдан.

Город сдали ровно в тот день, когда войско Бабура вышло из Самарканда. Причиной столь неприятных дел была неожиданная болезнь Бабура. Внезапно он... онемел. В Самарканде тогда находился воин из Андижана, который, вернувшись в свой город, доложил так: «У государя отнялся язык; ему в рот капают воду с ваты». Прибыв с такого рода сообщением, он клятвенно подтвердил его перед Али Дустом.

Али Дуст находился у ворот Хакана. От таких слов он лишился твердости и, призвав врагов, заключил с ними договор и условие и сдал крепость. Бабур даже поверить не мог, что нукер не умышлял дурного, он называл его «лицемерным, неблагодарным, ничтожным человеком», хотя вполне может статься, что тот и не был виноват: увидев своего правителя в бедственном состоянии, он мог решить, что дни Бабура сочтены. Но благодаря этой ошибке Бабур потерял вдруг и Самарканд, и Андижан. Попытки взять оба города были безуспешны, пришлось возвращаться в Ходжент. Только в 1499 году он вернул Андижан.

Полтора месяца спустя «*Хусрау шах, вознамерившись повести войска на Балх, вызвал Байсункар мирзу в Кундуз и выступил к Балху. Дойдя до Убаджа, Хусрау шах... схватил Байсункар мирзу и его беков и накинул на шею Байсункар мирзе веревку. Было десятое мухаррама* [1], *когда он сделал мучеником такого даровитого царевича, полного достоинства, украшенного личными заслугами и высоким происхождением. Из его беков и приближенных Хусрау шах тоже некоторых убил*».

После смерти Байсункара Бабур снова решил идти на Самарканд. Для этого он заключил мир с Джехангиром. Мирный договор предполагал следующее: «*...области на Ахсийской стороне реки Ходженда отойдут к Джехангиру, а области на Андиджанской стороне отойдут ко мне. Узгенд, когда оттуда уйдут их люди, они тоже припишут к нашему дивану. Когда определят границы наших владений, мы с Джехангир мирзой вместе пойдем на Самарканд. Как только столичный город Самарканд будет завоеван и покорен, я отдам Андиджан Джехангир мирзе*».

Бабур двинулся с войсками на Самарканд, но за город тем временем шла война у тогдашнего самаркандского

[1] *Мухаррам* — первый месяц мусульманского календаря, январь.

правителя Султан Али мирзы и претендующих на город монголов, мирзе удалось отбить монгольское войско. Улучив удачный момент (дележку земель в стане противника), Бабур подошел к Самарканду. Тут-то и выяснилось (Бабур дошел уже до Кеша), что Самарканд перешел к другому хозяину — Шейбани-хану. Город был сдан на условии, что Шейбани-хан возьмет в жены мать Султан Али-мирзы. Бабур был в ярости.

«После того как узбеки взяли Самарканд,— рассказывал он,— *мы направились из Кеша в сторону Хисара. Самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом двинулись за нами вместе с женами, семьями и родичами. Когда мы остановились на поляне Чилту в Чаганиане, самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом, отделившись от нас, ушли и стали нукерами Хусрау шаха. Мы лишились своей столицы и страны; куда нам идти, где нам стоять — неизвестно!»*

С таким настроением он лег спать, и во сне ему явился Ходжа Убайд Аллах. Во сне Бабур чувствовал себя страшно виноватым, что не оправдал надежд Ходжи. Но, когда он прощался с Ходжей, тот приподнял его над землей. Проснувшись, Бабур истолковал сон так, что нужно идти на Самарканд и брать его боем. Ему это действительно удалось: он взял Самарканд. Ему было 19 лет. Шел 1500 год.

На короткое время земли снова стали сплачиваться под рукой Бабура. К нему вернулись Шавдар, Сугуд, Мианкал, Карши, Хузар, Кара-Кул.

«В ту зиму,— вспоминал Бабур,— *наши дела сильно шли в гору, а дела Шейбани хана шли под гору. Между тем случилось одно-два события очень некстати. Люди, пришедшие из Мерва и взявшие Кара-Кул, не могли там*

удержаться, и Кара-Кул снова перешел во власть узбеков. В крепости Дабуси находился младший брат Ибрахим тархана по имени Ахмед тархан. Шейбани хан, придя, осадил ее. Прежде чем мы успели собрать войско, подготовиться и снарядиться, Шейбани хан взял крепость приступом и подверг всех жителей общему избиению».

К несчастью, войско Шейбани-хана было сильнее, Бабуру пришлось оставить Самарканд, оставить земли Ферганы, четыре месяца он кочевал с монгольскими ханами, потом понял, что ничего сделать не может. С горечью осознав, что родные земли навсегда уходят из его рук, Бабур направил свои силы на юг, в Кабул. Он начал планомерное и многолетнее завоевание Афганистана.

В сентябре 1504 года ему без боя сдались Кабул и Газни. Новые земли ему пришлись по душе.

«Хиндустанец то, что вне Хиндустана, называет Хорасаном,— описывал он с удивлением то, что заприметил взгляд,— *так же, как арабы [всё], что вне Аравии, называют Аджам. На пути между Хиндустаном и Хорасаном стоят два торговых города: один — Кабул, другой — Кандахар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул; караваны из Хорасана приходят в Кандахар. Кабульская область лежит посредине между Хиндустаном и Хорасаном; это очень хороший торговый рынок. Жаркая и холодная полосы области Кабула [расположены] близко друг от друга. Из Кабула можно за один день пройти в такое место, где никогда не идет снег; за два часа дойдешь до такого места, где снега никогда не становится меньше, хотя иногда бывает и такое лето, что снега [и там] не остается. В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашаи, параджи, гибри, бирки, ламгани. Ни в*

какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках. Жаркую полосу от холодной полосы отделяет перевал Бадам-Чашме. На кабульской стороне этого перевала выпадает снег, на курук-сайской и ламганатской стороне снег не идет. Миновав этот перевал, человек видит [совсем] другой мир: деревья — другие, травы — другие, животные — другие, нравы и обычаи у жителей — другие».

Умный и наблюдательный, он не преминул разоблачить обман местных муджавиров:

«В тот год, когда я взял Кабул и Газни, разграбил Кохат, Банну, Дешт и страну афганцев, убил много народа и, пройдя через Дуки по берегу Аб-и Истада, пришел в город Газни, мне сказали, что в одном из селений Газни есть мазар, в котором могильный камень качается, едва лишь произнесут благословение пророку. Мы пошли туда и посмотрели: колебание камня было заметно. Позднее стало известно, что это хитрость муджавиров. Они приладили над могилой кольцо; всякий раз, как до кольца дотрагивались, оно качалось, и чудилось, что качается камень. Так людям, которые раньше никогда не садились в лодку, когда они сядут, кажется, что качается берег. Я приказал муджавирам встать далеко от кольца. Сколько ни повторяли благословений, движения камня замечено не было. Я велел сорвать кольцо и сделать над могилой купол; муджавирам было с угрозой запрещено так поступать».

Поскольку нарушение приказа каралось смертью, муджавиры вынуждены были прекратить являть «чудеса». А разум Бабура был удовлетворен. Не нужно лишь думать, что Бабур был милостив к побежденным. То и дело он упоминает, как убивал и резал поднявших против него

оружие. Когда ему пришлось на Бангаш, войско столкнулось с афганскими отрядами.

«Между Кохатом и Хангу тянется долина; дорога идет по этой долине, с двух сторон которой высятся горы. Когда мы выступили и вошли в эту долину, то афганцы из Кохата и окрестных мест все собрались на горах по обеим сторонам долины, подняли боевые крики и начали шуметь. Малик Бу Са'ид Камари, который хорошо знал весь Афганистан и был проводником в этом походе, доложил: „Впереди, направо от дороги, стоит гряда гор. Если афганцы перейдут с этих гор на те горы, то мы сможем окружить их и захватить“. Бог помог, и афганцы, дойдя до этой гряды, поднялись туда.

Я послал своих йигитов, приказав им тотчас же захватить перешеек между двумя горами; остальные воины получили приказ окружить афганцев со всех сторон. Когда мои воины подступили с той и с другой стороны, афганцы не смогли даже сражаться. Мы в одно мгновенье порубили их и захватили сто или пятьдесят афганцев; некоторых из них привели живьем, но от большинства принесли [одни] головы...

Афганцы, когда не могут сражаться, приходят к своим врагам, держа в зубах траву, они как будто говорят: „Я — твой бык“. Этот обычай мы узнали там: бессильные сопротивляться афганцы пришли с травой в зубах. Тем, кого привели живыми, я тоже приказал отрубить головы; на стоянке из их черепов построили минарет...

Наутро мы выступили и остановились в Хангу. Тамошние афганцы устроили на одной горной гряде сангар. Я впервые услышал слово сангар, придя в Кабул; люди там называют укрепленную гору сангар. Мои воины разбили этот сангар и принесли мне отрезанные головы ста или двухсот мятежных афганцев. Там тоже воздвигли минарет из голов...

Став лагерем в Банну, мы тотчас же получили известие, что степные племена устроили сангары на северных горах. Поставив во главе его Джехангир мирзу, мы послали туда войско. Джехангир мирза пошел на сангар Киви, в одно мгновение захватил его, произвел всеобщее избиение, отрезал множество голов и привез их; воинам досталось много белой ткани; в Банну тоже воздвигли минарет из черепов».

Не менее жесток он был и к своим нукерам.

«Мы были настолько осторожны, что на правом краю, на левом краю, в середине и спереди всякий, кому было назначено определенное место, стоял на этом месте. Стражники, каждый со своей стороны, вооружившись, стояли на ногах вокруг лагеря, отойдя подальше, на расстояние полета стрелы от палаток. Так они простояли всю ночь. Каждую ночь всех наших воинов выводили и строили таким образом, трое-четверо из приближенных беков каждый вечер по очереди обходили лагерь с факелами, я тоже один раз сделал обход. Тем, кто не выходил [на стражу], мы прокалывали нос и водили их напоказ вокруг лагеря».

К жестокости во времена Бабура так привыкли, что отнюдь не считали происходящее жестокостью. Сам Бабур, вроде бы натура утонченная, почитатель Алишера Навои, не видел ничего отрицательного ни в минаретах из отрезанных голов противника или местных жителей, ни в нанесении травм своим собственным воинам. Так поступали все, кстати, изъяснявшийся на письме изысканным слогом Бабур — тоже.

Тем временем в оставленных им землях Шейбани-хан столкнулся с другим претендентом на власть — иранским ханом Исмаилом. Последний вел войско в бой под знаменем священного джихада, его воины были сплошь шииты,

они шли резать суннитов, которых представлял Шейбани-хан. Столкнулись два направления ислама. Но не только в этом дело: используя веру шиитов, Исмаил вел одновременно и освободительную борьбу против монгольского завоевания. Он даже заключил сделку со своим противником — турецким султаном, лишь бы иметь возможность вести войну не на два фронта. Удача ему была предрешена. Беда в другом: по всему Мавераннахру верующие разделились на верных и неверных. Начались мятежи.

Шейбани-хан, которому удалось подчинить практически всю страну Бабура и его родственников, гонялся теперь за его войском. Бабур понимал, что союзников у него нет, а справиться с Шейбани-ханом в одиночку — задача немыслимая. Выход один: отходить в земли, куда Шейбани-хан не пойдет. Так выбор пал на Индию.

Осенью 1507 года

«*...мы* (пишет Бабур.— *Автор*) *выступили из Кабула в Хиндустан. Пройдя через Малый Кабул, Сурх-Рабат, мы спустились в Курук-Сай. Афганцы, живущие между Кабулом и Ламганом, даже в мирные времена сами воруют и другим помогают воровать: они страстно желают и не могут дождаться подобных [военных] событий. Когда они узнали, что я оставил Кабул и иду в Хиндустан, их дурные качества умножились в десять раз; даже добрые люди из них обратились к злу. Дошло до того, что в то утро, когда мы выступили из Джагдалика, тамошние афганцы вздумали преградить путь через Джагдаликский перевал.*

Они построились в горах на северной стороне и пошли, ударяя в барабаны, размахивая саблями и громко крича. Как только мы сели на коней, я приказал воинам подниматься на гору со всех сторон. Воины во весь опор поскакали вверх по холмам и гребням. Афганцы не устояли ни минуты; они даже не смогли пустить ни одной стрелы и бросились в бегство.

Преследуя афганцев, я поднялся на гору. Один афганец, убегая, промчался внизу мимо меня; я выстрелил [и попал] ему в руку. Этого раненого афганца и еще нескольких афганцев схватили и привели. Некоторых из них для острастки посадили на кол».

В эти дни Шейбани-хан взял Кандагар, заключив с жителями что-то вроде мира. Когда весть дошла до Бабура, он развернул войско и пошел на Кабул. Своим приближенным он роздал афганские города, а также изменил собственное титулование: вместо «мирзы» стал именоваться «падишахом».

Первые годы его падишахства в «Бабур-наме» никак не отражены, этот период охватывает десять лет — с 1509 по 1519 год. За это время Бабур успел сдружиться со злейшим врагом Шейбани-хана шахом Исмаилом. В 1510 году шах Исмаил разгромил войско Шейбани-хана. Этим тут же воспользовался его «друг» Бабур.

Согласно Тарих-и-Рашиди:

«...когда Шах Исма'ил убил в Мерве Шахибек хана, Бабур Падишах направился из Кабула в Кундуз, и Султан Са'ид хан вместе с ним приехал в Кундуз. Между тем Саййид Мухаммад мирза ...вторгся в Андижан, выгнал из Андижана Джанибек султана и завоевал вилайат [1] *Ферганы. К Бабур Падишаху он послал человека с сообщением о том, что сделал. Бабур Падишах отправил в Андижан Султан Са'ид хана вместе с могольскими эмирами, которые находились у него на службе.*

...Тем временем Мирза Аба Бакр направился на Андижан. Страстно желая овладеть Ферганой, он снарядил войско из Кашгара и прибыл сюда. Хан вышел к нему навстречу с полу-

[1] *Вилайат* — территориальная единица, область.

тора тысячами человек, и в местности под названием Тутлук в двух фарсахах от Андижана оба войска встретились. С полутора тысячами человек хан с божьей помощью одержал победу над двадцатитысячным войском. Произошел тяжелый бой, и было большое кровопролитие.

Из-за этой победы в сердцах окрестных султанов поселился страх перед Султаном Са'ид ханом. Узбекские султаны собрались в Самарканде и в Ташкенте, на границах Ферганы. Вслед за этим событием Бабур Падишах в Хи-сар-и Шадмане дал сражение султанам тех краев и одержал победу. Этим самым нанесенным им поражением он выгнал из Мавераннахра всех узбеков и воссел на самаркандский трон.

В [месяце] раджаб 917 (1511—1512) года [Султан Са'ид] хан обосновался в Андижане. Когда в начале весны того же года узбеки в другой раз пришли в Ташкент, Убайдаллах хан (племянник Шейбани-хана.— Автор) двинулся на Бухару. Бабур Падишах выступил против Убайдаллах хана. В пределах Бухары произошло сражение, Убайдаллах одержал победу. Бабур Падишах, потерпевший поражение, прибыл в Самарканд, а оттуда, захватив свою семью и обоз, бежал в Хисар. Вновь узбеки одержали победу, [Султан Са'ид] хан оставался в Андижане. Бабур Падишах обратился за помощью к Шах Йсма'илу. Тот послал на помощь [Бабуру] одного из своих эмиров — Мир Наджм-и Сани с шестидесятитысячным войском. [Бабур] Падишах соединился с ним и отправился в Самарканд. [Султан Са'ид] хан, выступив против узбеков со стороны Андижана, направился в Самарканд. В окрестностях Ташкента против хана стоял Суйундж Ходжа хан. Все остальные [узбекские] ханы и султаны собрались в Самарканде и Бухаре против Бабур Падишаха.

Между [Султан Са'ид] ханом и Суйундж Ходжа ханом в пределах Ташкента произошло сражение. У хана было

пять тысяч, а у Суйундж Ходжа хана — семь тысяч человек. Произошел жестокий бой. В конце концов победа оказалась на стороне Суйундж Ходжа хана; обращенный в бегство Султан Са'ид хан прибыл в Андижан. Вслед за этим Бабур Падишах, также потерпев поражение от узбекских султанов в Гиждуване близ Бухары, прибыл в Хисар».

Правда, неожиданно все изменилось. Султан Са'ид хану удалось разбить узбеков около Андижана, а Бабуру — разбить и убить Хамзу султана, после чего, как пишет хронист, *«...Падишах в Самарканде и [Са'ид] хан в Андижане обрели самостоятельность, а шах Исма'ил ушел в Ирак. Падишах отдал Кабул и Газнин Султан Насиру мирзе, своему младшему брату».*

Кажется, родные места перестали Бабура интересовать. Перестал его интересовать и Афганистан. Падишах Бабур со своим войском отправился в более южные земли — в Индию. Новая родина была для него теперь там.

Первым городом, который взял Бабур на границе индийской земли, был Баджаур. В январе 1519 года войско Бабура окружило и осадило город.

«Баджаурцы,— рассказывал он,— *никогда еще не видали ружей и потому совершенно не опасались их; больше того, слыша ружейные выстрелы, они становились напротив стрелков и делали, издеваясь, всякие непристойные движения. В тот день Устад Али Кули застрелил из ружья пять человек, Вали Хазиначи уложил двоих. Другие ружейники тоже проявили в стрельбе большую лихость; простреливая щиты, кольчуги и палицы, они сбивали врагов одного за другим. К вечеру от ружей пало, быть может, семь, восемь или десять баджаурцев; после этого они уже не смели высунуть голову, боясь ружей. Жители Баджаура, наши враги, были притом врагами всех мусульман.*

Эти люди, враждебные и непокорные, соблюдали к тому же обычаи неверных, и самое слово „ислам" было среди них забыто. Поэтому их предали всеобщему избиению, а женщины их и домочадцы все были взяты в плен. Избиению подверглось приблизительно три тысячи человек».

Пленных было много. Отобрав из них выскопоставленных лиц, Бабур велел снести им головы и отослать в «Кабул, Бадахшан, Кундуз и Балх с вестью о победе». После чего, отдохнув, воины принялись строить башню из голов — для устрашения населения и как памятный знак. А кафирам [1], живущим в окрестностях, было ведено тащить бурдюки с вином — Бабур к этому времени сильно пристрастился к выпивке, он пил чуть не каждый день и помногу, дав себе странный обет: пить только *до сорока* лет. Обет он исполнял неуклонно! То есть — пил, потому как потом боялся, что слова нарушать нельзя. Он поздно научился пить, теперь наверстывал как упущенное, так и будущее — ему ведь грозила потом послеобетная трезвенность. Если вы откроете его «Бабур-наме», то на каждой «индийской» странице найдете описание пьянок и пиров, на которых падишах присутствовал. Надо ли говорить, что трезвым он бывал лишь изредка?

За Баджауром последовал городок Бхира. Прежде эти места были завоеваны войском Тимура, но с того похода прошло больше века. В некоторых местах сидели назначенные Тимуром наместники, а затем их дети и внуки, которые давным-давно забыли, кому принадлежит эта земля.

17 ноября 1525 г. Бабур выступил в поход на земли Индии.

«Из Хиндустана пришли вести, что Даулат хан и Гази хан, собрав двадцать или тридцать тысяч войска,

---

[1] *Кафир* — неверный.

взяли Киланур и намереваются идти на Лахор. Я поспешно отправил [к ним] Му'мин Али таваджи с извещением, что мы идем быстрым ходом и что, пока мы не явимся, не следует начинать сражения. Через две ночевки, в четверг, двадцать восьмого числа того же месяца мы остановились на берегу реки Синда. В субботу, в первый день месяца раби [1] *первого, мы переправились через реку Синд, перешли реку Каче-Кут и остановились на берегу. Беки и казначеи, посланные к лодкам, доложили о численности людей, пришедших в войско. Больших и малых, хороших и плохих, нукеров и не нукеров было переписано двенадцать тысяч человек».*

Шел декабрь 1525 года. Индийские воины оказались бессильными против войска Бабура. Против его войск выступали отряды султана Ибрагима. В первом же бою эти отряды разбежались, а султан погиб. Один из отрядов самого Бабура вел его первенец Хумаюн. 10 мая 1526 года Бабур вошел в будущую столицу империи Великих Моголов — Агру.

«Со времени святейшего пророка и до сей поры,— заключал этот подвиг Бабур,— *областью Хиндустана владели и царствовали в ней всего три государя с нашей стороны. Первым из них был Султан Махмуд Гази; он и его потомки долгое время восседали на престоле царства Хиндустана. Второй был Султан Шихаб ад-дин Гури; он сам, его рабы и приспешники много лет властвовали в этих странах. Третий иноземный государь — это я, но мои обстоятельства не похожи на обстоятельства этих государей. Ведь Султан Махмуд, когда покорил Хиндустан, владел также престолом Хорасана, султаны Хорезма и окраинных областей были ему покорны и послушны, государь Самарканда был у него в подчинении... То же*

[1] *Раби первого* — 30 ноября.

самое и Султан Шихаб ад-дин. Правда, власть в Хорасане ему не принадлежала, но там правил его брат Гияс ад-дин Гури...

Мне были подчинены такие области, как Бадахшан, Кундуз, Кабул и Кандахар, но от этих областей не было сколько-нибудь значительной пользы. Наоборот, некоторые из названных земель лежали вблизи от врагов, и им необходимо было оказывать значительную помощь. Кроме того, все земли Мавераннахра находились во власти узбекских ханов и султанов, у которых насчитывалось почти сто тысяч войска; это были наши исконные враги. А области Хиндустана, от Бхиры до Бихара, находились в руках афганцев. Государем Хиндустана был Султан Ибрахим; судя по обширности его царства, у него должно было быть пять лаков воинов.

В то время некоторые эмиры Султана Ибрахима подняли против него мятеж; призванного войска у него насчитывали тогда сотню тысяч. У этого государя и его эмиров было, как говорили, около тысячи слонов. На этот раз я оказался лицом к лицу с повелителем столь большого войска и обширного государства, как Султан Ибрахим. Как я и надеялся, великий господь не заставил нас страдать и терпеть напрасно и помог нам одолеть сильного врага и завоевать столь обширное государство, как Хиндустан».

Города Индии Бабуру не понравились — антисанитария, не понравились и обычаи. «*Хиндустан — малоприятное место,*— считал он.— *Народ там некрасивый, хорошее обхождение, взаимное общение и посещение им не известны. [Большой] одаренности и сметливости у них нет, учтивости нет, щедрости и великодушия нет. В их ремеслах и работе нет ни порядка, ни плана: шнур и угольник им не известны. Хорошей воды в Хиндустане нет, хорошего мяса нет,*

винограда, дынь и хороших плодов нет, льда нет, холодной воды нет, на базарах нет ни хорошей пищи, ни хорошего хлеба. Бань там нет, медресе нет, свечей нет, факелов нет, подсвечников нет».

Единственное, что ему очень пришлось по душе: множество рабочих и ремесленников, профессия которых передается по наследству. Сами завоеватели первое время никак не могли привыкнуть к климату Индии, воины умирали от зноя и болезней. Многие стали поговаривать, что нужно возвращаться на родину. Но у Бабура не было больше родины. Домом ему должна была стать эта чужая знойная земля. И ему удалось убедить своих людей. «По милости Божьей,— сказал им он,— мы разбили столь многочисленных врагов и захватили столь обширные земли. Какая же сила и какая необходимость заставляют нас теперь без причины бросить владения, завоеванные после стольких трудов, и снова вернуться в Кабул, чтобы подвергнуть себя испытаниям бедности и слабости? Пусть же всякий, кто хочет нам добра, впредь не говорил таких слов, а тот, кто не может больше проявить, если хочет уходить — пусть уходит и не отказывается от этого».

Некоторые ушли, но большинство осталось. Нельзя сказать, чтобы население Индии не сопротивлялось, но войско Бабура было лучше организовано и закалено в боях. Очень скоро практически вся территория Северной Индии, Афганистан и Бадихашан были под его властью. Теперь Бабур мог отвлечься. Он занялся тем, что действительно любил больше жизни,— писал стихи, поведал историю своей жизни, сочинял музыку. Для того, чтобы все это записать, он, тюрок по языку, придумал нового вида алфавит. Его потомки правили созданной Бабуром империей долго. Государство Бабура получило название Империя Великих Моголов. *Моголов* нужно трактовать расширительно. Бабур не был монголом. Он был потомком Тимура, то есть тюрком.

Империя Великих Моголов

В 1530 году Бабур сильно заболел, он чувствовал, что приближается его смертный час. Поэтому он срочно призвал к себе старшего сына Хумаюна и передал тому все права владения и всех своих эмиров. В том же году он умер. Когда наследником был назначен Хумаюн, взявший титул падишаха, это не понравилось младшим. Хумаюн мало представлял себе, как следует управлять государством. Судя по тому, какие планы он вынашивал, из этого не могло вырасти ничего путного.

Согласно К. Антонову: «*...он разделил придворных на три группы: государственных деятелей, духовных феодалов и людей искусства — поэтов, танцоров и т. д., а также установил четыре государственных ведомства: ведомство огня, куда были переданы военные дела, ведомство воды, следившее за орошением и дворцовыми винными запасами, ведомство земли, ведавшее налогами, управлением земель халиса* [1] *и строительством, и ведомство воздуха, которое занималось вопросами, связанными с деятельностью духовенства, поэтов, историографов, а также оплатой их труда. Такое административное деление, где смешивается главное и второстепенное, не могло быть стабильным*».

Но скоро Гумаюну стало не до разделения ведомств по стихиям, а придворных по роду занятий. После смерти Бабура между его детьми разгорелась та же усобица, что и всегда. Агру захватил вопреки воле отца Хиндал, названный так потому, что родился во время индийского похода. Подняли голос неповиновения и служившие прежде падишаху Бабуру эмиры. Начались обычные распри. Хумаюну удалось кое-как их остановить. Кандагар пытался за-

[1] *Халис* — владения на праве личной собственности.

хватить один из родичей шаха Исмаила. В нем тогда сидел Мир Ходжа-йи калан, крепость была хорошо укреплена, но без помощи долго продержаться не могла. Помощь подоспела. Камран-мирза неожиданно выступил и прогнал иранского завоевателя. Но затем пришел Шах Тахмасп, он все-таки заставил защитников сдаться. Снова явился Камран-мирза, и снова Кандагар перешел в его руки.

Тем временем разгоралась вражда между Хумаюном и Хиндалом. Хумаюн вынужден был оставить Бенгалию и срочно двинулся на Агру. Хиндал потерпел неудачу в Агре, эмиры там отказались ему повиноваться, и пошел на Дели, надеясь захватить этот город. Хумаюн шел за ним по пятам, но тут ему путь преградил Шир-хан, вождь афганцев, который был очень недоволен появлением в Индии чужеземцев.

Мухаммед Хайдар писал об этом так:

«Когда известие об этом положении дошло до Камрана мирзы, он тотчас же двинулся с войском в Дели. Хиндал мирза бежал от него, а эмиры [Хумайун] падишаха вышли встретить Камрана мирзу. С приходом Камрана мирзы они, в общем, обрели силу. Но сколько бы умудренные опытом люди ни советовали отправиться в Чаусу помочь падишаху, недальновидные возражали против этого: „Поход на Чаусу станет причиной спасения падишаха и уничтожения врагов, а мы окажемся в затруднительном положении“.

Камран Мирза по своей молодости и из-за отсутствия опыта... возражения недалеких людей посчитал справедливыми и стал медлить с выступлением. Опытные люди говорили: „Так как поход откладывается, то нужно возвратиться, чтобы не погубить снаряжение войска. Пусть каждый возвращается к себе домой и займется подготовкой снаряжения к бою. Если Шир хан разобьет [Хумайун] падишаха, мы будем готовы отразить

его...“ [Недальновидные люди] с этим также не согласились [и сказали]: „Если Шир хан сокрушит падишаха, тот затаит на нас обиду“. ...Колеблясь между этим [и тем], они дошли до Агры. В Агре они пробыли больше месяца, когда туда прибыл потерпевший поражение и разбитый [Хумайун] падишах.

В сезон дождей прибыли все братья и собрались в одном месте. Это произошло в сафаре[1] *946 (1539) года... Камран мирза хотел вернуться, однако падишах, удовлетворяя самые невозможные просьбы Камрана мирзы, на эту не соглашался. Семь месяцев прошли в настоятельных просьбах, пока не потеряли время и Шир хан не подошел к Гангу с намерением дать сражение».*

Тут, к общему несчастью, Камран-мирза заболел от индийского климата (и, скорее всего,— грязи); он страдал от поноса, так что поневоле решил вернуться в Лахор. Это ослабило силы бабуридов. За Камраном потянулось не только его войско, но и его эмиры. Шир-хан между тем подошел к Гангу. Хумаюн выступил против Шир-хана, не имея достаточно сил. Больше месяца стояли Хумаюн и Шир-хан друг против друга, но на разных берегах реки.

«Среди снаряжения, имевшегося у [Хумайун] падишаха,— писал Хайдар,— *было семьсот повозок, каждую из которых тянули четыре пары быков, и на каждую повозку клали румийское*[2] *орудие, которое выбрасывало ядра весом в пятьсот мискалей*[3]. *В те дни я много раз наблюдал, как с вершины возвышенности они безошибочно попадали в едва только показавшегося всадника. И имелось*

---

[1] *Сафар* — второй месяц мусульманского календаря, февраль.

[2] *Румийский* — итальянский, римский.

[3] *Мискаль* — арабская мера веса, используемая при взвешивании золота; 20 мискалей = около 94 г.

еще восемь больших пушек, каждую из которых тащило восемь пар быков. Каменные ядра для них не подходили — рассыпались, и в них применялись ядра из семи сплавов, каждое из которых весило пять тысяч мискалей, и стоимость каждого была один бадра — двести мискалей серебром. Ими стреляли на расстояние одного фарсаха.

Когда воины стали разбегаться, мы посоветовались и решили, что поскольку войско и без битвы распадается, то следует вступить в сражение, чтобы, если даже дело примет нежелательный оборот, люди не осуждали, что такую страну, как Индия, такие-то слепцы выпустили из рук, даже не вступив в сражение. И другое: если воины перейдут реку, никто больше не сможет бежать. По этим причинам мы перешли реку».

Дальнейшее оказалось кошмаром. Вдруг начался сильнейший ливень, в условиях Индии это было надолго. Все вокруг превратилось в грязь. Эмиры Хумаюна страшно перепугались при виде войска Шир-хана, они предпочли не развертывать, а спрятать свои знамена, чтобы Шир-хан не мог опознать руководителей сражения. Войско Шир-хана, напротив, ощущало вкус предстоящей победы. И вполне понятно, что при таком настроении Шир-хан одержал победу быстро и легко.

Хайдар писал с горечью:

«„Не выпустив и стрелы в сторону врага, разобщенные люди сразу же потерпели поражение. Вооруженное чагатайское войско, численность которого, кроме гуламов [1] и шагирдпиша [2], я приблизительно определил в сорок тысяч, бежало перед десятью тысячами человек. Это

[1] *Гулам* — раб, солдат военных отрядов, состоявших из рабов.

[2] *Шагирдпиш* — подручный.

была битва, где ни один человек из друзей или врагов не получил ранения; Шир хан одержал победу, а чагатайцы потерпели поражение. Ни одна пушка не выстрелила, ни одно артиллерийское орудие не открыло огонь, и повозки так и не были приведены в действие“.

Они предпочли броситься в реку и пытались ее переплыть. Погибла большая часть войска. Шир-хан мог торжествовать. В Агре началась паника. Слухи были ужасными, почему большинство завоевателей предпочитало двинуться из Индии в Лахор. Они надеялись разбить Шах Хусейна Аргуна и отобрать у него Гурджарат.

Идея была безумной. Особенно за нее держался Хиндал. Собирали совещание за совещанием. Они лишь показали, что никакого согласия между детьми Бабура и их эмирами нет.

Между тем Шир-хан подошел к реке Султанпур. Хумаюн отошел к Кашмиру. Постепенно владения бабуридов в Индии стали таять. Шир-хан на пять лет захватил над ними власть, успев даже основать собственную династию. Однако будущее показало, что победа его была лишь временной. Хотя, сам того не желая, Шир-хан заложил основы тем реформам, которые проведет сын Гумаюна Акбар: он ввел твердый налог и ограничил власть сборщиков налогов, создал наемную армию, служащую за жалованье, попытался даже создать союз индусов и мусульман, проявляя редкую веротерпимость. Но в 1545 году он погиб, а в империи разгорелась междоусобица — теперь местные князьки делили власть Шир-хана, ставшего за эти пять лет Шир-шахом.

В 1555 году с двенадцатьютысячной армией дружественного иранского шаха Гумаюн победил войско потомков Шир-шаха при Панипате, том самом городе, с которого началось такое успешное правление его отца Бабура. Он вернул империю к прежним границам, изгнал

династию Шир-шаха и стал потихоньку налаживать жизнь. Гумаюну удалось вернуть себе Индию, но он мало что успел сделать. Он смог лишь отвоевать то, что было завещано ему Бабуром.

Первым настоящим Великим Моголом был сын Гумаюна Акбар, прозванный Великим. Его имя Акбар в переводе и так означает великий. Акбар был великим императором в квадрате. Он, действительно, сумел сделать практически невозможное, расширив границы империи до максимальных (от Гиндукуша до Бенгальского залива и от Гималаев до Аравийского моря) и укрепив власть, чтобы империя снова не смогла бы распасться. Это и было его важнейшей задачей. Гумаюн умер внезапно и глупой смертью — упал с мраморной лестницы. Акбару было тогда 13 лет.

Туркмен Байрам-хан, пишут историки, поспешил возвести его на трон, оставшись при нем регентом. Однако возведение на престол произошло не в Дели, а в саду Каланаур в Пенджабе, Дели еще предстояло взять. Смутность момента была столь велика, что власть в Дели была даже не у мусульман, а у торговца-индуса Хему. Местное население, по логике, должно было поддержать „своего“, однако в обстановке поголовного голода, нищеты и разрухи Хему, заботившийся только о боевых слонах, не вызывал сочувствия.

В ноябре 1556 года состоялась вторая битва при Панипате. Хему имел значительное превосходство в численности войск плюс пять тысяч боевых слонов, однако мистический год своих чудес еще не закончил. Когда, казалось бы, победа была уже за Хему, случайная стрела ранила его. Не видя своего полководца, воины обратились в бегство, ибо от Хему зависела уплата жалованья. В результате победу одержали Байрам-хан и Акбар».

Правил Акбар в течение 49 лет, так что за это время он привел разрозненную страну к единству, а народу дал воз-

можность не бедствовать, а жить мирно и спокойно. За что ему, наверно, были благодарны. Хотя Акбар и был завоевателем, он предпочитал править «мягкой рукой».

Самое сложное было то, что завоеванное население исповедовало индуизм, а завоеватели были мусульманами. Акбар отлично понимал, что в такой ситуации завоеванные будут восставать против завоевателей. И каким бы хорошим мусульманином он ни был, он не стал насаждать ислам, хорошо понимая, что этого делать нельзя. Впрочем, кажется, с исламом и у самого Акбара были некоторые проблемы. Он так увлекся Индией, что полюбил этот весьма пестрый религиозный конгломерат. Акбар в отличие от тех, кто приходил сюда ранее, и от тех, кто пришел после него, был необычайно толерантен в вопросах веры. У себя при дворе он даже завел обычай устраивать религиозные диспуты. Если во времена первых чингисидов хан Монке оставался тенгрианцем, хотя сумел одновременно окреститься, принять ислам, буддизм и тибетский ламаизм, Акбар остался мусульманином и веры отцов не менял, но он чутко прислушивался к речам людей другой веры, все более находя, что точек соприкосновения между религиями больше, чем разногласий. Без всякой неприязни он выслушивал учение иудеев и христиан, буддистов и индуистов, зороастрийцев и своих единоверцев мусульман. Все цветы должны цвести в саду — такова была его политика. В конце концов, он даже пришел к мысли, что необходимо создать совсем новую религию, где бы слились лучшие стороны всех существующих, именно такая религия подойдет для Индии с ее сложным укладом жизни. Новую религию он назвал «дин-и-илахи» или «божественной верой».

Предлагаемая народу искусственная религия несла в себе черты местного индуизма, культа огнепоклонников-зороастрийцев, а также ислама и христианства. Он совершенно искренне считал, что разницы между верами не существует,

все различие придумано самими людьми, и любил говорить, что «...лишь та вера истинна, которую одобряет разум». Его разум находил черты схожести между верами и не обращал внимания на различия. Совершенно естественно, что для современников, исповедующих только одну веру, бедняга Акбар оказался не мудрецом, а еретиком.

Точно так же совершенно искренне он считал, что люди принимают за веру не саму веру, а только обычаи предков, которые успели стать традицией, а вера — она одна и Бог — он тоже один, и зачем тогда резать неверных, если все — верные, только сами не понимают, кто они такие. Даже для нашего времени это было бы рискованное предложение, которое религиозно воспитанные люди не могут ни понять, ни принять. А ведь, извините, шестнадцатый век.

Единственное, с чем он боролся,— так это с некоторыми местными обычаями, калечащими или уничтожающими жизнь человека. В Индии таковых было предостаточно. Акбар пытался запретить законом наиболее варварские — такие как самосожжение вдов после смерти мужа или браки в недопустимо раннем возрасте. К религиям, считал он, это не имеет ни малейшего отношения.

Но его «божественная вера» не прижилась. Стоило Акбару умереть, как все тут же пошло прахом. При его жизни «божественная вера» держалась лишь потому, что у власти стоял Акбар.

Конечно, он не ограничил упорядочивание жизни в своей империи лишь вопросами веры. Придя к власти, он тут же стал приводить в порядок запутанные налоговые вопросы, понимая, что население страдает не столько от налогов, сколько от сборщиков налогов, то есть чиновников. С чиновниками он и стал разбираться. Прежде всего, он разделил всю империю на равные по территории земли, 16 округов, с которых было необходимо собирать и равные налоги. Причем, если случался неурожай или стихийное

бедствие, сбор налогов прекращался. Чиновники, замеченные в излишних поборах, не поощрялись, а карались по всей строгости закона. Поскольку местные чиновники стремились нажиться на подданных, сбор налогов был поручен чиновникам из столицы. Если приходилось совсем туго, то жителям выдавались ссуды из казны, чтобы они могли восстановить свое хозяйство. При отце существовал налог на всех, кто не желал принять ислам — так думали обратить местное население в мусульманство. Это никак не сработало и не могло сработать, зато заставляло людей чувствовать себя униженными. Акбар этот несправедливый налог отменил. Как и преследования по вопросам веры.

Для объединения страны он ввел единую систему мер и весов, а также солнечный календарь, основанный на таблицах другого тимурида — Улугбека. Он провел реформу армии, переведя ее на платную основу (его воины служили за жалованье), прочно соединил все части империи — северную и центральную Индию, юг Средней Азии, Кашмир, Бенгалию и Гуджерат. Одним из первых его законодательных актов был закон о запрещении обращать пленных в рабов, потом он разрешил индийцам, то есть не-мусульманам, занимать государственные должности, сам он женился на индийской принцессе и разрешил ей не принимать ислам, впрочем, как и остальным своим женам, многие из которых были индианками.

Современники описывали Акбара так:

«Внешность и лицо владыки соответствовали его царскому достоинству, так что с первого взгляда было понятно, что это — царь. У него широкие плечи, светло-коричневая кожа, а голову он держит немного склоненной к правому плечу. У него широкий открытый лоб, глаза лучатся и сверкают подобно озеру, искрящемуся в лучах солнца. Все его тело необыкновенно пропорционально. Он ни

худ, ни толст, зато силен, здоров и крепок. Смеется он совершенно непринужденно, изъясняется спокойно, ясно и открыто, с сознанием собственного достоинства, а если бывает сердит — то и с внушающим страх величием. Вопреки обычаям своего рода он стрижет волосы и носит на голове не накидку, а тюрбан, из-под которого выбиваются пряди волос; говорят, он это делает для того, чтобы понравиться своим индийским подданным».

Вельможи акбарова времени, наверно, имели право не любить своего правителя. Бог с ней, с единой верой. Согласно К. Антонову, «*...юридически джагирдару* (то есть аристократу.— *Автор*) *жаловалась не конкретная земля и не крестьяне, а лишь право сбора в свою пользу государственного земельного налога-ренты с определенной территории. Доходы джагирдаров были огромны, но собственности у них не было. По смерти джагирдара все, чем он владел: деньги, дома, слоны, предметы роскоши, даже книги,— все отбиралось в казну. Родственники важного сановника на другой день после его кончины оказывались без всяких средств к существованию и могли рассчитывать лишь на то, что его сыновьям дадут какую-нибудь службу и соответственное пожалование*».

Такое отношение к вельможам вряд ли могло принести Акбару покой, а тут еще и «причуды» — падишах вдруг стал появляться с брахманским знаком на лбу и шнурком вокруг рук. К тому же издал указ о собственной непогрешимости. Приближенные мусульмане роптали. Местные жители, впрочем, относились к падишаху лучше, чем близкие по крови единоверцы. Эти единоверцы в 1580 году создали даже заговор против Акбара, называя его не иначе чем «правитель-вероотступник». Тем не менее, Акбар пережил и несогласие среди близких людей, и заговор мятежных эмиров, и умер своей смертью в 1605 году.

15 — 1191

Он был первым укоренившимся Моголом, но никто из последующих не сделал и вполовину того, что сумел совершить Акбар.

Его сын Джехангир, то есть завоеватель мира, начал с того, что пытался убить своего отца. Он тогда еще назывался Селимом, имя Джехангира он принял после восшествия на престол. Акбар мягко обошелся с сыном даже после мятежа, поднятого Селимом в 1601 году, он официально назначил его наследником престола. Вряд ли Джехангир в полной мере оценил деликатность и всепрощение своего отца. Через четыре года Акбар заболел дизентерией и скончался, тогда-то на престол и взошел его сын, и тут же поменял свое имя. Ему, конечно, было нелегко в лучах славы Акбара. И начал он с того, что отменил все самые смелые указы Акбара. Сразу же он издал свои «12 правил», закрепив земельные владения и прочие пожалования за теми, кому они были уже даны: джигардиры могли не бояться за будущее, теперь у них никто не мог отнять имущества. Джехангир оказался правителем непоследовательным и нерадивым, гораздо более времени, чем государственным делам, он уделял пьянству и курению опиума, да, да — Джехангир был... наркоманом!

Со своим собственным сыном Хусру, поднявшим почти сразу мятеж против отца, Джехангир обошелся совсем не столь милостиво: он пошел в Пенджаб, где укрывался Хусру, с большим войском, разбил сына, казнил его сторонников, взыскал огромный штраф с поддержавшего Хусру местного гуру Арджана, когда же гуру платить отказался, то лишился и жизни, а самого Хусру отец велел ослепить.

Как видите, с великодушием у Джехангира было плохо. Вместо мягкого правления началось право твердой руки. Новый правитель предпочитал не договариваться, а карать. Не удивительно, что с таким пониманием задач правления

Джехангир сразу же заработал себе врагов — сикхов, стоявших за своего гуру Арджана. К своим землям ему удалось присоединить только Мевар, с правителем Мевара он обошелся ласково, то есть не казнил, а, напротив, наградил.

Но следующая его попытка занять еще кусок индийской территории кончилась плачевно. Когда Джехангир пошел на Ассам, его армия была разбита, а весь речной флот (Могол использовал для войны и флот) уничтожен. Акбар не стремился захватывать крепости, которые не желают сдаваться, понимая, что вряд ли при таком настроении обороняющихся он получит хороших подданных. Джехангир напротив, кажется, испытывал удовольствие, если ему удавалось подчинить индусов насильно. На осаду крепости Кангра он истратил пять лет, в конце концов, взял ее. Праздновал он это событие как величайшую победу. Первое, что после победы он сделал,— велел в индуистской крепости тут же построить мечеть!

Удалось ему покорить и Киштвар, небольшое княжество в составе Кашмира, которое не стал брать его отец. Это Джехангиру тоже казалось большой победой.

В Бенгалии, завоеванной в конце правления Акбара, положение было сложным. Местные князьки не очень-то желали подчиняться завоевателям и при удобном случае тут же спешили отложиться. Акбар смотрел на это сквозь пальцы, предпочитая проявлять поменьше насилия. Джехангир стерпеть такое своевластие не мог. Он истратил уйму сил, чтобы сделать Бенгалию покорной. Прежде всего, Джехангир сместил независимого наместника, утвердил военной силой твердую власть, ввел такие налоги, что местные крестьяне тут же подняли восстание, которое Джехангир жестоко подавил. Аналогичную борьбу пришлось ему вести и Пенджабе против сикхов.

В 1621 году ему удалось присоединить часть Ахмаднагара — небольшого самостоятельного государства в южной

Индии, соседние (и тоже номинально независимые княжества Голконда и Биджапур), оказавшие поддержку Ахмаднагару, вынуждены были заплатить большую контрибуцию. Деньги очень радовали Джехангира. Именно он заложил основы будущего завоевания Индии англичанами, а ведь все начиналось так прозаично: еще в начале правления Джехангир решил бороться с обнаглевшими португальскими купцами при помощи более тихих голландцев и англичан. Ему казалось, что на этих спокойных северян можно положиться: не рвутся в Индийский океан, не грешат откровенным пиратством, торгуют себе в глуби Индии, за что можно их только благодарить. Культурные люди. Если бы правитель знал, чем кончится для Индии знакомство с англичанами, может быть, предпочел бы вороватых португальцев. Но в будущее не заглянешь.

К концу правления Джехангира у него сильно обострились отношения с сыном Шах Джаханом. Тот, по примеру своего отца, не дожидаясь его смерти, решил отобрать кусок благодатной земли и поднял восстание. Он знал, что престол обещан не ему, а брату Парвезу, надеяться не на что. Джехангиру пришлось три года сражаться с собственным сыном, прежде чем он был разбит. Шах Джахан был тогда послан наместником в Гуджарат, но вместо того, чтобы собирать налоги для государства, на эти деньги он собрал армию и двинулся на отца.

Когда отец смог его армию разбить, Шах Джахан бежал в Бенгалию и стал там бунтовать местных военачальников, снова пошел на отца и снова был разбит. Тогда он попробовал взять армию Ахмаднагара, а когда не получилось — занять Бурхашгур. Но и здесь ему не сопутствовал успех. Пришлось покориться отцу и просить прощения. То ли с годами Джехангир стал мягче, то ли просто был в наркотической эйфории, но сына простил. Правда, Гуджарат ото-

брал, а сместил мятежника в деканский удел[1]. С военачальником Шах-Джахана Джехангир решил разобраться, вызвал того к себе во дворец... и сам оказался в плену.

Маххабат-хан (так было его имя), понимая, что ничего хорошего ждать от падишаха не приходится, пришел на эту встречу с верным войском, захватил палатку Джехангира и даже какое-то время правил страной. Но этого уже не могли выдержать военачальники Джехангира, произошло своего рода столкновение на расовой основе: воины Джехангира были моголами, воины Маххабат-хана — раджпутами. Драка переросла в военную стычку. Победили моголы. Маххабат-хан бежал к Шах-Джахану. Власть была возвращена Джехангиру, но воспользоваться ею он уже полноценно не смог.

Очень вовремя для наследника умер его брат Парвез, а через год и отец Джехангир. На престол взошел Шах Джахан. Этот мятежный сын, боясь, что власть легко отнять, тут же упредил всех своих конкурентов — он велел убить всех родичей по мужской линии. Теперь единство власти было обеспечено.

Правление Шах-Джахана лучше всего было воплощено в камне, то есть падишах занимался превращением столицы Агры в настоящий рай на земле, именно таковые слова запечатлены на одном из сохранившихся архитектурных памятников. Он действительно очень много строил, и все это прекрасные сооружения. Такого размаха строительства Индия не знала при его предшественниках. Агра, Лахор и Дели совершенно изменили свой облик. Знаменитый Тадж-Махал — усыпальница его любимой

[1] *Деканский удел* — территориальное образование на деканском плоскогорье, одна из провинций империи, после распада империи Великих Моголов деканский наместник Чин Килич-хан (Асаф Джах I) из династии Камаридов в 1724 году объявил себя низамом хайдерабадским — правителем независимого удела.

жены, стала по праву одним из чудес света. В пару ей Шах-Джахан собирался возвести собственный мавзолей, но уже не из белого, а из черного мрамора, по другую сторону реки, точно напротив, и по проекту между ними должен был идти прекрасный ажурный мост — Мост Вздохов. Но проект так и не был осуществлен. Наследник его воплощением не озаботился.

О Тадж-Махале как мериле настоящей любви в Азии слагались легенды. Да, эта любовь была, и падишах тяжело переживал утрату своей любимой. Но никакая любовь не мешала ему заниматься государственными делами: он много, хотя и часто неуспешно, воевал. К концу правления под властью империи оказалась практически вся Индия. Зато походы на север, в Среднюю Азию, были организованы плохо и провалились.

В это же время шах Аббас Второй отобрал у Великих Моголов часть Афганистана. Шах-Джахан был вполне просвещенным монархом, но, кажется, его мало заботила жизнь подчиненного индийского населения. В его правление случилось несколько страшных голодных лет, следующих чередой. Люди ели все, что только могли найти, голод был таких масштабов, что, как писали современники, люди ели падаль, родители убивали собственных детей, а если не было вовсе ничего — разрывали могилы и толкли в муку кости. В одном только Гуджарате от голода погибло почти 3 миллиона человек. Не лучше было в Декане и Голконде. На эти кошмары Шах-Джахан не реагировал. С подвластного народа точно так же, если не в повышенном масштабе, взимались подати, отчего голод становился только пуще. Деньги же шли на строительство, войны и флот. При этом падишахе размер флота был столь велик, что жители Гаджапура продавали корабли иностранцам. Эти посудины весьма ценились европейцами, которые все плотнее обсиживали могольское государство.

Народ сначала терпел, потом стал бунтовать. Для подавления бунтов по всей земле Моголов посылались карательные отряды. Приходилось утихомиривать этот народ в ранее подчиненных областях, которые прежде считались спокойными. Армия Моголов была огромной, она разрослась до чудовищных масштабов, но — увы — эта армия стала куда менее боеспособной, чем при предыдущих властителях. Росла она более за счет дополнительных служб, так называемых обозников, которые следовали за вооруженными силами с провиантом и предметами первой необходимости, которые выгодно сбывали солдатам. Когда армия выдвигалась в поход, то казалось, что начинается великое переселение. Обозы замедляли ход войска, мешали ему, но падишах не принял никаких действий, чтобы вернуть войску былую мощь и мобильность. Напротив, главным достоинством он считал наличие хорошо обученных боевых слонов. Если на равнинной индийской земле эти слоны помогали выигрывать битвы, то они были бессмысленной затеей в горах, где воинам приходилось иметь дело не с мятежными князьями или крестьянами, а с отлично вооруженными и маневренными войсками Аббаса.

Неудивительно, что эта афганская война была проиграна. Слоны застревали на горных тропах. Да и кто же идет в горы на слонах? Содержание этой армии требовало постоянных денежных вливаний. Падишах — вливал. Но требовалось менять структуру войска, об этом не позаботился. Армия Шах-Джахана могла успешно справляться с задачами только внутри Индии, за ее пределами эта видимость мощи оборачивалась злом. Так что при падишахе империя Великих Моголов стала, по сути, индийской империей, ничего кроме Индии она удержать не могла. Падишах в целом и ориентировался на земли Индии, недаром он приближал к себе раджпутов, пытался находить понимание в среде местной индийской знати.

Говорят, что он думал удачно слить в единую религию ислам и индуизм, но тут стоит внимательнее присмотреться не к словам, а к делам: при Джахане было разрушено несколько крупных индийских храмов. Вряд ли для слияния ислама с местной религией требовалось громить местные храмы. Шах-Джахан, прежде всего, был мусульманином, остальное — более для отвода глаз. Точнее, тенденции к сближению между верами исходили не от достаточно жесткого и прагматичного падишаха, а от его любимого сына Дара Шукоха. Тот был настоящим мистиком, ему нравилась религия индусов, он поклонялся индийским святым, сам писал суфийские трактаты, вот он-то мечтал о соединении ислама и индуизма в общую веру, дабы общество более не разделялось по религиозному признаку. Отец не мешал ему жить в иллюзорном мире, он знал, что наступит час, когда Дара Шукох займет его место. В то же время после смерти любимой жены сын — единственное, что у него от нее осталось. Память. В этом плане Джахан был сентиментален. Но сам он не видел, наверно, в индийской вере ничего хорошего. Свои мавзолеи и мечети он строил по проверенному исламскому образцу — огромными, просторными, богато изукрашенными. По легенде, после завершения строительства Тадж-Махала этот гуманист приказал отрубить руки создавшему мавзолей архитектору — дабы тот более ничего не мог построить. Простым строителям он к их радости ничего не отрубил и даже не убил, но на падишахских стройках века люди и так умирали от плохих условий и голода.

Сочетание невероятной роскоши и столь же невероятной нищеты — вот знаковая отметина этого правления.

Но бедой Шах-Джахана стали даже не внутренние сложности империи, не ее продырявленная экономика, а дети, сыновья. Они активно стремились занять место отца. В сентябре 1656 года падишах внезапно и тяжело заболел. Дети засуетились.

«Дара, старший из сыновей,— пишут историки,— *занимал положение, почти равное положению правителя, поскольку отец избрал его своим наследником. Шах Джахан очень любил его, и, видимо, поэтому Дара совсем не приобрел опыта в делах войны и управления. Шуджа, второй сын Шах Джахана, ленивый по природе, мог иногда проявить большую энергию, но не был способен на длительные усилия. Третий сын, Аурангзеб, был наиболее приспособленным из братьев в этой их борьбе за существование. Хладнокровный, расчетливый, опытный, умеющий вести интриги, он считался среди придворных наиболее сильным из сыновей Шах Джахана и наиболее вероятным победителем в борьбе. Пылкий, ищущий удовольствий, неумный Мурад, самый младший из братьев. Безрассудная храбрость Мурада оказалась бессильной перед хитросплетениями Аурангзеба».*

Эта борьба между детьми не прекратилась и тогда, когда «умирающий» так же внезапно оправился от болезни. В это самое время в Бенгалию, где находился тогда Шуджа, было отправлено ложное сообщение о смерти отца. Наверно, не стоит даже задумываться, кто был инициатором — несомненно, Аурангзеб, использовавший уловку, чтобы «выманить» своего алчущего власти братца. Шуджа на уловку попался: он тут же короновался и принял титул падишаха. С войсками он двинулся на Агру. Но радость была преждевременной: навстречу ему пошло войско Дара Шукоха. Старший сын разбил братца, однако тут против него, наследника, пошли двое других — наместник Гуджарата Мурад и наместник Декана Аурангзеб. Из всех четверых только он был хорошим полководцем и не менее талантливым интриганом.

Братья дрались между собой около двух лет. Победил тот, кто и должен был победить,— опытный военный Аурангзеб. Отец ничем уже не мог ему помешать. Как только Аурангзеб

добыл победу, он вошел в Агру, пленил собственного отца и заточил того в каменной башне. Там падишах и просидел остаток своей жизни — долгие десять лет. Содержали его почти в нищете. Стерегли со всей строгостью. Единственная роскошь, которую Аурангзеб позволил своему отцу,— серебряное зеркало и пара слуг. Слуги ухаживали за стариком. Зеркало было его окном в мир. Он направлял зеркало чуть вбок, чтобы ловить отражение мавзолея своей жены. В этом кошмаре и прожил он до самой смерти: улавливая очертания мавзолея, вглядываясь в него, плача, вспоминая, постепенно теряя зрение. А на свободе правил делами государства Аурангзеб. С 1666 года, после смерти отца, он стал вполне легитимным правителем.

К власти Аурангзеб пришел уже не мальчиком: ему было сорок лет. Отца, разбазаривавшего богатство на строительство зданий, он совершенно не понимал и желал лишь одного: поскорее прекратить это транжирство.

Аурангзеб был реалистом. Он знал, что нужно сделать, чтобы восстановить подорванную экономику. Первое, что он предпринял еще в своем Декане,— ввел так называемую дхара Муршид Кули-хана, или систему раздачи авансов, чтобы привлечь людей на пустые земли. В то же время он снизил ставку налога с орошаемых земель, для этого велись переговоры между чиновниками и крестьянами, во время которых требовалось найти оптимальный налог: чтобы и государству было выгодно, и земледельцы не разорялись. На уровне Декана эта система сработала и помогла наладить экономику.

Неудивительно, что, придя к власти во всей стране, Аурангзеб ввел систему сбора налогов путем круговой поруки, то есть стали накладывать налоги не на отдельную крестьянскую семью, а на всю общину. Если община не могла выставить плату, против нее применялись карательные меры. Если учесть, что развал экономики в это время

достиг уже критического, то для поправки дел требовалось взимать даже не треть крестьянского дохода, а половину. То, что при Джахане привело к голоду, привело к голоду и при Аурангзебе. Карательные экспедиции этот голод только усиливали. Чиновникам вменялось в обязанность отнимать налог, даже если люди останутся и вовсе без средств к существованию. И по всей Индии при этом падишахе крестьяне голодали, и голодали целыми округами.

Неудивительно, что после поборов начинались народные бунты. Они тоже шли по всей стране. Аурангзеб отправлял войска на подавление восстаний и на юг, и на север, и на запад, и на восток. Не было, наверно, района, где не побывала бы армия.

Впрочем, и с армией тоже было не все в порядке. Она разрослась до чудовищного числа в 170 000 всадников и вдвое более обозных. Ее нужно было содержать. Содержать ее должны были джагирдары, которые поставляли со своих земель определенное количество всадников, вооружения, слонов, коней и т. п. Практически все земли в государстве уже были отданы джагирдарам, новых взять было неоткуда, а со старых земель благодаря убийственным поборам взять было нечего. Воинам, само собой, тоже было нечем платить. И столь же понятно, что пропитание они добывали самым простым путем — собирались в группы и грабили местных крестьян. От этого хозяйства приходили в упадок, усиливался голод, джагирдарам еще невозможнее становилось собрать налог, и... это был замкнутый круг.

Для установления покоя и порядка нужны войска, но войска занимаются грабежом ради выживания, крестьяне голодают и не могут платить, начинаются мятежи, на них посылают войска для установления покоя и порядка... Неудивительно, что все свое правление Аурангзеб провел в войнах.

Воевать ему пришлось по всей стране. Другая проблема этого правления — религиозная политика падишаха.

Он в отличие от своих предшественников был фанатиком. Ярый приверженец ислама, во что бы то ни стало он поставил себе задачей полную исламизацию Индии. Никто из его предшественников не покушался на искоренение местных религий, Аурангзеб решился. Под уничтожение попали как индусы, так и мусульмане шиитского толка. Он запретил все, что только можно было запретить: музыку, танцы, праздники, живопись, вино, индийские знаки различия, выезд на слоне, индийскую культуру и сами храмы — их он приказал разрушить. Причем, боясь, что приказ не будет выполнен, отправлял столичных чиновников с проверкой в указанные места. Чиновники приезжали, но мудрые местные князьки просто давали им взятку, тогда в докладе падишаху храм значился как разрушенный, а на самом деле он продолжал стоять на своем месте. Только всплеском взяточничества можно объяснить, что в Индии после Аурангзеба осталось столько храмов!

Но далее страну ждало еще одно потрясение — введение джизии (подушного налога на индусов, который был отменен Акбаром Великим). Тут уж возмутились все, кто не был суннитом.

Первыми восстали города Гуджарата, Дели, Бурханпура. Восстали маратхи, раджпуты, джаты, даже мусульмане-афганцы, хотя те были правоверными суннитами. Новый закон болезненно задевал всех, показывая, как на самом деле относится империя Великих Моголов к своим подданным, за кого она их держит — за говорящий скот, за рабов. И неудивительно, что все время правления Аурангзеба (а оно было длительным) страну трясло от мятежей и восстаний. Лозунгом восстаний были слова: «Все отнято, осталась только родина!»

Собранная из пестрых лоскутков индийских царств империя зашаталась. Родина у каждого народа была своя: одна у маратхов, другая — у раджпутов, третья — у афганцев.

Вместе жить они не желали, но врага своего видели и знали — Великие Моголы. Наиболее удалось сплотиться для борьбы с Моголами маратхам. У них появился свой национальный вождь — Шиваджи. Аурангзеб пытался этого вождя тайно убить — не получилось, пытался разгромить его войско — не получилось.

В ответ на действия могольской армии и предательство Шиваджи повел маратхов на Сурат. Это был торговый порт, куда заходило множество судов. Город приносил отменную выгоду. Маратхи взяли и разграбили Сурат. Аурангзебу удалось после этого захватить Шиваджи и взять с него слово более не поднимать народ. Но, вернувшись в родные горы, Шиваджи снова собрал единомышленников и снова разграбил Сурат, на этот раз город пострадал так, что перестал именоваться портом. Иностранцы избегали там появляться.

Сам Шиваджи, сумевший еще в былые времена стать держателем земель Пуны, объявил себя королем Пуны. Это был плевок в лицо падишаха, но тот ничего поделать не мог: Пуна стала независимой. Оттуда Шиваджи, а потом его сын ходили набегами на могольские территории. Жителям этих земель стало еще хуже: их теперь регулярно грабили как Великие Моголы, так и маратхи.

Афганцы тоже жаждали освободиться от Моголов, там это было уже не религиозное, а национально-освободительное движение: афганцы были с моголами одной веры. Для Аурангзеба они представляли большую опасность, нежели маратхи или другие народы Индии. Так что в афганских горах Аурангзеб провел немало времени. Другая проблема — сикхи. Волнения пошли по всему Пенджабу, и они были масштабными. Пришлось Аурангзебу бороться и с раджпутами, тут уж борьба расколола и семью падишаха: его сын Акбар примкнул к восставшим. А ведь падишах посылал Акбара всего лишь на переговоры с вождями раджпутов, которые... пообещали Акбару место падишаха, если он

сможет свернуть папу с престола. Аурангзеб был в ярости и бросил против сына войско. Акбара предупредили, и он сумел сбежать... к маратхам! Это было уже неприемлемо.

Аурангзеб собрал все свои силы. Ему удалось снова покорить и разграбить Биджапур, Голконду и независимое государство маратхов Махараштру.

> *«К 1689 году (*это год уничтожения Махараштры.— Автор*) Аурангзеб достиг вершины своего могущества,— пишут историки,— Северная Индия, так же как и Индийский полуостров, лежала у его ног. Все, казалось, было завоевано Аурангзебом. В действительности же все было потеряно. Это было началом конца.*
>
> *В это время открылась самая печальная и самая тяжелая глава в истории его жизни. Могольская империя стала слишком большой, чтобы ею мог управлять один человек. Враги поднимались со всех сторон. Аурангзеб мог наносить им поражения, но не мог сокрушить их. Аурангзеб столкнулся с вездесущим врагом, с которым ему приходилось бороться всюду — от Бомбея до Мадраса, по всему Индийскому полуострову, враг был неуловим, как ветер, и не было такого военачальника или такого укрепления, захват которого сломил бы его силы».*

Аурангзебу постоянно приходилось вести боевые действия против маратхских вождей. Причем свои крепости маратхи сдавали иногда и без боя, но стоило только моголам уйти, как крепость снова так же спокойно переходила в руки восставших. Аурангзеб так и метался между этими крепостями, завоевывая, теряя, снова завоевывая. Он и умер в одном из походов на маратхов.

Шел 1707 год, падишаху было 89 лет. Это был последний Великий Могол, достойный упоминания. Его наследники считались правителями империи, но таковыми уже не были. Теперь на власть их ставили феодальные группировки.

Так друг друга сменили Бахадур-шах (1707—1712), Джахандар (1712—1713), Фаррук-Сейяр (1713—1719), Мухаммад-шах (1719—1748), Ахмад-шах (1748—1754), Аламгир Второй (1754—1757) и еще один Шах-Джахан. Бахадуру пришлось продолжить бесперспективную войну в маратхами, победить их он так и не смог. Сменивший его Джахандар был несколько слаб рассудком.

Как пишет Каплан, «*...новый император сразу же полностью опустошил казну, подарив своей фаворитке 20 миллионов рупий. Кроме того, он сжег все дворцовые запасы топленого и растительного масла, так как обожал иллюминации. Солдатам перестали платить, назревал бунт; перепуганный император разрешил войскам разграбить дворцовые склады. Неудивительно, что Джахандар царствовал только год*».

Фаррук-Сейяр был больше занят дворцовыми интригами и погиб в результате заговора.

Мухаммад был слабым и совершенно безвольным человеком, он переходил как знамя из рук в руки. Во время его правления на империю напали персы, они продвинулись в глубину страны, сея всюду панику. Придворные завели переписку с персидским завоевателем Надир-Шахом. Сам Мухаммад отправился к нему на поклон. Надир-Шах его милостиво принял, не сверг с престола, вместо этого он стал планомерно уничтожать индийские земли.

О том, что происходило в Дели того времени, лучше всего расскажет хроника, написанная персами и славящая своего властелина: «*Пламенный гнев счастливца вскипел, и он приказал произвести поголовное избиение всех жителей Шахджаханабада [Дели]. Победоносное войско, услышав эти полные [гнева] слова, сразу в числе ста тысяч человек с оружием в руках атаковало кварталы, улицы, базары и дома жителей той местности и занялось убийством. Детей и взрослых, юных и старых, кого бы ни находили, не стеснялись убивать и лишать жизни; луноликих девушек и целомудренных*

женщин пленили рукою предопределения и пустили дым бесчестья из имущества каждого богатого человека».

Империя теряла кусок за куском. Маратхи восстановили свою независимость. Декан фактически стряхнул власть империи. Сам Мухаммад понимал, что все гибнет. Да и сам он тоже гиб. К сорока годам он превратился в старика. Единственное, что его радовало и давало утешение,— петушиные бои и прогулки на слоне.

Падишах жил в опиумном тумане (к наркотику он пристрастился в юности) и завел во дворце целую армию предсказателей судьбы. Но тут уж предсказывай не предсказывай, а судьба и так была совершенно ясна.

Сменивший отца Ахмад был и вовсе негодным правителем. Он предпочитал мужчинам женское общество и был таким трусом, что даже не решался подойти к окну. Само собой, придворным это надоело, Ахмада ослепили и бросили в тюрьму. Вместо него поставили Аламгира Второго (Первым был Аурангзеб, носивший это имя).

Аламгир занимался только своим гаремом. Его тоже свергли и заменили неким принцем Шах-Джаханом, о котором и вовсе сказать нечего.

Все это время империя таяла, как снег на солнце. В конце концов, она распалась. И значительную роль тут сыграли как раз англичане, которых в пику португальцам «приютил» Джехангир, и французы. Они и растащили остатки Империи Великих Моголов. Последний из Великих Моголов Бахадур-Шах Второй, уже в XIX веке, марионеточный государь, но с чувством собственного достоинства, не видя никакого выхода, даже присоединился к восстанию сипаев [1]. Это завершилось большим кровопролитием и полным подчинением Индии Британской империи.

[1] *Сипаи* — индийская народность, солдаты-сипаи подняли восстание против Великобритании в 1857—1858 годах, на которое англичане ответили необычайной жестокостью.

Конец ордынских государств

Великие Моголы смогли создать государство, которое при первых правителях еще было своего рода ностальгическим повторением Великой Монголии, хотя падишахи и знать никак не могут называться монголами. Империя строилась все по тому же давнему ханскому образцу, заповеданному потомкам в XIII веке, хотя и с другой верой, не тенгрианской. Она продержалась дольше остальных осколков Орды. Дожила почти что до нового времени, когда на восточную сцену вышли европейские захватчики. Другие части Великой Монголии были расположены ближе к Московской Руси. Именно это европейское государство и стало расти на ниве, удобренной монгольским завоеванием. Определенной границы между концом владычества монголов над Русью не существует.

Если вам скажут, что это пресловутый 1480 год, то верить столь смелому утверждению не стоит. В 1480 году, как все знают из школьной программы, произошло так называемое *стояние на Угре*. Золотоордынский хан Ахмат двинулся на Русь с карательным войском, дошел до граничной реки, достоял там до морозов, а потом ушел назад. Ни монголы, ни русские битву начать так и не решились. Постояли, так сказать, и мирно разошлись. Правда, в этом стоянии смущают некоторые летописные факты: русский великий князь именует Ахмата не иначе чем царем, посылает тому дары и страшно боится встречи, потому что вдруг да отравят. За двести пятьдесят лет тесного общения Русь и сама потихоньку переняла все черты Великой Монголии, во всяком случае, порядки в ней стали совершенно монгольские, тип власти — точно как у ханов. К тому же из ордынских государств, которых к XV веку стало множество, в Москву бежали гонимые монгольские и тюркские князьки, а некоторые

даже переезжали со всем комфортом, чтобы служить у великого князя, а не у очередного искателя сарайского престола.

Достаточно открыть любую родословную книгу, где записаны фамилии именитых русских дворян, чтобы в этом убедиться. Сугубо славянских фамилий там практически нет. Имеются разного рода Рюриковичи, но куда как больше фамилий тюркских. Аксаковы, Тургеневы, Тархановы, Апраксины, Бахметовы, Ростопчины, Чаадаевы, Урусовы, Юсуповы, Тенишевы, Аничковы, Ртищевы, Языковы, Огаревы, Касимовы, Сулешовы, Салтыковы... продолжать?

Из-за постоянной смены власти, внутреннеордынского несогласия и прочих неприятностей в соседнюю Москву прибывало и прибывало новых подданных. И благодаря «знатному» ордынскому происхождению эти приезжие граждане получали титулы и становились опорой русской власти. Так что часть Орды постепенно осела на Руси.

Сама Золотая Орда к XV веку хорошо распалась. Тут помог и Тимур, и тимуриды, и войны за Хорезм, и неожиданный наплыв тюркских народов с востока на земли Средней Азии. Все это огромное пространство от Тихого океана до Московии пребывало в постоянном движении. Не забывайте, это ведь народы, в основном, кочевые. Движение для них — процесс естественный. Недаром столь часто во всех среднеазиатских сочинениях встречается слово «казаковать», то есть двигаться в степи, отделившись от оседлых земель. Золотая Орда была огромнейшей территорией. И когда она развалилась, то создались отдельные ханства: мангытская Ногайская Орда на Яике, Узбекское ханство на востоке и Волжский улус, который русские продолжали по традиции называть Золотой Ордой. Но это уже была не Золотая Орда, а именно Волжский улус. Он тоже не смог оставаться в начальных границах и разделился на несколько частей: Казанское ханство, Крымское ханство, Большая Орда, из которой очень скоро выделилось Астраханское ханство.

В это же примерно время стало «валиться» большое Узбекское ханство: оно распалось на Узбекское, Казахское и Сибирское ханства. На Иртыше в эту пору складывается Кыргызское ханство, а еще восточнее существуют Моголистан, Ойратское ханство и Халха-Монгольское ханство (остаток улуса Толуя). Все эти ханства, за исключением трех последних, были постепенно завоеваны (как у нас принято говорить «добровольно присоединены») Московией. Причем, завоевание некоторых ханств растянулось до... XIX века. Первые же были захвачены еще при Иване Васильевиче Грозном.

Улус Джучи мы оставили с вами в тот момент, когда дети Тохтамыша стали пробовать возвратить его своему роду. Сам Тохтамыш удалился в Сибирь и сумел основать там Тюменское ханство, которое уничтожил Идигу. Сыновья Тохтамыша между тем стремились вернуть себе власть в Золотой Орде. Род Тохтамыша относился к потомкам Орды-Ичена, сына Джучи. С родом Тохтамыша соперничал род врага Тохтамыша — Урус-хана, восходящего точно к тому же Орде-Ичену. А с ними обоими враждовал род Тока-Тимура, тоже сына Джучи. Дети Тохтамыша сели на золотоордынский престол в 1411 году и просидели там до 1419, когда новым ханом стал Улугмухаммед из рода Тока-Тимура. Потомки Урус-хана в такой ситуации решили выделиться из Золотой Орды полностью и основали на крайнем востоке улуса новое ханство — Узбекское, что в переводе означает *свободное*. То есть это была земля, на которую не распространились золотоордынские права наследования. Орда над ними власть потеряла в 1425 году. Ханство было большим и частично охватывало не только земли улуса Орды-Ичена, но и земли Шейбана, так что Шейбаниды признали над собой власть Узбекского ханства. В самой Золотой Орде после Улугмухаммеда власть снова перешла к потомкам Тохтамыша. Этого не признали потомки Тока-Тимура, и в

1437 году Орда еще раз раскололась: теперь из нее выделилось Казанское ханство и немного позже Крымское ханство. А потомки Тохтамыша правили в Астраханском ханстве. В восточном Узбекском ханстве в 1428 году власть перешла от потомков Орды-Ичена к потомкам Шейбана, брата Бату.

Первый из ханов нам с вами уже известен по истории Средней Азии — это знаменитый Абулхайр. С потерей власти не смогли примириться потомки Урус-хана, и двое из них образовали Казахское ханство. Между ними началась яростная борьба: узбеки гоняли казахов, казахи гоняли узбеков, пока к концу XV века не победили казахи. Уменьшившаяся в размерах часть Узбекского ханства тоже претерпела изменения: от нее отделилось Сибирское ханство. С потомком властителей этого ханства и пришлось потом воевать Ермаку. Потомка, как помните по русской истории, звали хан Кучум.

В XVI веке Московия окончательно дозрела до начала аннексии близлежащих территорий. Первым на ее пути было Казанское ханство. Оно было захвачено нами в 1552 году во время казанского похода Ивана Грозного. Но до этого казанского разорения были два других похода Ивана Васильевича, и они не были столь удачны. Казанский хронист Шериф Хаджи Тархани рассказывал об этом так:

«Неверные, довольствуясь событиями судьбы и радуясь происходящему в этом подлом мире, он неверный да чванливый и задравший нос, и он многобожец и пораженец эпохи, и смутьян золотом порожденного мира, один из двух чертей, предводитель окаянного войска, безбожник Иван, со своим видом фараона и Немрута, желая сам встать во главе, собрал солидное, многочисленное войско и мерзких воинов, приблизительно с 800-тысячным войском с пушками и ружьями, придя, окружив великий го-

род Казань, организовали осаду. Вражеское войско было многочисленным, как полчища муравьев и племя Яджужа, а не людей.

На одних воротах крепости, собрав молодежь, стоял опора этого государства и указатель пути этим людям, сын покойного Полат-бика Мамай-бик с Нургали-мирзой — да возвысится их значимость,— опытный в военных делах, победивший храбрецов, уничтожавший таких, как Дара и Искандер. А у Ханских ворот — преданный друг поля отваги, лев искусства храбрости Козыджак-улан — да увеличит Аллах могущество его. Он, мастер своего дела, взял к себе молодежь и истинных храбрецов. А на других воротах крепости — глава группы отважных, Искандер поля храбрости Ак Мухаммед-улан — да продлится жизнь его. А на других воротах крепости — внук Кутби-ль-актаба Сейид Ата из рода господа Пророка, сын покойного Сейида, Кул Мухаммед Сейид — да продолжится его добродетельность,— став во главе дервишеподобной молодежи и собрав подчиненных ему суфиев [1], прибегнув к защите текке [2] Пророка и Всевышнего, под предводительством духа Пророка Мухаммеда, прося помощи у духов всех пророков, духа отца своего, Сейид-Ата — да освятит Аллах тайны его — и, спросив помощи, оседлав коня священной войны, да приготовившись к сражению, были внимательны и готовы выйти навстречу неверным. А на других воротах крепости — Барболсун Аталык,— который словно со знаменем Дара и такой же ловкий, как Искандер, образец Рустема и похожий на

---

[1] *Суфии* — адепты, исповедующие мистическое направление в исламе; «суфий» — это влюбленный в Истину, тот, кто движется к Совершенству; движение к некой абстрактной Истине с помощью Любви и Преданности к Богу суфии называют тарикатом (путем).

[2] *Текке, текийе, завие* (турецкий tekke, zaviye) — священная обитель мусульманских дервишей; здесь — защита.

Бахрама. А на других воротах крепости — городской бек, правитель Булгарского вилайета, „фаворит султанов, мощи перламутра и уважения жемчужина, управитель делами областей султана, завоеватель ханской казны, из рода эмиров" Байбарс-бик.

Некоторые известные храбрецы и счастливые богатыри — Нарихибик, Ай Килди-бик и Ак Матай-бик и хаджиев общество — да поможет им Аллах,— устремившись в любое место, где атаковали нечестивые разрушители, не щадя себя оказав помощь, вступив в схватку с грешными неверными, уничтожив их, сломав свои копья, удостаиваясь чести борцов за веру, были уважаемы.

Короче, два войска стояли один против другого для того, чтобы сразиться, бороться и воевать друг с другом. По слухам, и что было установлено, доказано и подтверждено, в войске неверных было 11 огнестрельных пушек. Перебежал и один хороший пушкарь. Каждый снаряд этих пушек на казанских весах весил примерно 1 батман[1]. *Величиной с лошадиную кормушку. Внутри снаряда различные заклинания и множество разнообразных вещей, на что удивился бы и ум Аристотеля и значение „Аристо" было бы как „растерявшийся и ошалевший". Эти снаряды снаружи опоясаны железом, внутри кованой меди положены белая нефть и сера, соединены и укреплены малюсенькие ружья, приведенные в готовность положенной дробью из 4—5 свинцов, и ими стреляли темной ночью словно „как дождевая туча с неба. В ней — мрак, гром и молния" (Коран, II, 19). И искры в воздухе, что вылетали по ночам из огненного снаряда, можно было бы сравнить с упавшими разом звездами и планетами.*

Эти огромные снаряды по ночам падали везде вовнутрь города, и ни у кого не было возможности подойти

[1] *Батман* — старинная мера веса.

к ним и потушить их. Лишь некоторые отважные молодые и смелые храбрецы, памятуя, что „человек взлетит за счет своего усердия“, словно саламандра бросались к этим огням, при помощи ангела Юдже и работы ума тушили этот дом так, что не оставляли ни следов, ни признаков. Было еще 4—5 воздушных пушек. Каждое каменное ядро было наподобие куска горы. Каждый раз, когда эти пушки стреляли, эти каменные ядра, приводимые в движение при помощи выталкивающей силы, вылетев словно птица — „птица летит при помощи крыльев“,— поднимались в воздух. Показавшись в пространстве неба, как точка в воздухе, то есть двигаясь в пустоте неба, после угасания выталкивающей силы, по естественной траектории оно падало вниз. Падало вниз мощнее сильного урагана, быстрее стрелы судьбы. Нельзя было сосчитать ударявших вещей и ружей по крепости. Люди, испугавшись пушечных раскатов, идущих с небес и подавляющих другие звуки, не узнавали друг друга.

Мы были поражены, что Господь Праведный и Всевышний тем ли оказал любезность рабу своему, что отдал этим жестоким неверующим и чванливым, зазнавшимся многобожцам подобный показ, это войско и воинов, эту внушительность и царствование!

...Два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого. Так сраженье, словно хашир, продолжалось десять дней. Нечестивцев с плохой религией и с извращенными понятиями так истребляли, что даже их следы и признаки были вырваны из страниц Времени. Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой. Короче, сражения, подобные этому, продолжались без перерыва в течение 16 ночей. На 15-й день уничтожающий неверный в развеянном, отозванном,

выгнанном и разгромленном виде повернул обратно. „Хвала Аллаху, помогающему рабу своему, ценящему войско свое и врага повергнувшего поражению“».

Иван не смог взять Казань ни в 1547, ни в 1550 году. Удачным для него оказался лишь поход 1552 года. Через четыре года (в 1556 году) было взято Астраханское ханство. Вся Волга оказалась в составе Московии. Русские тут впервые столкнулись с появлением внутри своего государства мусульман: население Поволжья сплошь было мусульманским. Орда там хорошо поработала. Те, кто оказался немусульманином, был язычником. Так что сразу же началась политика обращения язычников и неверных в православие.

Мусульмане шли на это очень неохотно, и потому с присоединением обоих ханств волнения на Волге не затихли. Поволжье, даже присоединенное «добровольно», сопротивлялось захватчикам еще долго. Первый же опыт завоевания показал, что захват бывших ордынских территорий осложнен вопросами веры. Это было для православных очень неприятно, но пришлось смириться и играть для новых подданных роль доброго царя и радетеля о «татарском народе». Граница между Московией и осколками Великой Монголии теперь уже шла по Уральским горам.

Но в конце XVI века заводчики Строгановы отправили на восток военную экспедицию Ермака.

«В XVI веке Аникий Строгонов водворился в Сольвычегодске,— пишет об этом Костомаров,— завел там соляные варницы, вел большой торг мехами с инородцами, привлекал к себе русских переселенцев и нажил громадное состояние. Он оставил двух сыновей: Якова и Григория. В 1558 году, по ходатайству Григория Строгонова, царь подарил ему, ниже Перми в 88 верстах, по обе стороны Камы до Чусовой, пустое пространство на 146 верст, с

правом населять его пришлыми людьми, но только не тяглыми и не письменными (т. е. значившимися по каким-нибудь спискам), не ворами и не разбойниками, со льготой для новых поселенцев от государственных налогов и повинностей на двадцать лет; дозволял ему также построить город, снарядить его пушками и пищалями, прибрать военных людей и открыть в нем для приезжающих купцов беспошлинный торг.

Для вооружения своего города Строгоновы имели право варить селитру. В тот век, когда в народе сильно господствовало стремление переселяться с целью найти более льготную жизнь, земли Строгоновых быстро населялись. В 1564 году, кроме прежде построенного города Канкара, Строгоновы с царского дозволения построили другой город Кергедан. В 1568 году царская жалованная грамота прибавила к владениям Строгоновых берега реки Чусовой на 20 верст протяжения. Новые поселения Строгоновых не оставались в покое: на них начали нападать разные инородцы: остяки, вогуличи, черемисы, нагаи, и в 1572 году царь дозволил Строгоновым набирать себе охочих казаков и ходить войной против враждебных инородцев.

Вскоре Строгоновы вошли в столкновение с зауральским краем. На берегах рек Тобола, Иртыша и Туры существовало татарское царство, носившее название Сибири, с главным городом того же имени, иначе наз. Искер. История этого царства представляет однообразные черты, общие всем татарским царствам: ханы свергали и убивали друг друга; один из них, Едигер, после завоевания русскими Казани и Астрахани, добровольно поддавался Ивану Грозному с целью оградить себя от соперников. Но Едигер был низвержен и убит воинственным киргизкайсацким ханом Кучумом.

Это было около 1556 года. Кучум сделался сибирским царем, покорил своей власти остяков и частью вогуличей

и усиленно заботился о распространении магометанской веры в своем государстве. Вопреки своему предшественнику, он не думал уже отдавать сибирской страны русскому государю, хотел, напротив, утвердить ее независимость и потому с неудовольствием услышал, что Строгоновы населяют и укрепляют города поблизости к его границе и держат в повиновении русскому царю остяков, которых сибирский царь считал своими подданными.

В 1573 году сын Кучума, царевич Махметкул, принуждал к повиновению русских данников, остяков, угрожал городкам Строгоновых и возбуждал черемисов[1] *к бунту. Это нападение вызвало со стороны русского царя в 1574 году грамоту, по которой Строгоновым предоставлялось перейти за Урал, строить крепости на реке Тоболе и населять тамошнюю страну русскими со льготою на двадцать лет. После этой грамоты естественно возникла у Строгоновых необходимость увеличить свои военные силы.*

...1 сентября 1582 г. казаки, снаряженные Строгоновым, поплыли по Чусовой вверх.

...Казаки, плывя вверх по быстрой и каменистой Чусовой, повернули в р. Серебряную, потом волоком перевезлись в реку Жаравлю, впадающую в Тагил; проплывши Тагилом, казаки поплыли вниз по Туре; на месте нынешнего Туринска встретили они городок, где властвовал князек Епанча, данник Кучума. Этот Епанча и его люди никогда не слыхали огнестрельного оружия: как только казаки дали залп, они тотчас бежали. Казаки разорили городок Епанчи. При соединении рек Туры и Тауды казаки выстрелами разогнали другую толпу сибиряков и взяли в

---

[1] *Черемисы (марийцы)* — небольшая народность, принадлежащая к восточно-финской группе; занимают территорию современной Марий Эл.

плен предводителя их, Кучумова мурзу Тавзака. Беглецы принесли весть Кучуму о нашествии русских людей.

„Пришли,— говорили они,— как пишут русские летописи,— воины с такими луками, что огонь из них пышет, а как толкнет, словно гром с небеси. Стрел не видно,— а ранит и насмерть бьет, и никакими сбруями нельзя защититься! И панцири и кольчуги наши навылет пробивают“.

Казаки плыли вниз по Тоболу, везде устрашали и разгоняли толпы туземцев выстрелами. Кучум собрал свое войско: и татар, и подвластных остяков. Он стал на берегу Иртыша, недалеко от устья Тобола, близ нынешнего Тобольска, на горе, называемой Чувашево, а вперед выслал царевича Махметкула: одни называют его сыном, другие племянником Кучума. Махметкул устроил засеку и дожидался казаков. Казаки увидали против себя такое множество врагов, что приходилось тридцать сибиряков на одного казака.

...23 октября произошла битва. Стрелы ничего не могли сделать против ружей и пушек, хотя сибиряки дрались так отчаянно, что казаки потеряли сто семь человек, которых до сих пор поминают в синодиках тобольского собора. Татары бежали. За ними и сам Кучум,— который, по сказанию татарских историков, тогда уже был слеп,— скрылся в ишимских степях, едва успевши захватить часть своей казны.

26 октября Ермак с казаками вступил в столицу сибирского царства Искер, или Сибирь, и захватил там достаточный запас мехов, азиатских тканей и разных драгоценностей. В городе не осталось ни одного сибиряка: быстрый успех русских навел всеобщий страх на подданных Кучума. Татары, остяки и вогуличи со своими князьками приходили бить челом победителю, приносили дары и привозили запасы. Ермак приводил их к шерти [1] на имя

[1] *Шерть* — присяга.

государя, обращался с ними ласково, отпускал в их юрты и строго запретил своим казакам делать малейшее насилие туземцам.

Наступившая зима не дозволила Ермаку продолжать завоевание Сибири. Он оставался в Искере. О Кучуме не было никакого слуха. Казаки спокойно ездили по окрестностям ловить рыбу; Махметкул напал было на них и умертвил двадцать человек, но сам был разбит Ермаком. С наступлением весны Махметкул подбирался к Искеру, но Ермак узнал об этом заранее, выслал 60 человек, которые напали на сонных татар, схватили Махметкула и привезли к своему предводителю.

...Ермак передал прибывшему в Сибирь царскому воеводе пленного Махметкула, который был немедленно отправлен в Москву, где обязался служить царю. С этих пор счастье начало изменять завоевателям Сибири».

Иными словами, в одном из боев Ермак погиб, а остальные предпочли вернуться. Но вслед за Ермаком была послана уже армия. И в 1598 году воевода Воейков разбил Кучума и захватил всю его семью. Кучум бежал к ногайцам, но поступили с ним просто: убили. Сибирское ханство и все его земли отошли к русским.

Ногайская орда, куда бежал Кучум, продержалась еще столетие и отошла к русским только в 1630 году. Еще позже — и тоже через век — в 1783 году был завоеван Крым. Но самая большая сложность была в завоевании Казахского и Узбекского ханств. Время для них пришло только в середине XIX века (Казахское) и первой четверти XX века (Узбекское — Хива и Бухара).

Конечно, и казахи, и узбеки, и киргизы, и туркмены, и таджики — все они не монголы. Но это народы, которые были сформированы при огромном участии монголов.

Казахское ханство, например, делилось, как и в старину, на три жуза [1], по принципу построения монгольского войска. И те и другие исповедывали степные законы, не приняли городской культуры, хотя рядом стояли вполне цивилизованные среднеазиатские города, жили в юртах, откочевывали и перекочевывали и т. д.

Посетивший эти места в XVI веке англичанин Дженкинсон с высоты британской культуры дал такое описание туркменам (о прочих он приводил аналогичные факты):

«Вся область от Каспийского моря до гор. Ургенча называется Туркменией; она подчинена Азим-Хану и его братьям, которых пять; один из них, называемый Ханом, считается главным, но его мало слушают, за исключением его собственной области, где он живет: каждый желает быть властителем своей части и старается погубить другого, потому что их не связывает кровная любовь, так как они рождены от разных матерей; в большинстве случаев эти царьки — дети рабынь, христианок или язычниц, которых отец их держал как наложниц; всякий Хан или Султан имеет, по меньшей мере, 4 или 5 жен, не считая молодых девушек или мальчиков; вообще они живут очень порочно.

Во время войн между братьями (а редко нет войны), побежденный, если он не убит, спасается бегством в поля с теми, кто пожелает следовать за ним, и живет в пустыне, где-нибудь у воды, разбойничает и грабит караваны купцов и всех, кого в состоянии одолеть, и ведет такую беззаконную жизнь до тех пор, пока не соберется с силами снова напасть на кого-либо из своих братьев.

От Каспийского моря до Селлизура во всей окрестной стране население живет без городов и жилищ в пустынных

---

[1] *Жуз* — объединение родов, традиционное деление казахского народа, состоящего из трёх жузов — младшего, среднего, старшего, по старшинству входящих в них родов.

полях, перекочевывая с одного места на другое большими ордами со своим скотом, которого у них очень много: и верблюдов, и лошадей, и баранов, домашних и диких. Их бараны большого роста с толстыми задами, весят 60—80 фунтов. Татары убивают много диких лошадей с помощью соколов, следующим образом. Соколов приучают садиться на спину или на голову животного; когда последнее утомится от сильного долбления сокола, охотник, следящий за добычей, убивает лошадь стрелой или мечом. По всей этой стране не растет травы, а вереск, отчего скот становится очень жирным.

Татары никогда не ездят без лука, стрел и меча, хотя бы это было на соколиную охоту или на какую-либо забаву; они хорошо стреляют верхом и пешком. Этот народ не употребляет ни золота, ни серебра, ни других монет, при недостатке в платье или в другом чем необходимом они меняют на это скот. Хлеба у них нет вовсе, они не пашут и не сеют. Они едят очень много мяса, разрезая его на маленькие куски; едят руками, очень прожорливо, особенно конину. Главный их напиток кислый кумыс, что я уже говорил о Нагайцах; эти пьют то же самое.

Здесь нет рек и воды, пока не дойдешь до упомянутого залива, отстоящего от места нашей высадки на 20 дней пути, за исключением колодцев, где вода солоноватая, да и те отстоят друг от друга дня на 2 и более пути. Татары едят, сидя на земле, подложивши ноги под себя, также и на молитве. Они не знают ни ремесел, ни искусств, живут праздно, сидят кругом большим обществом и болтают о пустяках».

В XIX — начале XX века все эти народы находились все так же вне как среднеазиатской, так и европейской цивилизации. Это самые «долгоиграющие» осколки Великой Монголии за пределами монгольского мира. Точнее будет называть этот мир все же *тюркским.*

Моголистан, Ойратское ханство и Халха-Монголия попали под власть цинского Китая примерно в течение 60 лет — с 1691 по 1759 год. Но неурядицы в этих Ордах начались еще в XIV веке.

Сначала Китаю покорилось монгольское племя урянхаев. Сибирские и приамурские монгольские племена вступили в долгую и очень запутанную борьбу с ойратами. В 1401 году один из ханов Угэчи или Монкэтэмур объявил о создании своего государства, которое — что характерно — носило название «Татар». Э́то государство тут же признал Китай, а сам Угэчи был назван всемонгольским императором. Этого, впрочем, не признали сами монголы: они считали, что Угэчи не имеет права быть не то что великим ханом, а вообще ханом, потому что... не происходит из Чингисова рода! Он и не мог происходить из этого рода, поскольку был ойратом. В своей тяжбе за престол он и опирался на тюркские ойратские племена.

Восточные монголы, очевидно, обратились за помощью к джучидам и получили с запада «правильного чингисида» Аруктэя. Происхождение этого хана очень темное, по некоторым сведениям он был вообще осетином, но монголизированным джучидами, и отнюдь не царского рода. Как бы то ни было, он взял власть над восточной частью монголов, а Угэчи пришлось искать власти над западными монголами, которые были, как уже понятно, не монголы, а тюрки.

Он двинулся на Хами и завоевал его. Аруктэй этому воспротивился и сверг Угэчи, на место самопровозглашенного хана встал Батула. Единый улус был разделен на Халха-Монголии, куда Аруктэй посадил чингисида Элтэмура, и Ойратское ханство, во главе с Батулой. Восточные монголы тем временем решили восстановить улус Хубилая, они стали готовить поход на Китай. В XV веке это не могло быть ничем как авантюрой. Китай тут же использовал тре-

ния между Халха-Монголией и Ойратским ханством. Началась халхо-ойратская война.

В войне принял участие и китайский император, он послал войско против восточных монголов и гнал их до верховьев Онона, с запада на них шли ойраты. После нескольких набегов стало ясно, что восточные монголы отступают, а их хан не имеет наследника. Этим хотел воспользоваться вождь ойратов Махмуд, но не успел: все тот же Аруктэй успел поставить на престол еще одного хана — Дэлбея. Тут ойраты сделали собственную глупость и тоже пошли на Китай. Китайцы тут же отправили свою армию на помощь халха-монголам. Ойраты были разбиты и бежали на запад, где столкнулись с моголистанским правителем из Бешбалыка, снова были разбиты. Двинувшись к востоку, столкнулись с китайцами, еще раз были разбиты.

Все складывалось очень неудачно. Мирные переговоры с Китаем затягивались. Но тут вдруг неожиданно умер Дэлбей. Махмуд ойратский тут же завладел большей частью Халха-Монголии, только на крайнем востоке укрепился самозванный потомок Юаней. Халха-монголы несколько раз пытались ходить на Китай, но китайцы гнали их далеко в степи. В то же время ойраты снова двинулись на запад и взяли Хами и Бешбалык. Между Моголистаном и ойратами началась череда войн, воевали за бассейн Или и Джунгарию.

Подчинить себе этот район им не удалось: здесь очень хорошо укрепились ханы Моголистана. В то же время Аджай-таджи ушел от ойратов к халха-монголам и стал совершать на первых завоевательные походы. В походе 1425 года ойраты были серьезно разбиты, Махмуд погиб, а его жену взяли в плен, и на ней женился халха-монгольский хан. После этого у ойратов отняли земли тангутов, там восстановилась власть восточных монголов.

Тем временем хан умер, на престоле оказался один из его усыновленных детей, а сын Батулы Эсен-тайджи стал во-

дить свое войско на восток. В 1440 году ханом стал сын хана Тогона Эсен. Ему удалось разбить и прогнать со своих земель кыргызов — те переселились в Моголистан. Затем он вернул Хами и три владения урянхайцев, которые были под властью Китая. Ему удалось не просто воевать с китайцами, но даже взять в плен императора Китая, что тут же заставило жителей Поднебесной начать переговоры о прочном и долгом мире.

Н. Я. Бичурин [Иакинф] об этом периоде ойратской истории пишет так:

«Китай искони платил Монголам за спокойствие северных своих пределов; и сия плата, порука мира, производилась не в виде дани, а под другими предлогами, не унижающими достоинства Империи. В сие время мир, существовавший между Китаем и Монголией, имел основанием мену лошадей, т. е. Китайский Двор обязан был ежегодно принимать от Монголов известное число лошадей по цене, установленной мирным договором. Сей образ Монгольского Вассальства сопряжен был с большими невыгодами и неудобствами для Китая.

Монголы приводили плохих лошадей и в большем против договора количестве и, несмотря на то, с дерзостию требовали условленной платы. Число чиновников и пастухов, назначенных для отвода лошадей, иногда ложно показывали от 3 до 4 тысяч человек. Китайское Правительство со своей стороны уменьшало цену за лошадей; сверх сего плата за оных производилась шелковыми тканями и самой средственной доброты и обрезанными, а содержание провожатым выдаваемо было только на наличное число людей.

От сего тайные неудовольствия с обеих сторон год от года возрастали и, наконец, достигли такой степени, что одним только оружием можно было положить конец оным. Наконец Эсэнь в 1449 году привлек к В(еликой) сте-

16 — 1191

не все силы Монголии и вступил в пределы Китая. Он расположился в обширной долине от Калгана к Юго-Западу. Повелитель Китая, решась одним ударом сокрушить насильственную дерзость Монголов, явился в Калганской долине с полумиллионом ратников. Тщетно министры и полководцы советовали ему укрепиться в горных проходах, представляя, что Монголы пришли в несметных силах. Сорокатысячный корпус, посланный для разведываний, в течение двух суток без остатка был изрублен.

Тогда Повелитель Китая увидел из сего всю опасность своего предприятия и немедленно предложил о мире, имея в намерении переговорами выиграть несколько часов времени для обратного перехода чрез горы. Эсэнь ясно видел цель мирных предложений и, уверив посланного в своем согласии на оные, приказал войскам немедленно двинуться к нападению. Китайцы только что тронулись в обратный путь, как в тылу их показались многочисленные массы неприятельской конницы. Началось сражение, которому мало примеров в Истории.

С Китайской стороны не осталось в живых ни одного министра, ни одного полководца, ратники потонули в своей крови. Сам Повелитель Китая, узнанный по одеянию, взят в плен и с одним только Офицером. Эсэнь пошел к Пекину, чтобы под стенами сего города предписать мир Поднебесной Державе, но там уже приняты были меры осторожности, и объявлен новый Государь. И так он удовольствовался заключением мира на выгодных условиях и с державным пленником возвратился в степь».

Китайские хронисты назвали это печальное событие *Тумусской катастрофой*.

«В сию достопамятную Эпоху,— добавляет Бичурин,— *Эсэнь стоял на высочайшей степени могущества, и все по-*

корилось воле его. Хан Токто-Буха был женат на сестре его и имел сына от нее. Эсэнь захотел видеть в своем племяннике Наследника Ханского Престола; когда же объявили ему о невозможности удовлетворить такому желанию, то он убил Токто-Буху и сам вступил на Ханский Престол».

В 1452 году Эсен взял себе титул великого хана. Но когда он попробовал назвать себя императором Юань, ойраты его убили. Власть удалось взять жене Махмуда, она правила от имени малолетнего сына Мэргурэса и полностью подчинила себе ойратов. После него на престоле сидел Мандугул-тайджи, сын Адай-хана, а после его смерти власть досталась его вдове, которая выбрала себе в мужья единственного в Монголии чингисида Бату-Монке. Этот хан более известен под именем Даян-хана. Он правил очень долго (1470—1543) и один из немногих умер своей смертью. Ойраты тем временем совершили походы на Моголистан, Токмокское ханство и узбеков — то есть на западные тюркские земли. Они разбили Абулхайр-хана и хана Юнуса в долине реки Или. Но использовать успехи они не смогли: Даян-хан захватил у ойратов большую часть земли и отогнал ойратов на восток. Они вынуждены были осесть на землях Токмокского ханства и в бассейне Или. Сидевшие там прежде кыргызы в 1470—1480 годы ушли в предгорья Тяньшаня. А в начале следующего века название Монголия получил уже известный нам Моголистан. Ойраты были оттеснены в Джунгарию и с тех стали называться джунгарцами. Но и там ойраты навсегда не остались. Часть из них отошла к Монголии под рукой Даян-хана и его потомков, а часть переселилась. Об этом великом переселении ойратов из Джунгарии (в нижеприведенном тексте — Зюнгарии) повествует «Краткая история калмыцких ханов», которую частично перевел исследователь Лыткин. Это весьма любопытный документ.

«Калмыки, ныне при Волге сидящие, имеют одно происхождение с монголами, одну религию и один язык. Когда зюнгарские (приалтайские) ойраты во время смут убивали друг друга, торгутский тайши[1] *Хо Орлек, не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения (племенам тюркским), которых он и завоевал. Думая двинуться еще далее, в году Шорой Морин (т. е. 1618 г. по Р. Х.), он послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря. Доподлинно узнав, что там земли никем не заняты, он взял своих подвластных торгутов, также хошутов и дербетов*[2] *— всего 50 000 дымов или кибиток и, сопровождаемый шестью сыновьями своими, в году Шорой Лу (т. е. 1628 г. по Р. Х.) оставил свой нутук (место кочевья) в Зюнгарии и двинулся на запад.*

Не доходя до реки Урала („Зай“ от татарского „Чжайак“, у нас „Яик“), он покорил Ембулуковских (Цзимбулук) татар, кочевавших при р. Ембе; перешедши р. Урал, подчинил своей власти татарские поколения: нагай, хатай-хабчик (кипчак), чжитесен (едисан) и в году Темур Морин (1630) прибыл к берегам р. Волги. Тогда никто не мог препятствовать ему утвердиться там, потому что, кроме слабых татар, никого не было. Русских городов тоже было мало. Между тем эта дальняя страна, изобильная травою, для ойратов была как нельзя удобнее для кочевания.

Таким образом, Хо Орлек от Урала до Волги, от Астрахани до Самары (Самур) расположил своих подвластных на постоянные кочевья. Хотя эта страна и принадлежала Цаган Хану (Белому Царю), но Хо Орлек, несмотря на дружественные сношения, овладел этой страною, которая ему нравилась, не доводя о том до сведения царя и не подчиняясь ему.

---

[1] *Тайши* — правитель.

[2] *Торгуты, хошуты, дербеты* — среднеазиатские народы.

В году Темур Лу (1640 г. по Р. Х.) дечин (монголы) и дербен (ойраты) прекратили старую вражду (продолжавшуюся с XIV ст.) и примирились. В присутствии Инзен Ринбоче, Акшобия Маньчжушири, Амогасидда Маньчжушири и Хутуктуин Гегена, (халхаский) Ердени Засакту хан, Тушету хан, (ойратский) Гуши Номын хан, Ердени Батур хун тайчжи и другие ханы и нойоны собрались на Сейм и утвердили Законы (Йеке Цачжи). Торгутский Хо Орлек (с сыновьями своими Шукур Дайчином и Йелденом) ездил на этот Сейм, заключил дружественные и родственные союзы, утвержденные законы привез в свой Нутук и ими стал руководствоваться при управлении своими подвластными.

Вскоре по возвращении Хо Орлек сделал нападение на г. Астрахань, жители которого разбили его и преследовали. В этой битве Хо Орлек был убит. Когда торгуты пришли из Зюнгарии, сыновья Хо Орлека, Йелден и Лоузан, покорили татар. Хо Орлек отдал этим двум сыновьям всех покоренных ими татар, исключая своих подвластных торгутов.

По смерти Хо Орлека старший сын его, Шукур Дайчин, став первенствующим тайшием, хитростью подчинил своей власти ногайских татар, подвластных братьев своих Лоузана и Йелдена, которые во время смут мало-помалу лишились всех своих подвластных. Лоузан (вероятнее, Йелден) с немногими лучшими людьми удалился в Тибет. (Хошутский) Гуши хан еще прежде предвидел и предсказал, что Йелден потеряет своих подвластных. После этого Шукур Дайчин чрезвычайно возгордился, стал нападать на русскую землю и причинять великий вред, почему русские принуждены были выслать из Астрахани войско, которое переодолело (калмыков) и многих перерубило.

Дайчин, желая помириться с русскими, в году Модон Хонин (1655) отправил к русскому царю в Москву послов Дурал Дархана, Церена и Чихула. Эти послы, прибыв в

Москву, дали обет и клятву, что „калмыцкий тайши Шукур Дайчин, все нойоны и весь Калмыцкий улус будут верными подвластными русского царя Алексея Михайловича, что они не будут ни нападать на Астрахань, ни грабить, ни разорять“. Русский царь, начав войну с Крымом (Харам), просил у Шукур Дайчина войско.

В году Темур Укер (т. е. 1661 г.) Дайчин с сыном своим Пунцуком отправился в поход и вместе с русскими войсками воевал Крымских татар. Взятую в этом походе добычу он обещал отправить Цаган Хану (Белому Хану или Царю), в чем при астраханском воеводе князе Бекосиче дал шерть Пунцук, который при том молился борхану [1]*, лобызал шутен (святое изображение), сутры (священные книги) и четки, лизал свой нож и прикладывал его к своему горлу.*

По смерти Шукур Дайчина принял бразды правления сын его Пунцук. При его жизни хошутский тайши Кундулен Убаши прибыл из Зюнгарии с 3000 кибиток подвластных, расположился кочевьем при р. Волге и присоединился к калмыкам. Аюки тайджи принял бразды правления по смерти отца своего Пунцука. Во время его правления Доржи Рабтан, родная его тетка, прибыла из Зюнгарии с 1000 подвластных и, присоединившись к своему племяннику, увеличила Калмыцкий улус. Аюки тайджи потом ходил войною на Кубань; он два месяца сражался с нагайскими татарами, убежавшими из-под власти России, и привел их обратно на Волгу. Так слава Аюки тайджи распространилась между южными народами. Аюки тайджи, желая быть, подобно родителю своему Пунцуку, данником русского царя, в году Усун Укер (1673) дал присягу (шахан) при речке Шара Цеке в том, что калмыки не будут нападать на русские города, что не будут вести дружбы ни с турецким султаном, ни с крымским ханом,

[1] *Борхану* — здесь: истинному.

ни с персидским шахом, что русскую страну они будут защищать от врагов и т. п. Дербетский владелец Солом Церен тайши в году Модон Барс (1674) прибыл на Волгу с 4000 кибиток подвластных и, подчинившись Аюке тайджию, увеличил его силу.

Хотя Аюки тайджи при князе Щербатове и повторил присягу на подданство (албату) русскому царю, но когда начались враждебные отношения башкир с русскими, он заодно с башкирами в году Темур Така (1681) в губерниях Казанской и Оренбургской ограбил и разорил народ, сжег много маленьких городов и взял много пленных, чем на русских навел великий страх. Это побудило русских царей (Иоанна и Петра Алексеевичей) отправить своего сановника и князя Алексея Ивановича Голицына для новых переговоров с Аюки тайджием, с которым и имел переговоры при р. Шарачине. Этими переговорами русские сумели остановить набеги калмыков и удержать их от дружественных сношений с чуждыми ханами (турецким, персидским и крымским).

Аюки тайджи, прекратив нападения на русское царство, отправился на Восток и, захватив хасаков (киргиз) и тюркменов, сделал их своими данниками (албату), чем в тех странах приобрел себе славу. Святитель Далай лама пожаловал Аюке ханский титул (хан цоло) и печать (тамга). Еще прежде, когда калмыцкие первенствующие (терюн — голова) носили титло „тайши", святитель Богдо лама пожаловал было Шукур Дайчину (деду Аюки) ханское титло [1] *и печать, но тот возвратил обратно, говоря: „Подобных мне нойонов много, как же я буду ханом?" Хотя Аюки и был данником (албату) русского царя, но, не извещая его, принял своею властью это высокое ханское титло.*

[1] *Титло* — то же, что титул.

Аюки хан, не гордясь перед зюнгарскими ойратами, но вступал с ними в родственные отношения: так он выдал свою дочь за Цеван Рабтана (сына зюнгарского владельца Сенге). Кроме того, он ездил в Зюнгарию и привел на Волгу тех торгутов, которые оставались в Зюнгарии. Беспрерывные войны и смятения, происходившие в Зюнгарии, были причиною того, что ойраты, именуемые хара халимак (черные калмыки, теленгиты), с Цаган Батур тайчжием перекочевали из Зюнгарии в Россию в году Гал Барс (1686) и были поселены при р. Ахтубе.

Русский „великий хан“ Петр уехал в чужие западные государства для того, чтобы, изучив там искусства и науки, научить им потом своих подвластных. Он поручил Аюки хану охранять, в бытность свою за границею, (где пробыл 1697 и 1698 гг.) русское государство от южных внешних врагов; вследствие чего кн. Борис Матвеевич Голицын в году Гал Укер (1697) имел свидание с Аюки ханом при р. Шара Цеке. Они в договорных статьях постановили: „Если Аюки хан будет воевать бухар, харакалпаков, хасаков (киргиз), то русские должны дать ему пушки; также давать ему ежегодно по 20 пуд пороху и 10 пуд свинцу. Без согласия (зарлик) хана не крестить калмыков, убежавших к русским; если же окрестят, то взыскивать пеню за тех окрещенных. Аюки хан, если хочет, может посылать своих подвластных на Крым и на Кубань для добычи и грабежа; если они, будучи побиты неприятелем, убегут к русским городам, то их (калмыков) не преследовать, но оказывать возможное пособие“. Так русские склонили на свою сторону Аюки хана.

Хотя таким образом Аюки хан усилился и доставил своим подвластным спокойствие и довольство, но в году Темур Могой (1701) между Аюки ханом и сыном его Чакдарчжабом произошли раздоры за жену последнего. Гунчжаб, любимый сын Аюки, дав слово убить своего старше-

го брата, в темную ночь подослал к своему брату злонамеренного человека, который выстрелил в Чакдарчжаба из ружья, заряженного двумя пулями (зарядами), и ранил. От этого произошли раздоры и смятения: Гунчжаб убежал в гор. Саратов (Шарату); Аюки хан укрылся в маленьком русском городке, а Чакдарчжаб, взяв с собою некоторых родственников, перекочевал за р. Зя (Урал) и там расположился кочевьем.

Князь Борис Голицын, присланный от русского хана, прибыл и помирил отца с сыном. Санчжаб, сын Аюки, ушедший вместе с Чакдарчжабом, взял 15 000 кибиток подвластных и ушел в Зюнгарский нутук, где Цеван Рабтан отнял подвластных, а Санчжаба одного отослал обратно. Калмыцкий улус со времени прихода из Зюнгарии (1628 г.) постепенно увеличивался, но с этого времени (1701 г.) стал уменьшаться.

Когда в году Гал Гахай (1707) чеченцы, кумыки и нагайцы сделали нападение на русских, Аюки хан не дал русским требуемого войска. Потом, когда башкиры бунтовали против России, (дербетский) Мунке Темур, подвластный (хариату) Аюки, в губерниях Пензенской и Тамбовской сжег более ста сел, взял в плен весьма много русских земледельцев и распродал их в Персию, на Кубань, в Хиву и Бухарию. Поэтому в году Шорой Хулугуна (1708) Петр Матвеевич Апраксин приехал узнать от Аюки хана о причине этих несправедливых поступков; Аюки отвечал, что в этом виновен (дербетский) Мунке Темур, и что он не знал о его намерениях. Аюки хан обещал не дозволять своим тайшиям переходить на южный берег р. Волги и не посылать их на грабежи и разбои, также обещал в случае нападения неприятелей помогать начальникам ближних русских городов; в случае же нападения башкир, крымцев и др. неприятелей на калмыков просил дозволить укрыться в ближних русских городах.

В году Темур Хулугуна (1720), когда царь Петр готовился к войне с Турцией, башкиры снова учинили набеги на русских. Царь, надеясь через Аюки хана усмирить их, послал указ, почему Аюки хан выставил против них 5000 войско, а на Дон отправил 10 000 войско, большую часть которого составляли дербетовцы, усмирившие казаков, производивших на Дону воровство и разбой».

Так складывалась судьба переселенных ойратов под рукой русских царей. Бывшие земли ойратов были поделены между Россией, Монголией и Китаем. Единый в целом народ оказался и вовсе разбит на три части. Эти части пытались снова соединиться, но достаточно безуспешно.

Ойратов, которых затем назвали зюнгарцами, а еще позже калмыками, в России использовали как военную силу, их даже подчинили казачьим атаманам войска Донского. Постепенно их стали ассимилировать, заставляя сначала оседать на земле, или хотя ограничивать возможности кочевок. Такой жесткий административный надзор был противен самому мироощущению ойратов, так что не удивительно, что эти переселенцы с востока приняли активное участие в пугачевском бунте. После чего, само собой, попали под еще больший контроль. И только при Павле им была возвращена относительная свобода (возвращены в места волжских кочевий) и свой калмыцкий суд (а не российский) по своим нормам права (скажем так, средневековым). Назначенный Павлом наместник тайджи Чучей воспринимался ойратами как хан, но это счастье было скоротечно. В 1803 году он умер, а нового наместника им не дали. Всю Калмыцкую степь к концу XIX века разделили на 8 улусов, но эти земли все активнее осваивало русское крестьянство, так что в начале XX века два улуса отобрали. Земли ойратов сокращались и сокращались. А потом... потом к власти пришли большевики,

которые взялись за «трудовой калмыцкий народ» и заставили его жить в городах и селах, а не в кибитках и юртах.

Но вернемся, собственно, в Монголию, ко времени исхода части ойратов. Даян-хану удалось, пожалуй, почти невозможное: он смог объединить раздробленные земли Монголии, они сплотились под его властью. И вполне возможно, что история Монголия могла стать совершенно другой, даже территориальное деление при нем изменилось: не было более восточной и западной части страны, была только северная Монголия и Южная, да и то потому, что между ними лежала бесплодная пустыня Гоби. Он, очевидно, хотел сплотить народ, смешать его, сделать единым. Он желал прочного мира и пытался развивать торговые связи с Китаем.

Увы, стоило только ему умереть — все пошло прахом. Местные ханы снова перессорились, и пошли набеги друг на друга и на соседние земли. Старшие дети обосновались на юге, младший сын — на севере, друг с другом они ладили плохо. Насколько бедна и слаба была эта страна, можно судить по тому хотя бы факту, что иногда ханы просили о помощи своего злейшего врага — Китай.

Но в чем Китай должен был поставить помощь? Послать войска, чтобы помочь какому-нибудь ханычу отловить самовольно откочевавших аратов! Даже на это монгольская знать стала почти неспособной. Примерно в том же состоянии пребывали и земли Средней Азии и Дешт-и-Кыпчака, населенные остатками степных завоевателей. Стоит ли удивляться, что к XX веку все среднеазиатские земли оказались под рукой России, а все прилегающие к Тибету и Китаю еще в XVII—XVIII веках — под рукой Китая?

Послесловие:

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ВОСТОК

Что же собой представляла та Монголия, куда наконец-то вернулись ее обитатели, пытавшиеся завоевать весь мир? В XVI веке это было дикая и отсталая страна с кочевым скотоводством, почти полным отсутствием торговли и таким низким уровнем жизни, что окрестные народы глядели на монголов свысока. Как бы то ни было, но завоеванные страны со временем обрели свободу, а монголы потеряли все, что недавно еще имели: богатства, зависевшие от покорившихся своей доле людей, города, которые пришли в запустение и поросли травой, даже облавную охоту — радость великих ханов. Новых хозяев монгольской земли, протянувшейся от Хангайских гор и верховьев Енисея и Иртыша и до границ внутренней Монголии на востоке, не интересовала даже такая охота. Быт стал столь же простым и скудным, как и в XII веке. Монголы вернулись в свое детство.

Их единая земля делилась на западную и восточную, первая была несколько более цивилизованной, вторая более отсталой. Но и та и другая дробились на множество феодальных владений, во главе которых стояли совсем уже не чингисиды, а выбившиеся в лучшие люди воины. Некото-

рые носили царское имя «тайджи», но реально никто из них не имел настоящей великоханской крови. Западная часть Монголии была населена ойратами и дробилась на множество мелких владений и четыре крупных княжества, земля халха-монголов — еще на семь владений, а в южной Монголии было и вовсе 49 княжеств — крошечные территории, подчиненные своим кочевым феодалам. Только эти многочисленные ханы и жили более или менее приятной жизнью: на них точно рабы трудились рядовые монголы, которых называли араты. Они, как и века назад, платили продуктами дань, работали на своих хозяев, собирали дары для своих ханов, когда те собирались отправиться к более высокому по рангу господину, вооружали и одевали владыку, платили за него штрафы, сражались за него и погибали, несли все расходы по содержанию дорог и почтовых станций, кормили проезжую знать всех мастей и снабжали ее лошадьми. Прежний имперский народ жил в беспросветном раннесредневековом рабстве, а часы в Европе уже отсчитывали новое время.

Внук Даян-хана, Алтан-хан (в переводе Золотой хан), пытался приобщить свой народ хотя бы к началам цивилизации: он стремился посадить монголов на землю и сделать из них крестьян, он хотел научить монголов ремеслам, для чего привозил из Китая соответствующих специалистов, он даже начал строить в своих владениях настоящий город! Город назвал он Куку-хото. Из того же Китая он стал ввозить нужные монголам товары, а в Китай на экспорт шли лошади, выносливые монгольские лошади. На четырех рынках торговали монголы и китайцы: товарооборот был огромный для тогдашней Монголии — 28 тысяч лошадей за две недели, а уж овец и продукты животноводства никто и не считал.

При Алтан-хане принята была и новая вера, чтобы она сплотила людей,— вера эта называлась ламаизм и была

взята с соседнего Тибета. Хан строил монастыри, вербовал среди своих аратов желающих стать ламами, обещая полное освобождение от тягот и поборов. Араты шли. В ламах можно было забыть о постоянном голоде и нищете. Северный сосед Алтан-хана Абатай-хан посетил Тибет и получил там титул Тутету-хана. Видимо, он думал создать что-то вроде тибетского теократического государства. Это не получилось ни у Алтан-хана, ни у Абатай-хана, ни у потомков последнего. Однако его внук был определен тибетским далай-ламой как воплощение Джебдзун-Даранаты, буддистского святого. Под его рукой была создана единая ламаистская церковь Монголии.

Но скоро, к концу XVI века, исчезло единство земли. Южная Монголия подверглась завоеванию маньчжурскими войсками. Потомки Даян-хана пытались противостоять вторжению, они даже пошли на союз с китайской династией Мин, но были разбиты. Хан Лигдан, правнук Даяна, понимая, что все потеряно, убил себя, а его сын — был схвачен и убит маньчжурцами. Земли Южной Монголии попали под власть чужеземцев. Чужеземцы назвали их внутренней Монголией. Они собрали съезд монгольских князей и назначили им в ханы не монгола, а маньчжура.

Перепуганные князья севера и запада тут же забыли ссоры и стали объединяться, но этот счастливый и своевременный процесс далеко не зашел. Маньчжуры засылали в их ряды провокаторов, которые передавали слухи об изменах и клевете, и таким образом они умудрились очень быстро перессорить пока еще независимых князей, живущих по ту сторону Гоби. Между ними начались усобицы. А следом, выждав удобный момент, пришли маньчжуры.

Им потребовалось не слишком много времени, чтобы завоевать север и запад. Новую землю они назвали Внешней Монголией. Маньчжурцы были сильны: к тому времени они подчинили и Китай, уничтожив династию Мин и положив

начало маньчжурской династии Цин. Надо ли говорить, что в новой китайской империи монголы стали еще более рабами? Теперь кроме собственных местных владык у них были манчжурские хозяева. Монголы ненавидели поработителей, но время для сопротивления было упущено. А Циньской династии было выгодно, чтобы монголы оставались дикими. Они ими и остались. Такова была Монголия в XVI—XVII веках, когда она превратилась из страны завоевателей в страну завоеванных.

Мало она изменилась и в XVIII и XIX столетиях. Народ Чингисхана по-прежнему рассказывал свое «Сокровенное сказание», но он уже плохо представлял, что века тому назад их необразованный хан смог покорить мир от моря до моря. Земля монголов была мала и скудна. А море... вряд ли они могли себе представить это море, разве что как бескрайнюю степь с колышущейся травой или же как пустыню с гонимыми ветром перекати-поле. Единственное, что они хранили,— это заветы своего давно умершего хана-завоевателя, его Ясу. По этой Ясе они и жили, дополняя ее, создавали более разработанное законодательство. Но стиль жизни менялся мало.

Ламаизм сыграл с монголами тоже печальную шутку. Он приучал терпеть и ждать перерождения в другом, более счастливом мире. Иногда, когда становилось совсем уж невмоготу, появлялись «воплощения» святых и божеств. Монголы сразу становились на их сторону и начинали резать и бить китайцев. Но вожди восстаний погибали или бежали. Китайцы приходили с регулярным войском и резали монголов. Так вот, периодически поднимая священные знамена с девятью концами, окропленные жертвенной кровью, монголы ходили биться со своим врагом. А китайцы и верная китайцам часть монголов — ловили мятежников и предавали смерти. О том, как это происходило, можно узнать из замечательно любопытного сообщения Николая

фон Фохта, брат которого служил при генерал-губернаторе Восточной Сибири Корсакове. Описание казни монголов и было составлено братом Фохта в 1870 году. Не могу не привести этого текста.

«Около двадцатых чисел декабря 1870 года привезли в Ургу 24 человека монгол западного Халхаского аймака Саин-Ноина, которые во время взятия инсургентами города Улясутая и нападения их на западные Халхаские княжества присоединились к ним и вместе производили грабежи; из них некоторые были шпионами. Когда инсургенты после разорения Улясутая ушли обратно, то эти монголы отстали от них и бродили на родине в Саин-Ноинском аймаке. Монгольский отряд, расположенный ныне в Курене Эрдыни-Цзоо, во время разведки поймал этих несчастных монгол и представил их ургинским правителям — амбаням, которые, находя их виновными в грабеже и других преступлениях, приговорили их к смертной казни и отправили приговор свой в Пекин к богдыхану на утверждение. Вскоре был получен богдыханский указ, которым повелено отрубить всем 24-м человекам головы.

Старший ургинский маньчжурский амбань предлагал младшему амбаню Цыцен-хану расстрелять этих монголов на том месте, где ныне расставлены пушки, привезенные из Пекина; но Цыцен-хан на это не согласился, отзываясь тем, что, во-первых, предлагаемое маньчжурским амбанем место для казни преступников очень близко к Урге — святым местам, где имеют пребывание хутукта и прочие великие ламы, и, во-вторых, потому, что с этого места видна священная гора „Хан-ола“ (царь гор), в виду которой по законам монгол нельзя совершать казней и проливать человеческую кровь. В случае нарушения сего закона дух, вечно живущий в этой горе, может послать великие бедствия на окрестных жителей.

Таким образом, Цыцен-хан настоял на том, чтобы казнить преступников за китайским городом Маймаченом на северном склоне горы „Шара-хада“, откуда не видна величественная гора „Хан-ола“. Маймачен, торговый город, расположен в 3 верстах восточнее от Урги, где имеет местопребывание русское консульство.

В Урге казнь преступников всегда совершается до рассвета. Однажды два преступника, которые за буйство были приговорены к смертной казни, избавились от нее, благодаря лишь тому случайному обстоятельству, что маймаченский цзаргучей [1], которому было препоручено исполнение приговора, за темнотою ночи заблудился и прибыл к месту казни, когда уже было совершенно светло.

Вообще в Китае казнят преступников на публичном месте днем, а Урга потому составляет в этом отношении исключение, что представляет ламайский монастырь, в котором постоянно живет до 10 тысяч лам и хутукта — живой представитель Абиды-бурхана. Монголы почитают непристойным производить в этих святых местах казнь днем, и крайне недовольны, что маньчжурские власти в недавнее время стали казнить преступников в Урге. Они твердо убеждены, что такое нарушение народных обычаев было причиною наступления весьма холодных дней, ниспосланных разгневанным духом-хранителем священной горы.

Меня крайне интересовало увидеть картину казни несчастных монгол, и я решился ехать на место, где должна была происходить эта ужасная церемония. В 3 часа утра 4-го февраля я был извещен нашими часовыми, что преступников повезли на телегах с зажженными фонарями к месту казни. Я поспешил за ними, взяв с собой несколько человек из консульства. Когда мы приехали на место, было еще совершенно темно. Преступники были

[1] *Цзаргучей* — китайский пограничный чиновник.

уже здесь и ожидали прибытия двух маньчжурских чиновников. На открытом пространстве была приготовлена монгольская войлочная юрта, в которой для сидения чиновников была поставлена скамейка, покрытая красным бухарским войлоком, а пред ней два столика, с расставленными на них пятью китайскими блюдцами, с китайскими конфетами и плодами; на каждом столике горела коротенькая и толстая красная свечка. Сзади юрты была раскинута палатка, для помещения наемных палачей-китайцев, которые, в числе 10 человек, приняли на себя исполнение казни по 50 лан за каждую голову. Палачи эти обыкновенно принадлежат к рабочему классу населения и в праздничные дни принимают на себя роли актеров в театрах. Возле юрты в 3 железных котлах варилось мелко искрошенное мясо с китайской лапшой, а в палатке грелась в двух таких же котлах вода.

Преступников привезли на 12 телегах, запряженных верблюдами, под конвоем 100 человек монгольских солдат, вооруженных фитильными ружьями и пиками с длинными бамбуковыми древками, и 20 человек монгольских чиновников, также вооруженных саблями, весьма древнего образца. Преступники размещались на каждой телеге по два, закованные в кандалы.

Как монгольские чиновники, так и солдаты были уже пьяны, что делалось, вероятно, для храбрости. Преступники не вступали в разговор с посторонними, и каждый читал и бормотал тибетские молитвы, отпевая себя и молясь за свою душу; по временам слышалось между ними восклицание „ай гыген“.

Через час после нашего приезда прибыли два маньчжурских чиновника в китайских телегах, весьма похожих на гробницу; оба чиновника были одеты в красные плащи и башлыки. Остановившись у юрты, они вышли из телег, и старший из них обратился к монгольским чинов-

никам, приветствовавшим его коленопреклонением, с вопросом, все ли преступники налицо. Получив утвердительный ответ и не заходя в юрту, он отдал приказание, чтобы солдаты расположились по своим местам. Из них десять человек с заряженными ружьями стали у юрты, а остальные построились покоем, оставив посередине довольно большую квадратную площадь. Над дверьми юрты была вывешена красная китайка около 3 аршин длины.

Приказав затем угостить преступников, распорядитель с другим чиновником вошли в юрту. Монголы тотчас же понесли к осужденным два котла с супом, а тот монгол, который нес третий котел с мясом, второпях споткнулся и пролил весь суп; кроме того, были принесены несколько фляг китайской водки. Преступники с жадностью набросились на принесенную пищу и особенно не забывали угощать себя водкой; некоторые ели и пили сидя, другие — лежа.

В то же время между телегами, в виду преступников, в двух котлах в горячей водой, принесенных из-за палатки палачей, нагревались две железные секиры, длиною около пяти четвертей и шириною вершка полтора, с деревянными коротенькими рукоятками, 4 ножа немного меньших размеров и 2 топора с длинными топорищами. Палачи сидели возле котлов, постоянно подкладывая под них дрова и любуясь своими инструментами, старались их нагреть возможно более, чтобы при совершении казни железо смертоносных орудий не прилипало к человеческому телу. На всех лицах палачей было заметно выражение крайнего довольства, ибо, кроме непримиримой вражды к монголам, они получили возможность заработать в самый короткий срок 2400 рублей серебряной монетой.

Палачи были одеты в красные передники и с колпаками на головах, а у каждого преступника на спине за поясом была воткнута длинная доска с надписью: „По высочайшему повелению подлежащий к смертной казни

такой-то". Затем были привезены 24 клетки, выкрашенные красною краской. Каждая отсеченная голова помещалась в отдельной клетке, с привязанною к ней дощечкой с надписью: „Саин-Ноинского аймака, хошуна такого то князя, такой-то". Отрубленные головы подлежали отсылке на родину казненных, для устрашения народа, а деньги наемным палачам по закону платят родовичи [1] преступников.

Окончив кормление осужденных, монгольские чиновники доложили об этом маньчжурским и получили приказание приступить к казни. Все телеги были поставлены в одну прямую линию, а палачи начали привязывать к ним преступников, положив их поперек телег, каждого головой к колесу так, чтобы шея преступника приходилась на ободе колеса. Сорвав с несчастных шапки, палачи оставили их в тех костюмах, в которых они были привезены. Преступники в это время были совершенно пьяны, ничего не говорили и безропотно покорялись своей участи.

Через несколько мгновений палачи засуетились, блеснул топор, и первая голова, отделившись от туловища, покатилась на холодную землю...

Я ушел в юрту, чтобы избавиться от столь ужасного зрелища. Маньчжурские чиновники сидели на скамейке рядом, соблюдая между собою старшинство. Столики с разными яствами и свечами, о которых я упомянул выше, были теперь поставлены у самого входа в юрту, что, вероятно, означало жертвоприношение какому-нибудь богу войны или другому невидимому покровителю Китая. Других священных обрядов при этом не исполнялось; конфирмация преступникам была прочитана еще накануне казни в тюрьме.

Рубка голов продолжалась с четверть часа, причем палачи кричали, шумели и производили какой-то шипящий

---

[1] *Родович* — член рода.

звук: жа-жа-жа и уо-уо-уо и т. п. Крика преступников не было слышно, ибо они были так плотно привязаны, что не могли кричать. Чиновники, исполнители этой казни, ни разу не подходили к преступникам и не осмотрели их, так что вместо виновных могли быть казнены другие, если бы того захотели монголы или требовали какие-либо обстоятельства. Я, между прочим, спросил их шутя: „Отчего они лично не осмотрели преступников, быть может, их подменили дорогой другими?“ Чиновники ответили мне, что подлог невозможен, а смотреть их они боятся. Страх их был понятен, потому что распорядители были старшие секретари амбанского ямуня [1], люди письменные и мирные.

Наш разговор был прерван вошедшим монгольским чиновником, который, преклонив колено пред жертвоприношением и маньчжурскими чиновниками, произнес: „Отрублены 23-м преступникам головы“. В тот же момент два монгола, стоявшие по сторонам жертвоприношения, швырнули столики с яствами в блюдцах и горевшие свечи. Когда же все вышли из юрты, 10 солдат дали залп из ружей, что означало исполнение богдыханского веления.

Палачи, окончив свое дело, возвращались в палатку с обрызганными кровью лицами и руками; они разговаривали между собою шутливым тоном и смеялись. Я пошел к обезглавленным трупам, из которых ручьями струилась свежая кровь, и шел теплый пар; головы лежали на земле с совершенно побелевшими лицами и закрытыми глазами. Мне после рассказывали наши русские, которые ездили вместе со мной, что секиры и топоры палачей ступились после отсечения нескольких голов, и что потом не могли отрубить головы с двух и трех ударов, так что последние несчастные должны были вынести до 10 ударов.

---

[1] *Амбанский ямунь* — высший ямунь, начальник над амбанями, глава местной администрации, ведающий землями и крепостными своего господина.

Толкаясь между монголами и возвращаясь к саням своим, я спросил одного монгольского чиновника: „Отчего 23-м преступникам отрублены головы, а 24-го пощадили?“ Он ответил мне, что у них есть иногда обыкновение прощать одному из преступников, поэтому одного увели к маньчжурским чиновникам просить прощения. Но, увы, ему не прощено и приказано отрубить голову. Несчастного снова повлекли к месту бойни. Он горько заливался слезами и умолял палачей не рубить ему головы. Но все было напрасно.

Его положили на телегу к двум обезглавленным трупам и привязали головою к колесу. Палач с каким-то ожесточением начал наносить удары топором по шее. Преступник, не издавая звука, только страшными конвульсиями давал знать о теплящейся еще искре жизни в его существе. Но прекратились и эти предсмертные движения, и с девятым ударом отлетела последняя, 24-я, голова. Этим окончилась казнь.

Монголы вдруг засуетились, стали развязывать трупы и разбрасывать их на все четыре стороны, а отрубленные головы запирать в клетки для отсылки на родину казненных. Через несколько минут я покинул это страшное и позорное зрелище. Любопытство мое было удовлетворено, но и оставило тяжелое, неизгладимое впечатление».

Естественно, что монголы считали китайцев врагами. Шишмарев, описывая монгольское общество конца XIX века, писал следующее: «*Между самими монголами, именно между халхасцами и другими, существует некоторая разнородность, а между халхасцами и чахарами — антагонизм. Халха ставит себя во главе монгольских племен. Халхасцы последними подпали под владычество Китая (в 1691 г.). И если бы какие-либо случайности заставили Монголию искать единодушия, то Халха, бесспорно, будет во главе, много условий в пользу ее, а главное — пребывание в*

ней перерожденца Абиды Чжамцу Дамба хутукты, чтимого всеми монголами и калмыками. Монголы помнят свою историю, у них сохранилось воспоминание о вековой борьбе с китайцами за существование, им все-таки горько видеть свое порабощение. Горечь эта усиливается пренебрежением к ним китайских властей, тяготеющим над ними игом. Они хорошо знают значение слова китать *(порабощенный, побежденный), название, данное ими же побежденному и порабощенному народу».*

Такое — не забывается. Тем более что по вине китайских поборов жизнь в Монголии ухудшалась и ухудшалась. По словам того же Шишмарева, выглядело это (на его памяти) так:

«Вся Монголия, видимо, пришла в худшее экономическое положение, чем консульство нашло ее назад тому двадцать пять лет. Князья были богаты и тароваты, народ жил в довольстве, скотоводство процветало. Что же больше нужно монголу? Потребности их весьма скромны: обилие молока летом, верховая лошадь, теплая юрта зимою, лишний баран для стола, он счастлив. Благосостояние Монголии упало в прошедшие двенадцать лет с 1870 по 1882 год, когда на ее долю выпадали большие налоги, натуральные повинности по перевозке китайских солдат, провианта, оружия и прочего, когда тракт из Западного Китая в Средней Азии, возмутившиеся владения его через Сучжоу, Хами прекратили, и все движение совершалось через Монголию, а дунгане[1] *делали набеги, грабили скот и разоряли все встречавшееся на пути.*

Позже, вследствие обострения кульджинского вопроса, она должна была держать в нескольких пунктах монгольские отряды. Да и китайские солдаты в Урге, Улясу-

[1] *Дунгане* — народ в Средней Азии.

тае, Кобдо и около Долоннора стоили стране немало. К этому суровые зимы, бескормица летом и скотский падеж в 1880, 1881 и частью 1882 годах уничтожили много скота. Но все-таки до такого ужасающего бедствия, какое приписывали ей назад тому два-три года, она не доходила. Правда, чувствительно пострадали гобийские хошуны Мэрен-вана и Цицен-Бейль, расположенные на пути от Урги к Пекину, где в особенности много снега и мало корма было на караванной дороге, и потому жители, имеющие скот, откочевали в места более бесснежные; более потому, что масса проходящих верблюдов с чаями вытравливает последний корм. Остались лишь бедняки и нищие, подбиравшие пропитание от караванов, которые терпели большую нужду и даже умирали от голода, так как и чайные караваны двигались стороною от дороги, преследуя подножный корм. Вся страна этих номадов [1] *находится в одинаковых экономических условиях; также главное богатство составляет скотоводство, подверженное везде одним и тем же случайностям: эпидемиям, бескормице летом, глубокому снегу и холоду зимою; ничем не защищенные стада ходят и зимою на подножном корму, проводя дни и ночи в поле под открытым небом на снегу. Из этого вытекает и изменчивость благосостояния: в одной местности скот уменьшается, в другой — нарождается, и наоборот.*

На моих глазах много богатых княжеств обеднело вследствие потери скота, во многих бедных — скотоводство увеличилось и жители разбогатели. Если степное гобийское население страдает часто от засухи и бескормицы, то ближайшие к русской границе кочующие в местах гористых и лесистых, а также в Хангае терпят, в свою очередь, от глубоких снегов и суровых зим. Хлебопашест-

[1] *Номады* — кочевники.

вом монголы не занимаются. Если скот уменьшится, то поневоле придется им взяться и за земледелие, как в соетской[1] *земле или у нас кочевники в Алтае. Буряты также были чужды земледелия, а в последнее время их хлебопашество чуть ли не превышает таковое населения русского».*

Но все дело в том, что монголы никак не собирались становиться землепашцами! Они желали быть тем, чем были,— номадами или кочевниками, воинами, которые обязаны сражаться за свою свободу.

Для ставших вполне европейцами русских и западных европейцев эти монголы с кровавыми знаменами и талисманами в виде аккуратно содранной с живого человека кожи, чтобы хранила шелковую нежность живого тела, с отрезанными головами и ушами врагов, с бесстрашием и нечувствительностью к боли, как подобает хорошим ламаистам, казались полнейшими дикарями. И Великий Белый Царь, к которому они обращались с мольбой о помощи, имел большую надежду на Китай, но только не на Монголию. Когда к нему обращались отечественные ламаисты с той же просьбой, он обещал им и монастыри, и школы, и дацаны, только не великий монгольский поход.

Впрочем, совершенно неожиданно монголы обрели свободу. Циньская империя развалилась, а вместе с ней на волю вышли и прожившие четыре века в китайском плену монголы. У них, у монголов, тоже было свое иго — китайское. Впрочем, европейцам до этого не было никакого дела. История монголов их не интересовала. А о Великом Хане они вспоминали только на уроках истории. Там всегда и во всех странах говорилось только одно: какой он был гадкий и пропащий человек. Европейцы в

[1] *Соетская земля* — мелкое территориальное образование в Бурятии.

XIX веке наконец-то добрались до Китая, чтобы его завоевать. В Средние века они не могли этого сделать, поскольку жива была Великая Монгольская империя. В Новое время — потому что все силы были сосредоточены на крайнем западе — за Атлантикой. Но в просвещенном XIX столетии они тоже не смогли захватить Китай, хотя очень старались посылать туда и купцов, и миссионеров, и армии.

Китай за те четыре века правления маньчжуров тоже изменился. Когда к северным захватчикам прибавились еще и бледнолицые всех мастей, Китай восстал и стряхнул с себя как европейскую заразу, так и маньчжурскую династию. А вместе с династией случайно освободил монголов. Правда, их свобода продержалась всего несколько лет и из маньчжурского рабства монголы тут же снова попали в китайский плен, а спустя еще два года — и под руку своего северного соседа. Только теперь там уже

Пленные

сидел не Белый Царь, о котором когда-то они так мечтали. Там уже сидели коммунисты. И на долгие десятилетия Монголия оказалась под красным режимом.

Благодаря этому чудесному режиму у монголов появилась весьма странная новая монгольская письменность — кириллица и новая религия — атеизм. Юрты стали постепенно неким этнографическим элементом прошлого и сохранились только в степи, а в городах встали плотно друг к другу серые хрущовки и бараки, скот пытались коллективизировать, но буквально через год приказ отменили — начался голод. Товарищ Чойбалсан открыл для монголов школы, а монастыри и дацаны закрыл, ламы же почти в полном составе оказались в тюрьме, кому-то из счастливцев сильно повезло: они бежали в Тибет. Так добралась до монголов цивилизация, которая их окончательно завоевала. И тогда монголы поставили памятник товарищу Чойбалсану, а спустя еще полвека — Чингисхану.

Кто из этих двоих был лучше — Бог весть...

Глоссарий

Агулгачийн — отряд в походе.

Аза — поминки *(ар.)*.

Азук — провиант, продовольствие *(тюрк.)*.

Аймак — отряд.

Ака — старший, старший брат, старший в роде *(монг., тюрк.)*.

Акабир — Великие *(ар.)*.

Акавани — родичи, состоит из двух слов: «ака» старший и «ини» младший *(тюрк.)* и союза «ва» *(перс.)*.

Акча — серебряная монета *(тюрк.)*.

Алангтир номун — небольшой, сравнительно слабый лук.

Алма хунэ — топор с проушиной и черешковый.

Алгы-тон — шуба, могла поддеваться под доспехи в зимнее время.

Ал-тамга — см. тамга, алая

Алачук — шалаш; в некоторых тюркских языках — войлочная юрта *(монг., тюрк.)*.

Альчик — игорная говяжья надкопытная кость, старинная мера длины.

Алтындж — букв. «шестой», месяц тюркского года *(тюрк.)*.

Алуфе — продовольствие, содержание натурой; в более поздних текстах — жалованье *(ар.)*.

Амид — «начальник, глава» — государственный чиновник, стоявший во главе гражданского управления области; крупный административный чиновник.

Амиль — финансовый чиновник, ведавший сбором налогов в городах и округах.

Арбаб — мн. ч. от рабб — «господин» — здесь в значении «клиенты» средневекового феодала.

Ариз — начальник войскового дивана, в его ведении находился учет личного состава вооруженных сил, снабжение и выплата жалования.

Араб-и-истихкак — люди, имеющие, по шариату, право на получение милостыни в счет налога в пользу бедных — заката *(ар.)*.

Аргамчи — волосяная веревка *(монг., тюрк.)*.

Арка — задняя сторона, Север *(тюрк.)*.

Асбаб — букв. «принадлежности», снаряжение; слово имеет ряд других значений ср. ярак *(ар.)*.

Асль — букв. «основа», основной состав войска *(ар.)*.

Атабек — воспитатель, опекун лица из царствующего дома; после падения династии Сельджуков ее владениями правили князья, именовавшиеся атабеками *(тюрк.)*.

Аталык — воспитатель, титул (букв.: «заступающий место отца»), в Средней Азии давался лицам особо почетным и уважаемым; связи между аталыком и воспитанником не прерывались до конца их жизни.

Атба — последователи, вассалы, слуги и вообще зависимые люди *(ар.)*.

Ахшам — мн. ч. от «хашам», кочевые племена *(ар.)*.

Балбала — род кубка или чаши.

Бадрака — конвой, вооруженная охрана *(перс.)*.

Барбет — струнный музыкальный инструмент вроде лютни или бандуры.

Барлас — обнаженный меч; название племени, из которого происходил Амир Тимур.

Барс — тигр, год барса — третий год животного цикла *(тюрк.)*.

Бараункар (унгар) — правая рука, правое крыло армии, одна из двух частей, на которые делился улус Джучи *(монг.)*.

Барзигар — крестьянин *(перс.)*.

Баскак — монгольский губернатор в местностях с оседлым населением *(тюрк.)*.

Батман — старинная мера веса.

Баурчи — придворное должностное лицо, ведавшее ханской кухней *(монг.)*.

Бахадур — храбрец, витязь, титул, дававшийся отдельным лицам за военные заслуги *(монг.)*; в текстах XIV—XV вв. обозначает просто воинов.

Бахши — 1. Писец, по преимуществу писец, знающий уйгурский алфавит. 2. Буддийский монах.

Башламыши — предводительство, руководство *(тюрк.)*.

Бек (Бий) — титул представителей аристократии, военачальник, князь, ср. эмир, нойон *(тюрк.)*.

Бечин-Ил — год обезьяны, девятый год животного цикла Бий *(монг., тюрк.)*; см. бек.

Берат — ассигновка на получение с кого-либо причитающейся с него суммы денег, или на получение сумм из податных сборов.

Билик — неписаные правила, передающиеся из поколения в поколение, знание, познание, мудрость и наука.

Бируни — внешний, пригородный *(перс.)*.

Битикчи — писец, чиновник канцелярии *(тюрк.)*.

Бирун-хане — мужская половина дома.

Болджар — срок, в частности срок явки на сбор; место сбора *(монг., тюрк.)*.

Борхан — факт, истина, доказательство, достоверность.

Булгаулан-и-токмак — «токмакские смутьяны» от *(тюрк.)* «булгаул» — смутьян *(тюрк., перс.)*.

Булен — лось *(тюрк.)*.

Булкак — смута *(тюрк.)*.

Бутхане — капище идолов; слово употребляется для обозначения буддийских храмов, но также и церквей *(перс.)*.

Бюдэлгэ — монгольское слово для обозначения подшлемника.

Бюшкюра — труба из рога марала.

Вакф — завещанное на «богоугодные» или благотворительные цели недвижимое имущество или завещанные с той же целью другие предметы собственности завещателя.

Вали — правитель области.

Ван — властитель удельного княжества в Китае и монгольской империи.

Везир — глава правительства, первый министр, высший чиновник гражданского управления, министр; при монголах то же, что сахиб; ср. сахиб.

Вилайет — область *(ар.)*.

Висак — шатер или помещение из какого-либо строительного материала, служащее для жилья одного подразделения гулямов (10 чел.).

Газават — война за веру; ср. джихад *(ар.)*.

Газий — «воитель за веру», участник «газавата», т. е. войны мусульман с «неверными». Под видом «газавата» совершались грабительские походы Махмуда Газнийского в Индию.

Ган — доля военной добычи, взимавшаяся в пользу государя *(тюрк.)*.

Гачарчи — см. качарчи.

Гласис, фасил — пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости.

Гул — см. кул

Гурган — собственно «куриган», зять, титул лиц, женатых на царевнах из дома Чингиз-хана *(монг.)*.

Гурук — чаще курук, заповедник, заповедное пастбище, заповедное охотничье угодье, заповедный участок *(тюрк.)*.

Гяджгер — штукатур.

Гяз — мера длины, равная, приблизительно, 3 футам.

Гулда — булава с шарообразным навершием.

Гулям — «мальчик, юноша» — раб, обычно тюркского происхождения, купленный, главным образом, для военной службы. Гулямы

составляли гвардию повелителя и часто назначались на высокие военные и административные посты.

Гумбад — купол, куполообразное здание.

Гутул — монгольский сапог из войлока, с загнутыми носами; мог бронироваться стальными и бронзовыми пластинами.

Гходоли — тупая костяная стрела или стрела свистунка, томар.

Гходолидху — стрелять томаром или свистункой.

Даватдар — придворный чин, хранитель письменного прибора монарха, он же и хранитель личного его архива.

Дагху-ту йор ийан — стрела из рога оленя, свистунка.

Дайисун — враг.

Дайин (булга) — война.

Данак (данг) — разменная монета, $^1/_6$ дирема (даргема)

Дарраджа — то же, что даббаба, т. е. подвижное боевое сооружение на колесах и щитов с бойницами, применявшееся в пеленой воине и при осаде крепостей. Род русского средневекового гуляй-города.

Даруга — правитель, губернатор *(монг.)*; ср. шихне.

Дархан — см. тархан.

Девлет-хане — дворец *(перс.)*.

Дербан — привратник, придворный чин *(перс.)*.

Девсувар — «дьявол-всадник», гонец чрезвычайно спешной почты.

Дегеремчин — разбойники.

Дергах и **майдан** — присутственное место монарха и сборный двор, где происходили заседания для решения дел и суда.

Дестар — платок, чалма.

Дехлиз — сени, прихожая; крытая галерея; коридор.

Джамедар — хранитель султанского гардероба.

Джанбаши — значение термина точно не установлено, огласовка первого слога условна. Судя по контексту, так назывались чины военной полиции.

Джериб — мера площади пашни, равная пространству, на которое высевается один джериб зерна, т. е. приблизительно 10 кг.

Джубба — длиннополая верхняя одежда, открытая спереди, с широкими рукавами.

Джандар — телохранитель, палач *(перс.)*.

Джанкы — совещание, совет *(тюрк.)*.

Джар — приказ, объявленный через глашатаев, приказ войску о явке на сбор *(монг.)*.

Джаункар (джунгар) — левая рука, левое крыло армии, одна из двух главных частей, на которые делился улус Джучи *(монг.)*.

Джебачи — копьеносец, придворный чин *(монг.)*.

Джебе — защитное вооружение, доспех *(перс.)*; бронебойная стрела *(монг.)*.

Джебелеку — вооружиться.

Джебехане-и-хасс — личный арсенал государя или владетеля *(перс.)*.

Джир — особая песенная форма *(тюрк.)*.

Джихад — война за веру ср. газават *(ар.)*.

Джульге — равнина среди гор *(монг.)*.

Джунгар — см джаункар.

Джучин — гость *(монг.)*; в каком значении встречается в текстах XV в. — неясно.

Диван — 1. Канцелярия, государственное учреждение наподобие русских приказов допетровского времени. Посольский диван — государственный секретариат. 2. Собрание стихов какого-нибудь поэта.

Диван — высший чиновник гражданской администрации, по-видимому, сокращенное «сахиб-диван» *(ар.)*.

Диван ат-тугра — канцелярия государственной печати при сельджуках *(тюрк., ар.)*.

Дидбан — дозор *(перс.)*.

Диванбан — лицо, заведывавшее канцелярией и хранившее дела дивана.

Динар — золотая монета, в средние века имевшая хождение в странах мусульманского Востока. Первоначальный вес золота в монете = 4,25 г. Впоследствии этот вес подвергался колебаниям в зависимости от эпохи и места чеканки.

Дирем — серебряная монета, в которой содержание чистого серебра колебалось в зависимости от времени чеканки и страны от 2,97 г и ниже.

Дихкан — крупный землевладелец, владевший подчас целым районом; этот же термин прилагался иногда к вождям тюркских кочевых племен.

Дубейт — строфа, состоящая из четырех полустиший.

Дунг — труба из морской раковины.

Дунгчи — трубач.

Докуз (токуз) — «девять», подарок из девяти предметов, например лошадей и пр. *(тюрк.)*.

Дукдук — особый род войска, точное значение неизвестно.

Дуккан — постройка с плоской кровлей, возвышающаяся над окружающим пространством; с кровли можно было обозревать прилегающую окрестность, производить смотр проходящим войскам, обращаться к собравшимся людям и т. п.

Дуулгат — воин, имевший шлем.

Дуулга — шлем в виде шишака или шеломообразный, вазообразный шлем.

Дэгэлэй хуягт — полностью покрытый панцирем воин.

Ексувары — значение термина точно не установлено. Возможно, так назывались конные гулямы, умевшие вести одиночный бой.

Евек — разведка *(перс.)*.

Жада — копье для кавалерийского боя, иногда с крюком.

Жуз — объединение родов, традиционное деление казахского народа, состоящего из трёх жузов — младшего, среднего, старшего, по старшинству входящих в них родов.

За'им — «предводитель» — в сельских местностях крупный землевладелец, представлявший определенный округ: термин за'им часто употреблялся вместо реис. За'имом называли и начальника небольшого отряда.

Заборолы — щиты из бревен или досок со щелями, позволявшими производить из-за них стрельбу.

Зар — мера длины, длина вытянутой руки.

Зекат — подать, взимаемая с имущества в пользу бедных согласно шариату.

Имам — предстоятель на пятничной молитве мусульманской обшины, в более узком значении — законный глава и руководитель мусульманской общины.

Изафе — дополнение, дополнительный состав *(ар.)*.

Икта — удел, надел, поместье, данное под условием службы *(ар.)*.

Илду — меч, обычно парный.

Илйар — набег, точнее ускоренный марш без обоза *(тюрк.)*.

Иль, точнее **«эль»** — 1. Народ, племя вообще. 2. Народ, рассматриваемый как удел, подданные *(тюрк.)*.

Илькуни (иль + кун) — племя и род, народ 100 *(тюрк.)*; ср. кун.

Ильхан (иль + хан) — титул владетеля одного из четырех улусов Монгольской империи, обычный титул Хулагидов, но встречается и как титул Джучидов *(тюрк.)*.

Ильчи, точнее **«эльчи»** — посол *(тюрк.)*.

Илчирбилиг хуяг (илчирбегин) — кольчужный панцирь.

Инак — букв. «доверенное лицо»; как должность и титул в разное время и в разных местах имело разные значения *(тюрк.)*.

Инджу — собственность, наследство, личный удел членов дома Чингиз-хана, особая категория земель *(монг.)*.

Ички — букв. «внутренний», приближенный *(тюрк.)*, ср. инак.

Ишан — эшон, глава и наставник мусульманской общины, обычно принадлежащей к одному из мистических (дервишских, суфийских) орденов.

Йазак — авангард войска.

Йырау — мастер слова у тюркязычных народов; певец-сказитель, исполняющий гимнические песни (йыры).

Йеде — магический камень, будто бы вызывающий изменение погоды *(тюрк.)*.

17 — 1191

Йигач (фарсах) — персидская мера длины; обычно расстояние, которое проходит караван до очередного отдыха, привала или, иначе, расстояние, которое можно пройти пешком за час.

Каан — великий хан Монгольской империи *(монг.)*.

Каган — высший титул суверена в средневековой кочевой иерархии — хан ханов; в монгольское время слился с родственной формой каан («великий хан»).

Каввал — странствующий поэт-певец, автор-исполнитель.

Кадах — большая чашка, чаша.

Казак — человек, отделившийся от своего государства, племени или рода и ведущий жизнь искателя приключений *(тюрк.)*.

Казий — судья, судящий по законам шариата.

Кали — ковер обычного способа тканья.

Канду — закром для хранения зерна в виде неподвижного глинобитного ларя с деревянным дном, без крышки.

Кака-ил — год свиньи, двенадцатый год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Калантар — старшина, предводитель *(перс.)*.

Калбак-берт — войлочный подшлемник.

Калям — тростниковое перо *(ар.)*.

Камарга — облава *(монг.)*.

Канбул — крайний фланг каждого из двух крыльев армии; встречается только в текстах XV в. и позднее.

Кандагай — лось *(монг.)*.

Караджу — простой народ, чернь *(монг.)*; по отношению к роду Чингисхана все остальные монголы, не исключая нойонов, также являлись караджу.

Караул — сторож, сторожевой отряд, охранение *(монг., тюрк.)*.

Караба — бутыль, фляга.

Карачур — род большого кинжала.

Кариз — оросительный канал открытый или подземный.

Катиб — писец, секретарь *(ар.)*.

Качарчи (гачарчи) — проводник *(монг.)*.

Кезиктан — очередные телохранители, гвардия *(монг.)*.

Касаба — так в X—XI вв. назывался административный центр волости или округа.

Касыда — ода, поэма панегирического или дикактического содержания.

Кафиз — мера объема сыпучих тел, содержащая в себе 170 кг.

Кедхудай — «хозяин дома» — у Бейхаки этот термин употребляется в значении майор дома, управляющего финансами и хозяйством владетельного лица. Кедхудай мелких феодальных владетелей исполнял должность везира. Встречается это слово у Бейхаки и в значении хозяина недвижимого имущества.

Кежаве — два крытых сидения, расположенные по бокам верблюда, мула и иного вьючного животного.

Кемеркеш — слуга, носящий перед господином пожалованный последнему в знак отличия золотой или серебряный пояс, весивший 2—4,5 кг.

Кербас — грубая бумажная ткань.

Кергектегун (огхталутхтун) — рубить мечом.

Керекъярак (керек + ярак) — букв. «нужное и годное», заготовка всего нужного для двора *(тюрк.)*.

Кечка — арьергард *(монг.)*.

Кибла — направление в сторону Мекки, куда обращаются мусульмане, читая молитву.

Корчи (хорчи) — стрелок, корчи составляли род гвардии при ханах *(монг.)*.

Кошун — отряд войска *(монг.)*; какой численности отряд назывался «кошуном», неясно.

Кул (гул) — центр армии, корпус *(монг., тюрк.)*.

Кулькуна-ил — год мыши, первый год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Кумай — наложница *(монг., тюрк.)*.

Кун — род, встречается только вместе с «иль» *(тюрк.)*; ср. илькуни.

Кунья — имя по сыну, например, Абу Наср — отец Насра.

Курдус — небольшой отряд конницы.

Курен — курень, самостоятельно кочующая племенная единица, стойбище, укрепленный лагерь *(монг.)*.

Курийет (курень) — отряд, занявший позицию в вагенбурге из кибиток.

Курилтай — съезд членов рода Чингисхана и монгольской аристократии *(монг.)*.

Курья — ограда из камыша, внутри которой ставились палатки на зимовье *(монг., тюрк.)*.

Кутарма — юрта, передвигаемая на телегах в неразобранном виде *(тюрк.)*.

Кутас — хвост яка, украшение для лошади *(тюрк.)*.

Куч — сила *(монг., тюрк.)*.

Кучин — искаженное «фуджин».

Кутас — наградной знак, сделанный в виде хвоста яка в оправе, выдавался воину для подвешивания к члену или к узде лошади.

Кутвал — комендант крепости.

Кухандиз — цитадель города.

Кушк — укрепленное жилище крупного феодала; дворец.

Куюнгламиши — праздник монгольского Нового года; чтение слова не установлено.

Кюрчэ — пластина-набрюшник.

Кылауз — проводник *(тюрк.).*

Кыпчак — тюркский кочевой народ.

Кыт'а — короткое стихотворение на одну рифму.

Кыштым — легковооруженный воин из зависимых народов.

Кэбтэгул (хэбтэгул) — воин ночной стражи, от тюркского слова «лежать», означает тяжеловооруженного воина кэшиктэна, несущего службу в ночное время.

Кэкэритэн — гвардеец, носивший в качестве знака отличия ленточку на затылочной части шлема.

Кэшиктэн — гвардеец, несущий караульную службу, впервые введен Чингисханом для охраны в его ставке.

Лашкар-и-караул — сторожевое войско *(перс., тюрк.).*

Лубчитэн — воин средневооруженной конницы, куяшник.

Маваджиб — мн. ч., содержание, жалованье воинов *(ар.).*

Маджлис — «религиозное собрание», которое связано с важными для мусульман датами, дворцовый прием, съезд.

Майдан — площадь, поле; широкая площадь за чертой города, где делалась остановка при выезде и въезде в город.

Мауляна — букв. «господин наш», почетный титул ученых и духовенства *(ар.).*

Макамат — житие святого *(ар.).*

Мал — деньги, имущество, скот, налог, в частности земельный; при монголах то же, что харадж *(ар.).*

Мамлакат — государство, владение *(ар.).*

Ман — мера веса, значение которой сильно менялось по месту и времени *(ар.).*

Ман амбарный — мера веса, значение неизвестно.

Манджук — 1. Золоченый или медный полумесяц на острие древка знамени. 2. Бунчук, т. е. древко с полумесяцем на острие и подвешенным на поперечной рейке конским хвостом, знак власти важного военачальника.

Манкыла — авангард *(монг.).*

Марсум — жалованье войска *(ар.).*

Махзар — акт, исковое заявление, челобитная *(ар.).*

Махфури — ковер с выпуклым орнаментом.

Медресе — высшая мусульманская школа *(ар.).*

Мелик — князь, вассальный владетель, по преимуществу потомок домонгольских влиятельных родов *(ар.).*

Мерген — меткий стрелок *(монг.).*

Мен — мера веса, колеблющаяся в зависимости от эпохи и места. Здесь, приблизительно, 600—680 г.

Мертебедары — «обладатели чина» — придворные чиновники среднего ранга.

Минагха — кнут, использовался как оружие, в монгольской традиции полноправным воином становился только тот, кто выдерживал схватку, будучи без оружия, с несколькими воинами, вооруженными бичами или кнутами.

Минбар — кафедра в мечети; употребляется также как нумератив при указании количества мечетей.

Мискаль — мера веса, равная 4,25 г.

Михраб — ниша внутри здания мечети, ориентированная в сторону Мекки, обычно перекрытая аркой с орнаментами и надписями.

Миль — столб, колонна, вышка *(перс.)*.

Мирза — сокращенное из «эмирзаде» — эмирский сын, титул царевичей из потомков Тимура *(ар., перс.)*.

Мога-ил — год змеи, шестой год животного цикла*(монг., тюрк.)*.

Морин — год коня, седьмой год животного цикла *(монг.)*.

Мударисс — учитель, одно из высших духовных лиц, обучающих шариату в высшей школе при мечети (медресе); а также лекторий, место для ведения ученых бесед.

Мулазим — находящийся при ком-либо, сопутствующий, придворный, военный слуга *(ар.)*.

Мульк — собственность, владение *(ар.)*.

Мунду — колья или рогатины, установленные во рву вокруг лагеря *(тюрк.)*.

Мусалла — место общественной молитвы за чертой города; молитвенный коврик.

Мустахридж — «вытаскивающий, вытягивающий» — здесь — лицо, присутствующее при пытках и «вытягивающее» из обвиняемого признание вины.

Мустовфи — счетно-финансовый работник, чиновник, ведавший составлением приходо-расходных смет и учетом денежных сумм и других ценностей.

Мутрибы — артисты-музыканты, певцы и танцоры обоего пола.

Мурчил — определенный порядок, в котором следуют друг за другом отряды войск в походе и на смотрах *(тюрк.)*.

Мусадара — конфискация *(ар.)*.

Мутаалликан — мн. ч., люди, связанные с кем-либо, зависящие от него (*ар. с перс.)*.

Мутесарриф — управляющий, заведующий *(ар.)*.

Мутр — по-видимому, какая-то съедобная трава.

Мухудаджу — уничтожить.

Мухр — печать *(перс.)*.

Мухр-и-хасс — личная печать *(перс., ар.)*.

Мухаддис — сказитель хадисов, т. е. преданий о жизни основоположника ислама Мухаммеда и вообще рассказчик занимательных историй.

Мухаррам — первый месяц мусульманского календаря, январь.

Мухтасиб — здесь специально назначенные лица, которые обязаны были следить за нравственностью военных чинов и за соблюдением религиозных обязанностей и исполнением повелений султана совместно с джанбашиями (см.).

Мушрифы — 1. Официальные чиновники-контролеры различного ранга, от государственного контролера до контролера отдельного учреждения или заведения, которые были обязаны следить за правильным производством дел и пресекать злоупотребления. 2. Тайные соглядатаи и информаторы, назначавшиеся для негласного наблюдения за отдельными членами царствующего дома, должностными и частными лицами.

Мучилка — расписка, обязательство выполнить какое-либо распоряжение государя *(монг.)*.

Муэззин — лицо, громко призывающее к мусульманской молитве *(ар.)*.

Мэргэд — стрелки.

Мэргэн — меткий стрелок, снайпер.

Мэсэ — прямой меч; аналог китайских и тибетских мечей.

Мюрид — точнее «мурид», последователь, ученик какого-либо суфийского шейха *(ар.)*.

Наиб — заместитель, помощник.

Накиб — «предводитель» — здесь в значении «командир военной части», «офицер».

Накд — наличные деньги, содержание серебра или золота в монете *(ар.)*.

Намаз — одна из пяти обязательных мусульманских молитв *(перс.)*.

Намазгах — открытая площадка, отведенная для богослужений, где мулла или имам-хатыб произносит проповедь (хутбу).

Насл — потомство *(ар.)*.

Насснт — золотая парча (*производное от арабского несидж*).

Нахия — мелкая территориальная административная единица *(ар.)*.

Небиз — спиртные напитки (водки), обычно приготовляемые из фиников, инжира и др.

Невала — разные закуски.

Недим — компаньон, советник и собутыльник владетельного лица или крупного сановника.

Нерке — облава *(перс.)*.

Нисар — разбрасывание денег или драгоценностей в знак приветствия высокопоставленному лицу *(ар.)*.

Нимтерг — тент, навес для защиты от солнца и дождя.

Ничихабай (дарубай) — подавить врага и заставить отступить.

Нойо, точнее **«ноян»** — титул военачальников и вообще представителей монгольской аристократии *(монг.)*.

Нокай-ил — год собаки, одиннадцатый год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Номо (номун) — монгольский сложносоставной лук.

Нукер (нукур), точнее **«нокор»**, или **«нйкар»**, — дружинник, военный слуга, иногда воин вообще *(монг.)*.

Обо — культовые места в культуре бурят и монголов.

Оброть — недоуздок, конская узда без удил и с одним поводом, для привязи коня.

Оглан — букв. «сын», титул членов-рода Чингисхана, не занимавших ханского престола *(тюрк.)*.

Огул — букв. «сын», употребляется в текстах XIII — начала XIV в. в том же значении, что «оклан» *(тюрк.)*.

Олджа — военная добыча.

Онкол — правая рука, одна из двух частей улуса Джучи *(тюрк.)*; ср. бараункар.

Орда — собственно «орду», но встречается и «орда», ставка хана, царевича или иного владетельного правителя *(тюрк.)*.

Оролук — витязь.

Оронго — знамя, ср. русское слово хоругвь.

Ормэгэн — плащ, разновидность епанчи.

Ортак — букв. «товарищ компаньон», при монголах торговец, торгующий на капитал, выдаваемый из ханской казны *(тюрк.)*.

Орун — место; в частности, определенное место, которое племя или род занимало в бою, на торжествах *(тюрк.)*.

Отак — палатка *(монг., тюрк.)*.

Оток — военно-административная единица.

Пайза — металлическая или деревянная дощечка с именем хана, дававшаяся как знак власти должностным лицам *(монг.)*.

Парване — приказ, печать для приказов *(перс.)*.

Пехлеван — богатырь, борец *(перс.)*.

Палас — грубый ковер; грубая шерстяная одежда дервишей.

Пердедар — дворцовый служитель; камердинер.

Пишривак — занавес, закрывающий ривак (см.).

Раайя — подданные *(ар.)*.

Рабад — предместья города, окруженные стенами.

Рабат — первоначально небольшое пограничное укрепленное селение, предназначенное для газиев («борцов за веру»). Рабаты представляли собой как бы казармы для конных сторожевых отрядов, охранявших границу. В них селились как бойцы, так и члены их семей. Иногда рабатами назывались пограничные крепости.

Рак'ат — «поясной поклон» — у мусульман часть молитвы, состоящая из двух коленопреклонений с последующим поясным поклоном.

Ракат — законченная составная часть мусульманской молитвы *(ар.)*.

Ребаб и рубаб — смычковый музыкальный инструмент с коротким грифом и круглым кузовом, с оленьей кожей вместо деки.

Реис, ра'ис — глава города и его округи; являлся первым лицом в городе и представителем его населения; через него объявлялась воля повелителя жителям.

Ривак — портик, галерея вокруг двора.

Ришта — род вермишели *(перс.)*.

Руб — букв. «четверть», квартал города *(ар.)*.

Руд — музыкальный струнный щипковый инструмент.

Сайдак — набор вооружения конного лучника, состоявший из лука в налуче и стрел в колчане (иначе туле), а также чехла для колчана (тохтуи или тахтуи).

Садр — «глава», «начальник», здесь — представитель высшего мусульманского духовенства.

Саз — музыкальный струнный инструмент.

Салар — высший военачальник; начальник войскового соединения.

Самбуса — пирожки из пшеничного теста с фаршем из баранины, лука и пряностей, испеченные в особой печи, называемой таннур или тандур.

Сакиджу — охранять.

Сан — число, списочный состав войска *(тюрк.)*.

Саттин — стакан.

Сафар — второй месяц мусульманского календаря, февраль.

Сахиб-диван — «начальник дивана» — но у Бейхаки этот термин чаще употребляется в значении гражданского правителя областей, в ведении которого находились местные финансы и сбор налогов.

Сахиб — высшее должностное лицо гражданской администрации, то же, что везир; иногда так назывались и более мелкие чиновники *(ар.)*.

Сахибкыран — «обладатель счастливого сочетания звезд», титул Тимура *(ар.)*.

Сейид — потомок пророка Мухаммеда *(ар.)*.

Серай — дом, дворец; комната, зала.

Сераперде — 1. Царская ставка. 2. Большой царский шатер (хергах), палатки ближних вельмож и телохранителей, окруженные с четырех сторон завесой. 3. Завеса, отделяющая женскую половину дворца от остальной части.

Серхенг — военный чин вроде более позднего «есаула» в казачьих войсках, командир «хейля».

Сибду гхарху — прорвать строй противника.

Сибегэлджу — обносить частоколом.

Сипахдары — дворцовые служители.

Сипахсалар — главнокомандующий вооруженными силами страны; в зависимости от важности фронта, стратегической и политической, войска фронта могли иметь отдельного сипахсалара.

Сикисиндж — букв. «восьмой», название месяца *(тюрк.)*.

Силадхар — заведующий оружием, придворный чин *(перс.)*.

Солкол (солгол) — левая рука, одна из двух частей улуса Джучи *(тюрк.)*; ср. джаункар.

Сом — золотоордынская монетная единица; в современных тюркских языках — рубль *(тюрк.)*.

Стегна (мн. ч.), **стегно** (ед. ч.) — часть ноги от таза до коленного сгиба; бедро.

Субуг — ров, наполненный водой.

Сукдамиши — по-видимому, прием стрельбы с колена *(тюрк.)*.

Султан — 1. Зависимый или полузависимый владетель в мусульманских странах. 2. С конца XV в. член рода *(ар.)*.

Сурен — военный клич *(тюрк.)*.

Сурумиши — хвастовство *(тюрк.)*.

Сухэ — топор.

Суюргал — 1. Пожалование вообще, то же, что суюргамиши. 2. Пожалование в лен земельного владения *(монг., тюрк.)*.

Суюргамиши — пожалование *(тюрк.)*.

Суффа — 1. Род вестибюля или крытого сверху и открытого спереди портика. 2. Платформа, плоское возвышение каменное или глинобитное для сидения и лежания на нем.

Сэнгун — заимствованное китайское слово для обозначения полководца.

Тамбак — род барабана.

Тамбура — струнный музыкальный инструмент вроде домры.

Тавачи — должностное лицо, ведавшее при Тимуре и позднее сбором, организацией и учетом войск, передававший приказания *(тюрк.)*.

Тагар — мера сыпучих тел, равная 100 манам; принудительно взимаемый провиант для войска *(тюрк.)*.

Такалиф — мн. ч., повинности *(ар.)*.

Такику-ил — год курицы, десятый год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Талба — значение неизвестно; может быть, «тельбе» помешанный *(монг., тюрк.)*.

Талькин — наставление, посвящение в суфии *(ар.)*.

Тамка, алая (ал-тамка) — большая ханская печать, грамота, снабженная такой печатью.

Тамга — клеймо, печать.

Тарасун — молочная водка.

Тахтираван — носилки, носимые двумя лошадьми или мулами, идущими в затылок.

Тарджуман — переводчик *(ар.)*.

Тархан (дархан) — лицо, за особые заслуги освобожденное от налогов и имеющее ряд других привилегий *(тюрк.)*.

Тасигхур — бич.

Терем — деревянный дом наподобие хергаха (см.), так же называют и плоскую кровлю дома.

Терьяк — опиум.

Тираз — позумент (оторочка) парадного одеяния.

Тогма — раб, рожденный в доме *(тюрк.)*; ср. ханазад.

Тогюрук — знак в виде круга, привешивавшийся к древку монгольского знамени.

Той — пир, торжество, празднество *(тюрк.)*.

Тон — простой халат пеших воинов и воинов-ополченцев.

Тузгу — провиант и подарки для прибывающих владетелей или послов, вероятно, то же, что «туску» в русских летописях *(тюрк.)*.

Тук (тут) — знамя, точнее бунчук *(тюрк.)*.

Тули-ил — год зайца, четвертый год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Тулумиши — возмещение, слово, в других источниках нам неизвестное *(тюрк.)*.

Тумага — кованая маска, портретно воспроизводившая черты лица владельца (дочингисханова эпоха).

Туман, тумен — десять тысяч, крупная войсковая единица, делившаяся на «хазара» тысячи, на сада — сотни и на даха — десятки *(монг., тюрк.)*.

Туман — в Иране при монголах денежная единица — 10 000 серебряных динаров.

Тумбилан — возглавлять.

Тумер булсуу — стрела с железным наконечником.

Тура — какое-то передвижное защитное сооружение, применявшееся для укрепления лагерей *(монг., тюрк.)*.

Тура — закон, обычное право *(тюрк.)*; ср. яса.

Тургу — ср. тузгу.

Турхагут (тур-хах, турхауд) — воин дневной стражи, от тюркского слова «стоять», означает тяжеловооруженного воина кэшиктэна, несущего службу в дневное время стражи.

Турхах — охрана.

Тугургха цэриг — гвардия.

Тушимэл — офицер, чиновник, должностное лицо, имевшее во время войны звание офицера среднего или высшего звена.

Угрук — тяжелый обоз, в котором находились палатки, женщины и скот *(тюрк.)*.

Уймак, чаще **«аймак»** — группа людей, племя *(монг.)*.

Укулька — денежные выдачи войску (монг.).

Улаг — подвода, вьючное или верховое животное, подводная повинность (тюрк.).

Улуг-кул — великий центр или великая рука, точное значение неизвестно (тюрк.).

Улус — народ, рассматриваемый как удел, владение (монг.); ср. иль.

Улва — поддоспешная ватная стеганка у дурбэн-ойратов (калмыков).

Умак — племя (монг., тюрк.).

Уран — военный клич, пароль для опознавания своих в бою (тюрк.).

Уруг (урук) — род, обычно подразумевается род Чингисхана (монг., тюрк.).

Уруга — потомок, отпрыск данного рода (обог), а также сородич, в противоположность джад — чужой, чужого рода.

Устухан — букв. «кость», племя, род (перс.).

Улемы — ученые богословы.

Устад — учитель, наставник, мастер, руководитель; титул ученого человека.

Учума — стрела неизвестного типа.

Уштук — обшлаг рукава чена.

Факих — законовед, ученый специалист по мусульманскому праву.

Фарсанг (фарсах) — мера длины, колеблющаяся в зависимости от местности, от 6 до 8 км.

Фатиха — первая глава (сура) Корана (ар.).

Фатх-наме — извещение о победе, рассылаемое победителем (ар., перс.).

Фенек — ласка (животное) (перс.).

Фервердин — первый месяц солнечного года — март (перс.).

Ферраш — «постельничий» — дворцовый слуга, употребляемый для разных надобностей.

Фетва — разрешение юридического вопроса, даваемое муфтием.

Фирка — группа, партия, племя (ар.).

Фуджин (кучин) — кит. супруга, титул жен владетельных лиц.

Фута — передник, полотенце, кусок простой ткани, которую повязывают вокруг бедер при купании в бане.

Хабуту — ловкий стрелок из лука.

Хавале — ордер на получение денег, раскладка (ар.).

Хаваши — свита, челядинцы (ар.).

Хаджж — паломничество в Мекку с соблюдением установленных для него обрядов и правил.

Хаджиб — придворный чин вроде камергера. При Газневидах чаще всего военачальник, достигший этого чина из гулямов.

Хадис — предание о каком-либо случае из жизни основоположника, ислама Мухаммеда.

Хазра — высокое место в населенном пункте, поросшее зеленью, откуда открывается широкий вид.

Хазаре-и-хассе — личная тысяча, по-видимому, гвардия *(ар., перс.)*.

Хазин — казначей *(ар.)*.

Хакан — арабская передача «каган», т. е. «хан» *(тюрк.)*; «счастливый хакан» — прозвище тимурида Шахруха.

Хаким — здесь в смысле господин, наставник, ментор, руководитель как почетное звание.

Халис — имение, владения на праве личной собственности.

Халха — прутяной щит диаметром около 0,7 м, перевит шелком или обтянут кожей, имеет металлический умбон.

Хан — самостоятельный правитель из рода Чингисхана; передается часто персидским словом «падшах», царь.

Ханазад — раб, рожденный в доме *(перс.)*; ср. тогма.

Ханака — обитель дервишей, скит *(перс.)*.

Хане (ханевар) — перс, семья, юрта как счетная единица по отношению к кочевым хозяйствам.

Ханефитский толк — один из четырех правоверных мусульманских толков.

Хара туг — черное военное знамя.

Хара цэриг — «черное войско», ополчение, призываемое из всех слоев общества при большой войне.

Хараул (харагул) — передовая линия войска, дозор *(монг.)*.

Харадж — общая поземельная подать, поступающая в государственную казну. Иногда в настоящей книге встречается в значении «дань».

Харбайалдун — стрелять по команде, из всех луков.

Харвар — букв. «ноша осла», единица веса *(перс.)*.

Хассегиан — мн. ч., личный конвой, гвардия *(ар. с перс.)*.

Хатагу дэгэл (хатангу дээл) — панцирь, халат из мягких материалов, мог усиливаться элементами типа зерцало, наплечники и т. д.

Хатиб — проповедник, мулла, читающий хутбу.

Хатун — госпожа, жена хана или царевича, позднее женщина вообще *(тюрк.)*.

Хашам — свита, дружина, войско *(ар.)*.

Хашар — гражданское население, мобилизованное в порядке трудовой повинности для постройки больших зданий, оросительных каналов, производства охотничьих облав, оборонных работ и т. п.

Хауз — водоем с чистой питьевой водой.

Хейль — дружина; конный отряд, не превышавший, по-видимому, 100 человек.

Хейльташи — конные воины, входящие в состав одного хейля.

Хейльхане — лагерь, становище *(перс.)*.

Химайят — защита, покровительство *(ар.)*.

Хол-хава — рукавицы, могли усиливаться защитными пластинами.

Хергах — большой круглый шатер.

Ходжа — почетный титул заслуженного, достигшего преклонного возраста ученого или сановника. Ходжа-амид, ходжа-начальник — сановник, исполняющий крупную административную должность.

Хоор агхасаба — колчан.

Хорумсагх сагхадагх — колчан и саадак (сагайдак).

Хорчины — или хорчи-кешиктены — стрельцы, в обязанности хорчи-кешиктенов входило вступать на свои посты вместе с дневной стражей турхаудов.

Хорезмшах — титул владетелей Хорезма.

Хорга — укрепленное место со стенами.

Хошига — отряд.

Хошучи — тюрко-монгольский термин, равный по значению дэгэлэй хуягту (панцирный воин).

Хошун — войско.

Хукар-ил — год быка, второй год животного цикла *(монг., тюрк.)*.

Худесуту хуяг — ламеллярный или ламинарный доспех.

Хурдапай — подчиненный *(перс.)*.

Хурут — творожный сыр, приготавливается из свернувшегося при кипячении молока, затем прессуется и режется на кусочки, высушиваемые на солнце.

Хутба — мусульманская ектения, возглашаемая по пятницам в мечети. В ней совершается моление о царствующем монархе. Слово употребляется также в значении обращения к кому-нибудь с речью.

Хутуг — нож без упора для нанесения колющего удара, применялся как инструмент для бытовых целей, а также использовался для добивания пленных и раненных.

Хуус хуяг — панцирь из кожаных пластин, имел аналоги в Тибете и Китае.

Хуяг — панцирь, общее слово для обозначения панциря.

Хэлмэ — сабля длиной ок. 75 см при ширине 4 см, трехгранный в сечении клинок с острым концом, хвостовик клинка до 10 см, слабоизогнутое оружие.

Хя — телохранитель князей, тушимэлов, чэрби и прочих высокопоставленных лиц.

Цагхада — часовой.

Цагурагхулба (цэриг лехулбей, цихурладжу, мортаджу) — отправить в поход.

Цзаргучей — китайский пограничный чиновник.

Цэриг (чэриг) — общее слово для обозначения воина.

Чапар — традиционный азиатский станковый щит, окопный плетеный щит, зонт, один из знаков власти *(перс.)*.

Чаргах — мягкий панцирь из органических материалов (кожи, меха); часто носился совместно с более надежным панцирем.

Чен — длинный рукав халата типа тон.

Чербий — младший офицер, интендант, чербии ведали военными делами, распоряжались кебтаулами (гвардейцами ночной стражи).

Човган — игра, напоминающая современную игру поло; клюшка для этой игры.

Чопкут — плотный войлочный халат со стоячим воротником и осевым разрезом.

Чымчак идик — мягкий кожаный сапог, схож со среднеазиатскими ичигами.

Шавваль — июнь.

Шадурван — ковер.

Шаристан, Шахристан — «место, где находится власть» — первоначальное городское поселение с цитаделью, обнесенное стенами, впоследствии (X—XI вв.) слившееся со своими предместьями (рабадом) в единый город.

Шахид, «свидетельствующий» — здесь в смысле лица, присутствующего на судебном разбирательстве и свидетельствующего законность решения судьи.

Шербет — сладкий напиток, приготовляемый из воды, сахара и фруктового сока.

Шагирдпише — подручный *(перс.)*.

Шариат — мусульманское каноническое право *(ар.)*.

Шейх — старец, суфийский наставник, крупный ученый, встречается и как составная часть собственных имен *(ар.)*.

Шейх-ал-ислам — глава мусульманского духовенства в каком-либо городе *(ар.)*.

Шериф — благородный, потомок пророка Мухаммеда *(ар.)*.

Шихне — комендант города, начальник полиции.

Шумаре — перепись населения, проводившаяся с фискальными целями *(перс.)*.

Эгачи — старшая сестра *(монг.)*.

Экэ юсун коль-ту цаган туг — знамя, девятиконечный бунчук, великое девятиножное белое знамя державы монголов.

Экэ агураг — ставка, главный лагерь войска.

Экэрэджу — окружить.

Эмир, «повелитель» — в Газнийском царстве звание царей и царевичей династии Газневидов.

Эмир-тысячник — собственно «эмир-и-хазара», командующий тысячей *(ар., перс.)*.

Эре сайид — привилегированные воины, витязи.

Юкерту илду — большой меч.

Юрт — территория для кочевья, место стоянки *(тюрк.)*.

Юртчи — придворное должностное лицо, ведавшее выбором юрта для ставки хана и распределением мест в нем *(тюрк.)*.

Юсун — обычай *(тюрк.)*.

Юурт — тюркский напиток.

Ямунь — глава местной администрации, ведающий землями и крепостными своего господина.

Ярак — нужное, годное, снаряжение *(тюрк.)*; ср. асбаб.

Ярлык — ханский указ *(тюрк., монг.)*.

Яручи — судья, судящий и ведущий следствие (яргу) по обычному праву и ясе *(монг., тюрк.)*.

Яса (ясак) — обычное право, зафиксированное и дополненное Чингисханом и его преемниками *(монг.)*; ср. тура.

Ячал — боевой порядок, строй *(тюрк.)*, нами условно переведено «колонна».

Ясамыши — распределение, приведение в порядок *(тюрк.)*.

Ясаул — должностное лицо, ведавшее размещением войска в бою, на смотрах, пирах и приемах *(тюрк.)*.

Ястуг — эквивалентен персидскому «балиш», употреблявшемуся для названия золотых и серебряных слитков.

Текст собран из глоссариев по изданиям: Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. Ташкент. Изд-во АН УзССР, 1962 и Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1941 (глоссарий, проект Vostlit).

Литература

Источники

Аноним Искандера.

Абу-ал-Алла-ибн-Хассул. Книга о превосходстве тюрков над другими воинами.

Абд-ар-Раззак-Самарканди. Места восхода двух счастливых звезд.

Ала Ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. История завоевателя мира.

Ал-Истахри. Книга путей и стран.

Аббас-Кули-ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1991

Алам Ара-И Сефеви. Украшающая мир история сефевидов. Туркменистан и туркмены в конце XV — первой половине XVI в. По данным «Алам ара-и Сефеви». Ашхабад. Ылым. 1981.

Академічний літопис.

Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку. 1993

Андреев И. Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. Алматы. Гылым. 1998.

Вассаф-и-хазрет. История Вассафа.

Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI—XVII вв. СПб. Петербургское востоковедение. 2002.

Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны.

Е Лун-ли. История государства киданей. М. Наука. 1979.

Зейд-ад-Дин. Продолжение избранной истории Хамдаллаха Казвини.

Зубдат Ал-Асар. Сливки летописей.

Захир Ад-Дин Мухаммед Бабур.Бабур-наме. Ташкент. Главная редакция энциклопедий. 1992.

Задонщина.

Західноруський, або Білоруський літопис.

Ибн Батута. Путешествие по Золотой Орде и Средней Азии.

История золотой империи. Российская Академия Наук. Сибирское отделение. Новосибирск. 1998.

История Татарии в документах и материалах. М. Соцэкгиз. 1937.

Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. М. Восточная литература. 1981.

Известия англичан о России XVI в. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 4. М. 1884.

Иосафат Барбаро. История аланов.

Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира.

Киргизы и кокандское ханство. Фрунзе. Илим. 1977.

Китайский источник о первых монгольских ханах. Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-Цая. М. Наука. 1965.

Літопис Красинського.

Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью.

Лун Вэньбинь. Мин хуэй яо. Пекин, 1956. www.vostlit.info.

Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата. Наука. 1969.

Матфей Парижский. Великая хроника.

Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М. Наука. 1984.

Мирза ‘Абдал’азим Сами. Та’рих-и Салатин-и Мангитийа. М. 1962.

Мирза Мухаммад Хайдар. Та’рих-и Рашиди. Ташкент. Фан. 1996.

Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдалла-наме. Ташкент. АН УзССР. 1957.

Махмуд Кутуби. Продолжение избранной истории Хамдаллаха Казвини.

Масуд Бен Османи Кухистани. История Абулхаир-Хана.

Мирза Мухаммед Хайдар. Тарих-и-рашиди.

Махмуд б. Эмир Вали. Бахр ал-асрар // Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. А.-А., 1969.

Мэн-Да Бэй-Лу. (Полное описание монголо-татар).

Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди. Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой, 2-е издание, дополненное. А., 1999.

Низам Ад-Дин Шами. Зафар-намэ.

Нерсес Палиенц. Летопись, Армянские источники о монголах. М. Изд-во вост. литературы. 1962.

Отчет Я. П. Шишмарёва о 25-летней деятельности Ургинского консульства. www.vostlit.info.

Одорико Порденоне. Восточных земель описание, исполненное Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции Антония.

Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии. Тбилиси. Мецниереба. 1990.

Письма Лубсан-Тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М. Издательство восточной литературы. 1958.

Плано Карпини. История монгалов.

Повесть о нашествии Тохтамыша.

Повесть о Темир Аксаке.

Пэн Да-Я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах.

Родословие тюрков (Шаджарат Ал-Атрак), Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. 1941.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 1. М.-Л. АН СССР. 1952.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 2. М.-Л. АН СССР. 1952.

Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М. 1941 (пер. В. Г. Тизенгаузена).

Слово о житии Великого князя Дмитрия Ивановича.

Сказание о Мамаевом побоище.

Сказание о нашествии Едигея.

Софроний.

Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Niruca tobciyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный изборник. М-Л. 1941.

Сочинения Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани» // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. N 3 (8). Алма-ата. 1958.

Тамерлан. Уложения.

Тамерлан. Автобиография.

Тамерлан. Переписка с Тохтамышем.

Типографская летопись.

Утемиш-Хаджи Ибн Маулана Мухаммад Дости. Чингиз-намэ. Алма-Ата. Гылым. 1992.

Фома Мецопский. История Тимур-Ланка и его преемников.

Фасих Хавафи. Фасихов свод.

Фазллаллах Рашид Ад-Дин. Огуз-намэ.

Фон Фохт Н. А. Китайская казнь. Исторический вестник. № 6, 1898, www.vostlit.info.

Хамдаллах Казвини. Избранная история. (Тарих-и-гузиде).

Хайдер Рази. История.

Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф -наме-йи шахи (Книга шахской славы). Наука. 1983.

Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVII века. М. АН СССР, Институт народов Азии. Главная редакция восточной литературы. 1965.

Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов 1627—1694 гг. М. Восточная литература. 1998.

Шереф-Ад-Дин Йезди. Зафар-намэ.

Шара-туджи. Монгольская летопись XVII века. М. АН СССР. 1957.

Шараф-Хан Ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-намэ.

Публикации и исследования

Асылбек Бисенбаев. Другая центральная Азия. Алматы, 2003.

Ангархаев А. Л. «Престол Чингисхана» (К вопросу о прародине монголов).

Алексеев В. П. География человеческих рас.— М.: Мысль, 1974.

Антонов К. А. и др. История Индии (краткий очерк). М., «Мысль», 1973.

Бартольд. В. В. Турция / ислам и христианство.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья.

В. В. Бартольд. «Сочинения», т. V. Издательство «Наука», Главная редакция Восточной литературы, М., 1968.

Бабабеков Х. Чудеса судьбы истории Темура.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста, 1991.

Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М-Л. АН СССР, Институт этнографии им. Миклухо-Маклая. 1950.

Билэгт Л. Гипотеза о времени ухода монголов в Эргунэ-Кун. Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии.— Новосибирск, 1993.

И. Н. Березин «Нашествие Батыя на Россию» (Журнал Министерства народного просвещения, 1855, май).

Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. А.-А., 1984.

Васильев Л. С. История Востока. Том 1, Высшая школа; Москва; 1998.

Владимирцов Б. Я. Чингиз-хан. М., 1985.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: монгольский кочевой феодализм. М., 1976.

Вернадский Г. Монгольское иго в русской истории.

Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь-Москва, 1997.

Вернадский Г. В. История России.

Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. История Грузии.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864.

Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. ИВЛ, М., 1961.

Гальперин Чарльз Дж. Россия и Золотая Орда: Монгольское влияние на русскую историю.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии.

Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда и ее падение.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь.

Гумилев Л. Н. От Руси до России.

Данияров К. Альтернативная история Казахстана. А., 1998.

Д. Г. Дамдинов. Делюн-Болдок — место рождения великого Чингисхана.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994.

С. В. Данилов. К вопросу о появлении городов в Монголии в эпоху империи (XIII—XIV вв.).

Данилевский И. Н. Исторические источники XI—XVII веков.

Егер О. Всемирная история (том 2. Средние века).

Жан Поль Ру. Тамерлан.

Иловайский Д. И. История России.— М., 1890.

Ирмияева Т. Ю. История мусульманского мира от Халифата до Блистательной Порты.

Иакинф «История первых четырех ханов из дома Чингизова». СПб., 1829.

Алтай и его инородческое царство (Очерки путешествия по Алтаю) // Исторический вестник. № 6, 1885.

Карамзин Н. История государства Российского — М., 1988.

Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.

Жамцарано Ц., Турунов А. Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 6. Иркутск, 1920.

Кызласов Л. Р. Ранние монголы. Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века.— Новосибирск, 1975.

Кызласов Л. Р. История Хакасии: с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993.

Кычанов Е. И. Монголы в VI — первой половине XII в. Дальний Восток и соседние территории в средние века.— Новосибирск, 1980.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров.— М.: Восточная литература, РАН, 1997.

Ключевский В. О. Курс лекций по русской истории.— М., Мысль, 1987.

Кузьмина Л., Быков А. Сожженная Москва.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы, 1996.

Мизиев И. М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен.

Можейко И. Тайны истории.

Михаил Иванин. Поход Тамерлана в Золотую Орду против Тохтамыша в 1391 году

Нанзатов Б. З. Средневековые татары и Приангарье (по данным «Сборника летописей» Рашид-ад-дина).

Никитин А. Основания русской истории. Мифологемы и факты.

Памятники Самарканда. Интернет-проект Виртуальный Самарканд. http://e-samarkand.narod.ru.

Пищулина К. А., Кумеков Б. Е. Завершающий этап формирования казахской народности // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. А., 1997.

Политика Минской империи в отношении чжурчженей (1402—1413 гг.) // Китай и его соседи в древности и средневековье. М. 1970 г.

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории.

Поспеловский Д. Христианский мир и «Великая Монгольская империя».

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм.

Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889.

Риза Бариев. Волжские булгары: История и культура.

Соловьев С. М. История России.— М., Мысль, 1988.

Соловьев С. История России с древнейших времен.

Суэтин А. Междукняжеская борьба в Северо-Восточной Руси (середина XIII — первая половина XIV веков).

Султанов Т. И. О первом казахском государстве (к 525-летию Казахского ханства) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1995. Вып. 8—9.

Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000.

Совинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Тихомиров А. В. Внешняя политика Великого Княжества Литовского в 1377—1430 гг. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трубецкой Н. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока.

Фаизов С. Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654—1658. Москва, 2003.

Филлипс Э. Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов / Пер. с англ. О. И. Перфильева: Центрполиграф; М., 2004.

Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.

Ускенбай К. З. Политическая деятельность Урус-хана и его место в истории казахской государственности // Отан тарихы (Отечественная история). 2006, № 1.

Хамза Камол, Абдували Шарифзода. А было ли проклятье? Тайна захоронения Темурлана.

Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. / http: // gumilevica.kulichki.net

Харинский А. В. Предбайкалье накануне образования монгольского государства.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X—XVI вв. М., 1996.

Цыбиктаров А. Д. Археологические аспекты истоков формирования центрально-азиатской расы.

Чимитдожиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII—XVIII вв. М., 1979.

Шахирмаден. Биографии исторических личностей Казахстана XIV—XIX веков. Алматы. ТОО Литера, 2001.

Шабульдо Ф. М. Витовт и Тимур: противники или стратегические партнеры?

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.

Елена Филиппова

Посольство Рюи де Клавихо

в далекие в неведомые страны
к восточному двору сахибкирана
мой государь энрико трастамара
секретное посольство снарядил
и я рюи гонзалес де клавихо
с посольством выезжаю из кадиса
благодарить эмира за победу
под анкарой над турком баязедом
в дамаске над насир ад-дин фаррухом
над тем фаррухом что пленил весь нил
к моей земле за щелью гибралтара
мне велено доверие крепить
клонить где надо голову где льстить
но заключить союз и вот с посольством
сошел я с корабля лелея лесть
и молвил нам командущий войском
их чагатай командущий войском
готовьтесь вам эмир окажет честь
домчит охрана к стану гурагана
быстрей стрелы ведь вы благая весть
ее царю положено донесть

я думал он в багдаде меч аллаха
но нет багдада кончился багдад
все жители багдада стали прахом
ни стен ни улиц памятником страха
семь башен из голов над ним стоят

сахиб в степи в каспийском карабаге
там войску объявили зимний лов
среди шатров полощет ветер флаги
и рыцари дерутся для отваги
и после драк едят руками плов
там ждет сахибкиран моих послов
и вот меня везут через пустыни
по желтой пустоте меня везут
что ни село дома стоят пустыми
что ни арык там мертвые плывут
и всюду эти башни с черепами
слепыми провожают нас глазами
там наверху стервятники живут
и звери по ночам гремят костями

сказали он в султании монгольской
у моря под названием гилян
там ждет сахибкиран с охранным войском
посольский наш кастильский караван
и вместе с ним даруги и мирассы
азербайджан иран и хорасан
в хисаре то есть крепости мирана
ждут нас они у ног сахибкирана
и нас везут по выжженной стране
ток ток копыта скачут наши кони
устанут даст ямчин других коней
чтоб мы с коней не падали не мерли
им доски приторочили к спине
и мы лежим на этих досках брюхом
когда сидеть нет сил блуждая духом
меж смертию и жизнью в полусне
силком нас кормят и силком поят
смеясь когда еда идет назад
над нами черным роем вьются мухи
с гнилых песков доносит ветер смрад

и вот она султания однако
к себе на север отбыл гураган
и нет нам передышки ранней птахой
торопит стражу весь в пыли глашатай

вперед вперед ленивый караван
наш чагатай всех обещает на кол
и на ходу жует стирая жир
рукой с блестящих щек когда по знаку
нас садят на коней везут куда-то
без отдыха без сна везут куда-то
почти что неживых на тюркский пир
всю азию насквозь проткнув как сыр
и в этом сыре утопая тихо
полгода я в седле пытаю лихо
сожгло мне кожу солнце выел пот
глаза мои но знаю я клавихо
что наш поход кастилию спасет
и жалоб не имею на подход

нас все везут пошло позеленее
недавно города возведены
засеяны поля сады полны
плоды сочны обсажены аллеи
дворцы роскошны улицы прямы
уш алибед балх шапурган анкхея
таких дорог не наблюдал нигде я
они чисты прекрасны и ровны
защищены от нищих и злодеев
посты на них расставлены видны
войска шатры жаровни табуны
ямская служба нет тебе цены
идет к концу мне мнится одиссея
я истощал и воздух мутной пленкой
дрожит у глаз поспать хотя бы час
но главный чагатай гнусавит звонко
эмир великий ожидает вас
и голос его режет перепонки
и мы готовы выполнить приказ

въезжаем в кеш возможно наша встреча
здесь состоится славный город кеш
дворцы фонтаны рынок и мечети
и саркофаг арабского предтечи
лев в круге солнца бирюза гранат

вода журчит в ней яблоки горят
на месте все одна исчезла вещь
властитель вод земель людей и стад
всех бегетерий местных германдад
отбывший накануне в стольный град
и чагатай торопит нас калеча
перед эмиром выслужиться рад
пора пора прибудем через вечер
и тянемся мы вслед светлейших пят
едва живые в горле вкус полыни
песок во рту видения дрожат
но наконец в том пекле в той пустыне
деревни начались каир багдад
дамаск париж султания за ними
сам самарканд волшебный город сад

о самарканд с бульваром тополевым
дворцы сверкают синим изразцом
такие города бывают сном
мираж зеленый голубой лиловый
узорчатый ажурный кружевной
мечети под прохладною листвой
за садом сад за пиром пир и к слову
здесь пьют как черти не хотим но пьем
лишь я не пью мечусь в постели жаркой
в садах брожу с монгольским толмачом
пропитан потом слаб и удручен
я жду переговоров но мирассы
ведут к столам где пахлава и мясо
сахиб вас скоро примет ждем и ждем
сады столы танцовщицы подарки
павлины песни мед кумыс цесарки
качели игры пляски казни в парке
искусственного вида водоем
шатры цветные фейерверков гром
фонтаны и в конце концов прием

хвалить хотел я царские законы
они оплот богатства и свобод
но нас в роскошный зал втолкнули к трону

нажав на шеи ткнули лица к лону
и на колени бросили как скот
мой государь ваш рыцарь изможденный
попал я в неприличный переплет
великий тамерлан шепнул мой рот
великий боже сердце чуя беды
забыл я заготовку для беседы
а славный победитель баязеда
старик усталый с высохшим лицом
махнул рукой дал место за столом
ссадив послов китайских прямо на пол
велел сахиб оказывая честь
письмо от вас наедине прочесть
он ласково нас принял но потом
все стало ясно мы ни с чем уйдем
халвой лишь обожремся да рахатом

прием тянулся то есть пьнянство днями
мы маялись душой и животами
кормили и поили на убой
сахибкиран приглядывал за нами
слал нам вино цесарок с пирогами
водил смотреть порядок боевой
слонов с раскрашенными седоками
нам обещали грамоты с пайцзами
ответ для короля дары конвой
и вдруг без объяснения домой
погнали всех в путь долгий и дряной
и даже провожатых в нем не дали
и вот меня везет через пустыни
по снегу ноября народ чужой
охраны нет разбойник все отнимет
иисус сладчайший сжалься надо мной
нас обокрали пали наши кони
мы часть обоза бросили едва
волочим ноги ветер рвет и стонет
вокруг снега лишь изредка трава
идет в европу нищий караван
наш никому не нужный караван
и по утрам умерших мы хороним

где едем где идем мы по пустыне
по степи по горам дорогой смут
кеш нишапур семнан бастан арсинга
зинджан уган тебриз миан шахруд
рей хасегур мургаб уш фирузкух
дома пустые пастбища пустые
разорены могилы и святыни
следы пожарищ трупы там и тут
их стало больше грабят режут жгут
шахрух алгуасил кара-юсуф
то мухи мухи мухи снежной стаей
то мухи мухи мухи черной стаей
и я клавихо точно раб в плену
полуослепшим взглядом провожаю
внезапную сгустившуюся тьму
вот мы до моря кажется достали
о трапезунд теперь я отдохну
но весть пришла он умер в самарканде
посольство наше было ни к чему

...в феврале 1405 года в Отраре умер Тимур...

...в марте 1406 года посольство вернулось в Мадрид...

...через год в Толедо умер король Энрико де Трастамара по прозвищу Больной...

....рыцарь Рюи Гонзалес де Клавихо в 1407 году оставил службу...

...в том же 1407 году он стал строить для себя усыпальницу...

...зимой 1412 года рыцарь скончался...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Популярное издание

Лин фон Паль

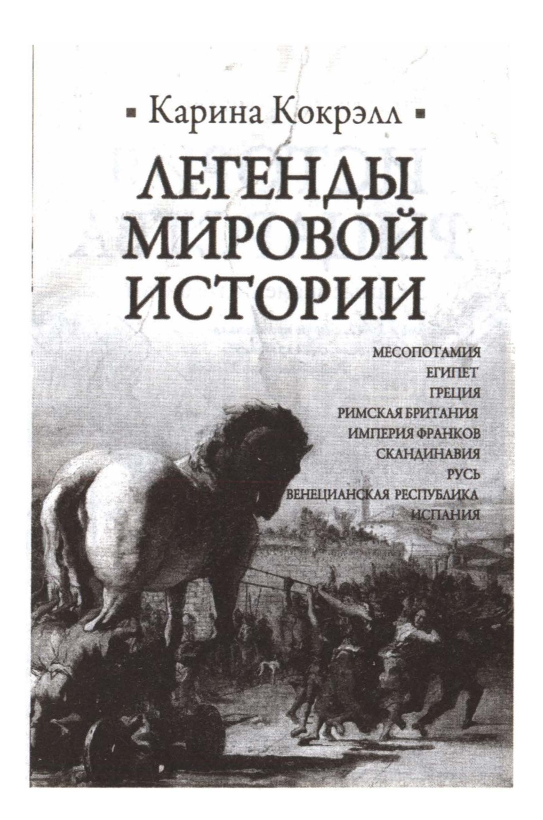
История Империи монголов: До и после Чингисхана

Ведущий редактор *В. Пименова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Верстка *О. Савельевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

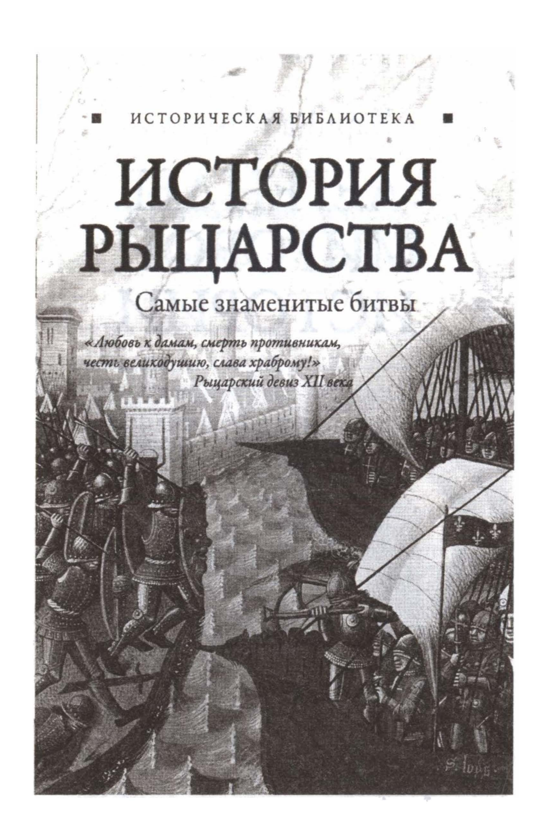
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Хотите отправиться в путешествие во времени? Следуйте за автором этой книги, и вас ждет масса эмоций: вы переживете незабываемые приключения, примите участие в опаснейших путешествиях и испытаете роковые страсти.

Самые значимые исторические события описаны таким увлекательным языком, что возникает полный эффект присутствия. Серьезная фактическая информация перемешивается с элементами исторического романа, и этот взрывоопасный микс приправлен сбалансированным соусом из куража и иронии.

Эта книга о глупцах и мудрецах, о взлетах и сокрушительных падениях, о катастрофах и роковых совпадениях, о любви, предательстве, зависти и злобе, о силе и слабости человеческой, и, конечно, о нас, сегодняшних.

Они возвели на высшую ступень героизма военную доблесть — человеческую добродетель, являвшуюся оплотом всякого общественного строя. Они принесли в мир то, чем он может, пожалуй, гордиться больше всего: *рыцарский дух*. Они были жестоки, но чистосердечно старались установить на земле справедливость и, путем великого насилия, совершали великие дела....

Погружаясь в неповторимую атмосферу рыцарских битв, вы ощутите дух того далекого времени, узнаете, к чему стремились, о чем мечтали, как сражались те, чья жизнь была полна приключений и окутана романтикой, и кто стал легендой после смерти...

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Появление монголов на политической карте средневекового мира было столь неожиданным, что новых претендентов на передел земного пространства многие восприняли как Божью кару.

Первыми пришли в ужас от столкновения с ними мусульманские страны Средней Азии. Следом Божья кара направила удар на Восточную Европу, и тогда возопили христиане.

Божьей карой они казались и европейцам, и азиатам, поскольку сами стояли как бы вне религиозной игры, исповедуя тенгрианство.

Они создали Великую империю, от которой не осталось ровным счетом ничего. Век за веком они отступали все дальше и дальше — из Восточной Европы, из Средней Азии, из Индии, из Китая: припечатав намертво чужие границы, они откатились назад. Из дворцов среднеазиатских и китайских ханов, из дворцов Великих Моголов они вернулись к кочевому скотоводству, в юрты и степи.

Божья кара установила новые границы мира, а сама вернулась на родину.

ISBN 978-5-17-067580-7
9785170675807